

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ХЛОПОК ОДНОЙ ЛАДОНЬЮ. Том 2

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ХЛОПОК ОДНОЙ ЛАДОНЬЮ. Том 2

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ДЫРКА ДЛЯ ОРДЕНА

БИЛЕТ НА ЛАДЬЮ ХАРОНА

БРЕМЯ ЖИВЫХ

ДАЛЬШЕ ФРОНТА

хлопок одной ладонью

Книга первая

ИГРА НА ЖЕЛЕЗНОЙ ФЛЕЙТЕ

БЕЗ ДЫРОЧЕК

Книга вторая

БИТВА ПРИ РАГНАРАДИ

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ХЛОПОК
ОДНОЙ
ЛАДОНЬЮ

Книга вторая

**БИТВА
ПРИ РАГНАРАДИ**

МОСКВА
«ЭКСМО»
2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
3-45

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Звягинцев В.Д.

3-45 Хлопок одной ладонью: Фантастический роман. Книга вторая. Битва при Рагнаради / Василий Звягинцев. — М.: Эксмо, 2006. — 480 с. — (Русская фантастика).

ISBN 5-699-18711-1 (Кн. 2)

ISBN 5-699-18712-X

Они наконец сошлись — люди разных времен и реальностей, но одинаково любящие свое Отечество: Андрей Новиков, Александр Шульгин, их друзья из «Андреевского братства», офицеры Вадим Ляхов и Сергей Тарханов. В одном строю, на поле боя. Потому что поодиночке им теперь никак нельзя. Угроза уничтожения мира, в котором они живут, перешла из категории философской в категорию военную. И задача теперь ставится так: выстоять, отразить агрессию, выявить и уничтожить врага. До полной и окончательной победы...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-18711-1 (Кн. 2)
ISBN 5-699-18712-X

© Звягинцев В.Д., 2006
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2006

КНИГА ВТОРАЯ

БИТВА ПРИ РАГНАРАДИ

И так сладко рядить Победу,
Словно девушку в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

Н. Гумилев

ГЛАВА 1

Ляхов, настоящий, как он себя позиционировал по отношению к двойнику, отметил, что Александр Иванович Шульгин, когда вошел в полуприкрытый плотной бархатной портьерой эркер, где оба Вадима собрались поговорить без участия любезных хозяев или просто выпить перед сном по последней, выглядел совсем простецки. Сбросивший пиджак, расстегнувший две верхние пуговицы рубашки, с несколько растрепанной русой шевелюрой.

Свой парень, ну, чуть-чуть постарше годами, так зато — весьма нетрезвый. Что вполне нивелировало разницу в возрасте и положении.

— Обо всем поговорили? — спросил он с доброй улыбкой, наливая себе из первой попавшейся под руку бутылки. — Не договорились?

Аналог, как-то потерявшись под прозрачным взглядом куратора, сделал слабый отрицающий жест.

— Ну и правильно. Уважаю, полковник, — сделал он ныряющее, демонстрирующее крайнюю неустойчивость за столом движение в сторону Второго. — Убеждения — это самое главное. За них и помереть не жалко. Но жить — все равно лучше. Хочешь — маленькую задачку?

Ляхов, испытывая легкую неприязнь к почти потерявшему самоконтроль человеку, совсем недавно очень почтенному, но вдруг безобразно напившемуся и начавшему вести себя как «возомнивший о себе хам», отстранился. Все ведь уже сказано, если совсем недавно трезвые и весьма почтенные люди его не убедили, зачем ему выслушивать никчемные разглагольствования явно сошедшего с нарезки пьяницы?

И вдруг он перехватил остерегающий взгляд двойника.

Успел догадаться, что сам не прав и Александр Иванович совсем не прост и, пожалуй, не пьян, что сейчас его «поймают».

Ничего лучше не успевая придумать, промолчал, встал и отошел к окну, за которым в полную силу сияли южные звезды.

Целую минуту смотрел на них, а потом Шульгин бесшумно оказался рядом и положил руку ему на плечо. Самое удивительное — алкоголем от него совершенно не пахло, хотя он дышал ему прямо в левую щеку.

— Успокоился? Правильно. О проекте «Юдифь» не слышал?

Не зная, как реагировать в данной ситуации, Ляхов просто мотнул головой. Удобный, ни к чему не обязывающий жест.

— Ну, вы там, может, атеисты покруче нас, — сказал удивительным образом протрезвевший Шульгин, — однако Библию иногда листать надо. Суть же вот в чем. Подруту твоего верного дружка Тарханова запрограммировали так, что в любую минуту она или грохнет вашего Великого князя из пистолета, или булавкой в основание черепа, или совратит его совершенно непредсказуемым образом. Главная беда — до сих пор не знаю, кто такую пакость придумал, каким способом девушку зомбирова́л и когда будет сделано дело.

Шульгин стал настолько серьезным, с такой нескры-

ваемой нервностью замял мундштук папиросы, что Вадим, совершенно не собираясь поддаваться, мгновенно ему поверил. Бывает же так...

Главное, Александр Иванович психологически точно не стал напоминать о присяге и флигель-адъютантских аксельбантах. О другом сказал:

— Как же ты с Сергеем на эту тему будешь разбираться? Знал — и не помог...

— А вы меня не провоцируйте, — только и ответил Ляхов.

— Тебя? — искренне удивился Шульгин. — Знаешь, парень, если бы я с провокаций кормился, давно бы с голоду сдох...

«Ну черт с вами, господин Шульгин. Не думайте, что вы такой хитрый. И на вас найдется...»

Вслух Ляхов этого не сказал, спросил только:

— То, что вы сказали, конечно, несколько меняет дело. А поконкретнее если?

— А вот давай поднимемся в мой кабинетик, там все и обсудим.

«Кабинетик» Александра Ивановича оказался на самом деле достаточно просторным, но уютным, похожим на каюту капитана старинного парусного линкора. Обшитые светлым деревом стены, балки бимсов над головой, выступы шпангоутов по бортам, медная, якобы керосиновая лампа в кардановом подвесе, кормовая переборка, почти сплошь остекленная, выходит на окруженный резной балюстрадой балкон.

Всякие морские предметы и сувениры по стенам. Большой глобус, изображающий географические представления о Земле картографов начала XIX века, внутри которого прятался прилично укомплектованный бар. Из стиля выбивался только экран электронно-вычислительной машины непривычного вида, Ляхов даже сразу не понял, что это такое. Гораздо больше походило на обыкновенное настольное зеркало и фигурной рамой, и толщиной. О том, что это именно ЭВМ,

Вадим догадался по полукруглой клавиатуре с непривычным набором кнопок и символов на них.

Техника здесь явно шагнула намного дальше, чем в «обычном мире». Так он привычно подумал и только чуть позже вспомнил, что вряд ли теперь уместно такое обозначение.

Для разрядки спросил Шульгина об этом приборе, и тот сыпанул серию абсолютно ничего не говорящих терминов — «плазменный монитор», оперативка столько-то мегабайт, хард столько-то, но уже «гига», и тому подобное. Пользуясь терминалом той машины, к которой был подключен у себя дома, Вадим понятия не имел, какие там у нее «характеристики». Знал единственную — «быстродействие», то есть время, проходившее от ввода задания до получения ответа. И этого ему было достаточно.

Александр Иванович благодушно хохотнул:

— А может, у вас даже лучше. Чего себе голову никчемной информацией забивать? Как с револьвером системы наган. Нажал — выстрелил, не нажал — не выстрелил. Знаешь, куда патроны вкладывать да как гильзы вытряхивать, и никаких других забот. Садись, — указал он на вишневые кожаные кресла по обе стороны откидного, как в железнодорожных вагонах первого класса, столика.

— Кофе с коньяком или же с ликером? Есть бенедиктин, шартрез, миндальный...

— Бенедиктин, с вашего позволения. А почему вы только меня пригласили? А он?..

Ляхов думал, что двойник идет за ними следом, и понял, что это не так, только когда дверь за спиной бесшумно закрылась и они остались вдвоем.

— А он — потом. Пока поговорим с глазу на глаз.

Ну, хозяину положения виднее. Вадим только спросил о том, что его больше всего волновало с самого начала. Его двойник — полноценная, самостоятельная

личность или все же какой-нибудь «артефакт», непонятное порождение неизвестного мира?

— Не менее полноценная, чем мы с тобой. Однако, несмотря на то, что мы такие вроде бы умные, с подобным явлением сталкиваемся впервые. То есть — не приходилось нам встречаться с абсолютным аналогом человека, существующего в параллели, столь далеко разошедшейся с базовой реальностью.

Просто двойников-то мы встречали постоянно, начиная с товарищей Сталина, Троцкого и прочих, но все они обитали буквально в двух-трех шагах от развилки, и не аналоги то были, строго говоря, а те же самые люди в иных обстоятельствах. И напротив друг друга два Сталина и два Колчака никогда не сидели. Просто реальности, где они обитают, никогда не пересекались и не накладывались. За исключением двух очень давних случаев, когда Новиков и Берестин случайно (и очень ненадолго) оказались на Главной исторической последовательности плюс-минус N лет, но в пределах собственных жизней. И, при желании, могли бы пересечься, но опять же не с аналогами, а с самими собой, что, согласись, несколько иное дело. Однако, испытав иррациональный (а, возможно, как раз вполне рациональный) страх, от подобной коллизии уклонились.

Сейчас, конечно, другой случай. Но скажу тебе — твой дубль являет собой достаточно редкий, но совсем не единичный феномен, вполне естественный при соприкосновении конгруэнтных миров. По крайней мере, встретив его, мы всеми доступными способами убедились, что он является именно нашим соотечественником и современником. Также и чисто биологически он абсолютно нормальный человек. Именно нашего времени и места. Поверь, соответствующими методиками мы располагаем. По необходимости. Так что — не сомневайся. Ровно в той мере, как и во всем остальном...

Прозвучало это достаточно двусмысленно.

— Так дело, собственно, вот в чем. Насколько я разбираюсь в людях, ты на уровне подсознания уже принял решение. И решение это правильное. Поскольку выхода другого нет ни у тебя, ни у нас. И так называемые «нравственные принципы» здесь совершенно ни при чем, ибо «нравственность», как нас учили на семинарах по марксистской философии, понятие историческое. Зависящее от множества факторов и отнюдь не сводимое к одной-единственной догме. Как бы привлекательно и бесспорно она ни выглядела. Требование же текущего момента таково — нам необходимо (в интересах человечества и не только его) удержать весь наличный букет реальностей от распада и гибели, как ты должен был понять из общей дискуссии. И совершенно неважно, что ты лично по этому поводу думаешь. Как, например, самый завзятый пацифист просто обязан, отбросив собственные принципы, взять в руки оружие, если смертельный враг вторгся в его страну. Или же... Ну ты человек военный, ты должен понимать.

— Трибунал и все отсюда вытекающее?

— В общем случае — именно так. В нашем же, частном, никто, конечно, тебя привлекать и расстреливать не будет. Просто нам придется действовать независимо от тебя. Возможно, это создаст дополнительные трудности, ибо то, что тебе будет исполнить легко, придется делать другим и с куда большими «накладными расходами».

Кофе Александр Иванович сварил удивительно вкусный и чрезвычайно крепкий, и ликер был, наверное, не из магазина, а непосредственно из монастырских подвалов одноименного ордена. Он особенным образом влиял на настроение и веселил душу. После первых же крошечных рюмочек.

— Есть вариант, — тонко (как ему казалось) улыбаясь, сказал Ляхов. — После не слишком сложной подготовки меня мог бы заменить двойник...

— Такой вариант рассматривался, — спокойно ответил Шульгин. — Признан нерациональным. Хотя на крайний случай возможно и это. Разумеется, эпизодически, постоянная подмена вряд ли возможна, по крайней мере Майю, да и Тарханова обмануть больше чем на час-полтора не удастся... А если даже, тебя в таком случае куда? Тебя же тогда придется спрятать всерьез и надолго, чтобы под ногами не путался и лишних проблем не создавал. Да и вообще, лично я просто смысла в рокировках не вижу. Важно ли, в мировоззренческом смысле, кто именно из вас выполнит ту или иную работу?

Ляхов вынужден был признать, что так оно и есть.

— Кроме того, *Vagimu* хватит и своей работы. Когда — в паре с тобой, когда индивидуально. Ты проникнись главной идеей, сколь бы абсурдной она тебе сейчас ни казалась. Мы ведь чем сейчас собрались заняться? Если совсем просто, на пальцах, подгонкой решения задачи под ответ в конце учебника.

Есть данность, реальность 2056 года, каковая признана не только наиболее удобной и приятной для жизни большей части «человечества», но является определенным образом «системообразующей». Звучит абсурдно, согласен. Каким таким образом следствие может влиять на целый спектр причин? В нормальной логике — никаким. А в ненормальной?

Вот тебе маленький пример. Жил и правил в нашей родной стране СССР некий Генсек (ну, это вроде коммунистического царя) Леонид Ильич Брежнев. Вроде неплохой лично человек. Почти успел развитой социализм построить. Но вот на его похоронах в 1982 году случился конфуз — гроб в могилу у кремлевской стены уронили. На глазах десятков миллионов телезрителей. И все! Как началось его правление в 1964 году с вредных глупостей вроде процесса Синявского и Даниэля, так и длилось все восемнадцать лет. Разгром «Пражской весны», «альтруистическая» экспансия в

самые отдаленные и никчемные уголки планеты, бесконечная война с диссидентами, попытки ресталинизации (что такое сталинизм, я тебе потом расскажу), Афганистан и так далее и тому подобное...

В результате, приняв достаточно динамически развивающееся государство (не без недостатков, конечно, но все же), привел его наш Ильич номер два к застою, коллапсу и, в конце концов, краху. А всего-то и нужно было опытным могильщикам веревки покрепче держать, не торопиться... Полный абсурд, ты скажешь, и по-своему будешь прав. Но лишь оттого, что до сих пор воображаешь текущее время единственным, однолинейным и безвариантным. А «оно», точнее — «они» устроены несколько сложнее.

Отсюда, задача звучит следующим образом. На твоём уровне — обеспечить стабильность уже существующей у вас реальности. Поскольку все, что в ней происходило до начала прошлого года, — вполне разумно и непротиворечиво. Я могу так утверждать, поскольку рассмотрел множество вполне адекватных действительности моделей развития. А вот с прошлого года (даже не принимая во внимание того, что случилось лично с тобой и твоими друзьями) начались странности.

Некие лица и организации целенаправленно занялись тем, чтобы эту реальность коренным образом деформировать. Без всякой связи с геополитической доминантой многих предыдущих десятилетий. То есть не так, чтобы некие тенденции подспудно и закономерно вызрели внутри самой системы, а агрессивно, я бы сказал — безрассудно агрессивно начали насаждаться извне. Следовательно, кому-то потребовалось означенную реальность коренным образом изменить. Причем пока не просматривается, в какую именно сторону. Можно предположить, что в любую. Как любят выражаться хохлы, сиречь украинцы, они же малороссы: «Хай гирше, та инше». Перевод требуется?

— Нет. Все понятно.

— Почему я и сделал вывод, что замешаны здесь

так называемые «Держатели мира» (что это такое, я потом объясню), а возможно, сие — «инициатива» самой Ловушки Сознания. Есть мнение, что они в состоянии действовать автономно, выполняя функции столь высоких порядков, что недоступны нашим слабым умам. Вот почему, вводя тебя в состав нашего Братства, мы намерены поломать то, о чем как бы и понятия не имеем.

— Не слишком ли опрометчиво? — постепенно вникая в суть, спросил Ляхов. — Не пробовали представить, что все наоборот? Якобы странные, спонтанные и непонятные действия имеют целью просто ввести вас в заблуждение и тем самым заставить играть как раз в нужную кому-то сторону? Принцип восточных единоборств.

— Было. То есть такой вариант проигрывался, причем на столько порядков высших логических связей, сколько позволяет мощь Главного компьютера «Валгаллы». А это, считай, терафлоп¹. На Земле более мощных машин пока нет. Выходит, что вроде все чисто. Подянки не просматривается. Ребята, скорее всего, работают без учета нашего существования. И это радует. Пусть до поры до времени.

Так что не очень и трудна будет твоя задача. Всего-навсего — удерживать реальность в заданных параметрах... Особенно — с учетом того, что мы будем оказывать тебе всю возможную помощь. Интеллектуальную, техническую и практическую. На уровне нашим оппонентам (и тамошним друзьям тоже) в обозримое время недоступном. Это, конечно, тоже может быть связано с определенным количеством насильственных действий, чего скрывать, но в целом мы люди мирные... Так берешься?

¹ Тера- (от греч. *teras* — чудовище) — приставка, обозначающая наименование, кратное 10 исходной единицы. Терафлоп — триллион операций, производимых компьютером в секунду.

Через Тель-Авив и Брест Ляхов возвратился в Москву.

С Розенцвейгом они расстались во Внуковском аэропорту. Сначала собирались ехать вместе, но у самого выхода из терминала возник ниоткуда высокий лохотонный поручик.

— Господин полковник, приказано встретить и проводить. В Кремль. К полковнику Неверову.

— Так вот и еще господин Розанов со мной. Подвезем?

— Приказано — только вас встретить...

Вадим очень удивился. Слишком уж категоричным был тон порученца. Однако — мало ли что.

— Простите, Львович, тут, наверное, дело неотложное. Рад был бы кофейком с вами побаловаться, но — сами видите.

Розенцвейг посмотрел на него со странным выражением лица. А Вадим и тогда ничего не понял.

Под мелким, нудным дождем прошел в сопровождении офицера к ожидавшей напротив скверика машине.

В кремлевском кабинете Тарханова ему сразу не понравилось. Сергей был мрачен и чем-то угнетен.

— Вернулся? Молодец. А мы тут без тебя Императора на Престол возвели...

— А и хрен бы с ним, — невежливо ответил Вадим. — Ты еще не генерал Свиты?

— Пока нет.

— Татьяна как?

— Спасибо, все в порядке. Твоя Майя — тоже.

Помолчали. Вадим испытал неприятное чувство растерянности от ощущения, что не знает, о чем еще говорить с другом. Так бывает в комнате, где стоит гроб с покойником. Зашел, произнес соболезнования, а дальше?

— Может, нальешь с дорожки? — спросил Ляхов.

— А, это — сейчас!

Тарханов достал из сейфа недопитую еще с прошлого раза бутылку коньяка.

— Слушай, Серега, может, ты тещу похоронил, что за минор? — в развитие пришедшей в голову темы попытался неловко пошутить Вадим.

Тарханов как-то безнадежно махнул рукой. Нет, с ним правда было не совсем то. Неужели Татьяна что-то все-таки выкинула?

— Ну, не хочешь говорить, и не надо. А уж у меня есть чего...

— Расскажешь...

До кабинета Чекменева ехать не пришлось. Он помещался здесь же, в Кремле, только в другом корпусе.

Длинными коридорами прошли до кабинета, кстати, гораздо более скромного, чем у Тарханова.

Без всяких задних мыслей Ляхов, по старой памяти, широко улыбнулся генералу, шагнул навстречу, ожидая, что тот протянет ему руку. Приготовил слова, которыми начнет докладывать о результатах своей миссии.

Но и генерал выглядел так, будто последние сутки кормился только лимонами.

«Да неужели они совсем разучились владеть собой? — как-то отчужденно подумал Вадим. — Какие же они тогда, на хрен, профессионалы?»

— Извините, Вадим Петрович, — сказал Чекменев. — Это, может быть, даже и ошибка, но пока я должен вас арестовать. Пистолет дайте.

Ляхов с удивительным даже для самого себя спокойствием обернулся на стоявшего за его спиной Тарханова.

Тот с непередаваемо мучительной гримасой на лице, которую безуспешно пытался подавить, сделал едва заметный жест руками, который можно было ис-

★ толковать примерно так: «Сейчас я совершенно ничего не могу сделать. А там посмотрим...»

Ляхов демонстративно, с этакой аристократической брезгливостью расстегнул ремень кителя. Кобура «адлера» висела на нем — тяжелая, внушающая уверенность. Секунда дела — сдернуть застежку, пистолет сам выпадет в руку. И что тогда?

— Подавись, подполковник, — в качестве высшего оскорбления бросил он в лицо Чекменеву его недавнее звание, а на стол — наградной израильский пистолет.

Когда Ляхова отвели в «камеру предварительного заключения», он сообразил, что кое-что пошло не совсем по плану. Александр Иванович предупреждал — некоторые сложности в отношениях с «ближним окружением» у него возникнуть могут, и эти варианты они прорабатывали. То, что Чекменев начнет с ним какую-то игру, предполагалось, исходя из общего анализа ситуации. На это ему отводилась неделя-другая. Нормальный срок. Выслушать отчет о действиях в Польше и Израиле, рассмотреть, сверить с иными источниками, составить собственное впечатление и на основании его — план дальнейшей *разработки* объекта, ввести его в действие...

Вадим предполагал, что успеет переговорить с Тархановым, подключить к операции Майю, подкинуть Игорю Викторовичу несколько «мягких» дезинформаций. А тут генерал (или кто он теперь?) как-то уж слишком решительно обострил партию.

«Неизвестно, сколько времени отведено мне на «отдых» перед тем, как начнется «работа», — думал Ляхов, прямо в сапогах улегшись на просторный кожаный диван, закинув руки за голову и перекатывая из угла в угол рта папиросу с изжеванным мундштуком. Только это, пожалуй, выдавало его несколько «вздернутое» состояние духа. Обычно он обращался с

папиросой аккуратно, даже мундштук никогда не заламывал, как принято у большинства курильщиков.

Хотя нервничать особенно и не с чего. Знал, на что шел, получил необходимый инструктаж, краткий курс обращения со спецтехникой «потустороннего» происхождения и специальное психологическое кондиционирование по предложенной Шульгиным методике.

Методика, кстати, весьма оригинальная и эффективная, о чем Вадим мог судить профессионально. Построенная на интересном сочетании как вполне научных принципов, так и неведомых Ляхову практик явно восточного и, похоже, весьма древнего происхождения, типа дзен-буддизма и еще чего-то, гораздо хитрее и заумнее.

Неплохо бы вместе с Максимом разложить ее на составляющие, вычленить «действующее ядро».

Надо же, какие пустяки в голову лезут, в то время как сосредоточиться нужно совсем на другом. Впрочем, вполне возможно, что это тоже предусмотрено «технологией». Увести мысли в сторону от «болевых точек», очистить сознание таким образом, чтобы при наступлении «момента истины» говорить и действовать как бы спонтанно, без всяких намеков на отрепетированность и внутреннюю зажатость. «С открытой душой и чистым сердцем», так сказать.

А все же интересно, что именно подвигло Чекумена на такой неординарный шаг, как арест недавнего близкого сотрудника и царского флигель-адъютанта? Обставлено так, чтобы создалось впечатление, будто генерал располагает неопровержимыми доказательствами вины Ляхова (в чем угодно), причем вина эта столь велика, а сам он настолько опасен, что ввергнут в узилище без всякого предварительного разговора, пусть даже формального допроса.

Мол, я знаю все, и ты знаешь, что я это знаю, и записаться бессмысленно, и даже соблюдать какой бы

то ни было политес, вообще-то обязательный в отношении столь значительной фигуры.

Интересно, Чекменев заручился согласием князя (теперь уже Императора, или как они его там назвали) на данную акцию, каким-то образом ее замотивировав, либо все это чистая самодеятельность, преследующая пока непонятную цель? Не думает же генерал всерьез, что сумеет запугать или запутать Вадима настолько, что он сам на себя даст показания столь убойные, что не потребуются никаких объективных доказательств?

А может быть, это очередная многоходовая операция прикрытия «чего-то», вроде как прошлой зимой? Но тогда в нее даже Сергей не посвящен. Слишком естественно он себя вел, слишком неподдельным было его отчаяние в момент ареста. Так играть Тарханов точно не умеет. Да и зачем бы?

Тогда какие же доводы привел ему Чекменев, обосновывая необходимость акции?

Ладно, скоро узнаем.

Ляхов выплюнул прямо на пол погасшую папиросу, тут же закурил новую. Пусть думают, что он потрясен и раздавлен настолько, что забыл об элементарных нормах приличия. Пепельница-то вот она, рядом...

А если попробовать с другой стороны? Если все это — всерьез? Допустим, Чекменев решил, что свою роль полковник Ляхов просто-напросто отыграл. И в Польше, и в Израиле, и вообще... Что от него требовалось — совершил (или, наоборот, не совершил, должного контакта со Шлиманом не наладил), знает слишком много, а ситуация изменилась таким образом, что именно в нем нужда исчезла. И проще всего от него избавиться. Раз и навсегда. Все, что он знает и умеет в известной области, не хуже умеет и Бубнов, остальные же его «достоинства» по большому счету никому не нужны, а выглядят подозрительно. Или — раздражающе. Логично?

Тогда почему Тарханов остается на свободе?

Ответ на этот именно вопрос как раз лежит на поверхности. Сергей *ничего такого* по большому счету и не знает. Обычный офицер со способностями, исполнительный, с неба звезд не хватающий, информированный не намного больше, чем десятки, а то и сотни причастных к *проекту* людей. В нынешнем качестве Чекменева он вполне устраивает. Возможно — до поры. А участие (или причастность) к аресту (а то и ликвидации) старого друга — не более чем очередной тест на преданность и лояльность.

Убедил себя (или его убедили), что все действительное разумно и долг офицера именно в этом сегодня и состоит. Ничего личного...

Ляхов понял, что свободный полет воображения занес его несколько не туда. Так думать о старом боевом товарище...

А почему, собственно, и нет? Что тут такого невероятного? Ну соратники по минувшим боям, ну друзья. Не такие уж давние, если честно. Так ведь присяга — выше, и долг — выше. Человека с натурой Тарханова при должном умении можно убедить в чем угодно. А умения у Чекменева на троих хватит. Плюс — Розенцвейг. Тот вполне способен подобрать неубиваемый набор улик, доводов и доказательств чего угодно...

Вот, скажем, Уваров — совсем другое дело. Тот, если убежден в чем-то, касающемся понятий чести и самоуважения, ни на какую, самую изощренную иезуитскую демагогию не купится. Для него честь (в высоком смысле) выше всего. В случае чего — и присяги тоже. Хозяин своего слова — я его дал, я могу и обратно взять, если увижу, что не тому...

И тем не менее Ляхов понимал, что все эти мысли и построения — не более чем дань собственному прошлому. Рассуждения как раз на уровне прошлого года. Тогда он был в хорошем смысле слова наивен и слишком

★ многие вещи воспринимал слишком уж всерьез. Спасибо, жизнь последнее время немного побила. А главное, совсем иной у него теперь уровень информированности. Вроде как если сравнить моряка Эдмона Дантеса с графом Монте-Кристо.

Это он не сам придумал такое сравнение, это ему Александр Иванович объяснил, когда они целую ночь проговорили в его кабинете в замке Форта Росс.

— Понимаешь, парень, с молодых лет я обожал *косить* под этого самого графа, с переменным успехом, естественно, а сейчас вдруг осознал, что я уже скорее аббат Фариа... Нет, нет, я пока совершенно здоров и сам еще кое-что могу, но... Просто сейчас я настолько много знаю и понимаю в сравнении с тобой, настолько хорошо представляю, что тебя ждет впереди... Да вдобавок вижу, что из тебя при должном подходе может кое-что получиться. Неординарное...

Удивительно, но эти слова Шульгина совершенно его не задели, хотя в общем-то можно было истолковать их как недопустимо снисходительные и даже оскорбительные. Не мальчишка же Вадим несмышленный, в самом-то деле. Однако разница в их жизненном опыте, положении, да и самих психотипах была такова, что Ляхов воспринял аллегорию Александра Ивановича как должное. Спорить совершенно не с чем, разве что неплохо бы освежить в памяти роман, последний раз он брал его в руки лет пятнадцать назад, еще в гимназии. Сейчас там наверняка откроются какие-то новые грани и глубины. Не зря же Шульгин счел нужным сослаться именно на него, а не на какой-то более серьезный и авторитетный источник.

После этого Александр Иванович обратился к проблеме пресловутых Ловушек Сознания, что было совершенно логично. Если развивать ранее затронутую гипотезу о том, что он, Ляхов, является «обитателем», а то и узником «внутриловушечной реальности».

Разумеется, Вадим понял из максимально адаптиро-

ванной к его уровню восприятия лекции не слишком много. Примерно как первокурсник медицинского факультета способен усвоить суть научной дискуссии аспирантов по кафедре молекулярной генетики, на которую он случайно забрел в поисках нужной аудитории.

Но вывод из этой зауми был по-армейски прост. Поскольку Ловушки создавались, а возможно, возникали сами собой, в процессе эволюции Гиперсети (а еще по одной теории — существовали изначально, сама Сеть развилась уже позже), в качестве некоторой «фагоцитарной системы», для того чтобы защитить Сеть от вмешательств сумевших проникнуть внутрь ее субъектов, то средства борьбы с ними должны быть непременно. По обычной логике природы.

Схема выглядела примерно так. До сих пор было «известно», что Ловушка — явление (или даже существо) сравнительно локальное, имеющее своей целью борьбу со столь же локальным «мыслепакетом» (личностью), проникшим внутрь Сети и способным генерировать «мыслеформы», сопоставимые по убедительности с уже существующими Реальностями. Обволакивающие объект вместе с его эманацией неким «коконом», внутри которого объект мог существовать сколь угодно долго в полной уверенности, что окружающая его реальность подлинная. Но не имея выхода вовне, постепенно «развоплощался» до полного исчезновения. В общем, почти полная аналогия с участью схваченного лейкоцитами микроба или просто инородного тела.

В данном же случае Ловушка образовалась (или появилась) титанических размеров, охватившая не отдельный дерзкий разум, а целую «химерическую» реальность.

На это Ляхов, как опытный схоласт, немедленно возразил, что это ведь еще не факт. Что если Ловушка по-прежнему воздействует на отдельный разум, например самого Александра Ивановича, а все, что он

говорит и делает сейчас или в ближайшее время, — всего лишь его личная галлюцинация?

— А ты, в таком случае, кто? — лениво поинтересовался Шульгин, доливая в стаканы.

— Для себя я тот, кто и есть на самом деле. Сижу вот с вами и выслушиваю ваш достаточно непротиворечивый бред. Как любой психиатр, имеющий дело с носителем сверхценной идеи, переубедить которого рациональными доводами невозможно. Да вы же и сам врач именно этого профиля. Должны знать...

— Знаю, как не знать! Но что из всего этого следует? Ты ведь, получается, тоже всего лишь моя галлюцинация, поскольку я узнал о твоём существовании (и всей вашей реальности) гораздо раньше, чем ты — о моем. Я успел предпринять некоторые меры (двойника твоего, к примеру, нашел), и все это достаточно полно документировано, и с этими документами можешь познакомиться именно ты. Следовательно, в лучшем случае мы с тобой два отдельных галлюцинирующих субъекта, настолько полно вообразившие друг друга, что эти галлюцинации наложились и создали бред третьего уровня. Как ты это объяснишь?

При должном напряжении фантазии Ляхов смог бы, наверное, что-нибудь придумать, только смысла сейчас в этом не было. И времени тоже.

— Значит, договорились, — кивнул Александр Иванович в ответ на еще не высказанное. — А мысль потешиться мы еще успеем, у нас тут такие демагоги собрались — закачаешься!

Ляхов снова отметил, что манера разговора Шульгина, его фразеология весьма совпадает с таковой у собственного двойника, и это является еще одним подтверждением того, что они люди практически одного времени одной и той же реальности.

— Поэтому сейчас мы должны поговорить исключительно о наших с тобой (и с твоим *Вагимом*) практических действиях. Если вокруг нас галлюцинация —

хуже никому не будет от этих упражнений. А если все-таки реальность, пусть и извращенная, — шансов у нас не так уж много, чтобы пренебречь хоть одним. Согласен?

И дальше Шульгин начал излагать Вадиму некий аналог боевого приказа, форма построения которого в их реальностях отличалась мало. Краткие оценки группировки и характера возможных действий противника, оценка своих сил и порядок их применения, задачи соседей и разграничительные линии с ними, ближайшая и последующая задачи своего подразделения, замысел действий командующего. Далее — боевые задачи участвующим в операции подразделениям, поддерживающим силам и резервам, время готовности к выполнению задачи, место и время развертывания пунктов управления, порядок передачи своих задач заместителям при возникновении форсмажорных обстоятельств. И так далее.

Уникальный, следует отметить, продукт человеческого разума — идея и стандартный шаблон боевого приказа. Пригодный для правильной организации мышления и обеспечения адекватного поведения и достижения успеха в любой жизненной ситуации, отнюдь не только в военном деле.

В течение нескольких ближайших дней, заполненных напряженными трудами от рассвета до заката, они с Шульгиным проработали тактику поведения Вадима хотя бы на месяц вперед. Настолько, насколько сам Александр Иванович мог прогнозировать развитие событий. Речь о более далеких перспективах пока не шла. Как понял Ляхов, стратегия противодействия Ловушке и «перевода стрелок» Реальности потребует значительного времени и полного напряжения сил и технических возможностей всего Братства. В чем, даст бог, и ему доведется поучаствовать. Но позже, позже...

Поначалу Ляхова удивило, что Шульгин не привлек

к их занятиям его двойника. Ведь если тот уже достаточно давно введен в операцию, разумнее бы им готовиться к совместной работе по общей программе. Вадим только выбирал подходящий момент, чтобы об этом спросить, как Александр Иванович обратился к этому сам.

— Со вторым Вадимом вы, конечно, будете работать в связке. Вариантов тут море, только сейчас он проходит дополнительный курс с другим инструктором. Сам же понимаешь, в нынешнем состоянии он у вас *спалится на раз*. Как и ты в нашем мире. Был уже прецедент, специалист с опытом, не вам чета, прокололся на незнании местных реалий в первые же полчаса общения с аборигеном.

Так ему не требовалось имитировать конкретную личность, и замотивирован он был прилично. Когда мы Ростоккина в наше прошлое отправляли, очень глубокую с ним гипнопедию провели, да и то все время балансировал на грани... Так что *Vagum* подключится к общей программе позже, тут уже ты с ним позанимаешься, чтобы и перед твоей невестой смог тебя убедительно заменить хотя бы на полдня. О ночи не говорю, до этого не дойдет, надеюсь...

Усмешка у Шульгина при этих словах вышла какая-то странная. Будто вспомнил он что-то из собственного опыта, и это воспоминание радости ему не доставило. И снова Ляхов не счел его слова моветоном, хотя и мог бы. Он постепенно привыкал к тому, что люди Братства очень и очень многие вещи понимают по-другому и слова их часто значат совсем не то, что в нормальной жизни.

Да и Александр Иванович занимал его все больше. Очень уж необыкновенный человек, действительно — аббат Фариа с точки зрения Эдмона (книгу Дюма он в первый же вечер взял в библиотеке Замка и перечел буквально с карандашом в руках).

— А когда он будет готов, мы придумаем, как и для чего вы станете взаимодействовать. Про братьев Тек-

саров из Жюля Верна ты не зря вспомнил. Плодотворная дебютная идея, как говорил Остап... Связью, в вашем мире неизвестной и прослушке не поддающейся, обеспечим. Кстати... Пора бы решить вопрос, кто из вас кто и как к кому обращаться. Думаю, чтобы больше не путаться, в деловых разговорах и документах можно принять оперативные псевдонимы: «господин Фест» и «господин Секонд» соответственно. Поодиночке же будем использовать подлинные имена...

Совершенно естественным образом первым Вадим считал себя и в этом смысле выразился, но вот Александр Иванович с ним не согласился.

— С тем мы познакомились почти на год раньше, так его и считаем. Да тебе-то какая разница? Не тот случай, чтобы старшинством считаться. Заодно нужно вам и какие-нибудь знаки различия присвоить, а то народ жалуется, что новые братья — совершенно на одно лицо.

— А какие? — спросил Вадим. — Я как-то знал одну пару близнецов, так тех по золотой коронке на зубе различали.

— Нам не пойдет, броская примета и слишком постоянная. Лучше вот так. — Шульгин порылся в ящике стола и извлек оттуда два эlegantных мужских перстня. Один с изумрудной печаткой, другой с александритовой. — Держи, — протянул ему один, с великолепной чистоты и оттенка камнем. И запомнить легко: «А» — александрит, первая буква алфавита, значит «Фест», «И» — изумруд, соответственно «Секонд».

— Только в случае работы на подмену перстеньки все равно советую в карман прятать. Наблюдательных людей вокруг встречается гораздо больше, чем хотелось бы...

— ...Сверхзадача, — говорил Шульгин Ляхову на очередном семинаре, — остается пока прежней. На ближайший месяц минимум — никоим образом не вме-

шиваться в естественный ход событий. Работать будем только по плану «Юдифь». Если она поступит с «Олоферном» по-библейски, так это будет такое «сотрясение реальности», что я и не знаю...

Идеальный вариант — испросить бы вам отпуск в компенсацию за недогулянный и под предлогом твоей с Майей свадьбы свалить куда подальше. *Объект*, соответственно, прихватить с собой. Не думаю, что это слишком сложно будет устроить. Выйти из зоны ежедневной досягаемости начальства, но и не на острова Южных морей, конечно. Нечто среднее. На Кавказские Минеральные Воды, к примеру, или опять в дебри Селигера...

Здесь, по неизвестной Вадиму причине, по лицу Александра Ивановича промелькнуло нечто мечтательное. Наверное, и у него с этими местами связано нечто романтическое. А почему бы и нет, кстати?

— Тарханов уже съездил в Пятигорск, — хмыкнул Ляхов, намекая на случившееся там с Сергеем.

— Так заодно и жену там нашел, что немаловажно, — снова усмехнулся Шульгин. (Вадим давно уже обратил внимание, что усмешка — наиболее обычная мимическая реакция Александра Ивановича на происходящее, в том числе и на слова собеседника. Она у него бывала разная, но почти всегда в ней присутствовала ироническая, а то и циничская составляющая. Благодушие — редко. Будто столько он в этой жизни узнал и повидал, что иначе воспринимать ее не может.)

В свете происходящего разговора фраза прозвучала двусмысленно.

— А вы уверены, что подобный неожиданный зигзаг не является как раз тем грубым вмешательством, которого вы стремитесь избежать? Что, ежели именно так *предначертано* и немотивированное спасение Олега принесет гораздо более серьезные сбои реальности? Может быть, как раз его воцарение и превращение России из демократической республики в монар-

хию потянет за собой такой шлейф нежелательных следствий, что и представить трудно? А стабильность — как раз сохранение статус-кво в полном объеме. Включая и *предначертанную* (если это так) гибель Местоблюстителя. В конце-то концов, насколько я понимаю, вся история с превращением его в полноценного Императора вступила в фазу практической реализации только в этом году. Когда вы уже познакомились с Фестом, и мы с Тархановым вышли на авансцену...

Казалось, Шульгин был удивлен словами ученика. В такое трудно поверить, но он выглядел слегка растерянным. И ответ его звучал не слишком уверенно.

— Не знаю, Вадим, вот здесь — честное слово, не знаю. Такое интересное раздвоение смысла. Что считать невмешательством? Интересно. Вот пришлось мне как-то участвовать в работе по помощи Испанской Республике. Была такая, в 36—39 годах прошлого для нас века и нашей реальности. Одни считали — коммунистическая она, другие — просто демократическая. Сложные тогда были времена, и терминология еще не устоялась.

Мятежникам генерала Франко, которого называли фашистом (а был он всего лишь фалангист, правый консерватор), открыто помогали фашисты Италии и нацисты Германии. Республиканцам тайно — мы. То есть сталинский СССР, где я в то время работал наркомом. И добровольцы, поклонники свободы, почти со всего цивилизованного мира. А «настоящие демократии», европейские державы, заняли позицию «невмешательства». То есть — пусть сами разбираются. При чем всеми силами противодействовали помощи именно республиканцам, а вот фашистам мешать ни сил, ни особого желания у них не было. По многим причинам. И жизнь себе усложнять не хотели, и усиления влияния СССР опасались, да и вообще, так...

Свободолюбцы-либералы более всего боятся решительных действий с окончательным результатом. Им

невнятное, размыто-полуподвешенное состояние больше нравится. Пока их самих реально вешать не начнут. Так я к чему? То невмешательство привело вроде бы к победе абсолютного зла, фашистского. Но в то же время диктатор Франко оказался гораздо более умеренным деятелем, что тамошние «демократы». И жертв при нем было куда меньше, чем в случае победы коммунистов, и нищая Испания в итоге процвела, превратилась в рай земной. Так кто и в чем прав?

— И кто? — с интересом спросил Ляхов, который понятия не имел еще и о таком варианте истории.

— Да никто, — пожал плечами Шульгин. — Поскольку никто заведомо понятия не имел, что происходит и чем кончиться может. Просто иногда лень, трусость и бездеятельность приносят куда лучшие плоды, чем героизм и отвага. Я совершенно честно говорю — не знаю, что для наших планов лучше — сохранение у власти Олега или его устранение.

Ни на каком компьютере этого не просчитаешь. Но давай прикинем так — если кто-то весьма заинтересован в ликвидации князя, и это точно не мы, значит, пусть живет. Примитивное решение, но иногда такие и следует выбирать. Но ты, в свою очередь, должен оставаться в рамках. Не умножая сущностей сверх необходимости. Короче, как учил апостол Павел: «Не будьте слишком умными, но будьте умными в меру». Ничего лишнего и оригинального. Да тебе Фест это и раньше говорил. Берем за точку отсчета позицию, в которой ты оказался после возвращения из «бокового времени», в ней пока и оставайся. Если у нас появятся новые соображения, мы их до тебя доведем тем или иным способом...

...Ляхов находился в своем узилище, куда его препроводили прямо из кабинета Чекменева, весьма, впрочем, комфортабельном, уже часа четыре. Нормальный двухкомнатный номер уровня гостиницы для старших

офицеров. Расположенный там же, в Кремле, где находилось Управление Тарханова, и даже в том же корпuse, поскольку провели его длинными, запутанными переходами, но на улицу не выводили, и не ниже уровня земли, то есть в какой-нибудь подземный ход по пути не спускались.

Впрочем, специального значения этот факт не имел. Здесь ли или в другом месте — какая разница? Окна в комнатах имелись, вполне нормальные, высокие, в хороших деревянных рамах, полуприкрытые золотистыми шторами, только стекла в них были непрозрачные и наверняка непробиваемые с любой стороны.

Что еще интересно — отобрав у него наградной пистолет, его не обыскали. Не проверили содержимое карманов, не заставили снять ремень, что делалось даже в отношении заключаемых на гауптвахту.

Слава богу, есть возможность подать Шульгину и Фесту сигнал тревоги, после чего ждать новых инструкций. На этот случай он имел вмонтированный в наручные часы приборчик, обнаружить который никому здесь не удалось бы, не разобрав механизм до последнего винтика и шестеренки.

...Можно было лечь спать, но не хотелось. Не тот настрой. Вадим еще раз сходил в туалет, теперь по прямой необходимости, подумал, не принять ли ванну? Это было бы неплохо и подтвердило бы внешнему наблюдателю, который, скорее всего, за ним сейчас присматривал, что полковник в полном порядке и в себе уверен. Но и это делать было лень.

В соседней комнате, гостиной, он увидел черный, похожий на сейф шкафчик, полускрытый портьерой. Удивился, к чему бы он здесь. Из любопытства дернул никелированную ручку. Дверца легко открылась, и оказалось, что это обыкновенный холодильник с небольшим запасом закусок вроде сыра, колбасы, ветчины, банки маслин, нарезанной тонкими ломтиками

красной рыбы, двух пачек галетного печенья. А в верхнем отделении — несколько бутылок красного вина, водки, коньяка и пива.

Выходит, не совсем это тюрьма, а действительно нечто вроде чистилища. Посиди, мол, дорогой друг, подумай, пока решается твоя участь, и в то же время не слишком переживай, пока что к твоему статусу относятся с подобающим уважением.

Ну, что же, и мы так к этому отнесемся.

Только вот — ставить коньяк в холодильник — явное плебейство. Где их учили?

Вдобавок, покрутив ребристый верньер на панели над столиком, он убедился, что и культурные его запросы в какой-то мере удовлетворяются. Целых пять программ разнообразной музыки, от народных песен до изысканной классики. Чего лучше?

Нашел приятно звучащий струнный квартет, автора и исполнителей которого Вадим не знал, расставил тарелочки с закусками, откупорил бутылку весьма, судя по этикетке, дорогого и выдержанного французского коньяка, сбросил на спинку соседнего кресла китель, сел, вытянул ноги до середины комнаты, по привычке забросил руки за голову.

Что ж, господа, сделаю вам приятное. Выхлешу не торопясь всю бутылку, перекушу в меру сил, а потом следующие сутки прошу не тревожить. Пьяный (для вас) я буду настолько, что доверительного разговора или стандартного допроса просто не получится. А за это время непременно что-нибудь интересное произойдет. С той стороны или с этой...

Произошло даже быстрее, чем Ляхов ожидал. Быстрее, чем он успел выпить третью рюмку. Налить налил, а выпить уже не успел. Слишком долго закусывал первые две.

Возможно, наблюдавший за ним из соседнего помещения Чекменев понял, оценил и решил немедленно

пресечь его замысел. Поскольку в план психологической обработки он не входил. Но тогда зачем было вообще загружать холодильник?

Отделенная от гостиной коридором и прихожей входная дверь бесшумно отворилась. Если бы Вадим в это время не смотрел именно в ту сторону, он бы ничего не услышал и был поражен внезапным появлением на пороге друга-генерала.

Несмотря на то, что тот был в полной форме, да и Ляхов тоже, встать при появлении старшего начальника, более того — человека, от которого целиком зависела его судьба, Вадим не затруднился.

Тоже, в принципе, по уставу и по правилам света.

Если это просто гостиница, так зашедший в нерабочее время, тем более без приглашения, знакомый генерал начальством считаться не может. Гость и гость. А я — хозяин.

Если это все же тюрьма, так тем более. Только совсем перепуганные и забитые арестанты вскакивают при появлении тюремщиков. Уважающие себя лежат на шконках, демонстративно смотрят в другую сторону до тех пор, пока не прозвучат «артикулом предусмотренные» слова.

«Встать, руки за голову», «проверка», «кто тут на букву Лэ?», «на выход, с вещами». Или — «без вещей». Во всех других случаях тюремщики и заключенные друг для друга как бы не существуют.

— Что же ты так ко мне нелюбезно относишься, Вадим Петрович? — спросил Чекменев, проходя в комнату. Без задержки, с явным облегчением снял ремень с пистолетной кобурой, бросил его на угловой диванчик, расстегнул крючки на воротнике кителя. — И мне налей, выпьем за встречу и поговорим...

Ляхов единым глотком опрокинул в рот рюмку, не глядя на Чекменева, поджег папиросу, выпустил дым в противоположный угол комнаты и лишь после этого

ответил, морщась от попавшего в угол левого глаза дыма:

— Пей, если хочется. А я тебе не лакей. У нищих слуг нет...

— Грубишь, Вадим Петрович. Возможно, несколько опрометчиво. Сказано же: «Не плюй в колодец». Вот, допустим, все у нас, дай бог, утрясется, а от неуважительного обращения осадок останется.

— А уж какой у меня останется, — не дал себя увлечь миролюбиво-увещающим тоном Ляхов. — Я, так сказать, вернулся с очередного опасного задания, а меня, ни о чем не спрашивая, за воротник и в кутузку. Ну раз так, господин Чекменев, давай по всем правилам.

Предъявляйте обвинение, да не лично, поскольку прав вы никаких на это не имеете, а через прокурора Московского гарнизона или прямо через главного военного. Разъяснение моего юридического статуса под роспись, сообщение, в чем и кем я подозреваюсь, статьи Уложения о наказаниях, по которым привлекаюсь. Затем — допросы по всей форме, очные ставки со свидетелями обвинения, адвокат тоже потребуется, потом постановление о завершении следствия, обвинительное заключение на ознакомление, постановление о предании суду, военному или иному по принадлежности. Да, чуть не забыл — обязательно согласие на арест моего прямого и непосредственного начальника. Кого в данном случае таковым считать, пусть прокурор решает. Ну а когда все эти процедуры будут соблюдены — тогда можно и на суд. Вот примерно так, ваше превосходительство...

Чекменев внимательно слушал, слегка склонив голову к левому погону.

— Так-так. Процедура — это дело святое, понимаете. Рассчитываешь, с соблюдением всех формальностей любое дело против тебя непременно рассыплется...

— А также получит приличный общественный ре-

зонанс. С чего, смотрите, начинается новое царствование Их Величество! С расправы над ближайшими соратниками, героями и кавалерами... — Ляхов почти откровенно насмеялся над собеседником. Почти — потому что ухитрился сохранять совершенно серьезное выражение лица, и тоном говорил прочувствованным, несколько даже с надрывом, как всякий честный, причем достаточно наивный человек, попавший в неприятную и непонятную ситуацию.

— Так-так, — повторил Чекменев. — А если — минуя все процедуры нормального судопроизводства? Время, так сказать, военное. Вот и суд военно-полевой, по упрощенной процедуре, без прений сторон, права обжалования и тому подобных интеллигентских штучек?

— А вот это уже — дело хозяйское. Тогда уж посоветую меня прямо здесь, в камере, пристрелить и в неустановленном месте прикопать. Пропал, мол, без вести полковник при исполнении — и точка. А суд, даже ускоренный военно-полевой, из офицеров-юристов состоит, и оч-чень тебе постараться придется, чтобы на голом месте расстрельное дело слепить. А ведь по моему чину и положению приговор все равно подлежит конфирмации¹ старшим воинским начальником на театре военных действий, а также Советом Георгиевской Думы. Я ж Кавалер, ты не забыл, а еще и Герой России. Где, кстати, я так провинился? В Москве, в Польше или там... — он махнул рукой куда-то за голову генерала.

— И там, и здесь. Что ты скажешь, если придется проходить по делу о покушении на государя Императора, тогда еще, впрочем, Местоблюстителя. В данном случае формальный титул роли не играет...

«Не так глупо, — подумал Ляхов, — и вполне ложится в схему операции «Юдифь», как ее обрисовал

¹ Утверждению в правомочности.

Шульгин. Непонятно только, зачем им меня к этому делу подшивать? Для масштаба, что ли? Или...»

— Забавно, — ответил он, снова наливая себе коньяка и закуривая. — Это пока вы мне режим содержания не изменили, — пояснил он. — Государственным преступникам наверняка ведь не положено? — И медленно выцедил рюмку. — Но все равно — глупо. Я же тебя, Игорь Викторович, не первый день знаю и сейчас все время пытаюсь понять, для чего весь этот цирк? Сделать со мной, как я уже заметил, ты в любой момент можешь все, что заблагорассудится, но без всей этой дешевки.

Сломаться я до последней крайности не ломаюсь, мне это просто по жизненным показаниям невыгодно, ты тоже политического капитала сверх обыкновенного не наживешь. А неприятности могут быть. В конце-то концов, господин Генеральный прокурор Бельский мне пока не родственник, но к делу моему интерес проявит. И никак вы его не обойдете, если, конечно, предварительно не уволите. Но это вряд ли. Не по вашему ведомству он числится...

Лучше бы ты, Игорь Викторович, мне сразу, за той же самой рюмкой, все попросту объяснил, глядишь — всем проще было бы. Как тогда в Хайфе. Нет?

Не тот был, конечно, человек генерал Чекменев, чтобы какой-то Вадим Ляхов смог бы сбить его с позиций самой непробиваемой логикой или призывами к здравому смыслу. Нужно бы было — не остановился бы и перед тайной ликвидацией, как и посоветовал ему Ляхов. Ничего бы это ему не стоило. Война все спишет, в том числе и ушедшего на опасное секретное задание офицера. Желаете — целенький труп в цинковом гробу, желаете — обгорелые обломки самолета с фрагментами тел, случайно уцелевшим погоном и оплавленным орденом с нужным номером.

Но сейчас, очевидно, смысл был в другом. Он ши-

роко и обезоруживающе, как хорошо умел, улыбнулся, встал и хлопнул Вадима по плечу.

— Ладно, брат. Извини. Признать годным! Наливай, как ничего и не было.

Еще раз хмыкнув, Ляхов налил. Ничего более не спрашивая, с непроницаемым лицом.

— Ты обижаться не должен. Да и не будешь, я тебя знаю. И я извиняться не буду, потому как служба такая. А объяснить — объясню. Ты, между прочим, за последнее время очень усовершенствовался. Держался прямо великолепно. Но, — чокнувшись с Вадимом и выпив коньяк, Чекменев назидательно поднял палец, — немного все же переигрываешь.

Слишком уж нарочито-независимо держался. Как будто заведомо знал, что все это — не всерьез. Лучше б было слегка истерики подпустить, нервности этакой, мол, мы, фронтовики, кровь проливали, царю и отечеству не за страх, а за совесть служим, а вы тут, тыловые крысы, дела нам шьете... Ты же и вправду столько всего пережил, черт знает куда лазил и живой вернулся, а тут такое... Надо, надо было слегка сорваться...

— Спасибо за совет, господин режиссер. Только я, как говорил Станиславский, «зерно образа» иначе вижу. Я, к вашему сведению, другого ампула актер. И чем ситуация острее, тем больше наливаюсь ледяным спокойствием и хорошо контролируемой яростью. Как японский самурай. И жду первого же удобного случая, чтобы, вежливо кланяясь и почтительно шипя сквозь зубы, вцепиться противнику в глотку, вырвать печень... Ну и так далее.

В схеме того же образа, если б разговор в начатом ключе еще чуток продлился, я бы так и сделал. Тебе засветил вот этой бутылкой между глаз, вытащил из кобуры твой пистолет, приставил к виску и угрожал бы шлепнуть, если в ближайшие полчаса здесь не появится Генеральный прокурор, дежурный генерал при особе Его Величества (начальник, по службе, над все-

ми адъютантами, в т.ч. и «флигель»), ну и от штаба Гвардии, Академии и Думы Георгиевских кавалеров. Вот перед таким синклитом и пистолетом у виска ты бы и продолжил свои обвинения...

Ляхов откровенно веселился, глядя на лицо Чекменева.

— Так бы и сделал? — поразился тот. И, похоже, совершенно искренне.

— Только так и не иначе. Оставаясь в образе, повторяю. На самом деле, конечно, я сразу понял, что ты блефуешь, вот и решил немного погодить. Практически же — проблем ноль...

И в ту же секунду почти неуловимым движением, без замаха бросил вперед руку, в которой уже была зажата наполовину пустая бутылка, остановил ее доннышко в двух вершках от головы генерала. Коньяк плеснул на край столика и брюки Чекменева.

— Убедительно?

— Более чем, — Чекменев стряхнул капли с нежно-голубого габардина. — Не знал за тобой таких способностей...

— Плохо анкеты читал. Я все же фехтовальщик довольно приличного класса.

— Принимается. На эту сторону твоей биографии внимания не обратил. В твоём личном деле действительно отмечено?

— Понятия не имею. Где-нибудь наверняка, раз я неоднократно соревнования выигрывал и призы брал...

— Ладно, сейчас уже не принципиально. Пожалуй, я действительно немного переусердствовал. С тобой можно было и иначе. И все же, все же... За исключением мелочей, все идет так, как надо. Видишь ли, материалов, чтобы заподозрить тебя в двойной игре, накопилось вполне достаточно. Я, положим, в твою измену не верю, но очень и очень многие поверили бы, причем — с удовольствием. Вот давай разложим все

по полочкам. Обращая внимание пока исключительно на внешнюю сторону событий. Итак...

И Чекменев начал разбирать канву последнего года жизни Ляхова, начиная прямо с новогодней ночи. Для наглядности загибая пальцы. Все шло «до кучи». Немотивированная встреча с Тархановым, несоответствующее чину и должности поведение на перевале, контакты с израильской разведкой, странные взаимоотношения с товарищами по Академии, отдельно — линия Максима и верископа, связь с неизвестно откуда появившейся и неизвестно куда исчезнувшей Еленой, контакты с Гланом и история с саблей. Внедрение в близкое окружение прокурора Бельского, сюжет с пароход-рестораном и опять же помощником прокурора. Вообще вся история с потусторонним миром и очень подозрительное там поведение. Хотя бы — устранение ценного «языка» Гериева. Мореходные, внезапно проявившиеся, способности. Настойчивые попытки внедриться в свиту Великого князя. Контакты с заговорщиками из состава «пересветов». Вербовка Уварова. Вместе с ранее налаженными контактами с Бубновым, фон Ферзенем и еще кое-кем — вполне тянет на создание подпольной организации. И, наконец, последние события в «потустороннем» Израиле. Тут уж ни в какие ворота...

Короче, не изменник ты получаешься, а весьма квалифицированный и надежно законспирированный агент. Но чей? Если вспомнить небезызвестного Фарида, не являешься ли ты его дублером, напарником, а то и резидентом? И, значит, напрямую выходишь на Ибрагима Катранджи...

— Не пойму я твою игру, Игорь Викторович, — словно бы даже печально сказал Ляхов. — Или ты от непосильных трудов совсем нюх потерял, или?..

— Что — или? — вскинул голову Чекменев.

— Или ты предполагаешь, что я в ближайшее время так или иначе сбегу, и ты на этот случай грузишь меня

информацией для размышлений, чтобы она в час «Х» каким-то образом сработала якобы помимо тебя...

Здесь нужно отметить, что подобная методика и манера разговора была тоже передана Вадиму Шульгиным во время достаточно короткого, но весьма насыщенного курса обучения, занявшего приблизительно месяц, по внутреннему времени Форта Росс. Именно столько Ляхов провел там, когда согласился вступить в ряды Братства. Своих людей не принято было бросать в холодную воду, рассчитывая, что плавать сами научатся. Благо, Вадим представлял собой достаточно подготовленную к восприятию уроков личность.

Люди здешней реальности были умны, образованны, квалифицированы в своих делах, только вот должного негативного опыта им не хватало. Как если бы сравнить русских офицеров Русско-японской войны и прошедших с начала до конца Великую Отечественную. Вот и Чекменев...

— О чем ты? — совершенно искренне не понял он.

— Да вот же! Ты только что с потрохами сдал мне Розенцвейга и Тарханова. Ибо лишь они, кроме тебя, из всех, с кем мне доводилось встречаться с момента моего, так сказать «внедрения», располагают подобным объемом информации. Они и ты.

Без их соответствующим образом препарированных «показаний» чисто физически невозможно выстроить такую цепочку фактов и домыслов. Никто больше не мог присутствовать во множестве мест и ситуаций, на которые отсутствует документированное подтверждение. Только личное присутствие или ссылка на мои же, лично сказанные слова.

Так, Игорь Викторович? Эрго, как я и сказал уже, либо ты совершенно непрофессионально проболтался, либо сделал это совершенно намеренно. А зачем? Чтобы я потерял к друзьям-товарищам всякое доверие, взял «в личную разработку» или?.. Одним словом, мне предназначается роль этакого, твоего личного теперь

уже «двойного агента». Потому что в то, что ты болтаешь просто так, для забавы, имея в виду к утру меня прочно посадить или ликвидировать, я не верю. Ну, ответь, если можешь!

Как и рассчитывал Ляхов, Чекменев, впад в состояние некоторого смятения, подскочил со своего кресла, нервно пересек комнату, крутнулся на каблуке, вернулся к столу. Иногда очень полезно нанести уверенному в себе человеку два удара подряд. Первый — можно сказать, физический, хотя бы и в лоб бутылкой. Второй — нравственный. Уж в чем был генерал уверен, так это в том, что Вадим Ляхов, при всех его подчас странных способностях, как личность (игрока в тайные игры) стоит неизмеримо ниже его. Хотя бы по причине своей несколько даже патологической честности и открытости. А тут вдруг...

Причем, к чести Чекменева, весь свой гнев и недоумение он обратил прежде всего на себя. В том смысле, как же это он на самом деле недоработал, не сумел разглядеть... При его-то опыте! Неужели действительно достаточно делать большие честные глаза, говорить в лицо сильным мира сего то, что думаешь (если ты говоришь то, что думаешь, то думаешь ли ты?), демонстративно поступать так, как требуют мало кем соблюдаемые «правила чести», чтобы ввести в заблуждение опытного воина незримого фронта, «читающего в сердцах, как в открытой книге»?

Попадались ему и такие типы, «честные», но они, как правило, были в той же мере и глупы (в известном смысле), «хитрые» же вообще не имели никаких шансов, поскольку их хитрость была до того примитивна и прозрачна, что скулы от скуки сводило.

Ляхов же! Нет, это — штучка!

И ведь Чекменев, человек в крайней степени здравомыслящий и не подверженный никаким эмоциям, добрым ли, злым, неважно, великолепно понимал (чув-

★ ствовал), что и сейчас Вадим не играет, говорит то и так, как понимает и считает нужным. Ни малейшей фальши. Сделать, что ли, действительно, его своим заместителем, «тайным советником», не в смысле чина табели о рангах, а буквально. Человеком, с которым можно советоваться по вопросам, которые ни перед кем другим даже и поставить невозможно, не то чтобы обсуждать всерьез.

Интересно, кстати, получается. Сначала сам собой выдвинулся в ближние помощники Тарханов (не бог весть какой интеллектual, зато человек исполнительный и надежный), а теперь вот и дружок его, Ляхов, к еще более высокой ступеньке подтягивается. И ведь перед собой-то можно признать, никто его, Чекменева, в спину не толкал, протекции этим никому доселе не известным парням не оказывал, а вот вдруг вынесло их на гребень! Да как вынесло!

Иногда, если выдавалась возможность отвлечься от текущих дел и поразмышлять свободно, оторопь моментами брала. Как оно, время, понеслось вдруг вскачь, вразнос! Будто обезумевшая тройка на горной дороге! Удержаться бы на облучке и вожжей из рук не выпустить.

Он ведь совсем другую схему разговора выстраивал, арестовывая Ляхова и готовясь к встрече с ним. И встреча должна была пройти по его сценарию. Неужто так постарел генерал, нюх потерял, поглощенный чересчур приземленными делами?

А Ляхов продолжал дожимать почти поверженного противника.

— Я ведь к чему веду, Игорь Викторович, и с самого начала только об этом и говорил — отчего бы тебе со мной в открытую не поиграть. Так, мол, и так, Вадим Петрович, сложности у меня возникли, давай вместе помозгуем... Разве я тебя хоть раз подвел или обманул? Ты мне подянки то и дело устраивал, а я тебе не отвечал тем же, ведь так?

— У нас с тобой просто разное отношение к некоторым предметам, — только и нашелся что ответить Чекменев.

— К некоторым — разное, согласен, — кивнул Вадим, — а вообще? Не слышал такое выражение: «Честность — лучшая политика»? Вот возьми и попробуй. Прямо сейчас. Совершенно честно — что между нами происходит, зачем тебе это нужно и чем я тебе могу помочь, если вообще могу. Если нет — поступай как знаешь. И я тоже...

Чекменев курил молча не меньше двух минут, глядя на ало вспыхивающий кончик папиросы. Так великий актер Михаил Чехов умел держать паузу перед началом гамлетовского монолога «Быть или не быть...». Его спрашивали, как это возможно, на сцене, под взглядами сотен зрителей сидеть и молчать столько времени? «А я в это время гвозди в полу сцены считаю...»

Что уж там считал Чекменев, неведомо, но, наверное, некоторая работа мысли в нем происходила. Возможно — решающая.

Действительно ведь — так или так. Хотя бы для себя. Для внешнего мира что угодно сказать и сделать можно, а себя ведь все равно не обманешь, и решение принимать приходится, воленс-ноленс¹. Особенно если до сего момента определенного не было. Кое-какое имелось, конечно, но так, промежуточное. На пару шагов вперед рассчитанное, а тут нужно на гораздо большую перспективу определиться.

Поверить Вадиму, поставить на него раз и навсегда (или до очередного критического перелома), а нет, так доводить до конца не слишком хорошо, как выяснилось, продуманный, всего лишь тактический план работы «втемную».

Ляхов примерно представлял, что происходит сейчас в душе генерала, и мог бы попробовать точно

¹ Volens nolens — волей-неволей (лат.).

вставленной репликой повлиять на его решение, но считал лучшим не вмешиваться. Надо же, в конце концов, дать возможность человеку побыть хоть немного наедине с самим собой. Пусть и в таких, не слишком комфортных обстоятельствах. А может быть, ему именно так и нужно, а то отвык за долгие годы от правильного взгляда на вещи.

И с тайным злорадством Вадим подумал: а каково бы пришлось Игорю Викторовичу, доведись ему напрямую пообщаться с Александром Ивановичем в этой, допустим, ситуации? Да нет, куда там...

И только сейчас Ляхов вдруг понял, что мыслит совершенно другими категориями. Теперь и Чекменев уже не вышестоящий, почти всесильный глава княжеской, пардон, Императорской Тайной канцелярии для него, а как бы статист, в лучшем случае — актер второго плана на мировых подмостках. (Причем по причине внезапного ввода в роль, играющий под суфлера.) Сам же он, Ляхов, не меньше, чем ассистент режиссера, ставящего спектакль.

Что лучше, что хуже — сказать трудно, но текст пьесы он знает и знает роспись мизансцен, кто из актеров из какой двери выйдет, что скажет и после какой реплики уйдет. По крайней мере — в течение первого акта. До второго творческая мысль мэтра еще не воспарила.

— Знаешь что, — сказал наконец генерал, и Вадим увидел, как странно, неожиданно изменилось его лицо за эти короткие две или три минуты. Удивительно изменилось. Стало каким-то очень человеческим. Примерно таким, как в первый раз, когда они встретились и говорили в Хайфе. — Давай на этом сейчас закончим. Я пойду. А ты отдыхай. Хочешь, допей бутылку, глядишь, и тебе еще какая-то истина откроется. Я, может быть, тоже напьюсь сегодня, но — в одиночку. А ты отдыхай, да. Выпись как следует. Я приду к обеду, да, именно к обеду, тогда и продолжим, хорошо?

Ляхов мог бы, да и хотел под горячую руку сказать кое-что еще, но вдруг понял, что ничего больше говорить не нужно. На сегодня — все. Молча кивнул и встал, чтобы проводить Чекменева до двери номера, который перестал быть тюремной камерой. Просто номер гостиницы, где два товарища посидели, поговорили, складно или не очень, и теперь прощаются, каждый в своем настроении. У кого оно сейчас лучше, у кого хуже — неважно. Не в этом же суть. Суть в том, что все-таки поговорили.

Так же молча пожали на пороге друг другу руки. Похоже, генерал в последний момент собрался сказать что-то еще и тоже решил, что не нужно. Вот и слава богу.

ГЛАВА 3

На въезде и выезде через Боровицкие ворота все автомобили обязаны были притормаживать, независимо от должности и ранга пассажиров. Военное время все-таки. Остановиться, предъявить удостоверение и пропуск установленного образца. Только что пароль произносить не требовала охрана. Сам же Чекменев этот порядок и утвердил, в рассуждении уже имевших место быть и вполне возможных впредь инцидентов.

За рулем он сидел сам, любил после напряженного рабочего дня слегка рассеяться, управляя неприметным, но мощным «мотором» полуспортивного типа, более подходящим богатому бездельнику, нежели начальнику тайной полиции. Что лучше проветривает голову, чем возможность полчаса-час покрутиться по центру города, развлекаясь то резкими стартами с перекрестков еще на желтый огонь светофоров, наслаждаясь взрывным ревом «Испано-Сьюизы», то неспешной ездой по кишашим гуляющей публикой бульварам?

Наблюдать вечернее коловращение жизни, на какое-то время вообразив себя абсолютно частным ли-

цом, склонным к изрядной доле шалопайства. Может быть, даже наскоро пофлиртовать через опущенное боковое стекло с симпатичной дамой за рулем соседней машины, буде такая вдруг окажется рядом.

Мужчина-то он еще ого-го, сорок с небольшим, подтянутый, спортивный, со всеми признаками суровой мужской привлекательности, чего уж скромничать?

Но на этот раз отдых не сложился. Раз сразу день не задался, так чего от вечера ждать? Хотя всякое бывает.

Постовой у будки скользнул взглядом по документам, козырнул и приподнял шлагбаум ровно настолько, чтобы автомобиль не зацепился за него крышей. И тут же вернул его в прежнюю позицию. Как бы отсекая возможность проскочить следующей машине, хотя ее и не было поблизости. Стереотип поведения плюс требования инструкции.

Мельком отметив этот факт, генерал буквально на секунду отвлекся, запоминая на всякий случай лицо вахмистра, просто по привычке, и не заметил, как из тени приворотной арки выдвинулась фигура в повседневной офицерской форме. Повернул голову, лишь когда внезапное явление щелкнуло дверной ручкой и уселось рядом, словно так и было заранее оговорено. Нога Чекменева уже успела прижать педаль газа, машина со всей своей динамикой выстрелила в сторону площади, и он упустил момент, когда еще можно было сдержать разгон, задним ходом вернуться к караулке и там, в присутствии вооруженной охраны, разобраться с наглецом.

Как говаривал персонаж всеми забытого романа¹: «Стар стал папаша, рука не та, глаз не тот...» Да ведь и заняло происшествие не более пары секунд, незнакомец очень хорошо все распланировал. И Чекменев просто не мог допустить мысли, что в охраняемой зо-

¹ Адамов. «Дело пёстрых». М., 1957.

не его могло поджидать нечто подобное. На улице он наверняка среагировал бы четче и правильнее.

— Езжайте, езжайте, Игорь Викторович, не отвлекайтесь, как раз успеете площадь проскочить, пока светофор не перемигнул...

Голос произнесшего эти спокойные слова настолько поразил генерала, что он едва не зацепил крылом возмущенно засигналившее оранжевое такси.

— Хладнокровнее, ваше превосходительство, вы не на работе. Ну я это, я. Зачем так нервничать? Просто мне вдруг показалось, что мы с вами не обо всем договорились. Там как-то обстановка не располагала к жизни мысли. Остроумие на лестнице, одним словом. Не возражаете, я надеюсь?

Вадим Ляхов сидел рядом с Чекменевым, непостижимым образом успевший вскрыть сложные, почти не поддающиеся отмычке замки, пробежать по длинным коридорам, минуя не один и не два внутренних поста, и оказаться с внешней стороны обвода кремлевских стен. Пройдя мимо того самого, понравившегося генералу своей бдительностью постового. По всем расчетам, Ляхов имел форы от силы пять минут, однако — успел! Ну, со своими документами по Кремлю он мог перемещаться спокойно, однако ведь бегущий человек, пусть с самым надежным пропуском, непременно вызовет подозрения, и его если и не задержат, то обязательно спросят, куда и зачем торопится, а это ведь тоже потеря времени.

Разве только выскочил в окно коридора, ближайшее к его камере, и — во весь дух сквозь кусты и деревья.

Или же самое простое по исполнению. У него имеется сообщник из кремлевской службы безопасности. Но кто бы именно это мог быть — новая загадка, требующая порядочного времени на ее решение.

Ну а уж через КПП прошел без проблем, постовым

до пеших гвардейских офицеров, идущих не в Кремль, а из — особого дела нет.

Все эти в принципе пустяковые мысли промелькнули в голове Чекменева мгновенно, не в них сейчас было дело. Это потом, на досуге, можно будет разбирать, что и как, сейчас проблема стоит совершенно иначе.

— Только не вздумайте разворачиваться, гнать обратно и поднимать общую тревогу. Ничего полезного из этого не выйдет, а будущая игра уж точно сломается.

— И о чем же мы не *говорили*, Вадим Петрович? — как бы не услышав последних слов и стараясь попасть в тон предыдущим, осведомился генерал. — Какие такие вопросы у вас всплыли, не терпящие отлагательства? Доложите, раз уж вы здесь...

Переход Ляхова от подчеркнуто фамильярного, почти хамского временами стиля к гипертрофированной вежливости требовал адекватности.

— Да все ведь очень просто. Я никак не мог избавиться от сомнений, прослушивают нас или нет? И вы ли один эту запись будете слушать и анализировать или она пойдет в широкий тираж? По ряду причин мне это нежелательно. Вернее, нежелательно, чтобы достоянием гласности стал наш настоящий разговор. А тот — пусть слушают. Я там предстаю в достаточно нейтральном виде...

— Да уж не сказал бы.

— И тем не менее. Но здесь-то, в машине, надеюсь, звукозапись не установлена?

— Здесь нет. Для оперативных целей у меня другой транспорт.

— Вот и слава богу. А то разговор у нас пойдет несколько, я бы сказал... странный.

— А то раньше было мало странностей, — не удержался Чекменев.

— Мало, Игорь Викторович. За исключением, конечно, потустороннего мира, все вполне укладывалось в тривиальную обывательскую логику. И мое поведе-

ние, и ваше. Взгляды и интересы, само собой, не всегда совпадали, а по сути — ничего особенного. Это, кстати, касается и нашего с вами подлинного поведения и стимулов к нему, и того, что мы сами по этому поводу придумали и вообразили.

Знаете, как влюбленные ссорятся из-за пустяков? Всего лишь неправильно истолковывают слова, взгляды, жесты и поступки партнера. Там, где обычные люди имеют возможность задуматься и оценить обстановку, охваченные страстью хватаются за самое примитивное и продиктованное сиюминутными эмоциями и фобиями, попросту говоря — страхами, объяснение. Боязнь быть обманутым, боязнь «потерять лицо», да мало ли что в таком состоянии в голову взбредет...

Машина от храма Христа Спасителя свернула на Гоголевский бульвар, покатила в сторону Арбата.

— Что-то мне кажется, мы с вами не совсем под приведенный пример подходим...

— Это вам только кажется, Игорь Викторович. С самого начала я вас настолько сильно напрягаю, что вы мне любое лыко в строку ставите, в дело и не в дело. Да вдобавок испытываете не всегда самому себе объяснимую симпатию. Вот и додумались решить вопрос радикально. Или я для вас стану полностью ясен и ничем более не омрачу ваш гордый ум, или вы найдете способ вывести меня за скобки. Допускаю даже, что вполне ненасильственным способом.

Чекменев ушел от скользкой темы, задав вопрос, который и должен был задать по логике своего характера и положения.

— Все это так, предположим, но... Насколько мне известно, подготовки по программе «печенегов» вы не проходили, и с момента поступления в военную службу не имели возможности проявить себя в чем-то, кроме исключительно врачебного поприща. Даже и в бою на перевале ничем особенным, кроме храбрости и меткой стрельбы, не выделились.

— Да и то немало, — философически заметил Ляхов. — Добавьте только редкостную везучесть. Все пули — мимо, что по статистике крайне маловероятно. А подготовку, и вполне приличную, я прошел в Академии, особенно на летних сборах, а также «на той стороне» мы с Тархановым покувыркались знатно.

— Бросьте, Вадим. Ни способностей Гарри Гудини исчезать из запертых помещений, ни той великолепной наглости стопроцентно уверенного в своих возможностях человека, которому даже Чекменев ничего не сможет сделать, — этого вам никто и никогда не преподавал. Вдобавок я, как специалист, знаю, что кроме врожденных способностей в нашем деле требуются многолетние изнурительные тренировки и «работа в поле». Кто выдерживает и выживает, те да, становятся асами. А вы?

— Ну, значит, ваша теория верна не до конца, только и всего. Вспомните историю, кстати. Сколько великолепных агентов получалось из совершенно «сереньких», по обывательским меркам, людей. Дело в обстановке и обстоятельствах. Предположим, мои латентные способности резко активизировались под влиянием маштаковского излучения. Тарханов ведь тоже был капитан как капитан. Пехота. А теперь каких вершин достиг! Но мы заболтались, вам не кажется? У меня ведь не так много времени, мне следует в узилище возвращаться, пока петух не пропел...

— Так зачем же вам теперь возвращаться? Поедем ко мне, посидим, поговорим, там и заночуете, а с утра будем думать, как дальше быть.

— Да нет, лучше уж я обратно. Чтобы ваша схема ущерба не потерпела. Она мне, в принципе, нравится. И предоставляет широкий спектр возможностей для дальнейшего. Вы только меня внимательно выслушайте, по возможности не перебивая. Кружок по бульварам и окрестностям сделайте, примерно на час полетного времени, и возле тех же ворот и высадите. Впро-

чем, можно и возле Никольских, а уж дальше я сам... Ваши люди не станут проявлять инициативу, проверять, на месте ли узник, не сбежал, не повесился? А то может неудобно выйти. Для вас.

— Проверять не будут, это точно. Но говорите, говорите, горю желанием услышать вашу версию...

— Версия крайне проста, хотя может вызвать некое смятение среди слабых умов. Вы к ним, по счастью, не относитесь, поэтому моя задача упрощается.

Итак. Насколько я понял, суть вашего замысла заключается в том, чтобы ввести в заблуждение инициаторов и организаторов покушения на Олега Константиновича. Одной из версий, насколько я знаю, была та, что на заговорщиков работает кто-то из самого близкого окружения, способный информировать обо всех планах и даже распорядке дня князя «кого следует». Дав понять, что вы для себя определили виновника и взяли его в разработку, вы их несколько дезориентируете, получаете фору по времени, а я, в свою очередь, *под давлением* стану работать в вашей команде с гораздо большим энтузиазмом. Это изящно, профессионально, но, к сожалению, в сложившихся условиях бесполезно. Тут совсем другой расклад имеет быть...

За намеченный час Ляхов в достаточно адаптированной версии сообщил Чекменеву сложившуюся в мире ситуацию. С двумя близкими, но по определению взаимоисключающими реальностями. В той и другой существуют России — одна та, в которой они находятся сейчас, другая — эволюционировавшая из победившего на достаточно длительный срок коммунистического режима.

— Ну, помните, видения, которые посещали Тарханова, да и я Розенцвейгу кое-что по этому поводу говорил. И сам он видел некие материальные проявления «той» реальности в «Зазеркалье». Каким-то образом они моментами взаимодействуют, но по неизвестным

мне причинам в длительной перспективе одновременно существовать не могут.

Есть несколько вариантов выхода из ситуации, например одна реальность поглотит другую.

В той, чужой для нас, нашлись люди, кому предпочтительнее сохранить свою и устранить нашу. И вот они каким-то способом проникли сюда и действуют. Скорее всего — наш эксиденс с «Гневом Аллаха» этому делу поспособствовал. Генератор Маштакова «расшатал доски в заборе». Мы получили возможность выхода в «боковое время», люди из той реальности — сюда. Боковое время — это такой своеобразный шлюз, а также и нейтральная полоса...

— Откуда вы знаете? — только и спросил Чекменев. Остальному он, к собственному удивлению, поверил. Просто потому, что выдумывать подобное Ляхову было совершенно ни к чему. Да и доступных наблюдению и понимаю генерала странностей за последний год накопилось достаточно. Гипотеза Ляхова хоть что-то объясняла. Если пока нет другой, примем эту.

— Знающие люди подсказали. Мы же с вами кто? В вопросах устройства мироздания — едва ученики подготовительного класса. А ведь существуют и старшеклассники, и учителя, и доценты с профессорами. Встретился я с несколькими из таких. Пожалуй все-таки со старшеклассниками, но и это немало. В гимназии и кадетском корпусе от старших товарищей обычно узнаешь куда больше полезных вещей, чем от наставников, разве не так?

Чекменеву пришлось согласиться. Никакой курсовой офицер не расскажет того (причем в доступной форме), что следует знать новичку о непросто устроенной жизни в закрытом военно-учебном заведении. Не обучит десятилетиями, а то и веками складывавшимся нормам поведения и обычаям именно этого корпуса или училища.

Те слишком самоуверенные или недалекие кадеты

и юнкера, вздумавшие жить «своим умом», кто руководствовался только поучениями и наставлениями педагогов, до выпуска доживали нечасто. В переносном смысле, конечно, но подчас и в буквальном, да и жизнь их была тягостной и печальной.

— На том свете встретились? — только и спросил Чекменев.

— Сначала на этом, а на том мне просто детали и подробности разъяснили.

— Шлиман?

— При чем тут Шлиман? Симпатизирующие нашей жизни и общественному устройству люди из того мира. Которым их «посткоммунистический» мир категорически не нравится. Они готовы помочь нам всеми доступными способами, чтобы не допустить «стирания» нашей реальности в пользу худших представителей собственной. При этом и для нас, и для них «тот свет» — единственно возможная для контактов территория. Проникать сюда напрямую они по ряду причин не могут.

— И что же, они готовы пожертвовать своим миром ради нашего? — с изрядной долей сомнения спросил генерал.

— Видите ли, насколько мне удалось понять, о физической гибели «того» мира речь не идет. Так, как вы это вообразили. Все намного, намного сложнее. В идеале, после уничтожения тех, кто вознамерился разрушить наш мир, реальности просто разойдутся настолько, что никакой более контакт между ними будет невозможен. Даже на ментальном уровне. Впредь они снова будут существовать автономно, никак друг другу не мешая. Приблизительно, как Япония и Америка в XVIII веке. Сами же они, мои знакомые, предпочитают поселиться в Америке (то есть у нас), и чтобы никакие джонки с самурайским десантом к ним дорогу не нашли.

— Знаете, Вадим, не страдаете ли вы излишней до-

верчивостью? Неизвестные люди хотят решить свои проблемы с нашей помощью, за наш, скорее всего, счет. Естественно, упаковывают это весьма красиво. От века так делалось. А мы вдруг сразу должны поверить... Наивно это, и мне странно, что вы так легко поддались...

— Теперь вас, Игорь Викторович, на философию потянуло. А оно нам нужно? Вопрос ведь стоит, как хрен на бутре, предельно просто.

Эти люди, как я понял, стремятся лишь к тому, чтобы жить со своими противниками на *разных* территориях. Если ради этого придется повоевать со «своими» — они готовы. Но их слишком мало. Им нужны, так сказать, ресурсы и резервы. Наши. Если мы согласимся признать реально существующую опасность и одновременно — принять помощь в отражении десанта «чужих» от людей, которые в данный момент выглядят нашими друзьями, значит, нам придется кое-что делать.

Корректировать нынешние планы, изобретать некоторые стратегии и так далее. Короче — включаться в очередную тайную войну наряду с войной против «Черного интернационала», польских и прочих сепаратистов, всякого рода внутренних врагов, правых и левых.

Признаюсь, мне тоже очень нелегко было поверить в то, что вы сейчас услышали. Хорошо, что какая-то прививка у меня была. Когда сидишь там, где довелось побывать, беседуешь с живыми покойниками, на многие вещи начинаешь смотреть по-другому. Вот я и вообразил, что сейчас, кроме меня, осознать реальность и степень грозящей опасности способны от силы человек десять во всей России. На них и следует опереться, остальных придется использовать втемную. А ведь только нам с вами достоверно известные события, неожиданные и непонятные, если их выстроить должным порядком, примерно, как вы расписали комплекс

моих «преступных деяний», создают вполне убедительную, единственно непротиворечивую картину...

— Ну-ка, ну-ка... — Вопрос начал переходить в практическую плоскость, а это всегда было для Чекменева предпочтительнее «бесплодных умствований», хотя и без них в его работе нельзя было обойтись. Но — в качестве вспомогательного инструмента. Тем более главное дело своей жизни он только что успешно завершил и после краткого периода чуть ли не эйфории снова начал испытывать некоторую опустошенность. Почивать на лаврах и наслаждаться ролью «делателя королей» — не для него. Если Ляхов не вводит его в заблуждение с пока непонятной целью, тут есть чем заняться.

Слушая Вадима и подавая в нужное время реплики, генерал уже запустил свой «аналитический механизм».

То, о чем говорил Ляхов, само по себе не противоречило фактам. Все это имело место, причем каждое по отдельности событие и его возможные трактовки не выходили за пределы «легенды». Происходили эти события вполне спорадически, между ними не просматривалось заранее срежиссированной связи. И Маштаков, и Розенцвейг являлись как бы незаинтересованными свидетелями, или фигурантами по делу.

Сам Ляхов и его дружок Тарханов тоже, по крайней мере до последнего момента, не имели возможности *организовывать* таинственные и непонятные явления, другое дело, что они чересчур часто оказывались «в нужное время и в нужном месте» и вели себя слишком эффективно, да и эффектно тоже. Но проще списать это на роковое стечение обстоятельств и их личные незаурядные качества. Чекменев ведь не зря чуть не с первого дня знакомства присматривался к тому же Ляхову весьма пристально, да и Тарханова *потянул вверх* не просто так.

Увидел в нем исполнителя с высоким потенциалом. Как когда-то князь в нем самом.

Правда, сейчас в поведении Ляхова отмечаются очередные странности. Изменилась манера поведения, даже фразы строит не совсем так, как раньше, и вообще наличествует в нем своеобразная *отчужденность*. Непосредственности меньше, вместе с развязностью ощущается некая *зажатость*. Вроде как исполняет он отрепетированную, но чем-то ему неподходящую роль.

Это можно объяснить и тем, что так оно и есть на самом деле. После продолжительных бесед с посланцами «инога мира» он умом (или корыстным расчетом) согласился принять на себя некую функцию, а вот душа до сих пор протестует.

Но он собрался назвать некие имена, людей, по его мнению, подходящих для восприятия и осознания вновь возникших обстоятельств, пригодных для работы с полным знанием дела. Пусть скажет. Когда в деле возникают конкретные персонажи, это уже что-то.

— Прежде всего, по определению, **это я и вы**.

Затем — **Сергей**, он первый увидел тот, «советский» мир, значит, имеет к нему определенное сродство, пусть даже ментальное. И он был рядом со мной с первого дня. Везде. И вы ему, насколько я понимаю, доверяете. Далее — **Розенцвейг**, примерно по тем же основаниям. Он сам видел материальные следы «другого Израиля», держал их в руках и читал тамошнюю прессу.

Маштаков. Без него не обойтись никак, он наша единственная *научная сила*, теоретик и практик сверхчувственного знания. Умен, азартен, а кроме того, в своем качестве *Железной Маски*, тайного узника, недоступен чужому влиянию, следовательно, безопасен и управляем.

Максим Бубнов. Своего рода транслятор-коммутатор между нами, людьми малообразованными, и Маштаковым. Его инженерный и врачебный талант, организаторские способности, а также офицерские и человеческие качества вы оспаривать не будете? Был в

том мире, профессионально работал с некробионтами, в порочащих связях не замечен. Так?

Майя Бельская...

Здесь, по мнению Чекменева, Ляхову следовало бы сделать хоть маленькую заминку. Он ждал, что имя дочки прокурора будет названо, но — в конце списка, и Вадим, называя ее, должен был бы учесть, что предложение этой кандидатуры способно вызвать неоднозначную реакцию. Но Ляхов сохранил прежний ровный, слегка даже академический тон, словно бы не связывали их никакие личные отношения. Несколько странно...

— Майя Бельская, тоже умна, образованна, с подходящим образом мыслей, участник нашей экспедиции, умеет выдвигать и отстаивать парадоксальные идеи, ничему не удивляется. Отважна. Имеет определенную спецподготовку. А также полезна своими родственными и другими связями.

«Это уж точно, — подумал Чекменев, — связи у нее обширнейшие. В случае необходимости ее можно внедрять в любое аристократическое, и не только, общество и рассчитывать, что закрутит голову и собьет с панталыку любого. И никто не догадается об истинной подоплеке ее действий. Не была бы она именно Бельской, завербовал бы ее в свою контору еще пять лет назад. А вот сейчас кто кого завербовал, она Ляхова или он ее? Или, как говорил один остряк: «Она ему встретилась, а он ей попался»?

— И последний по времени, но не по существу — капитан **Уваров**. Я с этим парнем плотно поработал, он вполне годится...

Это имя Чекменева удивило. Как-то оно не ложилось в схему, которую он сам для себя начал выстраивать. И даже слегка ее разрушало.

— Отчего вдруг Уваров?

— А вы можете сейчас резко повернуть из потока направо, на Дмитровку? И чтобы никто у нас на хво-

сте не удержался? — в той же ровной тональности предложил Ляхов. — Ну, быстро!

Повинуясь императиву, Чековенев сделал то, что требовалось. Очень рискованно рванул машину, внес некоторое смятение в ровное движение законопослушных водителей, под скрип тормозов и возмущенные гудки воткнулся почти что в лоб выезжающим на Страстной бульвар автомобилям, едва-едва успел всунуться в открывшийся справа просвет.

— Да что ж вы делаете, так и убиться можно, — в сердцах едва не выматерился Чековенев.

— Нормально, Игорь Викторович. Ваши водительские способности выше всяческих похвал. Иначе бы я и не предложил. Остановитесь, пожалуйста, вон напротив того кабака...

Чековенев послушно поставил машину в очень удачно подвернувшуюся в нужном месте свободную щель между косо припаркованными автомобилями. Посмотрел налево. Там над жестяным козырьком круто уходящей вниз лестницы светилась выписанная розовыми газосветными трубками вывеска: «Трактир «Ночной извозчик»».

— Именно сюда нам нужно? — с едва заметным сомнением в голосе спросил генерал, как бы признавая право Ляхова определять, что надо и что не надо. Другой на его месте мог бы и испугаться несанкционированного развития событий, но ведь был он не чиновник, поставленный на должность, а боевой офицер, дослужившийся до высочайшего, пусть и придворного, поста. Есть разница.

Как хотите, а ночевка в Уссурийской тайге в компании с Олегом Константиновичем, костер из сосновых сучьев, седло под голову, наган у бедра и трехлинейка рядом, и тысяча верст безлюдного пространства — несколько опаснее, чем подвальчик в центре Москвы.

— Мне кажется, — с улыбкой ответил Ляхов. — Именно потому, что, когда мне было двадцать лет, это

было очень сомнительное место, но только для тех, кто не умел себя правильно вести. А кто умел — наоборот. Думаю, на данный момент обстановка изменилась не слишком. Следовательно, мы гарантированно избавлены от назойливого внимания людей, воспринимающих нас с вами в официальном качестве. В «Национале», «Метрополе» или «У Тестова на Театральной» слежки и подслушки я опасался бы гораздо больше. А здесь вас да и меня никто не знает, микрофоны под столиками исключены, местные же «урки» не осмелятся плохо отнестись к двум старшим офицерам в форме. Удивятся — может быть, но за стукачей уж точно не примут. Скорее подумают, что денег добрать свою дозу в более приличном месте не хватает. Так что не перестраховывайтесь, Игорь Викторович.

Снова Чекменеву показалось, что Ляхов какой-то не такой. И еще какой-то мелкий штришок царапнул память.

Спустились вниз по крутой лестнице, оказались в дымном, заполненном шумными, в меру нетрезвыми людьми помещении. Однако Ляхов сразу же, с нижней ступеньки, сделал пальцем подзывающий жест, и перед ними предстал старший половой, который раньше явно служил в десанте или конвойных войсках. Внешность у него была такая, не оставляющая сомнений для опытного человека.

— Что прикажете, ваш-ш, ва-швасбродь?

— Кабинетик, бутылку водки, закуску соразмерную. Понятно?

— Бу сдела-нн, немедленно!

И, пытаясь скрыть изумление, что, мол, таким людям надо в его сомнительном кабаке, провел офицеров сквозь разделяющую помещение кривоватую каменную арку в так называемый «кабинет», больше похожий на театральную ложу. Несколько возвышенный над основным помещением, с двумя столиками при четырех стульях каждый и бамбуковой шторой, кото-

рую можно было сдвинуть, чтобы наблюдать происходящее в общем зале.

В этом трактире, кстати сказать, состоялась некогда первая в Москве встреча Ляхова с Тархановым, закончившаяся потасовкой со стрельбой. Может, поэтому и привел он сюда Чекменева, в рассуждении, что снаряд в одну воронку дважды не падает. Рассуждение в принципе верное, но лишь при условии стрельбы одним орудием без поправки прицела. В любом другом случае очень даже падает. Сообразно теории вероятности, для которой все точки на местности равноценны.

— Вы как, Игорь Викторович, пару рюмок за компанию пропустите или за рулем воздерживаетесь?

Сама постановка вопроса опять удивила Чекменева. Пожалуй, никто и никогда не спрашивал у него о желании выпить или не выпить в именно такой трактирке. При чем тут — за рулем? Кого это касается? Ладно, и это замнем для ясности.

Подождав, пока стол будет накрыт в соответствии с заказом Ляхова, генерал взял в руки зеленоватую, пузыристого стекла стограммовую стопку, повертел ее в пальцах, поставил обратно на стол.

— Итак, полковник? Вы меня долго пытались удивить, но, может быть, пора поговорить совсем откровенно?

Ляхов разочарованно вздохнул.

— А вам что, мало предыдущего? Уж я, казалось, говорил максимально откровенно. Наговорил больше, чем на высшую меру, если вам захочется ее ко мне применить. Если получится, конечно. Неужели вы не поняли, Игорь Викторович, что я, наверное, единственный человек в вашем окружении и вообще в этом мире, который рискнул пообщаться с вами совершенно на равных? Не сверху, не снизу — по горизонтали. Не привыкли? Ну, потерпите еще минут двадцать...

— Хорошо. Потерплю. Но все равно не понимаю, к

чему этот кабак? У меня дома гораздо лучше можно было посидеть.

— Кому как. Мне здесь кажется гораздо безопаснее. Ваши люди незаметно не подойдут, моих у меня просто нет. Сидят два человека, разговаривают, водку пьют. Значит, так и надо. Если кто сдуру начнет на неприятности нарываться, мы вполне отобьемся...

Ляхов опустил руку к сапогу и вытащил из-за голенища плоский браунинг 1906 года. Показал, спрятал обратно.

— Пока вы мой «адлер» не вернули, будем полагаться на это. Он у вас, кстати, не с собой?

— Нет, в сейфе оставил. Верну, верну, не беспокойтесь. А что ж вы мне бутылкой угрожали, если у вас при себе оружие было?

— А зачем шулеру туз в рукаве?

— Так мы с вами остановились на Майе Бельской. А еще кто у вас на примете?

— Остановился я на капитане Уварове, — уточнил Ляхов. — Очень мне этот граф понравился. Конечно, куда менее информирован, чем другие, зато по прочим качествам и природному уму человек незаменимый. Для основной группы вроде и все. С моей стороны. Вы, может, еще кого включить пожелаете?

— А что же вы Татьяну Любченко-Тарханову не называли? Я думал, на свою команду вы целиком полагаетесь...

— Это тема отдельная. Не вдаваясь в детали, скажу, что вводить ее в операцию считаю несвоевременным. Да и вообще, Игорь Викторович, мне начинает казаться, что мое предложение вы уже приняли. Пусть пока на уровне подсознания. Я не ошибаюсь? Иначе к чему слово «совсем» применительно к откровенности?

Вы еще имели в виду — «а что мне за это будет?». Все будет, все, Игорь Викторович. Эти люди достаточно могущественны в своем мире, который кое в чем значительно обогнал наш, и вопрос вознаграждения

добровольных помощников для них проблемой не является. Главное, нам самим не продешевить...

Глаза Вадима смеялись, а Чекменев чувствовал себя все более неуютно. Они словно вдруг поменялись ролями, и сейчас Ляхов вербует его так же, как сам он не очень давно вербовал Ляхова.

Ну пусть развлекается. Весовые категории у них в любом случае несопоставимы. Вадим может изображать из себя все, что угодно, но, когда на одной стороне пусть и крайне прыткий полковник и его пока неизвестные друзья, а на другой вся мощь спецслужб Империи, можно до поры проявить и снисходительность.

— А я ведь не услышал пока никакого предложения. Так, общие рассуждения. Чего вы хотите на самом деле и чего требуете от меня? Здесь и сейчас.

— Для начала — чтобы вы мне поверили. Приняли как данность, что угроза для России, о мире в целом я не говорю, чтобы не расширять *поле принятия решений*, складывается сейчас гораздо большая, чем любые инсургенты вкупе с «Черным интернационалом» и гипотетическая агрессия всех мировых держав разом. Но противостоять ей пока еще возможно. И наконец, чтобы до вас дошло, что мое предложение, деятельность моя и моих *друзей* никоим образом для вас, для Государя Императора, России опасности представлять не может и никакого злого умысла вы даже под микроскопом не разглядите.

В чем, кстати, сможете убеждаться постоянно и непрерывно, поскольку все мои предложения и инициативы всегда доступны самому тщательному анализу, а главное — отнюдь не будут являться для вас категорическим императивом. Мы вам будем сообщать, что на текущий момент дела в России и вокруг нее обстоят таким вот образом и что поступить, по нашему разумению, следует так-то. А остальное — за вами.

— А как я смогу быть уверен, что за моей спиной вы не ведете какую-то свою игру?

— А в чем вы были бы уверены, если б я вообще не поднял эту тему? Вы меня арестовали, преследуя собственные цели, которые мне, кстати, так до конца и не ясны. Одну гипотезу я высказал, но могут ведь быть и другие? Далее. Я, как вы видите, свое узилище покинул непонятным для вас способом и мог бы покинуть его гораздо раньше, и вас мог ликвидировать или захватить в плен...

Да я это, к слову, и сейчас могу. Стоит мне мигнуть, и через пять минут вы окажетесь в совершенно другом месте, из которого вам-то уйти не удастся. Верите?

Чекменев огляделся по сторонам. Слова Ляхова могли быть и блефом, а могли и правдой. Даже скорее — правдой. Подземная Москва столь обширна и неизучена, что почти любой старинный подвал вполне мог иметь с ней сообщение. А контингент посетителей трактира с девяностопроцентной достоверностью принадлежал к криминальному или околориминальному сообществу.

— Вполне верю, — кивнул Чекменев.

— Ну вот. Признавая достаточную степень моего, по отношению к вам, могущества, следующим шагом правильно будет признать, что обманывать вас мне нет совершенно никакого резона. Не проще ли высоким договаривающимся сторонам согласиться, что дела в реальности обстоят точно так, как на самом деле, и выложенные на стол карты — не крапленые. Туз есть туз, джокер — джокер. И далее поступать, как полагает уважающим себя джентльменам.

Чекменев усмехнулся, демонстрируя достойную хорошего покериста выдержку.

— То есть ваш флеш-рояль старше, и я проиграл хотя и честно, но вчистую?

— Да никто не проиграл. Я же не требую немедлен-

ного расчета. Тем более что о ставках мы и не договаривались. Считаем, что сыграли тренировочную, «легкую» партию. И вообще все наши игры — с ненулевой суммой. Не «если я проиграл, то ты столько же выиграл», а гораздо сложнее. Можем вместе выиграть, можем вместе проиграть. Однако мне пора, Игорь Викторович. По себе знаю — творчески размышлять под давлением и вообще на чужих глазах — непродуктивно.

Сделаем как положено. Партия отложена, ходы записаны. Теперь по домам — и анализировать ситуацию. Наверх поднимемся вместе, потом вы направо, я налево. До моей «квартиры» отсюда совсем недалеко. Заодно и воздухом подышу. Только не нужно стараться меня обогнать, встретить на пороге номера, схватить за руку с отмычкой. Вообще до поры я хотел бы, чтобы в моих делах для вас оставалась хоть маленькая тайна...

— Ой, да смотрите, как вам не повезло! — это он воскликнул, когда они уже поднялись на улицу.

Ляхов указал на «Испано-Сюизу». Шикарный купекабриолет сидел на брусчатке обоими задними дисками. Покрышки были пропороты даже не шилом, а финским ножом.

— Нет, ну какие сволочи, вы только подумайте! Мешала кому-нибудь машина, выезд загораживала? Нет, непременно нужно найти дворника этого дома и спросить по всей строгости. Обязан присматривать...

— Вот только не надо так аффектированно, Вадим Петрович, — с изрядной долей усталости в голосе сказал Чекменев. — Что же это у вас за сотрудники? Уж слишком грубо...

— Вы что, Игорь Викторович, действительно подумали, что я или мои «сотрудники» способны на столь дурацкие и бессмысленные поступки? Не ожидал от вас. Просто удивительным образом совпало. Мерзавцев вокруг таких кабаков вертится чертова уйма. Пора, пора московской полиции приступить к наведению

порядка. А уж что вам мой тон не понравился, так тут каюсь. Увидел эту непереносимую по всем канонам картинку и не сдержался. Надо же — такому человеку и колеса уличная шпана порезала...

Я ведь тоже в большом нервном напряжении весь день пребывал, ну и понесло, еще раз простите... И все равно, хотел вот промолчать, а сдержаться не могу. Очень уж наглядный пример. Случайный, дурацкий эксцесс, а первая ваша мысль — моя это в ваш адрес пакость. При том что затеянное нами дело и эти жалкие покрывалки уж настолько несопоставимы... Ну точно как гири на фоне Остаповой папки...

Последней фразы Чекменев не понял, однако с общей постановкой Ляхова согласился. Ведь и в самом деле...

— А пока позвольте откланяться, — сказал Вадим. — Спешу, а вам лучше всего из своего гаража механика вызвать. Не будете же сами посреди улицы колеса менять? Генералу непристойно. До завтра все обдумайте, и встретимся. Надеюсь, уже в новом качестве...

Ляхов козырнул и через несколько секунд его не стало видно в уличном потоке.

Чекменев так и поступил. Вызвал из гаража подмогу, а сам перешел на другую сторону улицы, сел за столик под полотняным зонтом, спросил чашечку кофе.

Сменный шофер с механиком подъедут в пределах десяти минут. Что ж, как раз время не спеша поразмыслить, любуясь заодно вечерним потоком публики, бесцельно фланирующей, спешащей в театры и кафе-шантаны, мужчинами, мечтающими встретить именно сегодня «девушку своей мечты», и женщинами, именно на эту роль и претендующими. Не так уж часто Чекменеву приходилось наблюдать жизнь «просто так». И ее спокойная, счастливая в основном размеренность настроила его на *безыдейное* согласие с Ляховым.

Если, отпив глоток коньяка, поверить, что именно

этому угрожает неведомый враг, так рука сама потянется к кобуре или к трубке телефона. Кому какое оружие ближе.

Но при всем естественном человеческом порыве Чекменев не мог отстроиться и от профессиональной волны.

Что же его так задело совсем недавно в разговоре с Вадимом? Отнюдь не основное содержание, тут хочешь верь, хочешь не верь, но по сути все ясно. И не факт его загадочного (и по цели, и по исполнению) побега из-под стражи. Сделано это, скорее всего, чтобы продемонстрировать его новые способности и возможности.

Тут загадка, так сказать, рабочего плана, техническая, рано или поздно разберемся. А внимание его привлекла некая *несообразность*, вроде как Ляхов сказал нечто такое, чего сказать не мог и не должен. Но что? Вспоминай, Игорь Викторович, вспоминай...

И тренированный мозг почти тотчас выдал ответ.

Вадим сказал: «Когда мне было двадцать лет, это было очень опасное место, но только для тех, кто не умел себя правильно вести. А кто умел — наоборот».

Обычно так говорят «местные», жители окрестных переулков, знающие все ходы-выходы, в том числе — степень сравнительной опасности и безопасности значных и прочих интересных мест. А Ляхов-то питерский, и когда ему было двадцать, он учился в Петроградском университете, отнюдь не Московском. Допустим, приезжал он сюда к друзьям-знакомым, на каникулы, скажем. Тогда он выразился бы несколько иначе: «Ребята говорили, что...» или — «Когда я сюда впервые попал, была ситуация...»

Скорее всего, ерунда это все, сказал и сказал, не слишком подбирая слова, однако же... В нашем деле на подобных проговорах еще как люди сгорали. В любом случае, обратить внимание стоит.

Кроме того... Отчего он повторил, даже подчерк-

нул — «спешу». Какому дураку придет в голову спешить в тюремную камеру, если главный тюремщик вольную предложил? Какие у него там могут быть срочные интересы?

Чекменев вытащил из кармана оперативный радиотелефон, вызвал личного порученца, скучающего в приемной кремлевского кабинета.

— Как обстановка?

— Все тихо, Игорь Викторович.

— Ну так, взгляни на пульте, объект в седьмой комнате чем занимается?

— Одну минуту. Так, камера наблюдения не берет, есть у нее несколько мертвых зон. Но масс-детектор показывает, что объект в помещении, находится в пределах двух-трех метров в районе ванной-ватерклозета. Сходить посмотреть?

— Не надо. Отдыхай. Потом посмотри еще раз. Если в норме — меня не беспокой. Ну а если что не так — действуй по обстановке. И мне звони...

Чекменев буквально по метрам и по секундам пересчитал путь Ляхова. Да, если идти очень быстрым шагом — как раз успел бы минуты три-четыре назад войти в комнаты. Если подвезли на машине — на десять минут раньше. Но зачем?

ГЛАВА 4

Теперь, после ухода Чекменева, у Ляхова-второго, по его расчетам, было часа три свободного времени. Минимум. Раньше у генерала не должно появиться возможности и желания проверять, на месте ли его узник и чем он занимается. Ну а если придет кто-нибудь поинтересоваться, что здесь и как, есть способы ненужному любопытству воспрепятствовать.

Шульгин по условному сигналу открыл проход из туалетной комнаты, что было наиболее удобно и безо-

пасно, поскольку окон там не имелось, да и аппаратуру наблюдения детектор не фиксировал.

Несмотря на краткий курс ознакомления с системой СПВ (да и аппаратура Маштакова функционировала похожим образом), все равно Вадим до конца не научился воспринимать эти технические чудеса как должное. Фест в этом ориентировался с большей внутренней свободой, и это отчего-то задевало.

Обозначилась рамочка нежно-сиреневого цвета (Вадим уже знал, что ее оттенки означают разные режимы работы: «окно», дверь односторонняя и двусторонняя, и степень напряженности поля в зависимости от дальности перемещения и массы объекта). Сейчас дверь была узкая, едва шире его плеч. Только просунуться.

Он шагнул и оказался в просторном, со вкусом обставленном кабинете, хотя и мебель и весь интерьер выглядели для Ляхова не совсем привычно. Вроде функционально все такое же, а вот чувствуется разница. Все-таки — продукт несколько иной цивилизации.

Александр Иванович ждал его, удобно разместившись «в креслах», как писали в XIX веке, и Вадим подивился неожиданной точности этого термина, уж больно уютно и вальяжно в своей позе Шульгин выглядел.

На низком столике по его правую руку стояли портативный компьютер с откинутой крышкой-экраном, непременный кофейник и красного дерева сигарный ящик. В разных его отделениях помещалось несколько сортов и видов драгоценного продукта чуждадных стран.

— Что ж, первое испытание ты выдержал вполне достойно, — похвалил Шульгин, указывая рукой на соседнее кресло. — Надеюсь, твой напарник проведет роль не хуже. Но ему сейчас легче, противник уже сбит с позиций и вряд ли станет так уж присматриваться к мелким деталям и шероховатостям поведения, если такие случатся. Да и вообще, психологиче-

ски слишком уж невероятной должна показаться мысль, пусть она на миг и возникнет, что хорошо знакомого человека можно подменить двойником в течение нескольких минут...

Ляхов уже отметил эту манеру Шульгина, обычную или используемую только в общении с «учениками», — пояснять и комментировать свои слова и поступки. Впрочем, были у него в университете профессора и доценты с подобной привычкой.

— Ты там немного перегрузился, а работы еще много. Держи... — Александр Иванович протянул Вадиму черный, похожий на часовой браслет. — Надень на руку...

— И зачем? — спросил тот, следуя указанию.

— Подробности потом, но, в частности, протрезвляет полностью и почти мгновенно. Наука, понимаешь ли.

Ляхов как раз не понимал, что за наука может разложить и вывести из организма уже поступивший в кровь и проникший через гематоэнцефалический барьер алкоголь, но спорить не стал. Других забот хватало.

— Ну, так. Первый этап внедрения мы, считай, провели. Если второй работает без сбоев, будет совсем хорошо. Постепенно вы так притретесь, что достигнете полной взаимозаменяемости. Тем более что все контакты идут под запись, всегда можно освежить в памяти и слова, и интонации, и жесты. Свои и партнера. Чекменев, при всех его достоинствах, кое-что наверняка забудет, упустит из виду, иначе вспомнит и по-другому интерпретирует, а вы всегда будете во всеоружии. Штирлицу бы нашему такую возможность, а то ему, бедняге, все спички на столе приходилось раскладывать...

— Какому Штирлицу?

— Так, к слову. Персонаж из фильмов и книг нашего времени, гений советской разведки. Покажу, если захочешь. Вадим-то твой наизусть небось фильм знает. Помнит, как там весьма достойные люди по забыв-

★ чивости прокалывались совершенно неожиданно и на пустяке. И ты в нашем мире, подменяя, придись такое, Феста, уже сгорел бы...

— Так он сейчас с Чекменевым тоже на любом пустяке проколоться может...

— В теории — да. Но вообще у него подготовка на год больше твоей, он, в частности, уже обучен изящно обходить возникающие в разговоре сомнительные моменты. На «Штирлица», к примеру, он уже купиться был не должен, даже не зная, о чем речь, как-то обошел бы или навстречу что-нибудь вставил, незаметно уводящее от темы. Но сейчас, по счастью, тебе по-прежнему самим собой работать. Полчаса на встречу с Майей, потом — к Тарханову. И мы в график укладываемся...

— Почему так жестко? — спросил Ляхов, с удивлением отмечая, что малейшие признаки недавнего, не слишком сильного, но все же ощутимого хмелька в голове исчезли. Ясность была прямо-таки невероятная, ибо вместе с опьянением исчезли и усталость, и нервное напряжение.

И он поинтересовался, что это все-таки за штука. Безыгольный иньектор или?..

— Или. Гомеостат называется. Путем ядерного резонанса перекомбинирует молекулы таким образом, что все лишнее разлагается и удаляется, а в случае необходимости используется для регенерации полезных клеток и тканей. Успеешь познакомиться поближе, сейчас некогда. Вот тебе инструкция, прочтешь на досуге.

А жесткий график потому, что я просчитал все возможные действия господина Чекменева и уверен, что минут через пятнадцать-двадцать после прощания с Ляховым он обязательно кинется проверять, где означенный тип находится, добрался ли он до своей камеры. Если да, то как? Если нет — поднимет вселенский хай и кинется тебя ловить. Понял?

— Чего тут не понять?

— Подстраховка у меня, само собой, есть, но не слишком надолго. Так что вперед.

Шульгин выпустил Вадима на площадке черной лестницы дома Майи. Вообще-то являться без предупреждения у приличных людей не принято, чтобы не оказаться в классической ситуации «вернулся муж из командировки». Но Александр Иванович заверил, что все будет нормально.

Звонок долго звенел и пиликал в недрах квартиры, пока, наконец, с той стороны двери послышался знакомый голос. Слегка недовольный, девушка не привыкла, чтобы вечерние гости являлись с черного хода. А если не гости, то кто?

— Свои, свои, открывай...

Брякнул засов, задергалась цепочка, которую пытались открыть торопливые, непослушные руки. Дверь распахнулась, и Майя прямо на полутемной площадке бросилась к нему на шею.

Очень это напоминало сцену внезапного возвращения с фронта, одинаковую по сути что в этой реальности, что в параллельной. Да так оно и бывает, без всяких специальных авторских и режиссерских усилий.

Обхватив невесту за талию, Вадим внес ее в прихожую, свободной рукой захлопнул дверь и, целуя, повлек в комнаты.

Майя явно никуда не собиралась в этот вечер, на ней был только легкий домашний халат и панталончики под ним. А не виделись они больше двух недель (это Майя, а он провел в своей «командировке» суммарно почти два месяца), потому, обмениваясь торопливыми, не слишком связными словами, тотчас же оказались на широкой кровати, прямо поверх атласных покрывал.

Сначала девушка позволила погасить первый бурный порыв страсти Вадиму, а уже потом озаботилась и

собственным удовольствием, обстоятельно, без спешки и особых изысков. Она ведь тоже соскучилась до невозможности и, невзирая на игривые разговоры с Татьяной, хранила суженому суровую верность.

В итоге они лежали рядом почти без сил, Майя обнимала его рукой за шею, а он смотрел на медно отблескивающий циферблат каминных часов и думал, что уже почти выбивается из графика.

— Ну вот видишь, я говорил, что вернусь, и вернулся. Ничего со мной не случилось и дальше не сделается...

— Ты что, опять куда-нибудь собрался? — вскинулась Майя.

— Увы, да. Причем — прямо сейчас. Одеться, порюмочке за встречу, и бегу.

Девушка за время их совместной жизни в общепринятом привыкла к подобному поведению, да и по-прежнему опыту своего отца и собственному знала, что государственная служба, высокие чины и должности предполагают такую же степень личной несвободы. Скажут — на войну, значит, — на войну. Потребуется (как встарь) немедленно составить описание восточных берегов Камчатки — грузись в возок или на парусный корвет, на год, два или навсегда забыв о семье и доме.

Но все-таки не получасовая же встреча после долгой разлуки?! Неужели хотя бы утром нельзя?

— Нельзя, Майя. Тут такие дела... Я ведь, можно сказать, не просто в самоволке, я из-под стражи, считай, сбежал...

И он наскоро изложил ей очередную, теперь уже для нее составленную легенду, где нашлось место и заговору против Императора, и новой, сверхсекретной даже по отношению к конторе Чекменева—Тарханова спецслужбе. И еще достаточное количество вполне убедительных подробностей, необходимых для достоверности, исходя из характера невесты, ее привычек и информированности.

— Тут, кстати, и тебе работа найдется. И тоже сегодня. Вводим тебя в операцию немедленно. Просто без тебя не обойтись совершенно никак. Ты и со всеми основными фигурантами знакома, и подготовка имеется. А мне найти человека, которому могу доверять на генетическом уровне, больше нигде. Да ты не бойся, на этот раз никакого бокового времени и чертовщины. Напротив, курорт, развлечения, золотая осень и все на казенный счет...

— Куда это? — подозрительно спросила Майя. Из чего следовало, что все остальное она поняла правильно, как надо.

— В общем-то, тебе всего лишь придется в очередной раз попасть Татьяну. При всех ранее известных странностях, имеет место подозрение, что она, вольно или невольно, попала в поле зрения неких весьма недружественных нам сил, которые намереваются использовать ее в серьезной интриге против князя Олега. А это сейчас никому не нужно. Что в плане государственном, что в личном. Случись что, она всех за собой потянет, как ближайших друзей, так и самых отдаленных единомышленников. Отправляя же ее куда подалее, мы штук пять зайцев сразу в расход выводим. Смотри...

Сидя за столом, поглощая крабовый салат под весьма недурной коньяк из французской винной лавки на Тверской, Вадим изложил разработанную с Шульгиным схему.

Майя тут же включилась в работу. Она общалась с Татьяной как раз те последние дни, когда рядом не было Ляхова, да и Тарханов существовал поблизости в достаточно виртуальном виде. И смогла внести неглупое предложение — обставить все как внезапное бегство «на волю» осатаневших от неудовлетворенности и желающих отомстить мужьям взбалмошных дамочек. Оставить соответствующие письма (она, вдобавок, расскажет все отцу именно в этой трактовке и

убедит его в необходимости и неизбежности подобного шага) и в дальнейшем железно придерживаться этой версии.

— В случае чего, какое-то время сможете ссылаться и отнекиваться: «Ничего знать не знаем, семейный скандал с неожиданными последствиями». Но уж на Водах мы станем проводить время с максимальной для себя приятностью. Не стесняясь ни в средствах, ни в моральных устоях. Мне, например, не привыкать. И так все «в свете» удивляются, что это вдруг с Бельской приключилось? Где ее эпатаж и элегантная раскованность? Неужто впрямь на гвардейского полковника так *погсела*? — сообщила Майя с ехиднейшей улыбочкой.

Ляхов немедленно подумал, что и она ведет себя крайне грамотно. Говорит ему в лицо то, что давно хотела сказать на полном серьезе, и маскирует это исключительно содержанием легенды.

«Эх, — подумал Ляхов, — бросить бы тебя сейчас поперек кровати и проучить как следует. Офицерским ремнем. (При этой мысли он испытал странное, ранее неизвестное ему чувство. Уж не в садиста ли он перерождается?) Жаль, времени совсем нет. Да и Александр Иванович, глядишь, уже подсматривает».

Отведенные на интим полчаса давно истекли.

Когда возник вопрос, каким образом им, не привлекав внимания, исчезнуть из Москвы, Ляхов предложил ехать отнюдь не поездом, даже самым скоростным и комфортабельным, а на Майином «Хорьхе», в качестве же шофера он выделит своего надежного человека.

Она тут же выдвинула свое, весьма неглупое и, пожалуй, более уместное контрпредложение. Пускай мол, они с Татьяной выедут из Москвы на отцовской машине, со служебными номерами, шофером и охраной. Для всех — в Ялту или, может быть, в Одессу, что даже интереснее, а где-нибудь возле Харькова или Ли-

пецка их будет ждать «Хорьх». Так и дойдут. (Мы, мол, тоже не из младшего класса Института благородных девиц).

— Гениально, моя дорогая. Поезжайте и ни в чем себе не отказывайте. Возможно, в ближайшие два-три дня я вас там отыщу. А до этого — ну никак.

Обсудили еще ряд чисто практических деталей, и тут Майя вдруг спросила:

— А отчего вдруг действительно — на Кавминводы? Тут какой-то специальный смысл или?..

— Специальный — только один. Татьяна оттуда родом, ее легче будет убедить поехать именно домой. И еще. Странные события с нарушениями привычного порядка вещей начались именно там. Глядишь — снова что-нибудь проявится...

— Так-так. Ловля на живца. И в качестве одного — любимая невеста...

Шульгин *подхватил* Ляхова на той же черной лестнице внизу и сразу переправил в темный закоулочек кремлевского коридора совсем рядом с дверью приемной Тарханова.

— Заходи. Ты немного задержался, так я пока адъютанта в объятия Морфея отправил. С ним все в порядке, сон естественный, так что мимо на цыпочках пройди. В дальнейшем — все по схеме. И на часы поглядывай. А я пока продолжу разговор твоего напарника с Чекменевым писать. Потом вместе обсудим и проанализируем. Тут нам первое время буквально по лезвию бритвы ходить придется.

ГЛАВА 5

Тарханов заканчивал свой рабочий день в отвратительном настроении. И виновато в этом было крайне неприятное происшествие с Вадимом. Вообще, к этому давно шло. Сергей не зря предупреждал друга, что

не следует портить отношения с Чекменевым, нарываться, что называется. Начальство этого весьма и весьма не любит.

Да вот хотя бы и со Стрельниковым та же история. Отнюдь не потому генерал освободил его от должности, что старик «не тянул». И не таких дуболомов держат на самых высоких постах, если они умеют ладить с руководством. Тарханов почуял недоброе еще с неделю назад, когда Чекменев к делу и не к делу начал упоминать Вадима в далеко не лестном контексте. То вдруг начинал бурчать, что в Польском походе Ляхов занимался совсем не тем, что ему было поручено, и с самого начала устроил из боевого мероприятия какой-то филиал научно-исследовательской лаборатории, и что командир из него никакой, слишком много воли дал своему любимчику Уварову, а заслуженного офицера подполковника Лисицина намеренно унизил.

В следующий раз начал рассуждать, что неправильно, мол, если такие люди, как Ляхов и Бубнов, получили слишком обширные полномочия в истории с верископом, и, если что случись, заменить их будет нечем, они же в свою очередь, попав в лапы врага, смогут выдать все, а нам и противопоставить этому будет нечего, поскольку других специалистов подобного класса у нас нет.

Отправив же (вопреки собственным словам) Вадима в Израиль агитировать некробионтов, генерал вообще словно утратил душевное равновесие. Слишком часто интересовался, не поступила ли оттуда какая-нибудь важная информация, узнав, что нет, начинал философствовать в том смысле, что слишком все стали умные, много о себе понимают и не считают нужным держать начальство в курсе. Что вообще пора перешерстить всю контору и как минимум половину разогнать, остальных же заставить заниматься порученным делом в полную силу.

Тарханов пару раз порывался заявить начальнику

прямо в лицо, что так не делается и что ценных специалистов следует использовать по прямому назначению, а не в качестве разгонных лошадей, да тут же и останавливал себя. Чекменев не глупее его. В «умных» советах не нуждается.

Обычно такое поведение старшего по должности означает, что дела у него идут нежелательным образом, и, не имея возможности повлиять на давление сверху, он стравливает пар, прессуя нижестоящих, причем по вопросам, никакого отношения к реальным проблемам не имеющим.

Хотя, казалось бы, все складывалось в сфере ответственности Чекменева наилучшим образом. Польское «сопротивление» сломалось как-то сразу, отнюдь не исчерпав реального боевого потенциала, кампания выиграна безусловно и сейчас идет почти бескровная зачистка территории от разрозненных и потерявших порыв и, похоже, даже волю к жизни групп и группок инсургентов.

Утверждение Олега Константиновича в диктаторском и царском статусе прошло неожиданно гладко, при почти единодушном энтузиазме населения и равнодушно-вежливой реакции глав союзных государств. Незначительные волнения и беспорядки в Петрограде и Киеве, инспирированные крайне левыми, не в счет. Официальной коронации на Императорский престол, разумеется, еще не было, таковая проводится обычно через полгода после вступления в должность, а то и позже, но в том, что она состоится, не сомневался никто.

Так в чем же причина плохо скрываемой раздражительности Чекменева, которого в возрождаемой Российской империи ждут блистательные перспективы?

Тарханов этого не понимал. (Разве что история с покушением на Олега имела какое-то неизвестное Тарханову, но неблагоприятное развитие? Сам-то он, с приданными службами, пахал по этой теме в полную

силу, без сна и отдыха.) Как и того, отчего весь негатив Игорь Викторович скидывает в сторону отсутствующего Вадима? И при этом ни малейшего резкого слова и даже косого взгляда в сторону самого Тарханова? Уж он-то, как близкий друг и соратник Ляхова, мог послужить гораздо более удобным громоотводом.

Ученый и битый жизнью Сергей знал, что в его положении не следует задавать генералу прямых вопросов по интересующей теме, а уж тем более — пытаться спорить или защищать товарища. В лучшем случае предложит не лезть не в свои дела, а то и в групповщине, в кумовстве обвинит. И товарищу не поможешь, и себе навредишь, да и в случае чего утратишь какую-то часть своих полномочий, которые смогут пригодиться в дальнейшем.

Однако когда вчера Тарханов доложил Чекменеву, что группа Ляхова сообщила о своем возвращении, тот не только не обрадовался, а еще более помрачнел.

— Значит, так. Организуешь встречу и прикажешь препроводить Ляхова сюда. Одного. Бойцов до особого распоряжения разместить в казармах, но — изолированно. Ни в чем не ущемлять, но любые контакты с посторонними исключить. Розенцвейга отдельной машиной доставить куда скажет.

— Да в чем дело-то, Игорь Викторович? — впервые не выдержал Тарханов.

— Узнаешь. К Ляхову у меня серьезные вопросы. По поводу поведения в зоне боевых действий и «на сопредельной территории». Возможно, придется и задержать. До выяснения. Встретишь, приведешь ко мне. Остальное тебя пока не касается. Есть на него очень серьезный материал, пренебрегать которым не имею права. И — ничего личного. Оправдается — извинимся. И ты — держи себя в руках. Служба есть служба. Мне тоже, поверь, это не доставляет никакого удовольствия.

— Верископ будем использовать? Сразу все и вы-

яснится. Могу Бубнову приказать подготовиться, — только и нашел что сказать Сергей. В том смысле, что если уж предстоит ему такая отвратительная миссия, так лучше разделаться с ней сразу. Одним махом.

— А вот это — не твоя забота. Сам решу, что делать. Выполняй.

Так все и сделал Тарханов, сцепив зубы и стараясь не смотреть в глаза друга.

А сейчас сидел и перебирал бумаги, связанные с расследованием покушения на князя, одновременно продолжая терзать себя не имеющими практического значения мыслями.

В деле — пока тупик. Все, что могли, покойники сказали, но к разгадке это не приблизило. Что имеет место заговор — безусловно, но где его концы, откуда ноги растут — туман. Да и не мог он сейчас думать в полную силу, судьба Вадима, да и своя собственная, занимала его гораздо больше. Если обвинение, какое бы то ни было, подтвердится хоть в самой малой мере, следует немедленно подавать в отставку с должности. А там — или обратно в строй, или — вчистую. Начинать жизнь сначала. Не пропаду...

В то, что Вадим действительно повинен в чем-нибудь серьезном, тянущем на измену или какое угодно другое государственное преступление, Тарханов не верил ни секунды. Но знал, что такое аппаратные игры и что собой представляет их организация. В буквальном смысле — «был бы человек, а статья найдется».

А то он сам в работе «печенегом» хоть в малейшей степени задумывался о необходимости безупречных юридических доказательств вины того или иного фигуранта? Ему указывали — он делал. Да ведь, по большому счету, иначе и нельзя. Если в эти жернова попал Вадим — очень и очень плохо. Но пока реальных возможностей помочь другу он не видел. Что будет дальше — посмотрим.

Дверь почти бесшумно приоткрылась, и в кабинет вошел Ляхов. В полном порядке, в форме при ремне и погонах.

— Сиди, сиди, — властным жестом Вадим приостановил естественную реакцию Тарханова. — Все идет по плану. С Чекменевым мы уже весьма плодотворно пообщались, сейчас он поехал домой напиваться и в этом виде размышлять над своим непростым положением, а я перед сном решил с тобой парой слов перекинуться. Тут ведь у каждого свой и очень немаленький интерес образуется...

С этими словами Ляхов пересек весьма приличное расстояние, отделяющее дверь от приставного столика, ногой отодвинул стул и сел.

— Ты как здесь оказался? — беря себя в руки, почти спокойно спросил Тарханов. Вот где потребна офицерская выдержка. Все снова пошло не по привычным схемам, и нужно соображать, как себя вести. — Выпустил тебя, что ли, Игорь? И мне ничего не сказал? А как тебя адъютант без доклада пропустил?

— Адъютант твой спит прямо на рабочем месте. Загонял ты, друже, парней до полного изнеможения. Виданное ли дело, прямо с телефонной трубкой в руке заснул...

Тарханов снова дернулся, и опять Вадим движением ладони велел ему не суетиться.

— Сиди. Поручик ни при чем, любой бы на его месте заснул. И ты тоже. К служебной дисциплине это отношения не имеет. Игорь меня не выпускал, но и свободу мою никак специально не ограничил. Сказал только, дословно: «Я поеду домой, отдохну и, возможно, напьюсь. И ты отдыхай, Вадим Петрович, а завтра в районе обеда встретимся и уточним позиции». Ни слова о том, как именно мне позволено отдыхать и что при этом я не должен покидать отведенного мне помещения, сказано не было. Слово чести!

— А ключи от «комнаты отдыха» он тебе тоже оставил?

— Про ключи как-то разговора не возникло. Мы на более интересные темы говорили. Да, чтобы у нас с тобой недоразумений не возникло, а то ведь ты человек при службе и «должен присягу сполнять», никаких обвинений мне не предъявлено, и все, что было, — это обычная чекменевская *дипломатия*. То он тебя хоронит, то имена нам меняет, и все такое прочее... Я бы тебя сейчас пригласил в свой номер, там бы посидели, поговорили, только пока не нужно, чтобы наш *командир* знал слишком много и сразу. Единственная уступка служебному долгу, о которой я тебя прошу, — до нужного момента не докладывай Чекменеву, что наша встреча и беседа имела место. А я, в благодарность, немножко помогу с проблемой, в которой ты сейчас завяз. Выведу тебя на головку заговора против князя...

— А ты-то каким краем? Тебя же здесь вообще не было. И все же как ты из камеры вышел и до меня без проблем добрался? Опять *те* штучки?

— В какой-то мере те, в какой-то — другие. Очень мы с тобой в интересные дела попали, и, если жить хотим, выбираться из них придется вместе. Доставай из сейфа свой коньяк, разговор сложным будет.

— А тебе не хватит? — Тарханов чувствовал по запаху, что выпил сегодня Вадим прилично, один ли или в компании с генералом.

— Когда хватит, я лучше тебя знаю. Доставай, доставай. А Татьяна твоя сейчас где?

— При чем тут?.. Ну, дома, спать уже, наверное, легла, — он бросил взгляд на темного дерева напольные часы в углу. Маленькая стрелка перевалила за одиннадцать.

— Вот чтобы тебе спокойнее спалось, желательно ей уехать, в тот же Пятигорск, не позднее завтрашнего утра. Родители, к примеру, заболели, или младший

брат женится, или сестра родила. Причем уехать лучше всего на машине. Поезд, самолет — не тот вариант.

— Может, хватит загадками говорить?

— Кто же говорит? Просто выяснять ситуацию мы будем достаточно долго, за полчаса и с одного раза ты во все аспекты не врубишься. Мне намного больше потребовалось, не считая еще нескольких месяцев «предпродажной подготовки». Поэтому некоторое время тебе придется верить мне на слово и некоторые действия совершать «втемную». Как я твои команды на перевале выполнял.

Если б я тебе тогда через слово кричал: «А это почему, а это зачем, и вообще как можно стрелять в людей, которые нам пока еще ничего плохого не сделали?!» — где бы мы сейчас были? Согласен на такие условия, продолжим. Или я вернусь в свои апартаменты, а ты позвони Чекменеву и доложи о факте моего визита...

— Да ну тебя на хрен, Вадим! — Тарханов резким, почти забытым со времен полковых пьянок жестом выплеснул в рот полстакана предназначенного для совсем другого обращения напитка. Нервно нашарил папиросу, глубоко, со вскрипом, затянулся. — Там одно, здесь другое...

Ляхов с тонкой, «негодяйской» усмешкой постукивал мундштуком своей папиросы по крышке коробки. Его посудина стояла нетронутой.

— Так я что, пойду, да?

— Да сиди ты, мать твою... — Тарханов прекрасно понимал, что друг поставил его в безвыходное положение выбора между личной честью и присягой.

— Так присягу ты не Чекменеву давал, — с удивительной пронизательностью пришел ему на выручку Ляхов. — Мы с тобой даже и князю в должности Императора еще не присягали, а исключительно Державе Российской. Каковой наша помощь именно сейчас как никогда требуется.

— Ладно, гори оно все огнем! Что я должен Татьяна сейчас сказать? И при чем тут она вообще, хоть это объясни, а то ведь я тоже умею бывать нервным!

— Она лично — почти ни при чем. Но вокруг нее вяжутся совсем нам не нужные схемы. Нет, правда, времени у меня совсем на долгие объяснения! Только пока она здесь, тебе не работой, тебе совсем другим заниматься придется. Заложник она, понимаешь? Не знаю чей, но заложник. Уберем ее отсюда, выведем из игры хоть на время, у нас с тобой свобода маневра появится...

Тарханов провел ладонью по вспотевшему лбу. Он и сам все время что-то такое, не совсем нормальное вокруг жены ощущал, то интуитивно, то по ее случайным словам, то по не совсем адекватному поведению. Да что он, и там, в «потусторонности», не чувствовал постоянно, насколько естественна Майя и как не по обстановке напряжена Татьяна? Поначалу, конечно, такое может показаться и обычным. Когда берешь женщину с большим и не с тобой приобретенным жизненным опытом, не следует слишком удивляться, что она не такая, как тебе воображалось. Но и определенные границы тоже существуют.

А Ляхов, будто не заметив его реакции, продолжал совершенно спокойным тоном:

— А ей так скажи. Что обстоятельства, ваши личные, а также государственные интересы требуют, чтобы она немедленно собрала самые необходимые вещи, а в семь, скажем, ноль-ноль, а еще лучше — в шесть ты подашь к крыльцу автомобиль, который и отвезет ее в гости к маме. Недельки на две. Причем желательно, чтобы, пребывая в Пятигорске или его живописных окрестностях, она сильно не афишировала происшедшее с ней после отъезда в Москву, особенно — знакомство с высшими лицами Империи и свои нынешние титулы.

Неплохо бы, конечно, приставить к ней для при-

смотра и поддержки толкового офицера... Нет, я имею в виду офицера исключительно того же, дамского пола... Если у тебя есть совершенно надежная кандидатура... О! — тут же восхитился он собственной сообразительности. — Майя! Она сто лет уже мечтает посетить Кавказские Воды. И веселее им вдвоем будет, и от назойливости аборигенов отбиваться сподручнее. А компаньонку им я сам подберу. И начальству не заложит, чего от твоих сотрудников все равно ждать можно, при всей личной преданности, и... Ну, про «и» я тебе тоже потом расскажу. Звони.

Подчиняясь веселому, но весьма агрессивному напору товарища, Тарханов снял трубку.

— А если вдруг она тебя сразу не поймет — мне телефончик передай...

Действительно, разговор у Сергея с женой получился трудный. Ляхов мог об этом судить со своей стороны, слыша лишь половину диалога. И в какой-то момент потянулся через стол и взял трубку из руки Тарханова.

— Здравствуй, Таня. Это Вадим Ляхов. Я вижу, ты не все понимаешь. А Сергей просто не умеет объяснять просто и коротко. У него сейчас очень много другой работы. Так вот послушай меня! Ехать тебе совершенно необходимо. Это не тема для обсуждения. Просто вспомни все, от «Цветника» и до твоих последних сложностей... Сейчас все складывается еще хуже. Не для тебя лично, а вообще. Так вот это — единственный выход. И для тебя, и для нас с Сергеем. Чуть позже я все растолкую в деталях. С тобой поедет Майя, а на месте вас встретит еще одна хорошая девушка. Назовет пароль. После чего полностью на нее полагайтесь. И скучать не будете, и нам поможете. Договорились? Значит, собирайся.

— На что это ты ей намекнул? — подозрительно спросил Тарханов, когда закончил уточнять детали и повесил трубку.

— Да лишь на то, что вокруг нас все последнее время нарастает напряженность необъяснимых явлений. В том числе и твоя с ней встреча сюда ложится, и захват бандитами Пятигорска, и тот чеченец в Нью-Израиле. Мы с ней как-то на катере побеседовали наедине, она ко мне исключительно как к врачу и ясновидцу обратилась. Оч-чень все не просто. Да и уже здесь она Майе жаловалась, что чувствует постоянный дискомфорт не совсем естественного происхождения. Поэтому ей действительно лучше вернуться в более привычную обстановку. Отдохнуть. Это я ей как врач посоветовал. Она согласилась...

— Да, — мрачно кивнул Тарханов. — Мне она тоже последнее время не нравится. Да и не только последнее. Вообще, как в Москву приехали, ей все время не по себе. Может, ты и прав...

— Кто бы спорил. Но ты же контрразведчик и с чертовщиной дело имеешь, должен соответствовать. Все, что сумею, — объясню в течение ближайшего часа. Но тылы наши должны быть обеспечены в любом случае. Дай-ка телефон, я с Майей тоже пока не говорил по известной причине, но, надеюсь, это будет легче.

Само собой, по ранее накатанной колее разговор получился легким и, на случай прослушки, вполне убедительным. Только вот о замене машины на полпути, еще кое-каких тонкостях, ранее согласованных, они не сказали ни слова.

— Одним словом, отдыхай, моя дорогая. Поезжайте и ни в чем себе не отказывайте. Возможно, в ближайшее время и я сумею к вам вырваться. А до этого — ну никак.

— Теперь объясни, — потребовал Тарханов, когда Вадим обрисовал ему расклад, — что еще за бабу ты вводишь в операцию? Нет, наверное, Чекменев не только туфту гнал! Откуда у тебя в Пятигорске собственная агентура «печенеговского» класса? Ты же никогда в тех местах не работал.

— А вот теперь я тебе все и объясню, — он посмотрел на свои наручные часы. — Лично я располагаю еще тридцатью тремя минутами. А ты — до шести утра. Проводи девушек и ложись спать. Вряд ли шеф до обеда тебя потревожит. А когда объявится, ты такую бомбу выдашь, что никакие дурацкие мысли ему пару суток в голову точно не придут. Ну а я... Я свой маневр знаю...

Информировал Ляхов Тарханова в соответствии с известным принципом. Все, что он рассказал, было чистой правдой, только далеко не всей. Да и как иначе? Кое-что услышать Сергей был просто не готов, еще многое знать ему пока не полагалось. Например, насчет другого Вадима, названного «первым». И о том, что его собственный двойник был почти убит в бою на перевале, а после счастливого излечения убыл в отпуск по ранению и выпал из поля зрения того Ляхова. Отчего-то в иной реальности дружбы между ними не сложилось. Или Шульгин, в отличие от Чекменева с Розенцвейгом, не считал нужным ее организовать.

Но и сказанного было достаточно.

И Тарханов поверил Вадиму сразу. А отчего же было не поверить? Мир бокового времени у него давно уже в печенках сидел, и в достоверности «советских» картинок сомнений он с самого начала не испытывал.

Так что все просто встало на свои места. Идея «комитета по защите реальности» также показалась ему совершенно естественной. Как будто они сами, обнаружив опасность со стороны бокового мира, не приняли бы чего-то аналогичного.

Ему сейчас важнее было узнать, какую именно роль собирается возложить на него Ляхов.

— Да никакой пока специальной. Просто будешь одним из нас, и задачи будем решать вместе, по мере их поступления. К обоюдной, заметь, пользе. Вот сейчас я дам тебе информацию для подходов к организаторам покушения на князя. Не всю, разумеется, всей

ты просто технически не успел бы накопать, и в глазах Чекушева это будет выглядеть подозрительно. Но и того, что дам, будет достаточно, чтобы связать вместе обрывки ниточек, которые ты не знаешь, куда приспособить. А там уже пусть «печенег» и прочие соответствующие службы нормальным порядком следственные действия проводят. Я тебе заранее скажу, до истинных организаторов вы в ближайшее время все равно не доберетесь и весь массив организации тоже не вскроете, но и того, что сделаете, будет достаточно. Начальству — очень убедительная картина заговора с приличным количеством исполнителей среднего звена. Тебе и прочим причастным — ордена и поощрения.

— А тебе?

— Мне, вернее, всей нашей Службе тоже польза немалая. Мы получаем возможность реализовать великолепный план прикрытия. С точки зрения наших *оппонентов* все, что вскоре начнет происходить, будет выглядеть именно как успешная, очень успешная деятельность местных спецслужб.

Как раз потому, что российская контрразведка будет действовать доступными ей методами и в пределах вполне естественного дефицита информации, никому из *посвященных* в голову не придет, что здесь замешаны иные силы. Там ведь тоже не дураки сидят, их организация никак не слабее нашего «Черного интернационала» будет. А возможно (тут я сам всего не знаю), они каким-то образом даже и взаимодействуют. Этакая межреальностная кооперация, возможно и неосознаваемая. Вроде как наведенная взаимоиндукция. Пожалуй, к этому делу Маштакова привлекать придется, глядишь, его приборчики и теории чего-то интересного нам подсказать смогут.

— Ну так давай твою информацию. У тебя всего 16 минут остается. К чему, кстати, такая точность?

— Для тебя это сейчас несущественно. Свой у меня расчет. Когда большое дело начинаешь, глупо на мело-

чи спалиться. Но уже завтра, я думаю, мы с тобой по-свободнее общаться сможем. Давай сюда твоё досье...

Уложился Ляхов в одиннадцать минут. Остальные пять ушли на инструктаж, каким образом Сергею следует держаться при проводах Майи с Татьяной и как реагировать, если Чекменев затеет с ним разговор на ту же тему, что и Ляхов сейчас, но в ином, конечно, ключе.

— А что, может затеять?

— Скорее всего. Потому что я собираюсь ввести его в курс. А вот если он тебя в известность не поставит, хоть в какой-то форме, тогда плохо. Тогда, значит, он тебе не доверяет ещё больше, чем мне. Тогда будем следующую схему активизировать. В любом случае наше дело правое, победа будет за нами.

Выйдя от Тарханова и вновь вернувшись в кабинет Шульгина, Вадим ещё успел захватить конец увлекательной встречи двойника с генералом.

— Видишь, встречу Фест проводит вполне грамотно, но, однако, чуть-чуть переигрывает. Хорошо, что Чекменев сейчас в расстроенных чувствах. Я вот разницу улавливаю. Двойник, в силу другого воспитания и жизненного опыта, держится пожестче тебя и по сторонам оглядывается чаще и пристальнее. Что и естественно, мир вокруг все же не родной. А мы ведь с ним довольно долго тренировались. Но это не беда. Для дебюта все равно неплохо.

Шульгин отключил экран слежения, когда Фест растворился в толпе, а Чекменев продолжал сокрушенно рассматривать спущенные колеса.

— Кто ж это так с ним пошутил? Не иначе — ночные таксисты. Ну, нам это только на руку. Ещё минут двадцать в запасе имеем. Держи, — он протянул Вадиму совсем маленький прибор, называемый здесь «видеоплеер». На коробочке чуть больше спичечной имелся экран размером в две почтовые марки, тонкие про-

вода заканчивались капсулами величиной с горошину. Обращаться с этой техникой Ляхов уже умел.

— Просмотри и прослушай их разговор по секундам. Наизусть все реплики выучи, чтобы при встрече с генералом — никаких разночтений и самостоятельности. И — пора «домой».

Вадим шагнул в прихожую своей «камеры», торопливо разделся, включил на полную мощность воду из крана и присел на край ванны, чтобы быстренько уяснить, о чем там вел беседу двойник с генералом. Канву-то разговора и идею его он в общем знал, но тут важны были именно детали, конкретные слова, интонации, да и сам маршрут тоже. Вдруг для достоверности придется вернуть внешне малозначительную, но точную географическую привязку конкретной фразы к местности.

ГЛАВА 6

Возвращаясь домой, Чекменев был готов к чему угодно. К автоматной очереди в лобовое стекло машины из любой густой тени под деревьями, к вылетевшему на встречную полосу тяжелому грузовику. И, въезжая во двор своего коттеджа, ставя машину в гараж, поднимаясь на крыльцо, тоже испытывал тяжелый внутренний напряг.

Только когда закрылась за ним массивная, пуленепробиваемая дверь, когда перешелкал он в позицию максимальной активизации тумблеры всех систем внутренней защиты, немного отпустило.

Такого состояния он давно не испытывал. А ведь вроде ничего такого особенного не случилось. Бывали, не раз бывали куда более тревожные, даже безвыходные ситуации. А тут чего ж? — ну, не сумел четко разыграть заранее намеченную партию, противник нашел совершенно неожиданный, непредусмотренный теорией дебют, получил перевес в качестве.

★

Ладно, проехали, другой раз умнее будем. Ну, потом поговорили приватно с товарищем, сообщившим не совсем обычные вещи. Ну — узнал он, что Вадим Ляхов легко умеет покидать особо охраняемые помещения и возвращаться в них, не отключая тревожную сигнализацию, а просто ее игнорируя. Иначе ведь, будучи один раз отключенной, она не смогла бы выдавать на пульт стандартные показатели нормы. А он ушел, пришел, и все осталось, как было.

Не выдержал, снова набрал порученца.

— Что с объектом?

— Все в порядке. Помылся в ванне, сейчас лежит на кровати, курит, читает. Не разберу издали, что именно...

— Неважно. Как выглядит?

— Похоже, полная норма. Возле кровати на полу бутылка. Глотнул из нее один раз, больше не трогает.

— Техники ничего не говорили? Сбоев напряжения, помех на экранах, посторонних звуков на пленке не было?

— Никак нет, все чисто. У нас же не один объект на контроле, и сети запараллелены...

— Ладно, все. До завтра он меня больше не интересуется.

Бросил трубку на рычаг. Нет, это совершенно черт знает что!

С другой стороны, чего уж так нервничать? Что, проще было, когда сразу пять человек исчезли мгновенно и неизвестно куда? А потом еще и живые покойники объявились. Причем он тогда совсем ничего не знал, вынужден был полагаться только на смутные речи Маштакова. И ничего, пережил как-то. Даже, можно сказать, с честью. Ну и сейчас, наверное, такой же точно скачок через боковое время. Без приборов? Ну и что? Этот вопрос тоже обсуждался. Нет, нет, надо отвлечься, как любит выражаться тот же Маштаков, от сложностей технической реализации и смот-

реть в корень. Все остальное — данность, которую нужно принимать как есть.

Но все же, отчего так погано на душе? Действительно, надо немедленно выпить и начать рассуждать трезво.

Достоевский, кажется, писал, что одно из самых непереносимых чувств — ощущение напрасно сделанной подлости. Нет, не тот случай. Подлости он не совершал. Нормальная работа, которую по определению не делают в белых перчатках.

Единственная причина дурного настроения — что он впервые за многие годы утратил контроль над ситуацией. Теперь не он, теперь его «играют втемную». Давай, значит, Игорь Викторович, примем и это, чтобы в подходящий момент, когда противник совсем этого не ждет, вновь овладеть ситуацией «Ад майорем деи глорIAM¹».

Вот прямо сейчас и начнем. Иногда наедине с собой генерал любил рассуждать вслух. Если его никто не мог услышать, разумеется.

Что мы имеем «в широком плане»? Общая обстановка более чем благоприятна. Воцарение Олега прошло по самому оптимистическому сценарию. Никто, даже непримиримая оппозиция пока не предприняли сколь-нибудь значительных акций протеста или гражданского неповиновения. Для этого, конечно, пришлось поработать.

До всех более-менее значащих лиц питерской власти и лидеров думских фракций своевременно было доведено, что нелояльность чревата вещами неприятными. Интернирование² на неопределенный срок —

¹ «К вящей славе Господней!» — девиз иезуитов. В нужное время произнесенный, избавлял даже от клятвы на Кресте.

² И н т е р н и р о в а н и е — фактически, пленение гражданских лиц или военнослужащих, на начало военных действий оказавшихся на территории противника либо его союзников.

как минимум. Плюс колоссальные финансовые потери. И, наоборот, разумное поведение влекло за собой адекватное вознаграждение. Сохранение всех мыслимых свобод и прав личности, сложившейся партийно-политической конфигурации, а также всевозможные преференции личного плана. Дотации, государственные должности, прочие блага и перспективы.

Народ же в массе своей был только рад. Царь — он и есть царь. Защитник от недобросовестных властей и заступник перед Богом. Тем более что вся Россия знала, как хорошо и спокойно жилось в «Московии», вотчине Местоблюстителя. Знала и завидовала. Ну ничего, теперь, глядишь, и мы заживем!

За исключением двух-трех маргинальных деятелей, которых свободно можно было «вывести за скобки», лидеры всех практически партий и движений согласились подписать так называемый «Берендеевский пакт».

Оглашенный при большом стечении представителей общественности и прессы в загородной резиденции Олега Первого (предыдущий Олег, хотя и был уважительно поименован Пушкиным «вещим», в номенклатуру самодержцев не входил), документ провозглашал, что в целях дальнейшего прогресса и процветания Отечества все высокие договаривающие стороны признают необходимость и благотворность смены государственного устройства России (как это в свое время и было дальновидно предусмотрено Учредительным собранием).

В соответствии с тогда же принятым (впрок) Законом о престолонаследии новый Император торжественно обязуется перед Богом и людьми соблюдать Российскую конституцию в полном объеме, без изъятий, не предпринимать никаких действий и законодательных актов, влекущих за собой ухудшение правового и материального положения отдельных лиц, сословий, конфессий или иных организаций граждан Империи,

ограничение ныне существующих личных свобод, а также и неизбежность государственных границ.

Партии же, профсоюзы и прочие представленные здесь структуры гражданского общества в свою очередь берут на себя обязательство честно и нелицемерно устремить все свои силы и возможности к дальнейшему процветанию державы, работать в тесном взаимодействии с государственными учреждениями во всех сферах, где такое взаимодействие окажется необходимым.

Одновременно не ставится никаких преград и ограничений оппозиционной деятельности как всех вышеперечисленных организаций, так и еще могущих возникнуть в процессе естественного развития государства и общества. При единственном условии — ныне оформленное государственное устройство не может подвергаться сомнению в своих основах, любые как деяния, так и призывы к его изменению признаются противозаконными и будут караться согласно соответствующим статьям и пунктам «Уложения о наказаниях».

Единственным легитимным органом, который имел право пересмотра как данного «пакта», так и системы власти в целом, признавался Всесословный Земский Собор, который мог быть собран либо всенародным волеизъявлением, либо по требованию двух третей списочного состава Государственной думы, что так же предусматривалось решением Учредительного собрания в далеком 1920 году.

Документ получился хороший, если и подвергался в некоторых изданиях критике, так по преимуществу по вопросам стилистическим. Да и что тут особенно критиковать?

Польша была в очередной раз «окончательно заморена», и в честь своего восшествия на престол Олег Константинович объявил широчайшую амнистию для всех участников вооруженного мятежа, за исключени-

ем самых уж одиозных, виновных в преступлениях против человечности персон.

Одновременно гражданам «западных территорий» (без учета национальной и религиозной принадлежности) даровались некоторые дополнительные права, никак, впрочем, не ущемлявшие интересы жителей центральных губерний. Обитатели же южных и восточных окраин Империи на данный Указ внимания вообще не обратили, поскольку то, что их действительно интересовало, — свобода хозяйственной деятельности и сохранение традиционной системы внутриобщинного правового регулирования — они имели с незапамятных времен, а общероссийской Конституции для общения с внешним миром им вполне хватало.

Стремительность и относительная бескровность подавления Смуты, а также и то, что на западных рубежах появилась мощная и доказавшая свою боевую эффективность группировка Гвардии, весьма поспособствовали тому, что всякого рода политические спекуляции в свободной европейской прессе плавно сошли на нет. Официозы же и высшие органы власти, с самого начала событий проявлявшие разумную сдержанность, хором заявили, что изменение формы правления является исключительно внутривосточным делом, направили Олегу Константиновичу поздравительные послания разной степени теплоты и стали ждать приглашений на коронацию.

В благодарность за проявленное благоразумие Император на одной из первых пресс-конференций сообщил, что Россия намеревается выполнять все свои международные обязательства, в том числе и в рамках ТАОС, столь же неукоснительно и последовательно, как и всю свою предыдущую историю.

Короче, «мир на Земле и в человецех благоволение».

Но ведь покушение на князя так и не раскрыто! И загадки вокруг этого дела громоздятся одна на другую, и все — чертовски неприятного свойства.

Теперь вот, значит, новый афронт! Как черт из табакерки, возникает Ляхов, а за спиной его маячит некая тайная организация по спасению «Урби эт орби»¹.

Угроза для России и вообще европейской цивилизации, разумеется, есть, как не быть. Он сам подавал князю меморандум иностранного профессора о грядущей опасности наступления *Темных веков*.

И «Черный интернационал», само собой, никуда не делся. Но с ним-то мы, даст бог, разберемся, силенок хватит. Заодно в нем и польза есть, расслабляться не позволяет, держит мировое сообщество в тонусе, и военные кредиты Дума утверждает без волокиты.

Но не о «Черном» ведь «интернационале» говорил Ляхов. А вот если те, «другие», с боковым временем лучше нашего освоились и в своих целях его станут использовать, Вадим прав — мало не покажется. Мы вон один только раз под Радомом им попользовались для проведения батальонной, всего лишь, операции, и то какой эффект! А если несколько дивизионных, корпусных, армейских, да в разных местах?! Тушите свет, господа. Тут вам ни Чекменев не поможет, ни славный Экспедиционный корпус. И, значит, с Ляховым нужно говорить всерьез. А еще лучше не с Ляховым, а с теми, кто его завербовал и послал.

Ночь незаметно близилась к концу, как и коньяк в черной круглой бутылочке. Генерал понял, что главное решение он принял, а детали проявятся сами, по мере развития событий. Теперь же следует поспать, никогда не знаешь, когда удастся это сделать в следующий раз.

Нужно сказать, арестовывая Ляхова, Чекменев считал, что поступает совершенно правильно, и под эту идею у него была подведена вполне непротиворечивая

¹ Города и мира (лат.).

теоретическая база. Если вообще стоит говорить о теории в той области, где очень многое, если не все, решается сначала на основе интуиции, а «теория» призвана интуитивные озарения расшифровать до пригодного к практическому применению уровня.

А сейчас, когда он ворочался в постели, пытаясь заснуть, его переутомленный мозг, на тонкой грани яви и сна освобождаясь от обилия информации и запретельных нагрузок, начал конструировать некий сюжет. Как если бы, вызванный *на ковер* к старшему начальнику, не хуже Чекменева владеющего *профессией*, которому нельзя, бессмысленно и бесполезно врать, он вынужден давать отчет. Не излагать правдоподобную версию своих мотивов, а именно давать отчет, конкретно и по каждому пункту. С последующей самооценкой результатов.

«Да, ваше высокопревосходительство, я имел совершенно несокрушимые резоны, что господина Ляхова необходимо взять в самую серьезную разработку. Этот человек внушает подозрение самой своей безупречностью, а мы ведь с вами знаем, что безупречной может быть только не очень талантливо написанная легенда. Любой нормальный человек являет собой конгломерат свойств хороших и не очень, у него обязательно есть грешки, мелкие и покрупнее. Наряду с поступками, которыми следует гордиться, имеются и «скелеты в шкафу». Короче, с «нормальным» человеком людям нашей профессии работать достаточно легко. Полковник же Ляхов в этом смысле — «ненормальный». Поначалу я не обратил на это внимания, но постепенно, с течением времени... Выяснилось, что его совершенно не за что ухватить. Ни в предыдущей биографии, ни в текущей жизни, когда мы сами постарались сделать из него то, чем он является сейчас. Он всегда поступал именно так, как следовало бы по «легенде». (Если бы она у него была, эту оговорку я признаю.) Что на учебе в Академии, что на любом другом участке службы, что в личной жизни.

Не клевал ни на одну приманку, которые я ему время от времени подбрасывал. Очень деликатно и, я бы сказал, изящно ушел от всех хоть немного сомнительных в понятиях строгой офицерской чести предложений членов клуба «Пересвет». В его возрасте и положении тяга к невинной фронде вполне естественна, но он избежал и этого соблазна. До самого момента «провала» в боковое время не допустил, скажем так, ни единого выходящего за рамки поступка.

Даже когда у него возникло нечто вроде романа со старой подругой, той самой Еленой, женой дипломата, после завершения истории с саблей и синхронизаторами «Гнева Аллаха» (здесь он тоже проявил себя безупречно), он немедленно прекратил с ней всякие личные отношения. Как бы опасаясь, что связь с достаточно подозрительной, много лет проводшей за границей, так или иначе связанной с «Черным интернационалом» женщиной может бросить на него тень. Зато полностью сосредоточился на дочке прокурора Бельского и в считанные дни завоевал благосклонность, даже, можно сказать, пылкую любовь той, которая прославилась именно внешне яркими интрижками и фактической *неприступностью*, ни один светский Казанова никогда не мог сказать, поклявшись честью, что добился от нее чего-нибудь большего, чем вечер наедине. Про ночь — не знаю. Фактов нет. Тоже интересно, правда?

Или он владеет специальными, секретными приемами обольщения, или эта связь является очередным звеном плана, в котором замешан и сам нынешний Генеральный прокурор? Кстати, прошу обратить внимание, заключение о возможности назначения господина Бельского на этот пост дал ближайший друг и сорудник Ляхова — Максим Бубнов...

А как же быть с «верископом», спросите вы? Разве этот ценный прибор, созданный при участии Ляхова и немедленно им переданный в наше распоряжение, не

есть неубиваемое доказательство его полезности и преданности? Не есть, отвечаю я. Мы, по своей недостаточной технической образованности, просто не в состоянии оценить все свойства данного прибора и последствия его применения.

С тем же успехом он может использоваться для внедрения нужных Ляхову (или кому-то еще) людей на все уровни государственной и военной службы с непредсказуемыми последствиями. Или (это только недавно пришло мне в голову) для программирования людей, подобных тем, что покушались на Князя. Чтобы не длить этот доклад, резюмируя, могу сказать, что фактически любой поступок господина Ляхова может трактоваться именно в том ключе, как я только что продемонстрировал.

Да вот только один пример. Друг Ляхова Тарханов захватывает в плен эмиссара Ибрагима Катранджи — Фарид-бека. Мы проводим с ним работу, перевербовываем, он соглашается стать двойником-резидентом в Варшаве. И в самый неподходящий момент Фарид, который только начал давать ценную информацию и выполнять поручения по разложению Всепольского комитета, погибает. И убивает его некий поручик Уваров, с помощью друзей Ляхова вызванный аж из Средней Азии и направленный именно в отряд «Печенег». И в его составе — в Варшаву! Это тоже случайность? Согласен. И могу привести еще столько «случайностей», что пальцев на двух руках не хватит.

И все же, ваше высокопревосходительство, я так и не сделал еще окончательного вывода, потому что на каждый свой внешне безупречный довод тут же находил контрдовод, тоже формально безупречный.

И что же мне прикажете делать?

Чашу моего, фигурально выражаясь, терпения переполнило покушение на Великого князя. Поскольку здесь отчетливо прослеживалась все та же инвариантная цепочка: Ляхов — верископ — живые покойни-

ки — неизвестное устройство для воздействия на мозг — полное отсутствие материальных улик — безусловная заинтересованность «Интернационала» или какого-то из его подразделений в пленении князя.

Понимаете, в течение предпоследнего года никакого Ляхова не просматривалось нигде, и вдруг его стало *очень много*. А этого не позволяет простая теория вероятностей. Нет, физически он существовал, я его прокрутил по всем существующим учетам, и внешне с ним везде *чисто*, но это совершенно ничего не доказывает. Завербовать его могли когда угодно и где угодно. Поскольку наблюдения за ним никогда не велось, *нашими службами*, я имею в виду, а российское МГБ никогда *всерьез мышей не ловило*, спецподготовку он мог проходить неограниченное количество раз, начиная с первых университетских каникул и вплоть до поступления в армию. Тут уже ничего не проверишь.

Одним словом, господин Ляхов имел полную *физическую возможность* стать агентом кого угодно.

Но вот *нравственной необходимости*, насколько я разбираюсь в людях, у него не было.

Эта дилемма и заставила меня *обострить партию*.

Арестовать Ляхова, испробовать его на сгиб и кручение, убедить или заставить в письменном виде ответить на все поставленные мною вопросы. Потом, естественно, сличить все его ответы с имеющейся информацией. Прогнать на электронной машине написанный им текст на предмет поиска стилистических, фактографических, эмоциональных несообразностей. После чего принимать окончательное решение.

Если он сумел бы разубедить меня во всех, я повторяю — во всех сомнениях, ибо даже один непроясненный факт не позволяет привлечь человека к нашим делам «на равных», я бы включил его в свой личный, особо секретный «мозговой центр». Такие нам нужны, таких у нас чрезвычайно мало.

Верископ, говорите вы, ваше высокопревосходи-

тельство? А вот в эту штуку, хотя бы применительно к Ляхову, я не верю. Во-первых, он сам разработчик программы и наверняка знает, как ее можно обмануть. Во-вторых, единственный специалист, который по-настоящему умеет работать с аппаратом — доктор Бубнов, как сказано, его близкий друг, находящийся, между прочим, под полным влиянием подозреваемого. В таких условиях достоверность проверки крайне сомнительна. По старинке оно надежнее.

Да, ваше высокопревосходительство. Я ошибся. Это смешно звучит, но все время переоценивая Ляхова, я самым дурацким образом его недооценил. Это случается, редко, но случается. Он не сломал меня, конечно, но очень резко *перегнул*. Я просто не был к этому готов. Я рассчитывал, что игра будет на моем поле. Примерно, как с Фаридом. Но Ляхов мгновенно перехватил инициативу. И вернуть ее я так и не смог.

Потому что нажим с его стороны шел по нарастающей, причем каждый очередной удар был просчитан так, что сбивал меня с позиций, на которых я только-только пытался закрепиться. Разумеется, самый сильный его ход — это когда он сел ко мне в машину. Мысль о том, как это было сделано, мешала сосредоточиться. Если бы мы продолжали разговор в камере «семерке» или в моем кабинете — я рано или поздно нашел бы нужный ход. А тут... Какая оперативная игра с человеком, который умеет проходить сквозь стены и, возможно, читать мысли?

Но я не сдался, ваше высокопревосходительство, ни в коем случае не сдался. Завтра мы перетасуем карты и начнем еще раз.

Все, что он мне наговорил насчет грядущей гибели мира и своих могущественных покровителей, я приму как данность. В этом нет ничего страшного. Все очень просто. Если он сказал правду — сопротивляться просто нет смысла. Наверняка умение проходить сквозь стены — такая мелочь... Фокус для учеников przygotowательного класса. Его хозяева должны уметь неизме-

римо больше, особенно если приходят из мира, намного опередившего наш.

Если же Ляхов блефует — я рано или поздно это пойму, и реванш не заставит себя ждать. У нас хватит людей и возможностей, чтобы навязать игру по нашим правилам. Как всякий двойной агент, он волей-неволей вынужден будет прежде всего делать то, что нужно нам, а уж *первым хозяевам* пойдут крошки с *барского стола*.

Он, кстати, сказал неглупую вещь: «И мое предложение, деятельность моя и моих друзей никоим образом для вас, для Государя Императора, России опасности представлять не может и никакого злого умысла вы даже под микроскопом не разглядите. В чем, кстати, сможете убеждаться постоянно и непрерывно, поскольку все мои предложения и инициативы всегда доступны самому тщательному анализу, а главное — отнюдь не будут являться для вас категорическим императивом. Мы вам будем сообщать, что на текущий момент дела в России и вокруг нее обстоят таким вот образом и что поступить, по нашему разумению, следует так-то. А остальное — за вами».

Спорить с этим трудно — одиночка, даже супергениальный, всегда проиграет *структуре*. Просто потому, что циркач, умеющий ловить руками летящие в него ножи, может поймать пять или десять, но никогда — сто, летящих одновременно и с разных направлений...

— Хорошо, Игорь Викторович, — якобы ответило *высокое лицо*, — ваши объяснения принимаются. Работайте дальше. И не надо больше заниматься самобичеванием. Непроправимых ошибок вы пока не совершили. А что пропустили удар... Ударов бояться, на ринг не ходить. И еще у нашего народа есть мудрая поговорка: «Нас долбают, а мы крепнем». Отдыхайте, господин генерал...

Но Чекменев и так уже спал крепким, сулящим легкое и приятное пробуждение сном.

...Не сказать, конечно, что пробуждение генерала было совсем уж приятным, но встал он собранный и готовый к борьбе. Пригрезившийся ему «генералиссимус», эманация глубинных слоев подсознания, перед которым он якобы отчитывался и оправдывался, тоже приободрил. Не все слова и идеи их разговора Чекмеву запомнились дословно, но главное осталось. Уверенность в том, что Ляхову, по большому счету, его провокация не удалась, то есть цель — окончательно сбить его с укрепленных позиций, принудить к капитуляции или обратить в беспорядочное бегство — недостигнута. И теперь он знает, как правильно построить очередной разговор.

Бреясь «опасной»¹ золингеновской бритвой (Чекмев с молодых лет любил это занятие, требующее верной руки и дающее великолепную гладкость кожи), он просчитывал предстоящие ходы, свои и противника. Нет, Ляхова не следует воспринимать как противника даже в глубине души. Это может быть замечено. Партнера, даже почти союзника, с которым сохраняются некоторые разногласия. Вот так.

Он приложил к лицу горячий компресс, потом припудрил специальным умягчающим и омолаживающим порошком, в заключение попрыскался сухо и горько пахнущим одеколоном.

Теперь — вперед!

Вначале он направился в свой кабинет и вызвал Тарханова с докладом.

Судя по лицу полковника, спал он сегодня вряд ли больше пары часов, причем не раздеваясь.

«Старается, имея в виду судьбу своего дружка, или

¹ «О п а с н а я» бритва — популярный с древних времен до 60-х годов нашего века инструмент в виде плоского, крайне острого клинка. Уступая «безопасным» бритвам «Жиллетта» в удобстве пользования, превосходил качеством. Лучшими считались произведенные в г. Золинген, Германия.

просто начатое дело прервать не мог?» — мельком подумал Чекменев, ни мимикой, ни тоном не выражая совершенно никаких внеслужебных эмоций.

— Давай. Что у тебя на сегодня?

Тарханов положил перед собой на приставной стол специальную, с вытесненным на обложке грифом высшей секретности папку, проложенную внутри обложек тонким стальным листом и снабженную секретным замком.

— Чаю хочешь? — неожиданно спросил Чекменев. — Не пил еще?

— Никак нет. Ночью кофе пил.

— Распорядись. Чай, лимон, бутерброды. Я тоже не завтракал.

Тарханова не оставляло внутреннее напряжение. То, что он собирался доложить начальнику, могло резко изменить не только текущую обстановку, но и вообще формат деятельности возглавляемого им управления. И даже многое на более высоких уровнях. Как это отразится на его личной судьбе и карьере — тоже пока непонятно. Единственное, в чем Сергей был уверен, что Ляхов его «в обиду не даст». Умел друг внушать оптимизм, и не только оптимизм, а вообще веру в то, что все будет так, как он просчитал и спланировал.

— К другу своему заходил? — неожиданно спросил Чекменев, тщательно давя ложечкой кружок лимона.

— Нет, — вскинул голову Тарханов.

— А чего же так? — удивился генерал. — Я тебе этого не запрещал, в мое отсутствие ты в управлении полноправный «старший по команде». Вполне бы мог навестить Вадима, поговорить, приободрить, узнать, что он сам по этому поводу думает. Не по-товарищески ты поступил. И в отношении Ляхова, и меня тоже. Я разочарован. Толковый заместитель имеет право на инициативу, лишь бы потом сумел ее начальнику грамотно обосновать...

Злость, захлестнувшая Тарханова, выразилась лишь

в том, что он прикусил нижнюю губу, да и то так, чтобы со стороны было незаметно.

— Извините, Игорь Викторович. Инициатива — это не по моей части. Я предпочитаю приказы и инструкции исполнять. Ляхов вон был сильно инициативный. Вы его и отблагодарили. И Стрельников...

А я что? Велено покушением заниматься — занимаюсь. Тем более что жандармерия от этого дела аккуратненько отстранилась, за ними с запросами и отношениями дольше бегать, чем самому сделать. Так что не взыщите. Доклад я вот подготовил.

— С докладом успеем. А это что же — бунт на корабле? Или итальянская забастовка? Я тебя на должности зачем держу? Приказы исполнять? Ты прежде всего думать должен! Стратегически и нестандартно. А исполнителей без тебя хватит!

Тарханов испытал приятное чувство свободы. Ну вот и слава богу. Есть повод...

Он отодвинул стул, вытянулся, как положено артикулом.

— Прошу отставки, ваше высокопревосходительство. Стратегически мыслить не умею. Командир батальона я по последней строевой должности. В Академии не обучался. Тактику, да, знаю. И что исполнять положено последний по времени приказ непосредственного начальника. Ежели же таковой приказ представляется неправильным или даже преступным, следует, тем не менее, приступить к его исполнению, доложив, по возможности, свое особое мнение по команде в письменном виде!

Вид у полковника был настолько решителен и непреклонен, что Чекменев второй раз за сутки растерялся.

А здесь что делать? Тарханов прав по всем позициям, служебным и человеческим. И уж его-то зацепить совершенно не за что. Хотя ведь невооруженным глазом видно, что *нарывается*. Таким вот формально безу-

пречным способом перчатку в лицо бросает. Службу, мол, исполняю, как учили, а вы с вашими методиками плаща и кинжала катитесь в задницу!

— Ты это, садись, — устало сказал Чекменев. — Хватит с меня ваших... — подумал и употребил слово совершенно непристойное, тем более в его нынешнем рафинированном амплуа, в которое он с утра старательно вживался. — Обидел я тебя. Друга арестовал. Тебе собственные сокровенные планы не огласил вслух и при большом стечении народа. Думать заставляю. Ты это умеешь, но лень тебе! Комбатом больше нравится. Да хоть сегодня сделаю! Скажи только где. Могу — на Сахалине. Могу — в Преображенском, на плацу подковками греметь и шашкой салютовать. Чин позволяет. Я все могу. А работать мне с кем? Интересы Отечества охранять? Гордые вы тут все. Одного арестовать нельзя, другому замечание по службе сделать. Зажрались, герои пустынных горизонтов! А ну, снова — встать, смирно!

Тарханов выпрямился, прижав полусогнутые ладони к кантам бриджей.

И Чекменев встал, осмотрел полковника от носков сапог до прически и обратно. Подошел, коснулся пальцем орденских планок на кителе.

— Служил и служить будешь, где приказано. Запомни. Мне тебя воспитывать некогда. И других искать некогда. Не можешь — научим, не хочешь — заставим! Обиды — тоже в задницу. Желательно — в чужую. Садись. Докладывай.

Давно Тарханова так не драили. С песочком, как палубу на флоте. И фронда его ушла в тот же песок. Возразить Чекменеву в этой постановке вопроса было совершенно нечего. Но зато и сказал он тоже почти все, что хотел. И до адресата его слова дошли безусловно. Что следовало из его же реакции.

Сергей раскрыл папку и неторопливо, спокойно, будто и не было между ними этой эмоциональной вспыш-

ки, рассказал, что он сумел установить организаторов покушения на Князя. Назвал имена главных на данный момент фигурантов, очень непростых людей, в том числе известного банкира, генерала интендантской службы, депутата Думы, еще кое-кого. И адреса явочных квартир, схему проработки и исполнения акции.

— Вот на самую верхушку еще не вышел. Где и как людей программируют — тоже не знаю. Пока. Но если санкцию дадите — этих возьмем, допросим со всем тщанием, новую цепочку прихватим, — Сергей с каменным лицом подвинул Чекменеву папку. То есть результат принимай, но насчет прежних отношений — извините.

Генерал опытным глазом прирожденного оперативника в минуту просмотрел *материал*, откинулся на спинке кресла.

— Ты это... Ну, поработал. Слов нет. А говоришь — стратегическое мышление... А данные-то откуда, откуда такие данные? Где они так засветиться могли? Покойники их не сдали, с нашей стороны никто не подставился. Как вышел?

— Агентурная работа, Игорь Викторович. Там словечко, там два, там не с тем в карты сел играть, там расплатился двухмесячным жалованьем и сдачи не взял. Вот и...

— Агенты — кто? — Чекменев подался через стол и впери в Тарханова сверлящий взгляд.

Ну, уж на такие начальственные *зихера* не ловятся даже полицейские приставы. Сергей откинулся на спинке стула и впервые за разговор без разрешения взял из лежавшей перед ним коробки папиросу. До этого — тональность встречи не позволяла. Значит, опять прав Вадим.

— Если позволите напомнить, Игорь Викторович, агент потому и агент, что свято верит в то, что, кроме сотрудника, его завербовавшего, никто и никогда о

его роли не узнает. Вся система на этом держится. И я вам никого не сдам. Разве что, уходя в отставку, из рук в руки сменщику при личной встрече. И то, если агенту новый шеф не понравится, успешной совместной работы не гарантирую. А то вы сами этих азов не знаете...

— Ну достали вы меня, ну достали, — с тоской в голосе произнес Чекменев. — Эй, Полиханов! — позвал он командирским голосом адъютанта, словно забыв о существовании звонка. Тот услышал через две дубовых двери.

— Две рюмки водки, быстро, и иди, жди нас возле «семерки».

Взглядом приказал Тарханову выпить, закуски не предложил.

— Устрою я вам, мать вашу, братья разбойники, очную ставку. Ох, устрою. Пошли!

— Пистолет сдать прикажете? — Тарханов потянулся к застёжке кобуры.

— Слушай, Серега, ну не доводи ты меня до крайности, ну не доводи! Пистолет себе оставь, в шкафчике вон автомат можешь прихватить, знаю, что он там у тебя хранится. И у дружка твоего в секретной тюрьме «браунинг» в голенище спрятан, тоже знаю. Пулемет дегтяревский нужен — прикажу прямо в номер подать. Салфеткой накрытый. Давай за мной!

Чекменев почти бежал по коридорам Управления. Постовые унтера не успевали отдавать честь.

Остановились перед дверью «семерки». В этом ответвлении запутанных переходов построенного еще в XVII веке здания располагалось, соответственно, еще несколько комнат и камер с номерами от первого и выше. Седьмая была самая комфортабельная.

Тарханов никогда не видел своего шефа в столь *вздернутом* состоянии. Он и магнитным ключом попал в прорезь не с первого раза.

Это как же нужно довести и достать человека!

Тарханов проникся к другу Ляхову еще большим уважением, чем при наблюдении, как тот управлял кораблем.

На перевале что, на перевале нормальная стрельба. Верь в себя, держи позицию, повезет — победишь. А вот держать в руках две тысячи лошадей и соображать, как и куда их направить, если в небе непонятная россыпь звезд, а компас указывает стрелкой совсем не туда (девиация называется), куда должен на привычной пехотной карте, — вот это талант.

Вошли они в просторные апартаменты, если это слово применимо к приличной, но все же тюремной камере (видел бы Ляхов остальные! Те куда *однозначнее*).

Вадим валялся на кровати, слушал классическую музыку и курил. Курил довольно давно, поскольку дым висел слоями в комнатах, в прихожей, а выходить ему было некуда, все окна заперты. Только потихоньку в вентиляционную решетку, наполовину изнутри закрытую камерой наблюдения.

— О! — восхитился он, вставая. — Гости у нас. Рад приветствовать, располагайтесь.

Чекменев посмотрел на Ляхова так, словно испытывал сильнейшее желание и его поставить «смирно». Но вовремя сообразил, что это уже будет перебор.

Опустился в кресло, забарабанил пальцами по столу.

— Твоя работа? — указал на папку в руках Тарханова.

— А что там? Мне через обложку не видно.

— Схема организации, устроившей покушения на князя. На мой взгляд, довольно убедительная. По крайней мере, непротиворечивая. Наверху — товарищ председателя Московской городской Думы Лубенцов. Его ближайшие помощники, курирующие каждый свое направление. Тут вам и выход на армейские круги, и финансовая группа, и связи с прессой, и научные институты... То есть все возможности в случае, если бы

акция оказалась успешной, сделать попытку перехватить власть в Москве. Ну а дальше... К сожалению, схема недоработана. Неясно, кто нашу «оперативную группу» направляет и сколь многочисленны и разветвлены «исполнительные структуры». Не Лубенцов же — претендент на верховную власть, и не с десятком, не с сотней даже боевиков такую авантюру затевать...

— Не к Каверзневу ли ниточки тянутся? — предположил Ляхов, а Тарханов продолжал хранить молчание. А что ему еще оставалось? Кроме тех нескольких листков, что ему вручил Вадим, и очень краткого устного инструктажа, он не знал ничего. За минувшие несколько часов придумал, конечно, кое-что, должествующее обозначить рабочий процесс, приведший к блестящему результату, черновиков понарисовал, но сам понимал, что его импровизации — не более чем судорожные попытки нерадивого ученика на экзамене изобразить ход решения задачи, ответ на которую содержался в подсунутой ему шпаргалке.

Но Ляхов заверил, что главное — вручить материал Чекменеву, а дальше не его забота.

— При чем тут Каверзнев? С тем давно все сговорено, свое он получил, и от любой смуты только проиграет. Тут совсем другое. Эх, ну как не ко времени твой Уваров Фарида убил. Туда все нитки тянутся. Туда. Нас пока спасает только их рассогласованность. Если бы четко наложились пятигорские события, польский мятеж и вот это, — он потряс папкой, — амбец бы нам. Конкретный.

— Так значит, опять нам с Сергеем следует почести воздавать. Если б не моя сабля, вы бы цепочку Глана не выкорчевали, враг имел бы еще одну независимую и весьма опасную в свете всего ныне известного боевую структуру. Если б Тарханов в Пятигорске им фишку не сломал, Фарида вам на блюдечке не поднес, там бы и по сей день полыхало, и польские события в самый бы раз подгадали. И без верископа вы ни Фарида

бы не перевербовали, ни через покойников на «новую» организацию не вышли. Не наводит на размышления, Игорь Викторович?

— Это ты Сергею материал подсунул? — игнорируя предыдущее, протянул Чекменев Ляхову теперь уже раскрытую папку.

Вадим бегом просмотрел листки, отпечатанные Шульгиным на той самой пишущей машинке, что стояла в приемной Тарханова. Дело несложное — изъять машинку, когда адъютант ушел и опечатал входную дверь, и через пять минут местного времени вернуть ее обратно. Пустяк вроде бы, но экспертиза подтвердит, где и когда изготовлена докладная записка.

— Когда бы я успел, Игорь Викторович? После моего возвращения мы с полковником едва ли больше трех минут оставались наедине, а потом я только с вами виделся, пребывая под замком и строгим надзором. — Он указал рукой на вентиляционную решетку.

Естественно, что об их встрече за пределами камеры Чекменев в присутствии Тарханова говорить не захочет по известной причине, намек же — поймет.

— Чтобы передать записку, и минуты хватит, — не слишком уверенно возразил генерал.

— При условии, что я, отсутствуя в Москве более двух недель, выполняя ответственное задание в Польше, в потустороннем Израиле, одновременно, тем не менее, присутствовал и здесь, и вел свое параллельное следствие, имея доступ ко всем материалам Бубнова и многим другим... И напечатал, неизвестно когда, три страницы текста через один интервал на машинке... Сочетается?

— Сочетается при условии, что твои вчерашние слова действительно правда.

— Что и требовалось доказать, — с легким торжеством математика, ставящего на черной аудиторской доске последнюю точку в ряду длинных вычислений,

заявил Ляхов. И подмигнул Тарханову, который совершенно уже ничего не понимал в происходящем.

— Все! — хлопнул ладонью по столу Чекменев. — Любую трепотню оставляем до лучших времен. Тарханов, раз он такой талантливый розыскник, немедленно организует изъятие всех упомянутых здесь лиц. На ордера и прочие формальности — наплевать. Мотайте каждого по полной. С верископом. Бубнова найти срочно. И, не теряя времени, — дальше, дальше, дальше. Брать всех, на кого появятся данные. Разбираться будем потом. «Печенегов» у нас сейчас сколько на месте?

— Около сотни наберу, — ответил Тарханов с невероятным облегчением. Прав был Вадим, пронесло.

— Остальных немедленно отозвать из Польши и окрестностей. Самолетами. Капитана Уварова в первую очередь. Доставить не позднее, чем к вечеру, и сразу сюда. Действуй. А мы с Ляховым еще кое-что обсудим. Да, немедленно передай в СМИ информацию, что в ходе расследования крайне опасного государственного преступления (без подробностей) арестована группа заговорщиков во главе с полковником Половцевым. Еще пару-тройку фамилий от фонаря вставьте. Создана специальная следственная группа, о ходе деятельности которой будет постоянно информироваться общественность. Ну, эти борзописцы, знаешь, о ком говорю, сами все разрисуют в лучшем виде. Иди, работай. Я постоянно на связи.

Но они уже не успели.

ГЛАВА 7

Что такое проснуться задолго до рассвета темной московской то ли ночью, то ли предутрием? Многим и многим это хуже ножа острого. Есть, конечно, люди, жаворонки в просторечьи, которым в удовольствие подскочить часиков этак в пять, одеться, вывести со-

баку на заснеженные газоны, подышать морозным, еще не загазованным воздухом, о чем-то таком возвышенном поразмышлять, пока все прочие люди спят в своих душных комнатах, беспокойно ворочаясь под одеялами в страхе перед неизбежным пробуждением и началом нового трудового дня.

Обычному же человеку, обреченному подниматься ни свет ни заря, что к поезду раннему, что к самолету, лучше вообще не ложиться. Даже бодрее себя чувствовать будешь.

Вот Татьяна и не ложилась больше после звонка Сергея, подкрепленного неожиданным вмешательством Ляхова.

Не будем сейчас разбирать психологическое состояние дамы, которой едва не горячим утюгом в грудь намекнули, что все ее интимные тайны таковыми не являются и только некоторая деликатность собеседников не позволяет назвать ее тем словом, которого она заслуживает. По крайней мере она восприняла все это именно так. Если Тарханов говорил достаточно неопределенно, настаивая лишь на ее отъезде, и она имела все права и основания с ним спорить, как и подбавляет жене, то мягкий голос Ляхова поверг ее едва ли не в ступор.

Он, конечно, знает все. И что-либо ему возразить она не могла по определению. Знала, что любое слово поперек сделает ей только хуже. Хотя, куда уж хуже?

В подобных ситуациях слабые натуры идут на все, вплоть до суицида. Но слабой натурой она никогда не была. (За исключением одного, самой до конца непонятного эпизода. Но тогда совсем молодая была, чересчур впечатлительная.) Попадала в сложные, почти безвыходные ситуации, но как-то вполне прилично из них выходила.

Благо, почти тут же ей перезвонила и Майя. Той, похоже, в любом случае сам черт не брат. Только позавидовать остается.

— Так что, едем? Я уже почти готова. А твой тебе никак не объяснил, зачем и что?

— Да разве он объяснит? Надо, вот и все. После того ужаса в гостинице я предпочитаю верить на слово. Все равно сама я ничего лучше не придумаю. А Вадим как тебе сказал?

Майя рассмеялась в телефонную трубку с интонациями гоголевской панночки.

— Мое положение лучше твоего только одним. Я все оформила так, будто его решение — это всего лишь вовремя высказанное мое. И все довольны, все смеются. Как, спросила я, на Кавказские Воды? Да я ж от тебя сколько лет добивалась, когда, наконец, я поеду на воды? Как Печорин, как княжна Мери, наконец! Ну спасибо, сподобился сделать девушке удовольствие.

Одним словом, собирайся, я подъеду. Много барахла с собой не бери, все равно моды по дороге успеют измениться. На месте все купим...

Татьяну как-то сразу отпустило. Да и на самом деле — будь дело в личных подозрениях Сергея по поводу ее встречи с Олегом, разговор был бы совсем другой, а тут нечто из военной области. Раз Вадим и свою Майю отсылает, значит, грядут события совсем иного масштаба, чем легкий адюльтер кавалерственной дамы со своим сюзереном.

Тем более Ляхову она доверяла, раз избрала его своим психотерапевтом и едва ли не духовником, и была уверена, что никогда он не выдаст ее тайн товарищу. А инициатива убрать их с Майей из Москвы исходила явно от него. Узнал, наверное, нечто такое...

Перед дальней дорогой Татьяна приняла бодрящий контрастный душ, собрала чемодан и сумку, оделась в подходящий для суточной дороги в машине костюм.

За полчаса до назначенного срока снова позвонил Сергей и сказал ровным голосом, что приехать проводить ее он не сможет. Обстоятельства изменились. Но

все остальное остается в силе. Пусть слушает Майю, Ляхов ее подробно проинструктировал. А в ближайшее время он с ней свяжется.

— Не грусти, приятного тебе отдыха. Целую.

Сказано это было прежним, хорошим тоном, и Татьяна окончательно успокоилась. Более того, испытала облегчение. Нет больше необходимости снова смотреть мужу в глаза, все время опасаясь чем-нибудь себя выдать или в самый неожиданный момент услышать роковые слова.

Зато Майя явилась минута в минуту. Веселая, похорошему возбужденная, как и должно быть перед началом увлекательного путешествия. По русскому обычаю они присели на дорожку, казачка Татьяна предложила выпить «стременную»¹, объяснив попутно смысл этого термина, и они спустились вниз. В подъезде их ждал один из офицеров личной оперативной службы Прокура.

— Все чисто, Майя Васильевна, прилегающие кварталы проверены, никакой наружной слежки не обнаружено. Но мы еще и дополнительные меры примем, так что из Москвы гарантированно с чистеньким хвостиком выедете...

Майя шутливо шлепнула офицера по плечу в наказание за тонкую скабрзность, и они тронулись в путь.

По дороге к выезду на Южный тракт машины сопровождения, все с одинаковыми номерами, произвели несколько *перестановок*, меняя порядок кортежа, потом две из них ушли в стороны разными маршрутами, а водитель той, где ехали девушки, притормозив буквально на секунду в глухом и темном переулке, пе-

¹ «Стременная» — чарка, которую жена (или друзья, родственники) подносят казаку, уходящему на войну, когда он вставил ногу в стремя. «Счастливого пути», одним словом. Следующая будет — «Закурганная», когда казаки отъедут за пределы видимости станицы и выпьют, уже как бы отделившись от мирной жизни.

ревернул номера, явив миру настоящие, а порученец так же стремительно отодрал с бортов полосы цветной пленки. Из легкомысленно-желтой «Двина» превратилась в стандартно-вишневую, как и положено машине из гаража Генпрокуратуры.

Дальше поехали солидно, не слишком торопясь, и, когда рассвело, патрульные дорожной полиции отдавали высокому начальству положенные почести.

В просторной каретке лимузина было спокойно и уютно, за хрустальными стеклами проплывали подмосковные пейзажи, тревоги и сложности внешнего мира казались мелкими и несущественными. И все с ними происходящее девушки обсуждали спокойно и несколько даже отстраненно.

Татьяна тихо радовалась, что Москва и все, с нею связанное, осталась позади, как минимум несколько дней ей практически ничто не угрожает, а возвращение в родные края вообще казалось вершиной счастья. Хотя совсем недавно она отнюдь так не думала. Наоборот, была счастлива, что вырвалась из надоевшей провинции в блестящий свет.

Майю же переполнял оптимизм и энтузиазм. Ей на самом деле хотелось очутиться на знаменитых курортах в самый разгар бархатного сезона и повращаться в собирающемся там обществе.

Что же касается непосредственно повлиявших на внезапный поворот судьбы событий, она считала, что государственный переворот (что ни говори, а случилось в стране именно это) произошел совсем не так гладко, как об этом вещали средства массовой информации. Что-то наверняка не заладилось, и в ближайшее время грядут некие грозные события, от вооруженного мятежа сторонников Республики до полномасштабной европейской войны. Фактов у нее не было, но имелось профессиональное чутье. И Вадим в любом другом случае не конспирировался бы так, и

Тарханов бы приехал проводить Татьяну. Между прочим, отец к ее отъезду отнесся с полным пониманием.

Да это, может быть, и к лучшему. Пусть их отъезд выглядит совершенно спонтанным, а сами «мужья» узнают о нем только как бы постфактум.

Что же это за тайные враги объявились у столь заслуженных и обласканных князем (теперь уже Императором) бойцов тайного фронта? А вдруг как раз в этом и дело? Обласканы они были князем, а в немилость впали уже у Императора! Вдруг он не любит видеть рядом людей, которым хоть в малой мере обязан своим возвышением? В истории таких фактов навалом. Хотя есть достаточно и обратных. Наполеон с его маршалами, Елизавета и немыслимо благодетельствованные ею лейб-камpanцы, посадившие «дщерь Петрову» на престол. Ну, в конце концов парни знали, на что шли, ввязываясь в такие игры. И они, их боевые подруги, тоже.

Как любит повторять Ляхов, жизнь приобретает здоровую увлекательность.

— Таковую ли уж здоровую? — усомнилась Татьяна, наблюдая, как Майя достает из сумочки аккуратный, не большой и не маленький, как раз по ее руке «вальтер РР», богато инкрустированный и со щечками слоновой кости. В оружии она понимала мало и стреляла более чем средне, ровно в уровень школьной НВП, зато видела на Селигере, как Майя разносила из ляховского «адлера» едва видимые невооруженным глазом бутылки. Да и во время похода из Израиля в Москву непрерывно в своем умении совершенствовалась. Благо, даровые патроны имелись в неограниченных количествах.

— А то! — задорно улыбнулась Майя. — Знаешь, какая машинка классная! Отец на совершеннолетие подарил. Причем калибр не стандартный, 7.65, а 9

«пар»... Спецзаказ. Бьет изумительно. Я и для тебя прихватила, такой же, но попроще. Держи.

— Да зачем мне? Я и с десяти шагов в мишень едва попаду.

— В мишень — может быть, а в человека попадешь, особенно если жить захочешь. Держи, держи...

Майя быстро разобрала и вновь собрала пистолет, показала, как ставить на предохранитель, как стрелять на автоматике и с полувзвода, загнала магазин в рукоятку.

— Спрячь в сумку и всегда с собой носи. В любом случае нервы успокаивает.

Потом они еще немножко выпили, в автомобиле имелся совсем неплохой бар, и, взбодрившись, начали рассуждать о том, что, как бы там ни было, а дело выглядит достаточно странно. Пусть в Москве и всей России грядут грозные события — повод ли это именно им исчезать с таким количеством чисто шпионских предосторожностей?

Майя, не удержавшись, рассказала о ночном визите к ней Вадима, хотя и без волнующих женское воображение подробностей. Сосредоточила внимание на том, что Ляхов, возможно, скрывается от каких-то загадочных преследователей, отчего и придумал весь этот маскарадно-камуфляжный побег. Татьяна на это резонно возразила, что если он говорил с ней по телефону из кабинета высокопоставленного офицера спецслужбы Тарханова, то не так уж он гоним и преследуем.

— А откуда ты знаешь? Может быть, кабинет Сергея как раз единственное место, где он еще в какой-то безопасности? А нас они там поселить не могут, само собой, вот и приходится исчезать с такими предосторожностями, чтобы от заботы о нас голова не болела.

— А отец твой что по этому поводу говорит?

— Ничего лишнего. Я сказала, что нужно сделать

так вот, он согласился. И пообещал по своим каналам проследить за развитием ситуации...

— Он, может, и проследит, и выяснит, что к чему, но вот спасет ли это нас с тобой от очередных неприятностей — большой вопрос.

— Да брось ты минор нагнетать, — легкомысленно улыбнулась в ответ Майя. — И не такое видели. А уж кого-кого, а своих баб наши мужики защитить сумеют...

Сразу за Липецком трасса пошла плавными увалами между близко подходящими к обочинам сосновыми борами. Сверившись с дорожной картой, Майя по переговорному устройству приказала водителю притормозить и съехать с дороги сразу за верстовым столбом. Ни впереди, ни сзади машин, не просто подозрительных, а вообще никаких в этот момент в поле зрения не наблюдалось.

На уютной полянке, оборудованной всем необходимым для краткого отдыха путников (стол с навесом, лавки, туалет, телефон, несколько окантованных бетоном очагов из дикого камня), их уже ждал вызывающе длинный синий «Хорьх» Майи, а шофер, разведя костер, пристраивал над огнем шампуры. Все прочее для «завтрака на траве» уже было расставлено на дубовом, изрезанном многочисленными инициалами, датами и изречениями столе. Неистребимая национальная привычка.

Размяли ноги и спины, со вкусом выпили и закусили. Путешествие, даже в самом начале, вызывает у русских людей неизменный аппетит.

Офицер сопровождения к месту процитировал строки давнего фронтового поэта: «Мы ели то, что Бог послал, и пили, что шофер достал...»

— Это — чье? — спросила Татьяна.

— Был такой военный журналист, подполковник Симонов, ученик и продолжатель Гумилева и Тихонова...

— В прокуратуре служат начитанные люди.

— *Noblesse oblige*¹. Не карманников, чай, ловим, Татьяна Юрьевна.

Завтракали не торопясь. Шашлыки удались на славу, да Майя и не стала бы держать водителя, не способного в любых обстоятельствах организовать дорожное застолье по высшему классу.

— Что ж, Виталий Владимирович, — обратилась Майя к офицеру, — спасибо за любезность. Сопроводили в лучшем виде. Можете считать себя свободным. На любое удобное для вас время. Вам командировочное подписать или как?

— Спасибо на добром слове, Майя Васильевна. Воспользуюсь вашим разрешением, и тоже до подножий Машуки и Бешту² прокачусь. Давно там не был. Нет, нет, вы не беспокойтесь, надоедать вам своим присутствием я вовсе не собираюсь. Вы меня даже и не увидите, пока сами не захотите. У меня ведь тоже служба и приказ, который даже вы, увы, отменить не в силах. Да и мне приятно будет слегка отвлечься от канцелярской рутины... Если вдруг потребуюсь, ну мало ли, только кнопочку нажмите, даже говорить ничего не надо. А я уж сам сориентируюсь.

Спорить с офицером действительно было бы глупо. Раз ему так приказано, отцом ли, Вадимом, так и будет. Да и на самом деле, чувствовать за спиной незримого покровителя совсем не плохо. Человек он явно опытный в таких именно делах, другого не послали бы.

— Ну, быть посему, Виталий Владимирович. А чин у вас хоть какой? Я и не знаю...

— Титулярный советник по министерству юстиции. Штабс-капитан, проще говоря.

— Попрошу отца, чтобы очередной чин вам не за-

¹ Ноблесс облич — положение обязывает (фр.).

² Так в XIX веке принято было называть Машук и Бештау.

держался. Ну что же, до встречи. Надеюсь, она не будет вынужденной.

— Дай-то бог, Майя Васильевна.

До Пятигорска домчались на предельной для дороги такого класса скорости. Только ветер свистел, срываясь с выступающих деталей машины, и покрышки низко гудели, отталкивая назад армированный мелкой галькой для лучшего сцепления асфальт.

Двенадцать часов от Липецка до развязки на Кисловодск. Не рекорд, но вполне приличное для увеселительной поездки время.

В девять вечера курортный город сверкал оранжевыми уличными фонарями, иллюминацией Ермоловского проспекта, Колоннады и Пятачка. Из окон многочисленных духанов, винных погребков и шашлычных тянуло умопомрачительными запахами. Из парка доносились солидные звуки неперменного духового оркестра, расположившегося в музыкальной раковине позади Нарзанной галереи. Да и погода здесь стояла далеко не московская, большой термометр на крыше какого-то здания показывал плюс двадцать.

Праздник жизни, одним словом.

Шофер подвез их к Гранд-отелю, расположенному в абсолютном, и географическом и смысловом, центре города. Налево, если стоять спиной к главному входу, — еще несколько гостиниц и пансионатов, ряд дорожных магазинов, впечатляюще-массивное здание Купеческого собрания, филармония, курзал и железнодорожный вокзал. Направо — набережная реки Ольховки, площадь с расходящимися от нее узкими крутыми улочками, биржа извозчиков и таксомоторов. Прямо — правый фас Нарзанной галереи и красочный щит с изображенной на нем схемой многочисленных маршрутов терренкура. Чуть дальше — площадка, на которой многочисленные художники торгуют собственной работой видами Кисловодска и окрестностей,

а также в любой существующей технике исполняют менее чем за час портреты отдыхающих. Латинский квартал местного розлива.

В разгар сезона все номера в отеле были разобраны, единственное, что портье предложил подругам, — немыслимо дорогие даже по московским меркам апартаменты-люкс на втором этаже, а для водителя не нашлось даже скромной каморки, пусть в мансарде и без удобств.

Некоторое время девушки раздумывали, как им быть: брать предложенное, а шофера поселить в прихожей на диване, или отправиться на поиски другого пристанища, чего после утомительной дороги и в достаточной позднее время делать не хотелось.

Татьяна, конечно, могла бы по старой памяти обратиться в местное или центральное отделение своей бывшей фирмы, и ее бы непременно устроили, но как раз от этого ее Тарханов предостерег. «Не светись без крайней нужды».

К счастью, в ближайшие минуты проблема разрешилась сама собой.

В вестибюль гостиницы решительной, вот именно — хозяйской походкой вошла стройная, не слишком высокая, но удивительно гармонично сложенная молодая дама лет около тридцати. С короткой темной стрижкой «каре», в облегающем «английском» костюме цвета булатной стали с золотистым отливом, в элегантных туфельках на очень высоких тонких каблуках. На юбке от колен до середины бедер — соблазнительные разрезы.

Головы присутствующих мужчин, получающих и сдающих ключи, освежающихся кофе, пивом и иными напитками в баре, просто, без видимой цели прогуливающих по зимнему саду между входными дверями и лифтовой площадкой, мгновенно, как северные концы компасных стрелок, повернулись в ее сторону.

Да и Татьяна с Майей взглянули на сие явление с неприкрытым интересом.

«Та еще штучка, — подумала Майя. — Может, действительно хозяйка или управляющая, а может... Не зря мужики на нее так смотрят».

Не дрогнув ни одной мышцей в самую меру подкрашенного лица, дама остановилась в нескольких шагах от стойки портье, слегка отставив, будто напоказ, облитую искристым чулком ногу, медленно стянула тонкие лайковые перчатки. Сверкнули несколько антикварных (издалека видно, кто понимает) перстней.

Казалось, в холле сразу стало значительно тише, чем только что.

Татьяна и Майя уловили сладковато-терпкий запах незнакомых духов.

Постояв несколько секунд (показавшихся гораздо длиннее, чем обычные), обеда за это время обширное помещение внешне безразличным, но на самом деле очень внимательным взглядом темно-ореховых глаз, незнакомка дрогнувшими губами изобразила намек на улыбку и повернулась к подругам.

Майе показалось, что от нее исходит, кроме аромата духов, еще и ощутимая аура опасности. Вдруг захотелось сунуть руку в сумочку, где лежал пистолет и приборчик связи с порученцем отца.

— Простите, — сказала дама приятным, но чуть низковатым для ее конституции голосом, — Таня, Майя, я не ошибаюсь?

— Да, а в чем дело? — с некоторым вызовом ответила Майя. — Мы с вами разве знакомы? Не припомню. Москва, Петроград?

— Москва. Вадим Петрович просил вас встретить и помочь. На въезде в город не успела, извините. А у вас, кажется, уже возникли проблемы?

Девушка испытала огромное облегчение. Слова пароля и ответа прозвучали в должном порядке. Все ж таки последние сутки прошли достаточно напряжен-

но, и дело не только в физической усталости от долгой поездки.

Значит, это и есть та самая таинственная «компаньонка», о которой говорил Вадим, на которую можно полностью положиться в любом деле весь срок пребывания на курорте? Однако и сотрудницы у него!

Майя испытала легкий укол ревности. Ни один нормальный мужчина, работая с такой женщиной, не может не попытаться уложить ее в свою постель.

Вот именно что «попытаться», тут же подумала она. А вот получится ли — это еще большой вопрос. Судя по ее взгляду и выражению лица, любую инициативу она оставляет за собой. Если вообще интересуется мужчинами. Вполне возможно, что у незнакомки совсем иные пристрастия. По крайней мере, ни на одного из трех десятков представителей противоположного пола она даже мельком не взглянула. А среди них имеются достаточно приличные экземпляры.

Да и кто сказал, что она с Вадимом хоть раз контактировала напрямую? Может быть, это чисто местная агентесса, получившая приказ из центра, и ничего более.

Майя покосилась на Татьяну, как та отреагировала на незнакомку.

К ее удивлению, взгляд подруги был совершенно безмятежен. Подумаешь, мол, и не таких видели.

— Да какие проблемы? Вот раздумываем, брать ли предложенный номер или поискать в другом месте.

— Ни к чему. Ничего по-настоящему приличного все равно не найдете. Сезон. Тем более все давно решено. Вадим Петрович разве не сказал?

— Только то, что здесь у него есть сотрудница, которая будет за нами «присматривать и помогать»...

— Вот и будем знакомы. Лариса.

Она по-мужски протянула им руку с тщательно обработанными, но коротковатыми для элегантной женщины ногтями. Как у докторши.

«Само собой, нормальные непременно в случае чего зацепятся, за кобуру или за карман, да и ломаются легко», — сообразила Майя.

— Помещение для вас приготовлено, так что здесь нам делать нечего. Поехали...

Лариса, извинившись, села рядом с шофером. Показывать дорогу.

— Видишь, как все хорошо устроилось, — сказала Татьяне Майя, закуривая. — А ты переживала.

— Да я и сейчас еще продолжаю, — без улыбки ответила та. — На первый взгляд все сходится, никакая «подстава» нас бы здесь перехватить не успела... Почему не успела? — тут же перебила она сама себя. — Пока мы ехали, сто раз по телефону все согласовать и организовать можно было... И даже на самолете нас обогнать.

— Это уже называется — паранойя. Кроме Сергея, Вадима и отца, никто вообще не знал, что мы уезжаем, тем более — куда.

— И еще этот, охранник, Виталий... И другой шофер.

— Вот я и говорю — паранойя, мания преследования. Думаю, отец знает, на кого в своей службе положиться можно. Если нет — и выезжать не следовало, проще было прямо дома повеситься. Ты слышала, Лариса сказала: «Не успела на въезде в город встретить, извините!» А так не бывает. Встретила она нас, конечно, и машину и номер знала, от Вадима, естественно, довела до отеля, а иначе как бы нашла?

— А если у нее каждый портье — информатор? Увидел нас, нажал под стойкой кнопку, и пожалуйста.

— По времени не уложилась бы. А тут задержка — пять минут. Как раз в машине посидеть, перекурить, еще раз убедиться, что хвоста за нами нет. Тем более, — выбросила Майя последний козырь, — пароль она назвала правильный...

— У вас и пароль был?

— Вадим дал.

— Ну тогда вопросов больше нет. И дальше что?

— Что! Доедем, разместимся, послушаем, что она нам петь будет. Как она тебе вообще, кстати?

— Шлюха классная, высшего разряда, — без всякой оценочной интонации ответила Татьяна, просто как должность назвала. — Я в Интуре долго работала, посмотрелась. Мне тоже предлагали, только — не по характеру. Я вот все время вспомнить пытаюсь, пересекались мы хоть когда-то или нет? Она же тут не первый день работает, думаю.

— Если б пересекались, небось не забыла бы.

— Жди! — фыркнула Татьяна. — Люди знаешь как меняются. Иная студенткой была — прямо Аленушка и Аленький цветочек, а встретишь через пять-десять лет... — она махнула рукой, не желая продолжать тему. — Так что эта — явно из приезжих. Только по разговору понять не могу, из каких краев.

— Ты и в этом разбираешься?

Татьяна взглянула на нее как бы и с сожалением.

— Да я, наверное, тысячи групп из любого конца России на экскурсии перевозила. И все ж таки филфак закончила. Любой областной диалект с первой фразы узнаю, а то, бывает, и на уездном уровне. А эту не пойму. Основа вроде московская, но что-то такое непонятное поверх наложено. Может, в русскоязычной Америке долго жила?

— А и вполне, если разведчица. А сюда на пересигку направили.

Машина не очень долго крутилась по извилистым, то взлетающим вверх, то так же резко спускающимся улицам, но так, что даже Татьяна, знающая город не намного хуже родного Пятигорска, потеряла ориентацию, тем более за окнами — темная осенняя ночь.

Остановились, вышли. Майя с удивлением увидела, что они оказались в маленьком, мощенном плоским камнем дворике на вершине какого-то холма, потому

что с трех сторон порядочно внизу сияли причудливо извивающиеся линии уличных фонарей и россыпи разноцветно освещенных окон многоэтажных домов и коттеджей.

Справа высился нарядный бело-зеленый теремок, устремленный вверх своими башенками и шпилями, крытыми настоящей на вид старой темно-красной черепицей. Его многочисленные стрельчатые и полукруглые окна и оконца располагались на стенах в беспорядке, но, очевидно, продуманном архитектором. Цоколь, оконные арки и часть стен отделаны рустованным ракушечником, между ним посверкивали в электрическом свете изразцы. Много фигурно кованого металла. Этакая смесь готики, барокко и модерна.

— Проходите, барышни, — Лариса указала зажатой в руке перчаткой на дугой огибающую цоколь чугунную лестницу.

Внутри теремок был оформлен столь же причудливо, но рационально и с большим вкусом. Только крутых лестниц, обычных и винтовых, многовато. Так ведь и этажа внутри целых четыре.

— Вот ваши комнаты, вот душевые, туалеты. Все необходимое там имеется. Мужчин в доме нет, так что можете не стесняться. Водителя я поселю в караулке с охранниками, ему там будет удобно. А вы приводите себя в порядок и спускайтесь в столовую. Поужинаем и поболтаем. Или вы расположены сразу спать?

— Нет-нет, зачем же. Если мужиков не будет, за полчаса управимся и посидим, — ответила Майя.

— Что ты такая мрачная? — спросила Майя, когда они, освеженные и распаренные, с распущенными волосами, завернувшись в пушистые банные халаты, направлялись по узкой дубовой галерее к ведущей вниз лестнице. — По-моему, все складывается прямо-таки превосходно. Не какой-то там отель, а чисто средневековый замок.

— Насмотрелась я и не на такие. Тут люди двести лет изопряются. Поездим, покажу наши красоты. А мне все равно тревожно. Мысли покоя не дают, что в Москве творится, да что здесь будет? Хозяйка наша — вылитая коралловая змейка. Водятся в тропиках такие. Красота — глаз не отведешь. А куснет — через пять минут панихиду заказывай.

— Ну, ты скажешь! Для врагов она и вправду, может быть... А мы же с самого верха прибыли, — Майя указала пальцем в потолок. — Нас тут охранять, холить и лелеять должны, поить и кормить на казенный счет...

— Видно будет, — не принимая предложенного тона, ответила Татьяна. — Домой бы позвонить надо.

— Позвоним. А вот где наш первый ангел-хранитель устроился? — вспомнила Майя о титулярном советнике. — Интересно бы знать. Сюда-то, даже на ближние подступы ему хода нет.

— Его заботы. Сам назвался, сам пусть и разбирается.

Лариса встретила их в столовой, точнее сказать — в обеденном зале, небольшом, но именно так выглядящем. С камином в рабочем состоянии, охотничьими трофеями, оружием и многочисленными фотографиями соответствующей тематики по стенам.

«Вот интересно, — отметила Майя, — держится полной хозяйкой, а антураж исключительно мужской. Ни малейшего следа женских вкусов... Или муж у нее все-таки есть, или... Для обольщения «настоящих мужчин» интерьер приспособлен. Тогда хотелось бы на ее будуар взглянуть...»

Она не переоделась, только сбросила свои мало приспособленные для длительного пешего хождения туфли и жакет, оставшись в полупрозрачной кружевной блузке, три верхние пуговицы которой были расстегнуты. Явно не для того, чтобы соблазнять отсутствующих мужчин (хотя было чем), а просто для вен-

тиляции. Так караульный офицер имеет право отдыхать, сняв сапоги, ослабив ремни и полурасстегнув китель.

Выбор блюд, предложенных горничной, был обширен, но путешественницы ограничились яичницей, сырами и десертом. Под легкие местные вина.

— Чтобы не было никаких недоразумений, девушки, — в какой-то момент ужина Лариса прервала легкую болтовню, которую сама же и затеяла. — Я — не порученка господ Тарханова и Ляхова, не офицер княжеской госбезопасности и, прошу учесть, не великосветская блядь, от нечего делать подрабатывающая на секретные службы.

Для вас я — подруга, компаньонка, женщина с собственным бизнесом и собственными интересами, которую уважаемые мной люди попросили оказать вам гостеприимство и всю возможную помощь. Все, что я делаю и буду делать, — это мой свободный выбор. Чувствуйте себя легко и раскованно. В буквальном смысле слова — как дома. С прислугой обращайтесь как привыкли обращаться со своей. Все ваши просьбы и поручения будут выполняться безоговорочно и без лишних вопросов. Так у меня заведено...

— А почему, собственно, ты это говоришь (они сразу перешли на «ты»)? — спросила Майя, покусывая губу и вертя в пальцах серебряную ложечку. — Мы разве дали какие-то основания?

— Не дали, так наверняка в эту сторону задумывались. А то я не заметила, как вы меня глазами в отеле щупали. Кто, мол, эта мадам такая и как себя с ней следует держать ныне и впредь? Вот я вам все сразу и прояснила, чтобы зря не напрягались. Однако продолжим. Мой муж и его друзья оказывают вашим... мужьям (здесь она сделала короткую, почти неувимую паузу, однако и Майя, и Татьяна ее расслышали) некоторую помощь в их делах. Ну и ваши, соответственно, тоже. То есть отношения теплые и вполне паритетные.

Вы, насколько я знаю, в дело пока не посвящены, так что... Отдыхайте по полной программе, которую наметили. Если что — могу помочь и в этом вопросе. Я пока не очень загружена, всегда готова составить компанию, ввести в свет и тому подобное...

При этих словах она едва что не подмигнула совершенно определенным образом, но и без этого смысл ее слов и интонации был совершенно ясен.

«Шлюха не шлюха, — подумала Майя, — но девушка весьма широких взглядов».

ГЛАВА 8

Окна комнаты Майи выходили на восток, и она проснулась с первым же лучом солнца, вставшего из-за горы, покрытой частью густо-зеленым сосновым, частью багрово-оранжевым лиственным лесом.

И воздух в открытую фрамугу вливался настолько густо насыщенный совершенно не московскими запахами, что ей захотелось смеяться от счастья. Бывают такие моменты в жизни — вроде бы и ничего особенного, а радость прямо переполняет тебя.

Здесь пусковым механизмом послужил давным-давно не ощущавшийся ею прохладный запах чуть подпревших опавших листьев и почему-то — весенних фиалок, хотя какие же фиалки в ноябре?

Она в батистовой ночной рубашке, босиком подбежала к окну. Ночью отсюда ничего не было видно, кроме россыпи огней, а сейчас увиденное очаровало ее.

Плавно уходящие до самого горизонта в разных направлениях холмистые гряды и отдельные вершины, которые уже можно было назвать и горами, дома и домики между ними, сложенные из тесаного камня беловато-желтых оттенков, красные и зеленые крыши. По плохо просматривающимся за завесой деревьев улицам мелькают автомобили, но их совсем немного.

Слева и снизу виден почти игрушечный, постройки

позапрошлого века железнодорожный вокзал с перроном, накрытым навесом на узорных, фигурного литья чугунных столбах, и часть подъездных путей.

Еще левее привокзальная площадь, вереница такси у высокой каменной стены, повисший на откосе горы круглый ресторан с двухъярусной верандой. Там уже сидят за столиками ранние посетители.

Майе захотелось, чтобы под руками у нее оказался приличный, такой, как у Вадима на катере, — «морской бинокль», тяжелый, как кирпич, с толстыми, оклеенными шершавой кожей трубами и фиолетовой просветленной оптикой. Она бы все рассмотрела в этом сказочном городке.

А совсем далеко, у края долины, на границе с небом протянулась высокая, сверкающая снежной белизной цепь Большого Кавказа и двуглавый Эльбрус, который невозможно было не узнать, даже увидев впервые в жизни.

Майе захотелось вдруг завизжать, просто так, от полноты чувств.

Стоило ли всю жизнь просидеть в Москве, когда совсем рядом есть такое?!

Она выезжала из дома на отдых, конечно, и в самые разные места, а это отчего-то прошло мимо. Считала, пить нарзаны ездят только старики да больные. Не зря же тут санаторий на санатории...

Нет, ну, бывает. Кому-то, наоборот, ни разу не случилось увидеть ни Суздаля, ни Карлсбада.

Немедленно, немедленно одеваться, подумала Майя, и туда, в глубь этого города. Там и позавтракаем, предварительно выпив натошак местного нарзана, и погуляем, ожидая на каждом шагу необыкновенных приключений. Которые испокон веку поджидали авантюрных русских дам на «трехпогибелном Кавказе».

Она тут же, в чем была, кинулась будить Татьяну, спавшую в соседней комнате.

Та, впрочем, с определенным трудом разлепив гла-

за, ее восторгов от увиденного не разделила. Что уж тут такого слишком интересного? Ну Кисловодск, ну парк, ну горы. Пятигорск, кстати, куда более цивилизованное место. Если кто понимает.

Полежала еще немного, закинув руки за голову, потом неожиданно резко встала, стянула через голову и сбросила на постель рубашку, отправилась в душ, поигрывая всем, чем одарила ее природа.

Вернулась достаточно быстро, растираясь прямо в комнате мохнатым полотенцем.

— И вообще я сейчас собираюсь в Питер сгонять. Посмотреть, как там мои. Отец беспокоит, и вообще... Денег передам. Кое с кем встретиться надо. Нет, не по нашим делам, еще по старой жизни. Слишком я быстро отвалила тогда. А ты погуляй, конечно. Что здесь еще делать?

— Вали обратно, — легко согласилась Майя. Идея поболтаться по «пряничному городку» одной, без профессиональной гидессы рядом, ей импонировала. — Только сама не поедешь. Я Виталию скажу, он за тобой присмотрит. А здесь у меня и шофер, и Лариса, на случай чего...

— Зачем мне твой Виталий? — вскинулась Татьяна.

— Затем, что приказ такой. Не забывай, ты давно уже не вольная казачка Любченко. Кавалерственная дама. И вообще, сейчас другие дела пошли. Улавливаешь?

Майя говорила все это с искренним удовольствием. Пускай не воображает, что она тут местная, а мы так...

— Ладно, пусть сопровождает. Только не светится. Я на такси поеду, а он — как знает.

— Зачем такси? — спросила внезапно вошедшая в комнату Лариса, такая же подтянутая и элегантная, как вчера вечером, только сейчас на ней был светлый, бледно-лиловый костюм из легкой ткани.

— С машинами у нас все в порядке. Отвезем-привезем в лучшем виде.

— Подслушивешь? — сузив глаза, спросила Татьяна.

— Чего тут подслушивать? — в пику ей широко раскрыла свои и улыбнулась Лариса. — Дверь открыта, орешь, как на одесском Привозе. Казачка, одно слово.

— Я-то казачка, а ты кто? — отвечая на агрессию агрессивней спросила Татьяна.

— Я москвичка, коренная, мне ваши разборки ни к чему. У меня работа. Хочешь в Пятигорск — езжай. Майя хочет здесь гулять — будет гулять. Только учтите, девочки, этот день у вас, может, последний спокойный.

— С чего взяла? — нахмурилась Татьяна.

— Чувствую так. В Москве — плохо, здесь, конечно, получше будет, но вам скоро может и здесь не понравиться...

Майя вдруг почувствовала, что эта тревожная красотка собирается неторопливо и аккуратно подчинить их своей воле, и вполне может такое у нее получиться, если немедленно не дать ей отпора. Невзирая на вчерашние слова.

— А можно тебя, Лара, на минутку? — очень мягким и милым голосом спросила Майя. Тонкими пальчиками взяла ее за запястье, а ладошкой подтолкнула в коридор и соседнюю комнату. Вроде очень деликатно все получилось, но и достаточно убедительно. Резко.

— Ты что? — с некоторым опозданием вскинула голову Лариса. Она не привыкла, чтобы с нею — и так!

— Да ничего, дорогая, ничего. Просто мне показалось, что ты несколько вышла из роли. Вчера мы на все твои условия согласились. Мы гости, ты хозяйка. Ладно. Но тон твой мне и вчера не понравился, а сегодня — тем более. Со мной так не разговаривают. Не знаю, кто тебе мой Ляхов, а я — сама по себе. Так и только так советую ко мне относиться. Тогда, может, и подожмемся. Уловила?

— Тут и улавливать нечего. Выпендриваться с папашей и с мужьями своими будете. Меня просили, понимаешь — *просили* вам помочь, поддержать и присмотреть. И ровно в пределах этой просьбы я готова с вами возиться. Вчера мне показалось, что мы договорились. Сегодня у вас где-то там заиграло. Пожалуйста. Поступайте как знаете. В пределах своей компетенции я не позволю, чтобы вас тут убили, похитили, в парке за кустами оттрахали. Даже если вам вдруг самим этого захочется. В остальном — как угодно...

Лариса достаточно презрительно передернула плечами, отошла к окну. Майя, осмотрев ее от затылка до туфель, еще раз убедилась, что очень и очень нерядовая к ним приставлена «бонна». Каменно-спокойна, а вот правая нога совсем чуть-чуть подрагивает. Видно, что она хотела бы раздраженно стучать сейчас каблучком по паркету, но держит себя в руках.

Да нет, на самом деле, чего она на нее вдруг взъелась? Не собиралась совершенно. Танька опять повлияла. На весь свет злится и здесь успокоиться не может.

Майя сделала шаг вперед, положила руку хозяйке на плечо.

— Ты извини. Мы, наверное, никак в себя после Москвы прийти не можем. Остаточные явления, одним словом. Я правда хочу с тобой подружиться. Мне сейчас совсем ничего непонятно. Ты моего Ляхова хорошо знаешь?

Лариса обернулась. Глаза ее сияли совершенно безмятежно, будто вообще никаких кошек между ними не пробегало, ни черных, ни разноцветных.

— Видела пару раз издали. Ничего парень. Но даже и разговаривать не довелось...

Лариса, неожиданно для себя, сказала именно так, хотя на самом деле в течение последнего месяца встречалась с Секондом неоднократно и беседовала часами. На интересующие ее темы, в том числе касаю-

щиеся деталей и бытовых подробностей здешней столичной жизни. Светский все же человек, знает, как принято одеваться, разговаривать, вообще вести себя женщине того круга, в который она намеревалась вписаться. Одно дело — изображать *веселую вдову* в провинции, старательно сохраняя дистанцию с аборигенами, совсем другое — *зацепиться* в придворных кругах. А она для себя такой вариант отнюдь не исключала, особенно если *разборки* закончатся благополучно.

Почему покривила душой перед Майей? Да просто не захотела перед серьезным делом заронить в нее хоть зерна сомнений и ревности. Кто знает, каков темперамент прокурорской дочки?

Вспомнились к месту слова песни Городницкого: «И что тебе святая цель, когда пробитая шинель от выстрела дымится на спине?..»

— Я же вам сказала, у меня другие дела и другой бизнес. Да ты не переживай. Скоро такие дела начнутся, что не о мелочах думать придется, а только на счет как выжить... Я не обидчивая. Хочет Татьяна в Пятигорск ехать — пусть едет. Хочешь по Кислому погулять — могу компанию составить. Глядишь, и разговоримся. Так что не бери в голову. Одно помните, обе — *Здесь Вам Сейчас Полагаться Можно Только На Меня!* — Она сказала это именно так — отчетливо выделяя каждое слово. — В противном случае за ваши головы копейки не дам! За прочее — тем более!

— Да что же, в конце-то концов, творится? — нервно вскрикнула Майя. — В Москве Вадим ничего не сказал, ты здесь темнишь. Объясниться можешь?

— Что объяснять, дорогая? Кавказ — всегда Кавказ. Татьяна с Тархановым разве не рассказывали? Так то Пятигорск, куда более европейский город. Касательно же Кисловодска... Давно «Героя нашего времени» не перечитывала? Очень советую. А по поводу

текущих событий к концу дня, возможно, что-нибудь новенькое и узнаем. Так идем гулять или что?

Майя, при всей своей любви и способностях к интригам, никак не могла понять, в какой мере Лариса откровенна и искренна, а насколько лично для нее нагнетает атмосферу.

— Идем, идем, только, наверное, лучше туфли без каблучков надеть?

— А я поеду, — вошла в комнату Татьяна, будто ничего не слышала, хоть дверь была полуоткрыта. — Дашь машину — хорошо. Питер — мой город, я там сама разберусь. И вот, подарочек со мной, — она показала Ларисе пистолет. Та только фыркнула презрительно. Еще бы, сама-то она из мощного карабина, при поддержке целого бронепоезда в свое время еле-еле от нападения англо-советских террористов отбилась¹.

— Езжай, конечно. Сейчас распоряжусь.

Она спустилась в дежурку. Приказала водителю-роботу немедленно подать самую неприметную из машин к воротам и предупредила, что пассажирку нужно высадить где скажет, после чего сопровождать невидимо и неслышимо, не принимая во внимание московского Виталия, не попадаясь ему на глаза и не предпринимая ничего вплоть до момента, когда охраняемой особе будет угрожать очевидная опасность. И даже в этом случае соблюдать предельную аккуратность.

Режим психологической невидимости.

Связь с ней, Ларисой, постоянная, но в меру необходимости. Пустой болтовней эфир не засорять.

— Уловил?

Вопрос, конечно, исключительно для порядка. Роботы не упускали из слов хозяев никогда и ничего.

В силу своих способностей очередной «Иван Ива-

¹ Таким образом в голове Ларисы преломилась история из «Вихрей Валгаллы».

нович» будет следовать за Татьяной по улицам и переулкам незримой тенью. Если потребуется, бегом обгонит любой автомобиль, в хорошем спортивном стиле перепрыгнет без шеста любую ограду, нюхом, нижним или верховым, возьмет потерянный след, ну и сделает все остальное, что подскажет обстановка.

— Езжай, Таня, только не слишком задерживайся. Мы волноваться будем. Вздумаешь с друзьями или родителями засидеться — позвони, — сказала Майя.

А Лариса добавила:

— Машину с моим шофером лучше при себе держи. Он болтать не станет, если даже с прежним любовником *попрощаться* захочешь. Вымуштрован, как Гримо у Атоса. Я — тем более. Приятного отдыха...

На том и расстались, а Майя в первый раз посмотрела на Ларису с долей почтения. Умеет же девка такие шпильки вставлять!

— Ну а мы куда? — спросила Лариса, проводив глазами серенькую «Печору». — Предлагаю — в парк. Погода как на заказ, боюсь, не последнее ли бабье лето...

— Что значит — последнее? — удивилась Майя. — Разве оно не одно бывает?

— Где как. У нас здесь — и по десять. Сегодня, кажется, восьмое, не считала.

Действительно, синева неба, пригревающее солнце, безветрие, температура, с утра преодолевшая двадцатиградусную отметку, создавали, несмотря на календарный ноябрь, ощущение раннего подмосковного сентября.

У Колоннады они, как и положено светским дамам, наняли фаэтон, запряженный молодой, норовистой, перебирающей ногами от желания куда-нибудь мчаться лошадкой, и мягко покачивающийся на эллиптических рессорах экипаж повез их по извилистой, круто поднимающейся вверх тропе терренкура. Через каж-

дые сто метров попадались столбики с указанием высоты над уровнем моря и расстоянием от Нарзанной галереи.

Удобно расположившись на подушках сиденья, девушки болтали о пустяках, по преимуществу касавшихся особенностей местной и личной жизни. Говорить о чем-то более серьезном мешал извозчик, чья спина торчала в метре перед глазами и который, безусловно, слышал каждое слово, а моментами, не оборачиваясь, даже вставлял реплики, если считал, что Лариса неверно трактует историю и топографию города.

Наконец серпантин с жуткой глубины обрывами справа, куда Майя остерегалась взглядывать, особенно когда колеса едва не касались обочины, закончился. Лариса велела вознице остановиться на площадке, километрах в трех ниже Малого седла. Так она назвала отчетливо проектирующуюся на сверкающую синеву вершину впереди.

Здесь еще присутствовала цивилизация. Кавказский духан, где жарили шашлыки и жирный дым поднимался к небу, а в загончике блеяли ждущие своей очереди барашки. Европейского стиля кафе на самом краю у ротонды, еще одно — чуть выше по склону.

Играла негромкая музыка, на десятки километров простиралась панорама изрезанного балками города, окрестных селений, холмов, полуразмытых очертаний настоящих, на взгляд москвички, гор. Захватывающий вид. Смотреть бы и смотреть. Неподалеку, кстати, предприимчивый господин предлагал всем желающим бинокли за умеренную плату.

Далеко на северо-западе громоздились башнями белоснежные, но с серо-синими подошвами облака.

— К обеду будет дождь, — отметила Лариса, — или даже снег. Но мы успеем.

— Снег? — поразила Майя. — При плюс двадцати?

— А при плюс тридцати в июне не хочешь? И такое бывает. Кавказ, матушка, — в который раз подчеркнула бонна.

Они заняли самый крайний двухместный столик впритык к чугунной ограде на краю обрыва, Майя бы даже сказала — пропасти.

— Чудо, истинное чудо, — шептала Майя, глядя на бурную речушку, почти вертикально мчащуюся вниз среди сосен и елей, рядом с площадкой — гигантских, а дальше превращающихся в непроницаемую сине-зеленую щетину.

Лариса в это время делала заказ неповоротливому, исполненному ощущения собственной значимости официанту. Раз забрались сюда, господа, никуда не денетесь.

— Так, может, поговорим наконец на равных, подружка? — спросила Майя. Именно, что на равных. А не то чтобы наставница с подопечной. Сейчас они были здесь вдвоем, без свидетелей, в случае любого развития событий она считала, что физически Ларисе не уступит, морально — тем более, и пистолет при ней. И у напарницы наверняка имеется. Отобьются. Хоть от абреков, хоть от кого...

А главное — Лариса нравилась ей все больше. Будь у нее нетрадиционные склонности, сказала бы — как женщина. А так — ей хотелось, чтобы они вправду стали подружками-напарницами. Слишком много общего она чувствовала с девушкой из другого мира.

— Разве я против? — спросила Лариса, улыбаясь туманно. Или так в ее глазах отражались кислородские дали.

— Тебе сколько лет?

Удивительно, но Лариса задумалась. Даже пальцы с темно-алыми ногтями зашевелились, словно она собралась их загибать для счета.

— Двадцать семь, наверное. Или двадцать восемь...

— Как это? Ты что, подкидыш без документов?

Лариса коротко рассмеялась.

Как ситро, выцедила бокал густого и терпкого «Салхино», запила нарзаном, достала из нагрудного кармана жакета пачку сигарет неизвестной Майе марки, резко ее встряхнула и поймала зубами черный фильтр.

— Рассказать? Пожалуйста, времени у нас навалом... Только ты тоже винца отхлебни, проще понимать станет.

— Я сладкого не пью, лучше сухого. Или коньяку, раз такое дело.

Лариса в предельно сжатой форме познакомила Майю с собственной биографией, а заодно с историей и нынешним положением «Андреевского братства». И то, как она все это излагала, навело девушку на очень простую мысль. Если изящная девушка с повадками коралловой змейки так откровенничает с нею, значит — что?

Вадим перешел на сторону «братьев» со всеми потрохами, и ее саму «исчислили и взвесили», сочли достойной высшего доверия? Иначе к чему такие, не диктуемые обстановкой детали и подробности?

«Без меня меня женили, сиречь, замуж выдали? — подумала Майя. — Или другой вариант. Всю правду до доньшка нередко говорят и тем, кто ничего и никогда разгласить больше не сможет. По известным причинам. Только это уже полная чушь. Бред в стиле моей дорогой Танечки».

Удивительнее всего, что сама фактография Ларисино рассказа не вызвала у нее ни малейшего удивления. Только чисто практический интерес. О подробностях их жизни, приключений, взаимоотношений она была готова расспрашивать и расспрашивать, но понимала что сейчас не время.

— Очень интересно. А мы как сейчас со всем этим соотносимся? Ты сказала — в Москве плохо, здесь вскоре будет не лучше. Пояснить можешь?

— Свободно. Эй, кельнер, долго нам придется горя-

чье ждатель? — отвлеклась она, чтобы шутануть выглянувшего в окошко официанта.

— Сей момент, мадам! Доспевает...

— Нашел «мадам»! Деревня... — фыркнула Лариса. И продолжила: — Поясняю. В Москве и окрестностях уже почти сутки идут бои. Вооруженное вторжение из иновременья. Ну и местные противники князя подключились...

— Как же? — поразила Майя. — Ни по радио, ни по дальновизору ничего не передавали, я утром смотрела.

— Информационная блокада. В эфир идет только то, что надо. Есть способы. Выиграем, тогда и сообщим, опять же только то, что сочтем нужным...

Слова Ларисы Майю шокировали.

Значит, Вадим знал, что предстоит, раз отправил их буквально за часы до начала беспорядков. А сам он сейчас где? Наверняка ведь опять полез в самую заваруху. Жив ли? Везучий-то везучий, но до какой степени?

— Ты-то сама откуда знаешь? И с Ляховым, с Сергеем что? Знаешь?

Лариса усмехнулась с чувством явного превосходства.

— У нас связь другая. С вашими мужиками пока порядок. Живы, геройствуют. Ничего непредвиденного не случится, до вечера здесь будут. Оба...

И снова усмехнулась, довольная тем, что Майя не поняла ее тонкого юмора. Подумает, что оба — это Ляхов и Тарханов. А вот поставить перед ней двух Ляховых, каково?

— Давай чокнемся. Чтоб все были живы-здоровы...

Больше, конечно, Майя вернуться к прежнему безмятежному настроению не могла, расспрашивала и расспрашивала Ларису о деталях творящегося в Москве.

— Слушай, я все равно подробностей не знаю. У нас тут свои дела. Думаешь, вас сюда в эвакуацию присла-

ли, подальше от шума и пыли? Отнюдь. Вообще, тебе немного не повезло. О твоей подруге не говорю, она местная, сама все знает. А ты кое-что упустила. Сюда москвички и петроградки с проблемами как в лечебницу ездят. Очень им горячие кавказские парни способствуют восстановлению нормального мироощущения... Могла бы познакомить. С надежными и безопасными...

Теперь уже Майя фыркнула. Совсем недавно она Татьяне такую «терапию» предлагала. Теперь вдруг — ей. Или это шутка?

— С чего ты взяла, что мне... требуется? Или сводничеством подрабатываешь?

— По глазам вижу. Любительница ты этого дела... Пока ехали, так и постреливала по сторонам...

Опять почти правда. Но и наблюдательная же, зараза! Майя действительно смотрела на многочисленных кавказских парней с интересом. Но — с академическим. Именно потому, что слышала, и не раз, впечатляющие воспоминания знакомых, в этих краях побывавших. Вот и хотела, хоть визуально, понять, что в них такого особенного.

— Извини, не по адресу обратилась. У меня другие вкусы...

— Девушки? Не похоже.

— Мальчики. Только нордического типа...

Лариса зевнула, прикрывшись ладонью.

— Все так говорят. Да мне-то без разницы. Давай о деле. Видишь ли, в Москве так или иначе все скоро кончится. Или уже кончилось. А здесь только начинается, потому что узел всех проблем, ради которых мы чуть не год вашими делами занимаемся, — здесь!

— Зачем?

Лариса слегка опешила.

— Что?

— Зачем занимаетесь? У нас своя жизнь, у вас своя, похоже — интересная. И что вам от нас надо?

— От вас? — Лариса рассмеялась несколько зловеще. Вообще все, что имело угрожающе-тревожный оттенок, получалось у нее намного более убедительно, чем милый позитив. — Уж настолько ничего... Друзья мои — альтруисты со сдвигом, вот и лезут куда ни попадя. Мы вот с тобой, даст бог, в Новую Зеландию стогняем, увидишь, как жить можно. Или к Алле в пятьдесят шестой. Но раз решили вам помочь, так поможем, хотите вы этого или нет...

Смысл этого выражения показался Майе несколько странным.

Лариса очень быстро все растолковала.

— Видишь ли, так получилось, что узел всех событий не совсем понятным образом к нынешнему дню оказался именно здесь. Связано это с одним человеком. Зовут его Валентин. Знакомы мои друзья с ним давно. Кое-кто уже шестьдесят лет. Я — поменьше. Он воображает себя чуть ли не богом вашего мира. Ну и пусть его, нас чужие бзики не трогают. У нас с ним даже джентльменское соглашение имеется. Он здесь, мы там, и никто никому ничего не должен. У него здесь несколько домов и дач, подружка хорошенькая, денег — как в Государственном банке. Живи да радуйся.

Однако последнее время этот парень начал вести себя странно. Такое впечатление, будто попал под дурное влияние. Безобразия всякие начались. Касались бы они только вас — да ради бога! Но возникла угроза **нашим** жизненным интересам. А это совсем другое... Ты, говорят, в боковом времени на катере через моря плавала. Так представь, что та же Татьяна начала по ночам дырки в днище сверлить. Зачем, почему, неясно, но, узнав об этом, что бы делать стала?

Майя задумалась. Не о своих гипотетических действиях, о том, к чему Лариса опять Татьяну вспомнила.

— А что ты вообще о ней знаешь? — спросила без нажима.

— Меньше тебя, наверное, но достаточно, чтобы *взять на карандаш*. И не надо из себя... девственницу строить. Полгода ты с ней бок о бок прожила. Две девки в мужской компании — только и болтать обо всем, что в жизни приключилось, чем до того занимались, кто с кем спал, как и почему. И отлично должна была понять из разговоров и поведения — на крючке она. Мы подобного насмотрелись, знаем, как оно бывает. Или под гипнозом, или перепрограммирована, а то и матрица в ней сидит...

Майе стало жутко. Особенно от равнодушно-делового тона собеседницы.

— Какая — матрица?

Лариса объяснила, коротко, на наглядных примерах.

— Вот я и считаю, Татьяну мог Валентин *захомутать*, именно чтобы к Тарханову с Ляховым подвести...

Майя вспомнила — нечто подобное предполагал и Вадим, который не соглашался с тем, что встреча в Пятигорске Сергея с Татьяной была случайностью. В единственные за девять лет полчаса, когда он оказался в *зоне досягаемости*. Да и в остальном Лариса права, странностей в словах и поступках Татьяны было столько...

Да хоть и последние московские две недели.

— Своими методами мы установили, что контакты между Татьяной и Лихаревым были, короткие и вроде без последствий. Тем более Тарханов ее вскоре увез. Но ведь были же...

— А сейчас этот Лихарев — где?

— По моим данным — в Пятигорске. Уехал на днях со своей Эвелиной, а обычно здесь, в Кисловодске обретается, — с безмятежной улыбкой сообщила Лариса. — Да ты ешь, остынет, — кивнула она на люля-кебаб. — Баранина. Холодная — вредна для желудка.

И еще выпьем. Люблю, когда мужиков рядом нет. Мой — прямо цербер. Каждую сигарету и рюмку отслеживает. Иногда даже считает...

На самом деле Левашова именно эти ее *вредные привычки* занимали крайне мало. Но ей захотелось, для *утепления образа*, изобразить себя угнетенной жертвой мужа-домостроевца¹.

— Так как же ты отпустила Татьяну? — чуть не швырнула Майя вилку. — Говорила ведь — присматривать и охранять. А сама!..

— Держи себя в руках. Выпей, я сказала. Тоже мне, джеймсбондиха! Эмоции — нам с тобой сейчас не по чину. Дура я тебе, что ли? Все под контролем. Просто нужно посмотреть... Если Танька у него на поводке, он ее там непременно перехватит. Или она его кинется искать. А мы посмотрим. На карту сейчас столько брошено, что не о душевном спокойствии подружки тебе думать... Дай бог, чтобы наши мужики, и твой в том числе, живыми оттуда выскочили и сюда приехали.

От этих слов Майя странным образом успокоилась.

Что такое «джеймсбондиха», она не знала, но по смыслу примерно догадалась.

— И дальше что? — спросила, выцеживая крошечную рюмочку.

— Дальше — как учили. Контакт состоится, понаблюдаем, к чему приведет. Убивать он ее точно не будет, насиловать, скорее всего, тоже. Он сам сейчас должен себя чувствовать, как грешник на сковородке... Хитрость ведь главная в чем? Мы считаем, что Лихарев сам на крючке. *Второго порядка*. Или тоже под матрицей. У этих персонажей, аггров то есть, забавы с матрицами очень популярны. Есть у нас круп-

¹ «Домострой» — свод бытовых правил, обычаев, традиций XVI—XVII веков, предусматривающий, в частности, жесткие нормы поведения замужних женщин.

ная специалистка по этим вопросам, леди Спенсер, она же Сильвия, приедет, разберется.

При упоминании Сильвии Лариса опять улыбнулась, на сей раз весьма двусмысленно.

— Как бы тебе объяснить подоходчивее... Суммируя все факты, происшествия и несообразности последнего времени, наши лучшие аналитики почти на сто процентов убедились, что нашими реальностями занялся кто-то очень серьезный... Просто потому, что до сегодняшнего дня не удалось понять, каким образом пробиваются межвременные дырки. Сами так умеем, но здесь совсем другая методика...

Вот и остался последний шанс. Схватить Лихарева, что называется, за руку и вытрясти из него все. Даже если придется разобрать его мозги на молекулы!

«Ого! — подумала Майя. — Какой у них уровень! И Лариса уже ничуть не напоминает «дорогую шлюху» или просто отвязную девицу с «бзиками», как она выразилась. Не хотелось бы с ней встретиться в допросной камере...»

Но исказившая лицо Ларисы гримаса тут же разгладилась, вернулась прежняя безмятежность.

— А пока — не напрягайся. Это еще не сейчас. Лучше доедай-допивай, да и поедем, дождь вот-вот начнется. Если из Пятигорска экстренного сигнала не будет, успеем по Пятачку прогуляться...

ГЛАВА 9

Глухой взрыв в соседнем корпусе прозвучал не слишком громко, от него даже стекла в окнах кабинета не вылетели, правда, стекла эти были специальные, на такие примерно случаи и рассчитанные. Да и стены кремлевских строений настолько толсты и крепки, что в войну (здесь не бывшую) тяжелая немецкая бомба, угодившая на одну из внутренних площадей, серьезных повреждений не нанесла.

Дисциплина в Управлении Тарханова своей строгостью и разумностью напоминала таковую на подводной лодке. И роли сотрудников по боевому расписанию четко определены. Поэтому никто не кинулся в коридоры и на улицу посмотреть, что и где случилось, все оставались на своих местах, ожидая команды или дальнейшего развития событий.

Только сам Тарханов, Чекменев и Ляхов быстрым шагом, но отнюдь не переходя на бег (бегущий старший офицер в мирное время вызывает смех, а в военное — панику), вышли на ближайшее крыльцо.

Из двух зарешеченных окон-бойниц третьего этажа тянулся не очень и сильный дым. Можно было бы предоставить разбираться с инцидентом комендатуре и внутренним пожарным расчетам, запросив с кого следует отчет о случившемся, если бы эти окна не принадлежали апартаментам, в которых содержался Маштаков.

— По Управлению и всем службам общая тревога, — тут же начал командовать Чекменев. — Третьей степени. «Печенегов» с полным вооружением — в Кремль. Всех. Тарханов, распорядись на месте. Ляхов, со мной.

...Входную, окованную железными полосами дверь вышибло в коридор, и внутри особо секретного помещения, куда доступа не имел никто, кроме специально назначенных лиц, отвечавших за соблюдение режима содержания Маштакова и обслуживание аппаратуры, если таковое требовалось, сейчас суетились пожарные с ручными огнетушителями и в изолирующих противогазах. На всякий случай.

Чекменев про себя отметил, что служба сработала четко, после взрыва не прошло и трех минут. А по галерее и лестницам сверху и снизу подбегали пожарные и охранники с дальних постов.

— Старший расчета — ко мне! — перекрывая обыч-

ные матерные возгласы работающих людей и прочие звуки, скомандовал Чекменев. — Доложите.

— Нечего докладывать, господин генерал. Немедленно после взрыва прибыли на место и приступили к тушению локальных очагов возгорания. О силе взрыва судить пока не могу, но судя по состоянию... — унтер-офицер указал на двери, — что-то около полукилограмма тола. И запах подходящий. Пострадавших не обнаружено...

— Как? — не сдержался Чекменев. Но тут же взял себя в руки. — Если огонь потушен, всем немедленно покинуть помещение. Не расходиться, оставаться здесь. Кто от комендатуры? Вы, капитан? Взрывотехника сюда. Перекрыть все входы и выходы в корпус. Установить внешнее оцепление. Внутри здания будут работать мои люди...

— Такое впечатление, — докладывал через час инженер, входивший в группу экспертов и имевший полный допуск к работе с Маштаковым, — что взрыв имел не точечный, а объемный характер. Взрывчатый газ или аэрозоль. Локализация — машинный зал генератора и аккумуляторная. Жилые помещения практически не пострадали. Установка уничтожена полностью. Уцелели только фрагменты внешнего кожуха и антенны. Можно предположить, что рвануло как раз в ее раструбе...

О том, что самого Маштакова, ни живого, ни мертвого, хотя бы в виде фрагментов, не обнаружено, было известно с самого начала. Чекменев лично осмотрел каждый сантиметр кабинета, спальни, столовой, подсобок и всего остального. Все было, конечно, перевернуто вверх дном, но человеку спрятаться негде. И решетки на окнах сохранились в неприкосновенности, что пятисотлетнему кованому железу делается?

— А нельзя предположить, — в его же тональности спросил у инженера Ляхов, — что искомое лицо в мо-

мент взрыва находилось именно в его фокусе и, так сказать, обратилось в пар?

— Предположить можно все. Тем более — в области, где ты не специалист. Вызовите биохимиков, пусть соскобы со стен делают, пробы воздуха берут. Пар или не пар, а следы органики при любой мощности взрыва сохраниться должны. Пиротехники пусть вид взрывчатки установят. А на мой непросвещенный взгляд рвануло так себе, средненько. Как раз чтобы генератор ликвидировать. А человека здесь в тот момент не было. Я из опыта знаю, в таких случаях от человека всегда детали остаются. И довольно много.

Ляхов тоже это знал, да и Чекменев, без сомнения.

— Сбежал? — осведомился он, переводя взгляд с Вадима на инженера.

— Да не похоже как-то, — пожал плечами тот. — Уйти он, конечно, мог, и генератор на прощание взорвать, а смысл? У нас другие есть, в боковом времени мы его рано или поздно разыщем, если уж совсем к черту на кулички не залетел. Да и натура... Натура у него не та, я с ним работал, разговаривал, представляю...

Чекменев опять взглянул на Ляхова.

— Подтверждаю. Не тот человек Виктор, чтобы в одиночку в те края сунуться. Не проще ли вообразить, что рванул именно сам генератор? Я в этих делах темный, но по-дилетантски... Какой-нибудь перепад напряженности поля, вот вам и объемный взрыв, причем ты же сам сказал — в раструбе антенны. Знаешь, что мне это напоминает — шаровую молнию. Вот!

— Технически возможно? — спросил генерал у инженера.

— В этих делах все возможно. Я не теоретик, я эксплуатационник. А про молнию — интересно. Ну не в прямом смысле, а по аналогии. Там сгусток электроплазмы, здесь какой-нибудь «хроно». И профа испарить могла, а то и с собой забрать. Это, кстати, наибо-

лее вероятно. Вы же тогда тоже бесследно исчезли, хоть и без взрыва...

— В общем ясно, что ничего не ясно. Ладно, занимайтесь, а мы пойдем. К вечеру доложите, что еще накопали.

Снова сели втроем, теперь в кабинете Тарханова, как более приспособленном для работы, нежели камера.

Чекменев молчал долго и недобро.

— Да, орлы, — сказал он, словно преодолевая что-то в себе. — Интуиция мне подсказывает, что рано я тебя отпустил, Вадим. Складывается все ну совершенно хреново. Помимо всего, что раньше обговорено. Ты из закрытых помещений исчезать научился, Маштаков вот. Генератора нет, записей нет, толковых теоретиков тоже. Разве что Бубнов, да и то... Где он, кстати?

— Сейчас будет, — ответил Тарханов. — Я уже вызвал.

— Хорошо. Ты мне всю правду сказал, Вадим? Я в последний раз спрашиваю. Сам видишь, обстановка осложняется. Если друг друга обманывать станем, каждый в свою игру играть — всем конец. Ты, конечно, может, и вывернешься, если твои «друзья» помогут, а нам с Сергеем что делать? Так что давай — о чем-нибудь еще ночью умолчал? Что в свете вновь открывшихся обстоятельств существенное значение иметь может.

— Умолчать — конечно, о многом умолчал. Главное, то что говорил — правда. А все подряд — долгий очень у нас разговор получится. Потому что те люди давно здесь работают, связи у них обширные, до того, как на нас выйти, еще несколько проектов заложили. Например, все, что вам Сергей о заговорщиках докладывал...

Они, знаете ли, парни очень квалифицированные, — предупреждая возможный вопрос генерала, продолжил Ляхов, — и подали всю необходимую информа-

цию столь дозированно и столь грамотно, что Сергей не имел ни малейших оснований усомниться в ее достоверности. Использованные *источники* и *каналы* подлинны, все факты достоверны и поддаются проверке. В чем главная хитрость — сделано все так, что последний камешек лег на место только вчера, еще полдня потребовалось Сергею все рассортировать и оформить, а тут я подвернулся, вам не до разговоров на другие темы стало, потом мы с вами уехали... Так что он как раз к утреннему докладу должен был материал подготовить...

Тарханов слегка расслабился, а Чекменев, напротив, напрягся.

— Если они такие дела умеют проворачивать и так шаги свои рассчитывать — на кой мы им вообще сдались? И без нас обойдутся, и нас при необходимости, как котят, сделают...

— Не столь все мрачно, Игорь Викторович, я же говорил. Мы им нужны, потому что мы важная часть **государственного организма**, и нужны именно в этом качестве. Вот ближайший пример — информацию о заговорщиках они собрали, и что им с ней делать? А у нас и оперслужбы, и прокуратура, и суд, и прочее. Так и во всем остальном. Они, скажем, мозг, а мы — глаза, руки и ноги. Что же касается котят... Конечно, его, вас, меня пристрелить или под машину толкнуть — ничего не стоит. Захотели — давно бы сделали, не ставя нас в известность о самом факте своего существования. А если поставили — нам остается действовать наиболее разумным образом, исходя из собственных интересов. Как я уже и имел честь вам доложить.

— Хорошо, хорошо, голову ты мне задурил достаточно. На сегодня. Давай перекурим. А чего это ты ни одного вопроса не задал? — обличающе направил на Тарханова указательный палец Чекменев. — Мы тут хрен знает какие дела обсуждаем, тебя, начальника

Управления, непосредственно касающиеся, а ты молчишь, только скулами дергаешь...

— Что я могу задавать? Только что Вадим на пальцах изобразил, как меня не то подставили, не то нос утерли, потом вы начали живо обсуждать тех, кто это сделал, я же до сего момента ни о чем подобном не слышал. Ни от вас, ни от него. Чего же я буду в чужие дела соваться, старших товарищей перебивать, с дурацкими вопросами вступать? Чтобы еще раз мордой в стол ткнули? Вы уж давайте сами, раз начали...

С точки зрения Ляхова тактика Сергея была единственно правильной. Иначе рано или поздно Чекменев его бы дожал. Не сейчас, так позже, наедине. А так — взятки гладки. Или принимай отставку, или извинись в той или иной форме, забудь все, что было, и продолжай работу как ни в чем не бывало.

— Мы же договорились, бросай этот тон, — выбрал генерал второй вариант. А что ему оставалось делать, не та сейчас обстановка, чтобы счеты сводить. — Тут вокруг пожар в бардаке, а я должен время выбирать, чтобы вчерашние разговоры пересказывать? Вадим тебе на досуге расскажет, а сейчас другие заботы. Что мне Олегу докладывать, как вы считаете?

— Лучше бы — пока вообще ничего, — заметил Ляхов. — Только ему и забот сейчас, в наши дела вникать. Чисто техническая авария на объекте. Пробки выбило. Так его, кажется, и нет сейчас в Кремле?

— Точно. В Берендеевке он. Работает с документами.

Иногда это выражение могло означать то, что сказано буквально. Великий князь (номинально по титулу он им и оставался) действительно предпочитал заниматься не требующими личных встреч с царедворцами делами в своем имении. Писал книги, готовил проекты указов и законов, размышлял над кадровыми вопросами и так далее. Но в иносказательном смысле так иногда говорили знающие люди, когда хотели намекнуть

не менее знающим, что Олег Константинович, на сутки или на трое, как получится, уединился с очередной фавориткой.

Сейчас, по крайней мере для Ляхова, второе было бы предпочтительнее.

— И кто она? — Вопрос прозвучал настолько между прочим, что даже Чекменев пропустил его, не задумавшись.

— Да тебе какое дело? Я и то не видел, из молодых какая-то, в Питере вроде на глаза попалась...

Об амурных делах князя говорить «среди своих» зазорным не считалось, если меру знать, конечно.

Вадим порадовался, что в таком случае и Тарханову впредь жить спокойнее будет, и не возникнет у Олега в ближайшее время вопрос о причинах экстренного отъезда Татьяны.

И тут же подумалось, а вдруг именно сейчас пошел «вариант Юдифь», а с Татьяной была только акция прикрытия?

— Я в туалет, если позволите, — доложил он Чекменеву.

Тот рассеянно кивнул и тут же обратился к Сергею, спрашивая, когда же он, наконец, отправит людей на задержание персонажей из списка и где, черт возьми, застрял Бубнов?

Под нижней крышкой часов пульсировал сигнал экстренного вызова от Шульгина. Хорошо, туалет в кабинете Тарханова располагался в комнате отдыха, и через две двери сюда слышно не будет.

Вошел, щелкнул кнопкой, под потолком загудел вентилятор, создавая дополнительную звукозавесу.

Экран Шульгин открыл маленький, портретного формата. И выглядел весьма встревоженным.

— На месте взрыва был?

— Само собой. А вы разве нет?

Александр Иванович в пространные разговоры вступать не был намерен.

— Имей в виду, это — не мы. Я только Маштакова успел выдернуть, контуженного, но живого. А взрыв — чужой. «Они» начали первыми.

— И что теперь?

— Теперь — смотреть будем. И ориентироваться по ходу. Боюсь, пойдет сейчас такое, что все планы — к черту. Кроме генерального. Тебе бы сейчас лучше из Кремля легально, под любым предлогом выскочить. Я Феста в дело уже ввожу, во главе боевого отряда посылаю по вражеским явкам. Тебе бы тоже под командой группу «печенегов» взять, тогда сам черт не разберет, где ты, где он, и мы пару темпов выиграем.

— А предлог?

— Будет тебе предлог. Дружок твой, Бубнов, исчез. Из дома. Я ведь тоже не бог, я другой схемой занимался, на все внимания не хватает. Я сейчас Тарханову позвоню, вроде от сотрудника Стрельникова, доложу про Бубнова, а ты тут же сцену разыграй. Мол, я и только я на месте разобраться смогу, требуй опергруппу в помощь, и вперед. А Чекменеву сейчас такая информация пойдет, причем вполне точная, что ему не до тебя будет. Тарханов пусть в Кремле сидит, как бы ему там в коменданты осажденной крепости не выдвинуться.

«Вот, значит, какие игры пошли, — подумал Ляхов, выходя из туалета и потряхивая только что вымытыми руками. — И как же все будет выглядеть? Как мятеж вроде варшавского, вторжение пришельцев из космоса или?..»

На «или» у него фантазии не хватало. Все ж таки на курсах Шульгина он провел только месяц, и занимались там делами практическими. Лишь в редкие часы отдыха удавалось посмотреть зубодробительные боевики из мира Ляхова-первого. «Пусть и глупые, но стиль времени нормально передают. Очень многие у нас пусть так и не живут, но в этом духе мыслят», — объяснил ему двойник. Если они придут со своим сти-

лем мышления оттуда сюда, действительно придется вообразить себя корниловцами в Ледяном походе. А иначе...

«Иначе нам не выжить. Хуже будет, чем под большевиками. У тех хоть идеи какие-то были...»

Что наличие идей очень часто не в пример печальнее их полного отсутствия, Ляхов по общей исторической необразованности еще не подозревал.

Он был в двух шагах от своего стула, как телефон на столе Тарханова обещанно зазвонил. Сергей снял трубку привычным, спокойным жестом, но при первых же словах с той стороны лицо у него передернулось.

— Что? Повтори? Как, когда? Да мать же вашу! Оставайтесь на месте. Сейчас будем!

— Что такое? — синхронно спросили Ляхов и Чекменев, первый уже зная, в чем дело, а второй — искренне, но фибрами души уловив очередную пакость.

— Бубнов пропал. Похоже, похищен. Без всякого взрыва. Налет на квартиру.

— Было уже такое, — стараясь изображать человека, из последних сил сохраняющего раз избранную маску невозмутимости, но внутри которого все кипит и дрожит, сказал Вадим. — Я сам туда поеду. Дай мне человек пять нормальных специалистов и броневик. — Это Тарханову. — Видите, Игорь Викторович, понеслось по кочкам, по наихудшему сценарию. Хорошо хоть, я успел вернуться. Какую-то ясность имеем. А начнись все вчера? Вы бы до последнего не знали, что творится... Верните мне «адлер».

Страшное сомнение отражалось на лице генерала. И поверить до конца Вадиму он не мог, и выбора не было. Какие разборки и интеллектуальные поединки, когда под окнами только что не немецкие танки брусчатку гусеницами скребут. Ему, разумеется, подобный

образ был чужд, а вот у Тарханова проскользнул по краю той самой «эйдетической» памяти.

— А может, это опять...

— Да хватит, ваше превосходительство! Выбора нет. Никакого выбора нет! При любом благоприятном развитии событий вы меня и посадить, и расстрелять успеете. А сейчас уже не политику делать, сейчас выживать надо. Я знаю, что делать, вы — нет. Прикажите вернуть пистолет, ты, Сергей, группу к подъезду, а пока порученец прибежит, слушайте. Если это последнее, что я вам успею сказать, — дальше сами.

Чекменев, подчиняясь мощному волевому посылу Ляхова, действительно приказал порученцу взять из сейфа пистолет и бегом принести его в кабинет полковника Неверова (официально Сергей так по-прежнему и значился).

А Вадим, на самом деле торопясь и одновременно радуясь, что сумел перехватить инициативу, говорил о том, что, кажется, агрессия с «той стороны» началась. Взрыв генератора, исчезновение Маштакова, похищение Бубнова, сообщение «друзей» — все говорит за это. Он сам с трудом во все это верит, но лучше поверить в пришествие Антихриста, хоть как-то озаботившись обороной, чем оказаться перед супостатом без порток и в пьяном виде, как русские ратники на берегу реки, так и названной «Пьяна». Может, и легенда, как многие другие, но факт подобного разгрома в 1378 году имел место.

— Мужики, случиться может абсолютно все, что в голову придет, и кое-что сверх этого. Чужой танковый корпус в Москву вторгнуться может, и по технике сильнее наших. Покойники толпами, поляки недовоспитанные. Не знаю я деталей. Игорь, — снова перешел он на «ты» и по имени, — сколько у князя в Берендеевке охраны?

Поддавшись его напору или просто поверив, Чекменев ответил:

— Рота дворцовых гренадер. Сто человек с легким вооружением.

— Немедленно, по тревоге... ну на кого тут в гарнизоне полностью положиться можете?

— Ближе всего у Берендеевки — гвардейские казаки на полевых сборах, — ответил Тарханов.

— Значит, казаков. Аллур три креста¹! И звоните прямо сейчас Их Величеству — все бросить, поднять охрану, включая псарей и дворников, окопаться по возможности и держаться до подхода подкрепления. Кроме тебя — ни с кем в переговоры не вступать. Огонь на поражение.

— Да успокойся! Как я это все подам, ты соображаешь?

— Да как хочешь. Как мы с Сергеем на перевале. Выживем — отчитаемся. Хоть Мировой войной с «Черным интернационалом» назови.

И лучше бы ты туда сам полетел, Игорь Викторович, с вертолетным десантом. Запасной КП создашь, и леса вокруг хорошие. Весело, ох и весело скоро всем нам будет! Ты, Сергей, принимай команду над Кремлем. Звони начальнику Московского гарнизона. Тоже от имени князя. Пусть поднимает войска по тревоге, но из казарм не выводит. Пару полков неплохо бы в Кремль перебросить, со всей техникой и снабжением. Устроишь тут, в случае чего, Брестскую крепость.

Чекменев смысла этого выражения не понял, а Тарханов, неожиданно — вполне. Словно бы опять воспоминание из иной жизни.

— Я же немного в городе поработаю. «Печенег» сами по себе, я тоже. Бойцов, что со мной в рейд хо-

¹ Во времена кавалерии на передаваемых конной эстафетой пакетах ставились кресты карандашом или чернилами, обозначающие для неграмотных степень срочности. Три креста — самый быстрый аллур (вид движения), галоп или карьер, на пределе выносливости лошади.

дили, верните. Я так понимаю, вы их еще по частям не разослали, на всякий случай поблизости держите. Максима мне найти нужно. По адресочкам, что у тебя в папке, пройтись. Может, кого и поймаю. И «друзья» наши в любом случае на меня выходить будут. А меня грохнут, или пропаду где, вот вам...

Он положил на стол перед Тархановым брелок для ключей в виде корабельного штурвала с надписью «Сан-Франциско» по ободу. В центре — золоченый глобус размером с косточку вишни.

— Здесь нажмете, вам по любому ближайшему телефону ответят, а то и просто так. Александра Ивановича спросите, скажете, что надо. Надеюсь, помогут...

Глаза друзей его поразили. Совершенно вдруг ставшие не бессмысленными, не стеклянными, а просто — не отсюда. Слишком он оказался для людей своего мира непонятым, чересчур волевым и резким. И слишком умным. Забыл как-то, что его опыта у них не имелось. А это они еще с Вадимом-первым впрямую не общались!

Жизнь-то — она груба и никак не собирается соответствовать вашим о ней представлениям. Разве что в самые тихие и благополучные годы. Да и то! Что могло быть тише и благополучнее пресловутого тысяча девятьсот тринадцатого года или тысяча двести тридцать шестого, скажем?

Быстрее всего восстановился Чекменев, что и неудивительно.

— Черт с тобой, Вадим. Еще раз поверю. Лучше перебдеть, чем недобдеть. Пронесет — объявим, что проводили внезапные маневры. Но ты у меня тогда земским врачом в Весьегонский уезд Тверской губернии поедешь, матью клянусь.

Весьегонский уезд — это да. Самый глухой даже по нынешним временам угол Тверской губернии, запрятаный в болотах и лесах на границе с Вологодской. Оттуда уж точно, как писал Гоголь, три года скачи, ни-

куда не доскачешь. В переносном смысле, конечно. Но уж точно не Москва.

— Ты бы, лучше, Игорь, кого-нибудь посадил международные новости отслеживать. Не исключаю, что там у них не лучше нашего безобразия начнутся. А про Весьегонск — ты очень к месту. Подсознательно. Может, там и придется временную столицу создавать. Нормальные края. Километров сто по болотам на северо-восток — вот тебе и Кириллово-Белозерский монастырь, Ферапонтов тоже недалеко, и вообще Белое море с приполярной тундрой. Выживем...

Как его все же несет, ну почему он не может остановиться на каком-то главном слове, а начинает говорить лишние? С другой стороны, не скажешь сейчас — можешь не успеть потом, те самые слова, которые вдруг могут оказаться главными. Поэтому будем делать, что кажется нужным сейчас, а будущее — разберется само.

Что-то подобное, кажется, ощутил и Чекменев.

И все трое вдруг встали, на секунду положили друг другу ладони на погоны.

— Хорошо, поехали.

У подъезда Ляхова ждал легкий десятиместный бронетранспортер, примитивный по сравнению с теми, что он видел «там». Открытый сверху, с единственным ручным пулеметом на турели. Так и время другое, и враги другие. Были. А какие сейчас будут?

Десантники Колосова и штурмгвардейцы Кочубея уже были здесь, загружали в транспортер свое имущество, вообще вели себя как ни в чем не бывало. Да и на самом деле, что для них изменилось? Вчера только с аэродрома отвезли в кремлевскую казарму, выдали ужин и законную винную порцию. Велели отдыхать, до особого распоряжения не покидая помещения. Бойцы выпалились до упора, позавтракали, а тут и распоряжение последовало. И командир здесь же.

— Здорово, орлы, — весело поздоровался со своим войском Ляхов. Ребята надежные, где только с ним не бывали. Колосов, вдобавок, с Максимом хорошо знаком, они впервые некробионтов и обнаружили. И повоевали. Товарищи по оружию, получается.

Вадима тоже встретили радостно. Свой, проверенный командир — это уже больше половины успеха в любом деле.

— Куда едем, господин полковник? — по-свойски спросил Колосов. — Обратно в Польшу или еще куда?

— Поближе. По городу покатаемся, погода видите — самая для прогулок.

Действительно, в Москву, похоже, вернулось бабье лето, что для начала ноября достаточно удивительно. Небо очистилось, солнышко пригрело, градусов до двенадцати, наверное, а то и до четырнадцати.

— Тоже дело. А патронов нам зачем столько? — Он указал на уложенные под откидными продольными сиденьями ящики.

— Прежние хозяева забрать забыли. Не выбрасывать же. А у нас как с собственным боезапасом?

— Как положено, полный. Мы ж там почти и не стреляли.

— Ну, значит, оружие на изготовку и вперед.

До квартиры Бубнова от Кремля ехать было всего ничего, минут пятнадцать, даже если не разгоняться и не нарушать правил движения. Вадим стоял рядом с водителем, единственным незнакомым бойцом в их отряде, облокотившись о кромку борта, смотрел по сторонам.

На улицах все пока внешне спокойно. Машины мелькают, предусмотрительно освобождая для неприличного в центре города стального ящика крайнюю левую полосу, люди движутся по тротуарам, радуясь выпавшему погожему дню. А что здесь станет твориться в ближайшем будущем? Да может, и ничего, подумал Ляхов.

Все, чего опасается Шульгин со своими друзьями, может произойти как бы помимо всех этих мирных обывателей. Просто вдруг сменится реальность каким-то образом, а люди ничего не поймут и не заметят. Продолжат жить, как жили, никому и в голову не придет, что час назад у них были другие имена, интересы, воспоминания, власть. Другие деньги в карманах, другие товары в магазинах. Или никаких товаров. Карточная система и строгое нормирование скудных пайков. Половина ныне существующих личностей просто исчезнет, их место займут совсем другие. Но абсолютно все будут в полной уверенности, что именно так всегда было и никак иначе быть не может.

Вадиму легко все это воображать, видел он мир Шульгина, а раньше — другой Израиль и чеченца — сержанта «Советской Армии».

И вновь останется их два, может быть, три десятка таких, кто будет понимать истинную суть случившегося.

В прошлый раз Максима Бубнова забирали из его квартиры люди прокурора Бельского, да и то, как выяснилось, почти по ошибке. Когда недоразумение выяснилось, перед ним извинились и почти с почестями доставили обратно. Сейчас картина выглядела аналогично — приоткрытая входная дверь без следов взлома, легкий беспорядок внутри, но ничего похожего на то, как выглядят последствия добротного, систематического обыска.

По сути, Ляхов не совсем понимал, для чего Александр Иванович велел ему ехать с группой именно сюда. Криминалистом он себя не ощущал, навыками осмотра места происшествия не владел, даже нюхом собаки-ищейки его не наградила природа.

Бойцов он оставил внизу, с собой взял только троих, расставил у двери лифта, окна на лестничной площадке, у входа в квартиру. Скорее на всякий случай,

чем по реальной необходимости. Засады он не ждал, повторного налета — тоже.

Ну и верный Колосов держался как привязанный, сзади и справа в трех шагах, не убирая пальца со спуска автомата. Они обошли все комнаты, осматривая то, что могло представлять интерес. Вадим искал какого-то знака, записки, намек на происшедшее. Максим, похоже, сопротивления оказать не успел или не захотел. Не было следов рукопашной, отстрелянных гильз на полу, дырок в стенах и пятен крови. По всему выходило, что взяли его тихо-мирно. Очень может быть, Бубнов вспомнил предыдущий случай, потому и вел себя сдержанно.

— Ты видишь, Саша, — сказал Ляхов поручику, когда они закончили осмотр квартиры, — вы с подполковником тогда с покойниками встретились в чужом времени, потом мы с тобой «домой» к ним съездили, а сейчас, кажется, они к нам пришли... Доигрались, в общем.

— Моя бабка постоянно говорила, не буди лихо, пока оно тихо, — согласился поручик. — Из тех, кто к этому делу отношение имел, только мы с вами живы-здоровы до сего времени?

— Я и не знаю. Если с самого начала считать, так вроде и так. Да что толку? Сейчас живы, а через пять минут?

— Пять минут — тоже срок. Вы меня простите насчет всяких конвенций, а я сегодня ночью к одному дружку забежал, там же, в Кремле, он при Оружейной палате состоит, штабс-капитан уже, бутылочку с ним распили...

— Вас же изолировали до выяснения, насколько мне известно...

— Господи-ин полко-овник, — с отчетливой насмешкой протянул Колосов, — это кто ж штурмгвардейца изолировать может? Но я о другом. Поговорили мы с товарищем, и он мне, так, от души, две сотни аб-

солютно запрещенных пулеметных патронов подарил. Когда моих рассказов о *некробионтах* наслушался.

Научный термин простодушный поручик произнес старательно и со значением. Мы, мол, тоже соображаем.

Ляхов, не задавая лишних вопросов, курил, опершись плечом о стенку в спальне Максима. Поглядывал по сторонам, будто желая увидеть нечто, только ему адресованное.

— А патроны какие, господин полковник! Не знаю уж, кем и для чего сделанные, но пули у них разрывные, снаряженные азидом свинца. При попадании в цель срабатывают не хуже гранаты от подствольника...

— Чего ты плетешь? — не выдержал позы Ляхов. — Азид свинца — капсюльный инициатор. Ударного действия. Он еще из ствола не вылетит — взорвется. Хотя мощный, конечно.

— Так и я говорю. Не знаю уж, чем они его запластифицировали, только срабатывает он исключительно при попадании в цель. А до того — ни-ни!

— Ты и проверить успел?

— Само собой. Тир там тоже имеется. Стрельнули из карабина пару раз. Жуткое дело...

«Вот, — подумал Ляхов, — о каких-то высших проблемах рассуждаем, службы Госбезопасности держим, а поручик с штабс-капитаном за бутылкой в гробу видали все наши заморочки. И все в этой стране так. И в той — тоже».

Эта мысль неожиданным образом прибавила ему оптимизма. Не с марсианами же воевать придется. А со своими, русскоязычными — как-нибудь управимся. Или разберемся. (Словечки *оттуда* проскакивали все чаще, сами собой, и это уже почти не удивляло.)

— Нет, ты мне скажи другое, — тут уже иной интерес возобладал у Ляхова, — как же он тебе сверхсекретные патроны отдал за просто так?

Колосов ухмыльнулся совершенно наглым образом.

Это вы там, мол, старшие командиры, мыслите отжившими категориями, а мы — другое поколение.

— Так они ж потому и секретные, что ни по каким учетам не проходят. Завезли неизвестно кто неизвестно когда для неизвестных целей. Достигли тех целей, нет, никого больше не волнует. Дружок мой, Володя Мигель (из бывших испанцев) другим озабочен, куда б их без последствий выкинуть, пока они сами собой рваться не начали... Мне две сотни отдал, а еще десять тысяч...

— Так хорошо работают? — спросил, заинтересовавшись, Ляхов.

— Отлично!

— Ну, заедем, заберем. Я ему расписку по всей форме оставляю... Как так и надо.

Разговор мог бы продолжаться еще бог знает сколько, отвлекая от главного, но тут у Ляхова опять завибрировала крышка часов.

— Я слушаю, Александр Иванович, — сказал он, глядя на кафельную стенку туалета, закрыв за собой дверь.

Шульгин появился в своей сиреновой рамке не сразу.

— Максима я вычислил. Его сейчас держат недалеко от тебя. За Красными Воротами, Гороховский переулок, дом номер... Этаж, квартиру назвать пока не могу. Гони на предельной, подскочишь, я, может, успею уточнить. А нет — попробуй на интуиции. Она у тебя есть.

Лестная характеристика, но в конкретном случае — бесполезная.

— Общая обстановка как?

— Честно говоря — хреновая. Мы теряем контроль. Есть мнение, что неприятель рассасывается по Москве, пока ничем себя не проявляя, но во всеоружии.

— Как у Тарханова в Пятигорске?

— Хуже. Те хоть стреляли и облика своего не скры-

вали. А здесь я вижу, что враг присутствует, а чем его засечь, пока не понимаю. Но ты не переживай, Секонд, — поспешил успокоить его Шульгин. — Фест с целой ротой тоже в городе, вот его позывной. Встретитесь, вам сам черт не брат будет!

Оно понятно, вдвоем да при поддержке полутора сотен хороших солдат непременно выкрутимся, если нас полком не зажмут в тупике. А вообще?

— Некробионты, Александр Иванович? — Эта версия казалась, при всей своей запредельности, хотя бы понятной.

— Какие некробионты! Просто нормально подготовленные боевики из нашего времени, прикрытые фоновым излучением. Шапкой-невидимкой, мать вперемать. Лоб в лоб встретишься — узнаешь. А приборно — ноль.

— Ну а цель, хотя бы цель их вам понятна? Чего нам лично ждать? Государственного переворота, банальных грабежей, захвата заложников? Вы же раньше все так интересно по полочкам раскладывали...

— Раскладывали. А сейчас противник, возможно, напуганный нашими действиями, пошел поперек всех схем и расчетов. Где-то мы им крепко хвост прищемили, да сами этого не заметили. Сейчас работаем по всем вариантам сразу. Нам бы темп им немного сбить, инициативу перехватить. Я Фесту весь свой резерв отдал, чтобы он на себя внимание отвлек, прыти им побавил. А как только разберемся, ответим так, что мало не покажется...

Но что-то уверенности в голосе Шульгина было недостаточно. Так, по крайней мере, показалось Ляхову, хотя уж чего-чего, а растерянного «учителя» он до этого представить себе не мог. Или это очередная игра, неизвестно на кого рассчитанная?

— Тогда я поехал, Александр Иванович. Хоть Максима выручу. В остальном — советуете стрелять не раздумывая?

— Во все, что сочтешь подозрительным, — безусловно. Если ошибешься ненароком, что маловероятно, или твой князь тебя отмажет, или Чекменев, или я. В любом случае, вооруженный человек на улицах Москвы — почти стопроцентно враг. Своих-то гвардейцев или городских ты опознать сумеешь?

— Постараюсь, Александр Иванович! Только — еще одно. Через пару минут снова приоткройте окошечко...

Он вышел из связи, одернул китель уже в коридорчике, стараясь не форсировать голос, скомандовал Колосову:

— Вниз, бегом. Посты снимай, машину заводи. Я сейчас.

Поручик посмотрел на него с интересом.

Ну да, командир отлучился за малой нуждой, а вышел из гальяна, будто там у него центр правительственной связи. Забавно, нет?

И Ляхов подумал, что забавно. Но с другой стороны.

У Максима в кабинете имелся встроенный в стену керамический, практически невскрываемый и надежно замаскированный сейф. До него налетчики не добрались, просто не знали о его существовании, иначе бы заставили его показать.

Вадим откинул закрепленную на потайных петлях секцию книжного шкафа, не снимая трубки телефона, набрал известный номер. Хитро было придумано, никакой взломщик не сообразил бы. Дверца сейфа, неразличимая на фоне обоев со сложным рисунком, бесшумно открылась. Вадим извлек стопку не слишком толстых папок. Здесь все материалы их совместных разработок по верископу и собственные расчеты Максима, касающиеся генератора Маштакова, и еще кое-что, весьма важное. Что не должно попасть в руки ни «врагов», ни Чекменева с его службами.

— Заберите, Александр Иванович, — протянул он свои сокровища Шульгину, когда он вновь возник в

проеме «окна», теперь уже прямо посередине комнаты. — Если не вернусь, полистайте на досуге...

— Пессимизм и фатализм — отставить. И не из таких передраг выходили с честью. Ты езжай, а на месте я тебя, в случае чего, поддержу. Понимаешь, — счел он нужным еще раз как бы извиниться, — я тут пока один, и СВП тоже одна, просто физически не успеваю сразу два десятка объектов отслеживать. Через несколько часов «мобилизацию» закончим, полегче станет...

Бронемашина помчалась, теперь уже не соблюдая никаких правил, в расчете на здравый смысл гражданских водителей, на доступной ей скорости, пылая черным дымом из выведенной вбок и вверх выхлопной трубы, грохоча дизелем, на подъезде к перекресткам включая противно звучащую армейскую сирену. И пролетал их невзирая на красный свет. Желающие жить пусть поостерегутся.

Однако выбирали все же малозагруженные переулки, идущие поперек магисталей. Сначала длинный Грохольский, потом Коптельский, Спасский, отрезок Каланчевки, Красноворотский, Новая Басманная.

«Князь Курбский от царского гнева бежал, с ним Васька Басманов, стремянный» — ни к месту, а может, как раз к месту вспомнилось Ляхову, когда мелькнула табличка перед глазами на крутом, с заносом, повороте.

По пути он успел по радиации связаться с другом-братом Фестом. Тот сейчас находился с другой стороны Садового кольца, у Калужской заставы.

Шульгин, махнув рукой на все правила и принципы, вывел через две мировые линии полуроту своих крымских рейнджеров. Из первого, набербованного в Константинополе состава там уже никого не осталось,

кроме взводных и отделенных командиров, но традиции и уровень подготовки сохранялись крепко.

Один взвод он оставил при себе, для охраны и обороны, если придется, столешниковской базы, а второй отдал Ляхову-первому. Ротой он назвал ударный взвод просто для красного словца, чтобы приободрить Секонда, однако по боевым возможностям он превосходил две-три сотни здешних строевых солдат, пусть даже и гвардейских.

Инструктаж ударникам был краткий. Идете, мол, в Москву, но не в здешнюю, Совдеповскую, а как бы в некий натурный тренажер, изображающий ее же, но в другом времени и при другой власти. Для отработки вводной «Зачистка города после его захвата бандитской армией (вроде махновской)». Боеприпасы обеими сторонами будут использоваться настоящие. Беспрекословно выполнять все приказы вот этого господина полковника, с местным населением (в том числе вооруженными силами и полицией) ни в какие разговоры не вступать, ничему увиденному до возвращения домой не удивляться.

Случайно отбившись от своих — пробираться на Столешников, желательно без боя и опять же избегая контактов с аборигенами. На этот случай всем были выданы великолепные, сто метров в сантиметре, планы города. Попав в плен (что крайне нежелательно), молчать и ждать, когда выручат. А это будет сделано непременно. Корниловцы своих не бросают, это известно всем и неоднократно подтверждалось делом.

Ляхов-первый, одетый, в отличие от рейнджеров, в полевую форму здешних горных егерей, прошел по коридору перед двухшереножным строем взвода, внимательно глядя в лица бойцов.

Суровые ребята. Больше половины прошли Гражданскую войну (некоторые — от звонка до звонка), которая для них закончилась всего три года назад. Шульгин в свое время рассказывал об истории этого

формирования, демонстрировал видеофильмы о Каховском и прочих сражениях.

Никто из них, разумеется, не обладал достоверными знаниями о существующем мироустройстве, параллельных реальностях, Гиперсети и прочем, но за пять лет службы в качестве «вооруженных сил Андреевского братства» нахватались столько косвенной информации, что удивляться хоть чему-либо считали для себя недостойным. Все та же формула, дарующая душевное равновесие: «Есть то, что есть, а остальное — ложь!»

Вооружены ребята прилично. Известными Ляхову с детских лет автоматами ППС, но значительно модернизированными, стреляющими почти что вечными, а главное, общими для обоих миров патронами М1896/1930; плюс еще пистолетами «ТТ», тоже усовершенствованными; десантными ножами, само собой, и огромным количеством гранат разных типов.

Сутки-двое можно воевать автономно, да вряд ли столько придется.

Форма одежды универсальная. Камуфляжные комбинезоны близкого к здешним покрою и расцветки. Коричневые береты с трехцветными, тоже похожими на местные, кокардами. Главное отличие — корниловские щитки на рукавах, с белым черепом и буквами «ВСЮР»¹. Это тоже хорошо, потому что и узнаваемо, и непонятно.

— Таким образом, господа, — начал свое обращение к перешедшим в его подчинение ударникам Ляхов. — Первая задача проста. Сейчас мы на комфортабельном автобусе выдвигаемся в предписанный район, там блокируем и занимаем отдельно стоящее здание, преодолеваем сопротивление, если таковое будет оказано, причем — демонстрируя полную готовность применить оружие, но до первого выстрела со сторо-

¹ Вооруженные силы Югославии.

ны противника его не применяя. Когда зайдем, а все там обнаруженные будут положены мордой на пол, я сообщу, что делать дальше. Командир взвода?

Не слишком молодой для своего чина поручик подкинул ладонь к краю берета.

— Не надо.

Ляхов даже слегка опешил.

— Что — не надо?

— Фамилия моя Ненадо, Игнат Борисович. Запорожская. Там таких много было.

— Ну и хорошо, будем знакомы. Вы, господин поручик, будете при мне находиться и командирам отделений задачи ставить. Двинулись. Автобус во дворе.

Он убедился, что в подъезде нет посторонних, и бойцы бегом, но почти бесшумно посыпались вниз по лестнице.

По пути Вадим со взводным распределили роли между отделениями и конкретными бойцами.

Самое же во всем этом интересное, что если взводный не интересовался идеологией и сутью противника потому, что над ним был целый полковник, то Ляхов этого не знал вообще. Ему было известно, что они сейчас будут брать Центр, где, предположительно, осуществлялась кодировка и перепрограммирование людей до уровня зомби, только сохраняющих весь свой интеллектуальный багаж и память в необходимых пределах.

Экспертов-инженеров ему придано не было, да и взять их Шульгину было неоткуда. Вот Бубнов разве, если Секонд сумеет его выручить, ну, возможно, сам Левашов. Так специалисту такого уровня, тем более — единственному в своем роде, не набегаться по каждому объекту.

Фест, как человек «настоящего» двадцатого века, соображал, конечно, быстрее и правильнее своего двойника, поскольку объем информации политико-психологического плана был у него на порядок больше и

★ массив исторических аналогий, которыми можно оперировать, — тоже.

И он, планируя свое конкретное поведение в предстоящей заварушке, не мог не думать и о другом. А что дальше? Допустим, аппаратуру удастся захватить неповрежденной (тут-то он постарается) и обслуживающий персонал (а лучше — руководителей) тоже. Так взрывать ли эту дьявольскую технику или, сообразив, как она действует, немедленно перенацелить ее «на благое дело»?

Ага, проблема «Кольца Всевластья»! Толкиена он читал в самом подходящем возрасте и в почти подходящее время. Но сути «конфликта» до конца не уловил. Не тот менталитет. Российско-советский подсознательный опыт подсказывал, что в нашем положении нужно хвататься за любое оружие, сулящее надежду на одоление врага, а дальше видно будет. Как с той же атомной бомбой. Ну сделали ее, а может, и украли, как герой Солженицына воображал, и — ничего страшного. Мировой войны не начали, а кое-какой стабильности добились. И сейчас она же нам позволяет на мировой шахматной доске хоть как-то, но удерживаться. А то б и вправду, Верхняя Вольта, да еще и без ракет.

Слава богу, на дальнейшие размышления, способные вгонять в тоску и в ступор, времени ему не хватило.

Автобус подкатился к указанному дому, добротному, трехэтажному, предреволюционной постройки. Метров за сто еще было установлено, что внешней охраны, бетонных блоков, надолбов, бронетехники, вообще как-то оборудованного предполья в его окрестностях нет.

Удачно.

— Так, Игнат Борисович, — Ляхов любил обращаться к младшим по званию по имени-отчеству, — не упускаем шанса. План слегка меняется. Тормозим автобус напротив главного крыльца совершенно вне-

запно, со скорости, и через оба выхода — броском вперед. Если дверь не заперта — отлично. Нейтрализуем охрану, и сразу по всем этажам. Блокирующую группу — в общий строй. Два человека остаются в автобусе, еще двое — через забор и контролируют двор и задний фасад. Пошли!

Водитель ударил по тормозам, автобус завизжал по крышкам и стал как вкопанный точно в указанном месте, за каких-то пять-семь секунд двадцать человек выскочили на тротуар.

Тяжелые, резные, способные выдержать несколько ударов тараном входные двери особняка были, конечно, заперты, не такие уж там дураки обитали, но вот перекрыть окна хотя бы первого этажа соразмерными по прочности решетками ума не хватило. Что поделаешь, время все-таки другое и нравы тоже.

Короткий звон и дребезг рушащихся стекол, и через несколько секунд Ляхов входил в вестибюль через распахнутую для него дверь. Не хватает полковнику в окна прыгать.

Что не ошиблись, Вадим понял сразу. Охрана, как и планировалось, лежала ничком на полу по сторонам от входа с высоким барьером и турникетом, и были это люди нездешние. Что ж, своих не узнаем, что ли? Как русского за границей можно идентифицировать за десять шагов, не услышав еще ни одного слова, а по общим очертаниям и манерам, так и здесь пришельцы-сореальники воспринимались, как негр-шпион из советского еще анекдота. Да вдобавок, обнаглев сверх меры, были вооружены отечественными АКСУ. Никакого соблюдения приличий.

Он поднял один, с двойным магазином, обмотанным изолентой, показал поручику.

— Такое — видел?

— Приходилось, — не дрогнув лицом, ответил Ненадо. — Один вам, один мне, пойдет?

— Не возражаю. Этих — руки за спину и — в автобус, а мы — наверх.

Там, кстати, захлопали вдруг пистолетные выстрелы, несколькими трехпатронными очередями ответил автомат. Ну, это еще не бой, это «эксцесс исполнителя».

— Ну-ка, Игнат, бегом туда. По возможности прекратить. Мне трупы не нужны.

А у него появилась новая, неожиданная проблема.

Привлеченная внезапной суматохой на тихой улице или вызванная звонком жителя одного из соседних домов, возле автобуса остановилась полицейская машина.

Единственный в команде обитатель этого мира, шофер, начал что-то объяснять патрульным, возмущенно размахивающим руками и указывающим на выбитые окна.

Рейнджеры же, как приказано, демонстрировали римскую невозмутимость, сидя в креслах по сторонам передней двери. Ладони лежали поверх автоматов, к затворам и спускам пока не смещаясь.

Ляхов спустился по ступенькам крыльца подчеркнуто неторопливо. Молча протянул старшему наряда раскрытое удостоверение. Унтер вытянулся и щелкнул каблуками.

— Так ведь беспорядок, господин полковник. Обязаны выяснить и принять меры.

— Проводится спецоперация. Здесь жандармерия и Гвардия. Вас не касается. В машину и дальше по маршруту. И не болтать. Кому из вашего начальства положено, те в курсе...

Ничего больше не сказав и не ожидая ответа, повернулся, пошел обратно в дом. Как-то само собой получилось у него нечто в стиле «Семнадцати мгновений весны». Но ведь подействовало. Полицейские, с опаской глянув в презрительную спину полковника, на каменные лица автоматчиков в автобусе и отчего-то

избегая смотреть друг на друга, заняли свои места в желтой с черными полосами машине.

Отъехали аккуратно, без резких подгазовок и не включая противно подвывающего на высоких тонах сигнала.

— Не наша забота, — сказал старший, — с жандармами лучше не связываться, а тем более с Гвардией. У них сейчас вся сила.

— А ты бы все же номерок удостоверения и фамилию полковника записал. Мало ли что, — посоветовал младший.

— Сейчас запишу, не дурнее тебя, между прочим.

По всем этажам удалось задержать и согнать в общий зал более тридцати человек. Большинство были местные, но человек шесть Ляхов в качестве «земляков» вычислил. Этих изолировали отдельно. Вооружены пистолетами разных марок были почти все, но стрелять отважился только один, да и его рейнджер сумел взять живьем без тяжких телесных повреждений.

Аппаратуры в многочисленных кабинетах обнаружилась уйма, но вся практически однотипная. Предназначенная, нужно думать, для единственной цели. Так Вадим и доложил Шульгину, выйдя с ним на связь.

— Молодцы. Черт, никак Левашова сюда вытянуть не могу, у него тоже какие-то сложности. Так что ты сам. Быстренько, выяви там ведущих специалистов, любым способом установи, что у них самое важное. Ну, это, комплект полного цикла. И документацию, естественно. И сразу перекидывай все ко мне. Смотри только, там ведь каждый зомби может оказаться. Берегись, никаких интеллигентских слюней и соплей. Да, вот еще. Сейчас Секонд свое дело закончит, я ему скажу, чтобы в твою сторону выдвигался полным ходом. Глядишь, они с Бубновым своими научными глазами увидят то, что ты на допросе не вытянешь.

Ляхов спросил, повинуюсь естественному чувству, а не проще ли и ему уйти на базу через СПВ, и двойнику с командой и Бубновым тоже? Очень, между прочим, хотелось очутиться за толстыми стенами столешниковской квартиры. Спокойно разобраться в обстановке. А то здесь неприятным таким сквознячком потянуло. Хотя и непонятно пока, с какого румба.

— Проще, кто спорит. Но вы пока в городе нужны. И не только там, где сейчас, а еще в десяти местах. Главное, чтобы ты с Секондом соединился. У тебя с ним связь давно была?

— Полчаса назад.

— Выходи еще. Пора, наверное.

ГЛАВА 10

У Ляхова-второго так гладко с захватом объекта не вышло. Или бронетранспортер более приметный объект, чем туристский автобус, или взяли в плен Бубнова люди более нервные. К означенному Шульгиным дому он подъехал, а вот включать интуицию или дедукцию не потребовалось. Стрелять по ним начали сразу, причем из крупнокалиберного пулемета.

Типа ДШК или Гочкиса, судя по кускам штукатурки, что полетели от дома по ту сторону переулка, а потом и по дыркам в броне. Хорошо, очередь легла в капот, а не в борт боевого отделения.

— Вперед, штурмгвардия! — заорал Колосов, не дожидаясь указаний от Ляхова. Да и какие указания? Все давно обговорено.

Домик был небольшой, двухэтажный с мезонином и палисадником вокруг. Господская усадьба небогатого помещика XIX века.

И стрелять оттуда стали не иначе от отчаяния. Или по причине запрограммированности. Если поблизости нет в резерве хотя бы роты полного состава с броне-

техникой, сопротивляться подразделению регулярной армии бессмысленно.

Пока бойцы Колосова, умело применяясь к местности, рассыпались вокруг объекта, Ляхов, с прежним замиранием сердца, как на перевале, с ежесекундным ожиданием для него изготовленной пули, вдавил в плечо приклад турельного ДТ и короткими, но непрерывными очередями подавлял тяжелую огневую точку в угловом окне второго этажа. Установленный в глубине комнаты пулемет, может, и не достанешь, но если все время стрелять по скосам оконного проема и по потолку тоже, то рой рикошетов, осколков кирпича и штукатурки волей-неволей заставляет расчет пригнаться, втягивать голову в плечи, отвлекаясь от работы, а глядишь, и всерьез кого-нибудь заденет.

Методика себя оправдывала, группа Колосова без потерь форсировала переулочек, довольно широкий для своего названия, и рассредоточилась в мертвой зоне.

Водитель-ефрейтор, тоже не новичок, пока полковник стрелял, обежал свой покалеченный транспортер и начал через заднюю дверь, ею же и прикрываясь, вытаскивать наружу ящики.

Машина, не дай бог, загорится, так хоть боеприпасы останутся. А сколько еще воевать и с кем — откуда знать? Но когда патронов в достатке — спокойнее.

Ляхову что-то подсказывало, Максима им освободить удастся, но вот благополучно уйти после этого — проблематично. И дело не в том, что БТР поврежден, не так сложно пробиться дворами к Каланчевской площади, а там воспользоваться любой подходящей машиной, да хоть бы и трамваем. Даже лихо — на полной скорости со звоном!

Казалось ему, что засевшие в доме нарочно затягивают время, ждут подкрепления. Важен чем-то для них этот опорный пункт, а то и штаб. Значит, нужно все сделать очень быстро.

Он связался с Тархановым, коротко, в нескольких словах доложил обстановку и потребовал помощи. Пусть не роту, пусть взвод или два, но немедленно. На полных газах за двадцать минут управиться можно.

— Сделаем, — заверил Сергей.

Приказав водителю стать к пулемету, Секонд рывком пересек мостовую, упал рядом с зарешеченным цокольным окном. Из него почему-то не стреляли.

— Колосов, хватит вылеживаться, разом — на штурм. А я здесь попробую.

Под грохот автоматных выстрелов, матерные и просто бессвязные выкрики бойцов он, сильно рискуя, сдернул кольцо гранаты, поставил ее на край решетки. Считая про себя «через ноль», отодвинулся, прижимаясь к стене вбок, в расчете, что каменный наличник окна уведет в сторону ударную волну и осколки.

— ...ноль три, ноль четыре!

Бахнуло не сильно, только горячий вонючий дым ударил в нос и зажмуренные инстинктивно глаза. Когда открыл, решетка уже висела косо, удерживаясь в стене только двумя согнутыми прутьями.

Ляхов, навалившись, выворотил ее целиком. За ним в проем по собственной инициативе прыгнул оказавшийся поблизости штурмгвардеец.

Мало что подвал и так был полутемным, его густо заполняла поднятая взрывом пыль.

— Фонарь?

— Имеется...

Луч света скользнул по штабелям ящиков разных размеров и вида, тюков и коробок, уперся в невысокую деревянную дверь.

— Были б здесь гранаты или динамит — вот бы рвануло, — с какой-то даже злорадностью сказал боец.

— Ото ж! Давай, ломаем дверь...

— Чего здесь ломать?

Солдат был прав. Дверь запиралась снаружи на

обычный французский замок. Одно движение тяжелого, почти как мачете, ножа, накладка отлетела в сторону, и они выскочили в коридор. Слева — тупик, справа — крутая лестница к еще одной двери. Теперь — железной, но, по счастью, не запертой. За ней часто громыхали выстрелы, кому-то из штурмгвардейцев удалось через окна или дверь ворваться в здание.

— Ну, пошли. Под свои бы пули не подставиться!

Солдат, которого Ляхов знал в лицо, а по фамилии не помнил, ногой распахнул дверь и с порога выпустил несколько очередей, мгновенно охватив взглядом общую картинку и увидев, что своих здесь нет.

Ляхов дернул его за ремень назад и снова бросил гранату. Так оно надежнее будет.

— Теперь пошли!

Перипетии скоротечного боя в закрытом помещении плохо поддаются последующей реконструкции. Каждый помнит, как он бежал, стрелял, падал, в него стреляли и что в какой-то момент, как правило, внезапный, все вдруг кончилось. Точно так же и Ляхов, который никем и ничем не командовал, а метался по этажам и коридорам, стрелял навскидку и искал, где же тут могут прятать Максима, не думая, удастся ли ему самому уцелеть в бессмысленной круговерти штурма.

Снаружи дом казался не слишком большим, но сколько же у него внутри комнат, тупиковых и проходных, коридоров, лестниц, чуланов... Архитектор в девятнадцатом веке совсем не задумывался, какие проблемы он создает потомкам, которым здесь придется драться в двадцать первом.

Каждую секунду ждешь пули в лоб или в спину, гранатного взрыва под ногами, а при этом еще нужно тактически мыслить...

На лестничной площадке между вторым этажом и мезонином Вадим столкнулся с ефрейтором, который в прошлом рейде упрекнул его в неточном цитировании Гумилева.

Короткевич подталкивал перед собой стволом автомата растрепанную женщину с потным, в разводах пороховой копоти и обычной грязи лицом.

— Стоп! Кто такая, откуда, куда ведешь?

Поблизости не стреляли, и можно было перевести дух.

— Не знаю, господин полковник. Выскочила навстречу, вверх бежала. В руке автомат, не нашей конструкции. Глаза безумные. Вроде как у той, в Тель-Авиве. Но живая. Я ее слегка стукнул, обезоружил. Автомат вон валяется, без патронов...

Ляхов и смотреть не стал, не до того. И так знал, какой и откуда. А вот что она вверх бежала — интересно. Может, со страху подвинулась умом, а может...

Кроме отнятого автомата на поясе у террористки висел еще и пистолет в аккуратной темно-коричневой кобуре. Вадим его вытащил. Нечто вроде «вальтера РР», но помассивнее, поглубже. «ПМ» советского производства, вспомнил он.

Он ткнул женщину стволом в подбородок, вздергивая лицо вверх. Прав ефрейтор, глаза не того. Но попробовать можно.

Вадим хлестко ударил ее по одной щеке, по другой. Сгреб в кулак плотную рубашку на груди. Встряхнул.

— Где человек, которого сегодня привезли? Ответишь, жить будешь! Там? Там? Там? — Он показывал пальцем вправо, влево по коридору, сопровождая каждый вопрос пощечиной. А как еще привести в чувство истеричку или остановить начинающийся реактивный психоз, если нет под рукой нужных медикаментов? Она, конечно, может ничего не знать, только вряд ли. Бабы вообще любопытны, а эта тем более, на рядового боевика не похожа. Каким-то краем, но к начальству причастна, если не сама начальница.

И когда он указал на дверь, ведущую в мезонин, в лице ее нечто дрогнуло. И глаза блеснули осмысленно.

— Держи ее, Короткевич! Руки свяжи и охраняй. Здесь стой. Я сейчас...

Дверь тоже крепкая, пусть и не железная, голыми руками ломать заморишься, снова взрывать — спрятаться негде.

— А ну, ефрейтор, общупай ее хорошенько. Ключищи, — крикнул он, пока что пытаюсь поддеть ножом и отодрать планку, под которой должен скрываться язычок замка.

— Есть, господин полковник, — Короткевич бросил ему желто-блестящий ключ с двумя бородками.

Хорошо, если он!

Оказалось, он самый. Ловко вошел в скважину, а женщина вдруг стала подвывать утробным каким-то, почти нечеловеческим звуком.

Такое мы тоже видали и слышали, мельком подумал Ляхов, сообразила, теперь под одержимую косить будет.

— Короткевич, дай ей еще пару раз по роже...

Максим сидел на полу в углу комнаты, куда не могли достать пули ни с улицы, ни через дверь, пристегнутый у трубе отопления сразу двумя наручниками, за каждую руку отдельно. Рот заклеен широким куском пластыря. Лицо красное, будто у него приступ гипертонии.

Но главное, живой!

Вадим сдернул пластырь, не рассчитав усилия, Максим вскрикнул. Побриться он утром не успел, и пробивающаяся щетина крепко прихватилась клеем.

— Уф-ф, — Бубнов выдохнул воздух, задышал глубоко и жадно. — Насморк у меня, нос заложило, так чуть не задохнулся, противнейшая, скажу я тебе, смерть...

— Как же это ты так опять поймался? — спросил Ляхов, ковыряясь в замке браслета шилом от складного ножичка. Умелые люди, говорят, дамской шпилькой враз отпирают.

— А ты меня как нашел?

— Путем размышлений...

Наконец и у него получилось, наручники остались висеть на трубе, Максим встал, потирая запястья. А тут и стрельба окончательно стихла. Ляхов посмотрел на часы. На все про все ушло только девятнадцать минут. А казалось — час минимум. Так что если Тарханов сразу же выслал подкрепление, минут через пятнадцать будут. Да когда ж у нас было, чтоб совсем сразу? Наверняка то одно, то другое. В общем, кладем еще полчаса.

Спустились на первый этаж. Осмотрелись.

Нормально повоевали. Не так, конечно, как Уваров в Бельведере, но тоже впечатляет.

Колосов был жив, не ранен даже, но мрачен.

— Трое убитых, трое раненых, господин полковник. Один — тяжело.

— Сейчас посмотрим...

На трех раненых имеется целых два врача. Роскошно, можно сказать. Когда на одного врача сто раненых, это хуже.

А с военной точки зрения — в строю остались поручик, Короткевич и еще двое. Ну и они с Максимом.

— Что неприятель?

— Убито шестнадцать, пленных два. С этой, значит, три...

— А у них что, раненых нет? — удивился Бубнов.

— Откуда? — изобразил намек на улыбку Колосов.

— Ты свои секретные патроны не применял?

— Да ну, господин полковник! В закрытом помещении...

— Максим, посмотри раненых, а у нас еще дела есть, — он поманил поручика рукой. Отошли к окну с выбитыми стеклами, закурили.

— Помощь к нам идет, да когда придет... Свое дело мы сделали, что и настораживает...

— Не совсем понял, — осторожно переспросил Колосов.

— Опасаюсь я, что к «этим» тоже подкрепление подтянуться может, не двадцать же их на всю Москву было, и для кого они Бубнова похищали? Он тут явно на пересидке был.

— То есть прикажете занять оборону?

— Именно. По всем азимутам, — Ляхов снова выглянул в окно и заметил, что внутри транспортера, не выпустив ручек пулемета, отчего ствол круто задрался в небо, замер в неловкой, неподходящей живому позе водитель.

— Этот — третий или четвертый?

— Четвертый, — вздохнул поручик. — Я только своих посчитал.

— Хреново, — сказал в пространство Вадим. — Их сколько было, нас втрое меньше. Мы их за двадцать минут сделали. Сами сколько продержимся, если что?

— Сколько надо, господин полковник. Так я пошел?

— Шагай и заряжай свои патроны. Пулемет с брони прикази снять, ящики в дом занесите, спасибо бойцу, вытащил. Я и как звали его не знаю... Ладно, вспомним. Я опять на связь выйду.

Но гудок радиации Феста прозвучал на секунду раньше.

— У тебя как? — достаточно беспечным голосом спросил двойник.

— Задание выполнил, потери — половина, то есть со мной осталось четверо боеспособных. Отойти тоже не могу, раненых не унести... Может, ты подъедешь?

— Черт, не знаю даже. Я думал — ты ко мне. У меня ж бойцы не местные, как я их одних отправлю... Ладно, иду!

Секонд не сразу понял, что значит — «не местные». Потом дошло. Дни спецподготовки в Новой Зеландии и в Крыму вспомнились.

Только-только успели оказать помощь раненым, навели относительный порядок на боевых постах, распределили позиции, даже покурili как люди впервые с начала атаки. И тут из соседней комнаты первой, заполошной очередью застучал «ручник». Пока — наш, а через секунду и с улицы ответили.

Зеркальная ситуация.

Вадим вызвал Шульгина.

— Лексан Иванч, — торопился он, — веду последний бой. Заберите хоть Бубнова, из-за него же весь сыр-бор...

Отчего-то он не стал просить, чтобы Шульгин вывел своим непространственным каналом всех. Вряд ли опасался умножения парадоксов, просто показалось неправильным (стратегически) — подмога от Тарханова прорвется с боем, а здесь — никого. Глупо как-то выйдет, а потом опять объяснения выдумывай... Им бы сразу ранцевым генератором оснаститься, так, наверное, под руками их нет. Все в Польше.

Да ведь и Шульгин не предложил ему такого выхода. Сказал только, что наблюдает, до отряда, посланного Тархановым, буквально километр-полтора. Три-четыре минуты — и он будет на месте.

— Где твой Бубнов?

Ляхов оглянулся. Максима, конечно, рядом не оказалось. Где-то уже занимает позицию.

— Черт, сейчас найду!

— Некогда, Вадим, некогда. У меня, может, всего пять минут, чтобы взятую Фестом технику выхватить. Держитесь, скоро свяжемся...

Не мог же Шульгин сказать открытым текстом, что обстановка меняется быстро и почти катастрофически, что он опасается, не находится ли и его СПВ-канал под контролем и в любой момент может быть заблокирован или перехвачен. Что он и так страшно рискует, удерживая открытым проход в машинный зал, забитый чужой техникой, которая сейчас, может

быть, стоила дороже солдатских голов. Слишком все вокруг был зыбко, непонятно, подозрительно и странно. Сейчас лишний раз приоткрыться, что под прицелом вражеских снайперов на бруствер вылезти.

Одного бойца с пулеметом Колосов послал в подвал, к тому окну, через которое проник в дом Ляхов, и он сейчас эконоными очередями прижимал к земле многочисленные фигуры в черном, возникающие из проездов между соседними домами. Короткевич стрелял из ДШК, который удалось захватить неповрежденным и с двумя полными лентами к нему. Колосов तोропливо набивал диск «секретными» патронами.

Остальные четверо целых (включая самого Ляхова с Бубновым) и двое раненых, но способных держать оружие, рассыпались по периметру второго этажа. По двое к фасадным окнам, по одному — к боковым.

Патроны беречь не приходилось, с теми шестью ящиками, что притащили с улицы, на час самой бешеной стрельбы хватит, стволы бы не сгорели, а дальше, кто выживет — «Гранаты к бою!».

«Любое дело требует в 3,14 раза больше времени, чем предполагалось...» — крутилась в голове у Ляхова формула, когда он, стараясь особенно не высовываться, щелкал одиночными тех, кто дальше других продвигался по покрытому жухлой травой скверику. Но их было так много, отчаянных, что его одиночный огонь звучал почти как автоматический.

Первый и последний приказ по гарнизону звучал просто: «Сдерживать неприятеля на подходах, если ворвутся, продолжая бой в здании, по способности отходить на площадку перед мезонином». Там нет окон и единственная крутая лестница, с литыми чугунными ступенями и балясинами перил. Какое-никакое, а от пуль и гранатных осколков прикрытие. Ни с тыла, ни с флангов не обойдут. А в лоб — пусть еще попопы-

ют! Постреляем в упор. Трупов навалием. А в итоге — не мы первые, не мы последние...

Одновременно Ляхов понимал, что по правде так быть не может. В самом-то деле, посередине столичного города идет жуткий бой — и никакой реакции извне. Ни полиция не подъехала на шум настоящей стрельбы, ни иные службы. Даже жители окрестных домов отчего-то не высовываются в окна, форточки, подъезды, чтобы полюбопытствовать. А это ведь извечная привычка русского народа.

Как положено командиру, Вадим перемещался по занятой гарнизоном территории. Не вольный снайпер он сейчас, а единственный старший офицер. Кому подсказать, кого подбодрить, заметив изменение обстановки — принять волевое решение. Осуществлять маневр силами и средствами, одним словом.

Довелось ему, по ходу дела, увидеть, как работают те самые патроны.

Колосов, вдавившись щекой в приклад пулемета, отчего лицо его повело в сторону, и стал он похож на пресловутого Квазимодо, что-то бормоча под нос, водил мушкой влево-вправо, выбирая достойную цель. Непременно — групповую, что смысла одиночек щелкать? Настреляешь, может, и больше, но не тот моральный эффект.

И дождался своего.

Человек шесть-восемь, подгоняемых свойствами местности и выстрелами защитников дома, словно бы произвольно сгруппировались позади и вокруг выступа канализационного коллектора. С уровня земли, ежели ползешь, полуметровый бетонный массив кажется надежной защитой. Но это только при равноразовой позиции. Тактика же требует — «всегда занимай господствующие высоты».

Со своей высоты поручик видел атакующих во всей незащитности. Плечи, спины, ноги. Только головы прикрывал импровизированный бруствер.

Ну и дал от души. На целых пятнадцать выстрелов, треть диска.

Ляхову, невзирая на привычку и боевой азарт, стало слегка не по себе. Все ж таки, нормальная пуля — это пуля! Попала — не попала. Убила — не убила. А тут от людей полетели клочья в буквальном смысле. Пронзительные, чмокающие хлопки разрывов, а после них — нога там, рука там, а вон и оторванная голова покатилась сама собой.

Колосов обернулся со свирепой радостью на лице.

— Ну как, господин полковник?

Ляхов молча показал ему сжатый над плечом кулак.

Отошел за угол коридора, кое-как запалил папиросу.

«Так чего ты, дурак, хочешь? Интеллигент хренов! Чего тебя задело? Что пули поручика сделали всего лишь то, что сотворила бы мина из ротного миномета или метко брошенная противотанковая граната? А гаубичный снаряд в блиндаж? А бомбовый ковер по густонаселенному городу?

Он видел на кинохрониках у Шульгина, как немцы разносили в щебенку Сталинград, а американцы сжигали картонно-бамбуковый Токио. Не говоря уже о Хиросиме и Нагасаки.

А его вдруг до рвотного рефлекса взволновала очередь запрещенными Гаагской конвенцией разрывными пулями? Так конвенция когда принималась? В то время действительно «дум-дум»¹ в сравнении с нормальной винтовочной казалась немыслимым варварством. А когда иприт придумали, кто про те пули вспоминал?

Воистину, глуп человек.

Заскочил обратно в дымящуюся известковой пы-

¹ Первый образец разрывных пуль, изобретенный англичанами. Конец XIX — начало XX века.

люю комнату. Приложился из своего ППД, в три приема и довольно результативно расстрелял диск.

— Бей, Колосов, бей, в мать, бога, семь грехов и десять заповедей! Мы еще прорвемся...

Хотя особой надежды уже не испытывал.

А в таком состоянии надежда роли почти и не играет. Стрелять, пока патроны есть — это да! Вцепиться в рукопашную — свободно!

Как бы иначе, спрошу я, могли быть возможны *настоящие* войны?

ГЛАВА 11

Плюнув на все, Фест чуть ли не в матерной форме объявил Шульгину, что немедленно отправляется на помощь Секонду, а научное железо пускай таскают бойцы резервного взвода. И пленными занимаются. Ему жизнь друга и брата дороже. А также тех солдат, которых вы под чужие пули сунули.

Шульгин даже и не нашелся, что ответить. Все-таки этот Вадим был человеком его времени. Касательно же возраста (в пересчете на мягкую пахоту, как при советской власти принято было статистику вести, или «на пятнадцатисильные тракторы»¹, или «на условные банки») в сыновья он ему практически годился, да и выросел от «папочки» в отдалении (Сашка был пятидесятого года рождения, Фест — семьдесят четверто-

¹ Одно из великолепных изобретений советской партийной статистики. Начиная с 1932-го (год выпуска первых советско-американских тракторов «Универсал», они же «Фордзон», мощностью именно 15 л.с.) до самого конца соввласти в справочниках общий объем произведенных тракторов всегда пересчитывался на «15-сильные». То есть один «Кировец» — 40 тракторов «вообще». Про «банки» — консервные имеются в виду — тоже интересно. До сих пор никто достоверно не знает, трехсоттраммовки в трехлитровые пересчитывали или наоборот.

го), и от его десяти пионерских лет и до капитанских погон жили они в абсолютно разных условиях.

Другого бы он осадил, с этим — замялся.

И Ляхов-первый рванул вниз по лестницам, сгоняя бойцов до места.

Хорошо, ехать недалеко. Жаль, автобус — не БТР и не танк, а там ведь настоящий бой идет, если прикрытие выдвинули, на ближних подступах расстрелять могут. Да с подходящими на помощь с другой стороны людьми Тарханова не затеять бы драку сдуру.

Зато гражданского населения на улицах практически нет. И поток автомобилей редееет на глазах. То же явление, на которое обратил внимание Секонд из окна своей позиции. Но задумываться о причинах было некогда.

На ходу еще раз дозвонился до двойника. Вадим отвечал срывающимся голосом, и отчетливо был слышен в трубке перестук выстрелов.

— Карта у меня в руках, — кричал Фест, — я твое место вижу! Сейчас высаживаюсь возле дома 7 и атакую их с тыла. Прорываюсь к вам, сразу увидите. У меня с тархановцами связи нет, предупреди, разграничительная линия по правому тротуару, от нас к центру. Все, мы приехали!..

Ударники-корниловцы, последние пару лет скучавшие без серьезных дел, которые заменяла утомительно-нудная для природных вояк строевая и специальная подготовка, рванули в атаку, как на красные позиции под Каховкой.

Двадцать четыре рейнджера, Фест — двадцать пятый. Но ему в рукопашную лезть незачем, и класс не тот, и задача другая. Полковники взводы в атаки не водят. За исключением крайних случаев.

Врагов — в два, а то и в три раза больше. Но у них все внимание и весь азарт — на объекте, из которого зло, но рассредоточенно отстреливаются защитники.

Картина и логика боя складывались так, что последний и решительный бросок неприятеля — через мину-ту, иначе теряется темп. Пули обороняющихся свои цели находят, и одиночные и групповые, а чем больше убитых и раненых падает вокруг, тем труднее решить-ся самому разделить их участь. Почему очень часто вовремя не начатые атаки и захлебываются.

Ляхов-Секонд и еще два штурмгвардейца, которые увидели высадку и отчаянный, словно у спринтера на «сотке», бросок ударников, дали залп «до пуговицы», то есть до круглой кнопки, в которую упирается по-дающая улитка дискового магазина, вытолкнув по-следний патрон. И скрылись из оконных проемов. Ни-чего нет глупее, чем получить шальную пулю от своих в последний миг боя.

Поэтому только пулеметчик подвальной амбразуры видел, как врзалась цепь одетых в незнакомую для него форму солдат в тылы наступающих. Ничего не зная о том, кто пришел на помощь, он, убрав палец со спуска, не мог сдержать яростного возбуждения при виде *такого* боя. Азартно матерился, комментируя ка-ждый попадающий в поле зрения эпизод.

Нет, и в штурмгвардии *так* драться не учили. Это нужно было лет пять повоевать, со своими и с чужи-ми, начав в четырнадцатом году с представлений о благородстве и воинской чести, с парадов в Красном Селе, гусарских доломанов и ментиков, султанов на киверах.

С веры в то, что война закончится одинаково для всех почетным миром «до осеннего листопада».

И уцелевшим через шесть лет дожить до Перекопа, Каховки, штурмовых ночей Спасска и Волочаевских дней, подвалов Лубянки, товарища Котовского, батьки Махно и атамана Маруьски...

Ляхов-Фест по дороге успел наскоро объяснить рейнджерам, что опять, уже совсем в другом мире, подняли голову *краснюки*, и сейчас такие же, как мы.

офицеры спецназа теряют последние силы, ожидая помощи.

— Ага, — согласился, давая окурок о подошву сапога, поручик Ненадо, — как французы наши Особые бригады ждали. До сих пор помню, как шли мы торжественным маршем по Марселю, а ихние дамочки нас цветами забрасывали...

«Ну, не хрена ж себе, — подумал, вновь *выпадая*, Ляхов. — Девяносто лет ровно!»

— Может, и тут встретят, — посулил он, снимая с предохранителя трофейный АКСУ.

Эти солдаты спокойный огневой бой вести не умели. Не тот темперамент. Да оно, может, и правильно. Начни занимать позиции, стрелять прицельно, и враг успеет среагировать, перевернет фронт, рассредоточится, и завяжется затяжная перестрелка, в которой выиграет тот, у кого найдутся минометы или подоспеют резервы.

А тут — с рывка, с налету, почти неприцельный, но весь по уровню пояса стоящего человека шквальный огонь, стремительное сближение — и в рукопашную! Коваными ботинками — в копчик, если успеет развернуться — в колено, в пах. Затыльниками автоматов — в лоб, в переносицу. Наотмашь ствольной коробкой — по скуле или шее! Сбитому с ног — на бегу подошвой по горлу. Можно и пулю.

Мат, лязг металла, хруст костей, выстрелы, но уже беспорядочные. Ничего не решающие.

И снова — штыки. Пусть коротковаты для настоящего боя, но морально уж так подавляют! Пуля — ее не видишь, а эта полоска блестящего металла, наглядно вонзающаяся в кишки и печень, — страшно!

Кое-кто сдуру ладонями пытался заслоняться...

На все — те самые десять секунд, чтобы олимпийскому спортсмену пробежать сотку.

Отвели душу господ офицеры и, беспрекословно

★ подчиняясь приказу своего поручика и полковника, начали втягиваться в здание, оставив за собой... Не будем уточнять, вдаваясь в натурализм.

Атаковавшие с противоположной стороны были гораздо малочисленнее, и их отбросили сосредоточенным автоматнo-пулеметным огнем с места. Как в одном из старых фильмов — растянувшись редкой цепью и стреляя по всему, что пытается шевелиться.

Поразительно, но взвод потерь не имел. Даже ранеными.

Они сидели друг против друга — поручики Ненадо и Колосов.

Одному двадцать пять, другому очень далеко за тридцать.

— Спасибо, выручили. Ну и лихо же вы их, — сказал Колосов, протягивая сигарету.

— У меня свои, попробуй...

Помятая в кармане коробка «Корниловских» вызвала у Колосова неприкрытый интерес. Портрет генерала в лавровом венке¹, эмблемы полка и дивизии, колонка славных дат на стилизованном щите. Папиросы выпускались по особому заказу офицерского собрания и в свободную продажу не поступали даже и в реальности «25».

При этом генерала Корнилова поручик Колосов знал из своей истории, по учебникам, конечно, но живого и победоносного.

— Лавра Георгиевича при мне убили, — грустно сказал Ненадо, — на хуторке в три домика под Екатеринодаром. Так что, думаешь, я с тех пор хоть кого-нибудь из красных пожалел?

— ?

Ответить старый корниловец не успел, даже если бы и собирался.

¹ Непереводимая игра слов. Лавр Корнилов — лавровый венок.

Совсем недалеко, уже по эту сторону железнодорожной насыпи, вдруг загремели, ударяя по барабанным перепонкам, пушечные выстрелы. И солидных калибров.

— Взвод, в ружье! — заорал, вскакивая, Ненадо.

Сверху, по-флотски, едва придерживаясь за перила, слетел Ляхов-Секонд.

— Колосов! Всех раненых и пленных — в автобус к поручику. Поручик, обеспечьте прикрытие, погрузку, доставку на Столешников...

— А вы, простите?... — Корниловец слегка растерялся. — Вы нашему полковнику брат, что ли?

Черт, прокол получился. Фест сообразил, снаружи остался, чтоб вопросов лишних не было, а не учел, что Секонда его люди увидят.

Да какая теперь разница?!

— Какое ваше дело? Приказ получили? Вперед. Потом родством считаться будем... Раненых, пленных, и гоните...

— Никак нет. Автобус отправлю, сам останусь. Вы мне не начальник! Я — командир взвода! А наш полковник — там, — он указал пальцем за спину. — С ним и договаривайтесь.

— Да ладно, ладно, дело делайте, сейчас вообще черт знает что начнется...

Отряд, посланный Тархановым, на который так рассчитывал Ляхов-Секонд, сорок пять человек на четырех транспортерах, готовый освободить товарищей из осады и начать плановую зачистку согласно выданным проскрипционными спискам, не доезжая трех кварталов попал в засаду. Да в какую!

Из переулка демонстративно неторопливо выкатился танк совершенно неизвестного здесь типа и силуэта, затормозил на осевой линии и выстрелил по головному БТРу почти что в упор.

Здесьние бронесилы, нужно признать, отнюдь не

★ выглядели «полетом технической мысли» даже в своих наилучших проявлениях. В диапазоне между «Т-26» и «Т-34» первой модели. Да и зачем другие? Линий Маннергейма здесь не штурмовали, почему не нужны варианты КВ и КВ-2, лобовых столкновений танковых армад тоже не случилось и не предвиделось, значит, и «Пантер», «Тигров 5 и 6», «ИС 2 и 3» не придумали. И хороших «истребителей танков» тоже. Кому и зачем в тихом, почти буколическом мире нужен «Фердинанд» или советский «Зверобой» (САУ-152)?

Это все мысли, что мелькали в голове Ляхова-Феста, пока он смотрел в бинокль, как разлетались куски от первого транспортера, немного похожего на наш МТЛБ, только алюминиевого.

Десять человек, значит, уже «в стране удачной охоты». А за домами ворочались, двигались, сдвигая гусеницами дерн газонов и асфальт дорожек, еще с десятков «настоящих» танков. Типа американских «адамов».

Слава богу, командиры или водители трех следующих БТРов успели отреагировать. Рванули, кто вправо, кто влево, сшибая зеленые изгороди, дорогие ажурные ограды, исчезли между шикарными зданиями «красной линии» и произвольно разбросанными корпусами второсортной застройки.

Но у первого Вадима не было волны связи с тархановским отрядом, и он не мог дать им полезной для выживания команды.

На счастье, внизу, в суматохе эвакуации, он заметил Второго. Кричать — бессмысленно. Рванул к нему через кусты..

— Выходи на связь. На отряд. Пусть отходят через сад на Басманный. Ни на что не отвлекаясь. И мы туда же. У вас хоть один гранатомет есть?

Секонд не знал.

— Короткевич, — схватил он за рукав ефрейтора. — Гранатометы видел?

— Видел, — почти спокойно ответил знаток Гумилева. — Пять ящиков под лестницей...

— Так какого ж... — сорвался Фест.

— А вы спрашивали?

Что примечательно, боец словно и не задумывался над поразительным сходством полковников. И над тем, что моментами они перехватывали друг у друга реплики.

По сути — резонно. И он не спрашивал, по причине своего здесь отсутствия, и вражеских танков не было.

— Марка?

— Не знаю. На ящике написано — РПГ-9. Никогда не слышал.

«Конечно, откуда тебе слышать? — подумал Фест. — Я вот и видел и слышал, а стрелял только раз в жизни, на сборах. Главное, рот не забыть открыть, а то потом до вечера команду взводного не услышишь. Громко штучка бабахает».

— Господин полковник, не переживайте, — раздался за плечом спокойный голос поручика Ненадо. — Мы — знаем. Правда, изучали седьмой, но разберемся и с этим. Отводите людей, а мы им сейчас...

Ляхов-Фест тоже не имел случая наблюдать, как Шульгин и Берестин обучали рейнджеров работе с гранатометами, но слышал, что такое было.

— Действуйте, поручик. Мы ждем вас на той стороне, у железнодорожного моста. Только — без потерь. Стрельните по разу, и ходу.

Вадим по своей армейской службе знал, что гранатометный расчет живет в среднем до третьего выстрела. Вообще беспристрастная статистика признает, что один спаленный танк равен двум погибшим расчетам.

Конечно, это статистика для регулярного боя, а в

уличной суматохе чего не бывает. Например, гибель Майкопской бригады у грозненского вокзала в декабре девяносто четвертого. От тех же самых РПГ.

Между прочим, на поле смертного боя мало кому дела до внешности старших командиров. Взводных, отделенных четко в лицо знают, а дальше... Погоны различают непременно, остальное теряется. Оба Ляховых почти одинаково руководили отходом своих бойцов, наплевав на собственное сходство. Кто там потом разберется из выживших, вспоминая горячку боя, одного он видел полковника или двоих и в каком именно месте?

Новиков-Прибой в «Цусиме» писал, что главной заслугой старшего офицера «Орла» Сидорова было умение одновременно находиться везде, где требовалось его присутствие. И в трюмах, и на батарейной палубе, на шканцах, вместе с пожарным дивизионом, и в боевой рубке, подменяя смертельно раненного командира. И ни малейших сомнений не возникало у матросов в технической возможности подобного.

А Ненадо командовал четко: «Поручик фон Мекк, на левый фланг! Прапорщик Оноли, на правый! Прапорщик Еропкин, со мной! Стреляем в упор, бросаем трубы и сматываемся!»

Ляхов-Секонд повел остатки своего отряда, измотанных, закопченных бойцов, с наскоро намотанными повязками, несущих товарищей на руках и на взятых за углы одеялах, к автобусу. По ним пока никто не стрелял.

Фест приостановился, чтобы посмотреть на работу гранатометчиков. Танки противника должны были выглядеть для офицеров той еще войны устрашающе. Но и не страшнее, чем английские «Виккерсы» и «Марка-5» в двадцатом году. Впрочем, все они проходили обкатку «САУ-сотками», умели пропускать машину

над собой и поражать ее с кормы обычными «пятифунтовками Новицкого»¹.

«Нет, не «адамсы» это, — думал Ляхов. — Похожи, но не то!»

Танки выстрелили по разу из похожих на горизонтально поставленные буровые трубы стволов. Миллиметров по сто двадцать, если не больше. От дома, еще недавно бывшего опорным пунктом, полетели куски штукатурки и целые блоки спаянных в монолит старинным известковым раствором кирпичей.

И корниловцы ответили. Как учили, из-за укрытий и фактически в упор.

С одного танка мгновенной детонацией сорвало башню, и она долго вертелась в небе, будто умело запущенный бумеранг.

Еще четыре загорелись высокими дымными факелами. Резина, солярка, моторное масло, человеческая плоть — все вперемешку. Жутковатый коктейль. Но, как говаривал знакомый начальник тюрьмы: «У нас плохо, но мы ведь никого не приглашаем!»

— Отходим, отходим! — перекрывая шум и свистящий гул боя, командовал поручик Ненадо, глотка которого свободно выдавала сотню децибел.

Те офицеры, которые разрядили свои гранатометы, послушно перебежали назад, на голос командира, а вот те, у кого они еще были в порядке, отступить не захотели. Уж больно сладостное зрелище — горящие посередине улицы танки «красных».

Уцелевшие машины медленно сдавали назад, ведя беспорядочный и бесприцельный огонь из пушек и курсовых пулеметов. Но это — то же самое, что на

¹ Граната времен Первой мировой войны, конструкции русского офицера Новицкого, предназначенная в основном для подрыва проволочных заграждений и блиндажей противника в позиционной войне. Вес боевого заряда — пять фунтов. (Вдвое больше, чем у гранаты РПГ-43.)

улицах Берлина или Будапешта. Без прикрытия штурмовых групп пехоты танкам на узких улицах против «фаустников» не выжить. А там-то из «панцерфаустов» стреляли в основном фольксштурмисты преклонного возраста или пацаны гитлерюгенда. Здесь — иное.

Ляхов-Фест догнал пару рейнджеров, сноровисто перебежавших проходным двором, чтобы зайти в тыл сдуру приостановившемуся танку. Поручик, наверное, тот самый фон Мекк, имя которого случайно услышал Вадим, нес на плече гранатомет, второй, вахмистр, держал на изготовку трофейный ручной пулемет.

— Парни, постарайтесь, в корму ему засадите. Чтoб хоть один танкист живым выскочил. «Язык» вот так нужен...

Поручик, хищно оскалившись, с безуминкой в глазах, кивнул, тем не менее совершенно осмысленно.

— Сделаем!

Танк в очередной раз выстрелил, сильно дернувшись назад из-за отдачи, и в унисон с грохотом его пушки, от которого перехватило дыхание, нажал спусковой рычаг припавший на колено поручик.

С двадцати шагов кто не попадет?

Прямо на глазах кумулятивная ракета плавно погрузилась головной частью в желто-бурую броню, как в пластилин.

Двигатель взорвался, подбросив вверх сквозь решетку жалюзи все свои поршни, шатуны, цилиндры, куски моторного блока. Тут же вспыхнули и баки.

Но, как и надеялся Ляхов, не прошло и нескольких секунд, как через лобовой люк начал карабкаться контуженный механик-водитель, а через запасной, между гусеничными катками, полез заряжающий. Или стрелок-радист.

— Ребята, живьем, только живьем! Я прикрою, — Ляхов подхватил пулемет и высунулся из-за угла. Вражеской пехоты видно не было. А вдобавок справа то-

же ударил гранатомет, и очередной танк обратился в погребальный костер.

«Братская могила пятерых», как выражались в ту еще войну.

...Лишь два уцелевших танка, продолжая беглый огонь из пулеметов, умчались задним ходом в сторону Солянки, а победители, пусть и сами изрядно потрепанные, разъехались по расходящимся направлениям.

Ляхов-Секонд, как и предполагалось, с освобожденным Максимом, тремя уцелевшими бойцами своего отряда, штурмгвардейцами Тарханова и пленниками из дома на Гороховском отправился в Кремль. Докладывать неизвестно о чем.

Фест, с так и не потерявшими ни одного ударника корниловцами поручика Ненадо и захваченными танкистами, двинулся на Столешников. Если там все более-менее в порядке, начнется интересное. Этот Вадим надеялся, что их с двойником некоторое пересечение для большинства местных осталось незамеченным, шульгинским же ребятам такой вопрос был абсолютно до фонаря. На фоне прочих чудес природы.

ГЛАВА 12

Ляхову-Фесту было проще. Он, как говорится, в этом мире никому ничего не был должен. На полной скорости его автобус пронесся по осевой линии Садового кольца. Корниловцы с оружием на изготовку приникли к открытым окнам, пленники лежали на полу, медленно приходя в себя.

Сумевшие покинуть горящую машину танкисты обычно довольно долго не в состоянии очухаться и в цивилизованных странах нуждаются в курсе реабилитации, чуть ли не в санаториях. В России, конечно, с этим попроще, но и здесь мало найдется ветеранов,

отвоевавших на передовой год-другой, поменявших несколько машин и сохранивших полное душевное здоровье.

Картинка за окнами была странная, если не сказать — дикая. Совсем недалеко только что кипел кровопролитный бой, и грохот пушек и гранатометов непременно был слышен в центре города. Да и столбы неприятного даже на вид дыма отчетливо рисовались на фоне бледно-серого неба. А в то же время обыватели как бы и не замечали всего этого. Шли и ехали по своим делам, отнюдь не стремились к месту происшествия, узнать, что же там происходит. Только вот количество людей на улицах сократилось очень заметно по сравнению с обычным. Пожалуй, в десятки раз.

У Вадима мелькнула мысль — не использовано ли здесь какое-нибудь наведенное излучение, заставившее одних не обращать на происходящее внимание, а других просто сидеть по домам. Во избежание...

Вообще все происходящее настолько выходило за пределы его жизненного опыта, да и воображения тоже, что оставалось только апеллировать к фантастическим романам. Поздних Стругацких и нынешних молодых авторов. Правда, нынешние, талантливо раскручивая сюжеты, почти никогда не затрудняются сутью и глубинным смыслом происходящего.

Ну теперь и он сам действует внутри такого сюжета, и разбираться, что почем, придется самому. Или Александр Иванович объяснит.

С Самотечной автобус резко свернул налево, на Цветной бульвар, при этом опасно накренившись, что вызвало дружный мат офицеров в адрес водителя. Действительно, стоило в смертном бою выживать, чтобы по вине дурака перевернуться на пустой дороге.

Еще три поворота — и дома!

— Все целы? — не поверил Шульгин, когда Ляхов доложил ему о своих действиях.

— Может, это и чудо, но тем не менее...

— Молодцы. Значит, блокируем вход и начинаем разбираться спокойно. Офицеров отправь на кухню и в прилегающие помещения, обед, выпивка, отдых — по полной норме. Обратно в Крым мы их пока не отпустим.

— Мне кажется, Александр Иванович, что они и сами не пойдут. Им тут понравилось. Очевидно, в том вашем мире недовоевали...

— Разберемся. Если что — на них только и надежда. Уж они Ловушке не поддадутся. По причине особо тонкой душевной организации... Мне перед Секондом чертовски неудобно, но я в тот момент действительно не мог ему помочь. Ладно, в Кремль они тоже пробились благополучно.

— Потеряв половину личного состава, — словно между прочим вставил Вадим.

— Война, — не стал развивать тему Шульгин. — Зато мы теперь снова «дома», система каналов не взломана, у нас есть трофейная техника, «языки» и сколько угодно времени. Сюда, надеюсь, враг не доберется...

— Да что за враг, Александр Иванович? Вы столько мне всего нарасказывали, а суть-то в чем?

— В том и беда, Вадим, что сам пока не знаю. Предположений сколько хочешь, из них большинство взаимоисключающие. Самое простое — это все-таки Ловушка так сработала. Именно — непостижимым для нас образом. Но тут уже почти весь Комитет собрался, начнем мозговой штурм за неимением лучшего.

Ляхов-Секонд, когда за его короткой колонной закрылись Никольские ворота, тоже испытал облегчение. Пусть и несколько иного плана, чем его двойник. У того ведь, что ни говори, это как бы вид спорта, сафари, если угодно, а для нас — единственная и непо-

вторимая жизнь, где все делается всерьез и окончательно.

В Кремль они пробились в общем благополучно, хотя в районе Политехнического музея их неприцельно обстреляли из легкого стрелкового оружия, примерно из десятка стволов. Задерживаться, чтобы достойно ответить, Ляхов не стал.

— И что же вся эта история должна обозначать? — не внушающим оптимизма голосом спросил Тарханов, пропуская в кабинет Вадима с Бубновым. — Теперь Игоря нет, теперь ты мне все расскажешь. Здравствуй, Максим, — на мгновение отвлекся он, пожимая руку доктору. — А ты как в это дело влез? И так черт знает что творится, еще и тебя выручать пришлось. Ребят хороших столько положили...

— Я что, просил? — огрызнулся Бубнов, который и так чувствовал себя далеко не лучшим образом, а тут еще и упрёки.

— Ты, само собой, ни при чем, а только... Одним словом, давай по порядку. Сейчас распоряжусь, завтрак принесут или обед, пожрать чего-нибудь, одним словом.

— В целом обстановка как? — спросил Ляхов, сбрасывая на диван амуницию.

— Бестолковая, но не критическая, — нашел Тарханов обтекаемую формулу ответа. — Всего по городу выявлено и локализовано больше десятка очагов вооруженных выступлений. Некоторые — с совершенно неясными целями. Разве только внимание отвлечь от других. Взбунтовались даже две отдельно стоящие армейские роты. Тоже поначалу непонятно, зачем и для чего. Двинулись к центру, якобы брать под охрану жандармское управление. Хорошо, мы их вовремя блокировали на марше превосходящими силами. Увидев гвардейскую форму, большинство солдат немедленно сложили оружие. Сопротивление оказали только офицеры, которые при попытке задержания застрелились. Все!

— Ну, это чисто тот самый случай, — сказал Бубнов.

— Точно так. Но вот кто и когда их обработал — ответа по-прежнему нет.

— Надеюсь, скоро будет, — обнадежил Ляхов. — Я привез двоих, которых, похоже, можно допросить. Только сначала ты, Максим, изложи, как оно с тобой получилось?

До сего момента им еще и парой слов, кроме чисто военных, перекинуться не удалось.

— Да проще некуда. Я собрался выходить из дому, на площадке на меня вдруг навалились, ткнули стволом под ребра, натянули на голову мешок и потащили. И все. Я только успел подумать, что уж больно по-дурацки сцена повторяется. И сразу же догадался, что совсем другие дела пошли. Вспомнил и допрос некробионтов, и наши с тобой, Сергей, рассуждения по поводу возможности зомбирования каждого... Со мной тож... Очень походило, что захватили меня не совсем люди. Прошлый раз нормально разговаривали, матерились через слово, на действие отвечали строго дозированным, подобающим моменту противодействием. А здесь не так.

Максим рассказал, как его свели в машину, молча и безэмоционально затолкали на заднее сиденье, зажали с двух сторон крепкими, давно не мытыми телами.

— Припахивало от них очень даже неприятно. Как от дезертиров.

Он пытался по направлению движения машины, по числу поворотов и остановок перед светофорами определить место, куда его везут, но очень быстро потерял ориентировку. Что и немудрено.

Мешок с головы сняли, только проведя по многочисленным лестницам. По гулкости и разнообразию доносившихся со всех сторон звуков Бубнов определил, что находится в здании старинной постройки с большими внутренними объемами и что вокруг доста-

★ точно много людей, занятых не вписывающейся в обычные рамки деятельностью.

Комната, где он вновь увидел солнечный свет, была невелика и практически пуста. Даже пыточного инструмента в ней не имелось, хотя бы для острастки. Больше всего ему сейчас хотелось закурить, потому что свою первую папиросу он обычно оттягивал до прихода на службу, в заботе о здоровье и тренируя волю. А тут и время вышло, да и стресс незапланированный накатил.

Рассказывая о своем приключении друзьям, Максим старался придерживаться только сухих фактов, но эмоции все равно прорывались, если не в словах, то в интонациях. Ляхов чувствовал, что в тот момент друг вовсе не был настроен героически умереть, особенно не зная за что, но и терять лицо до последнего не собирался. Офицерская честь все-таки, и опыт, подсказывавший, что если инициатива не твоя, то лучше следовать за развитием событий, не пытаясь их без нужды опередить.

Женщина, похожая по описанию на ту, что Вадиму удалось взять в плен, и еще один мужчина, ни на один из мельком увиденных им трупов не похожий, не угрожая и вообще не выказывая сильных эмоций, сказали Максиму, что от него требуется лишь одно — поехать сейчас с группой сопровождения туда, где установлены его верископы, миновать посты охраны и указать, что именно следует вывезти. Самое главное, без чего система не будет работать. А уже потом собрать ее и обеспечить нормальное функционирование совсем в другом месте.

Как полагается, его заверили в полной личной безопасности, уважении к его таланту и посулили все, что он изволит пожелать, и даже втрое сверх того.

— Она мне сказала: деньги, место проживания, возможности творческой работы, хотя бы исследовательский институт собственного имени — это даже не

предмет для обсуждения. Это все само собой разумеется. Вот если вы имеете какие-то особые пожелания, тогда мы их обсудим и непременно найдем способ удовлетворить...

— А ты? — вдруг заинтересовался Тарханов.

— А я ответил, что гарем из трехсот несовершеннолетних мальчиков мне точно не нужен, а более экзотические развлечения я пока не могу вообразить...

— В ответ тебе предложили заткнуться и подумать о собственной заднице? — предположил Ляхов.

— Примерно так, — кивнул Максим. — Ты ж там не был, как догадался?

— Я рожу этой бабы видел. Чтобы представить стиль ее мышления — достаточно. Она себя никак не назвала?

— Не успела. Я как раз собрался поподробнее обсудить с ней предложенную тему, а тут и вы подскочили...

— Умеем, когда хотим, — скупой улыбнулся Тарханов, который по-прежнему мало что понимал в разворачивающейся перед ним интермедии. Но и прерывать разговор конкретными вопросами не желал, иногда из чужой раскованной болтовни можно извлечь гораздо больше. Он просто предложил выпить и закутить. У Максима стресс, у Ляхова релаксация после боевого напряжения, а он сам просто вымотался, на полдня приняв на себя обязанности главноначальствующего по гарнизону. Не такое легкое дело в нынешних обстоятельствах.

Однако все живы, бардак идет по плану.

— Как только поднялся шум и первые выстрелы, мужик залепил мне рот пластырем, приткнул туда, откуда ты меня высвободил, и они убежали. Баба еще успела крикнуть, чтобы я не радовался. Живым все равно не уйду...

— И?

— И потом ты зашел. Тебе что, мои ощущения пересказать? Задыхался и в галюн очень хотелось. Но

русскому полковнику обмочиться, сидя на цепочке, — моветон. Подумали бы, что со страху... Терпел.

— Да, братец, — вздохнул Тарханов. — Давай, махни полную. А Вадим Петрович нам твою знакомую представит, вот и возьмешь реванш.

Проглотив сто грамм и торопливо прожевывая заливное из языка с морковкой и зеленью (все, что по случаю форсмажора нашлось в буфете управления), Бубнов кивнул головой. Давай, мол.

Теперь Вадим мог рассмотреть женщину повнимательнее. Нет, не сорок ей лет, тридцать два, тридцать пять от силы. А лицо распухло от ударов тяжелыми солдатскими ладонями. Короткевич тоже команду исполнил от души. Ну что скажешь? Физиотерапия. Зато сейчас явных признаков душевного расстройства не наблюдается.

— Ее обыскивали? — спросил Тарханов, глядя в сторону.

— Бойцы наскоро общупали. Оружия вроде нет, — ответил Ляхов. — Пистолет я изъял, странный довольно.

О том, что сам эту систему знает, распространяться не стал. Достал из полевой сумки и подвинул через стол трофей.

Сергей взглянул мельком, не заинтересовался, не до этого сейчас было. Снял трубку телефона, приказал адъютанту немедленно прислать к нему двух сотрудников шестого отдела.

Девицы с погонами подпоручиков явились почти мгновенно. Тут, в этом корпuse, все рядом.

— Вот вам, Яланская, — сказал Тарханов одной, на верное, старшей, — задержанная. Идите в мою комнату отдыха, — показал пальцем, куда именно, — и обыщите ее так... Ну, в общем, понимаешь. Предупреждаю — особо опасна и в том, и в другом смысле. Одна работает, вторая смотрит. Давайте. Туалетом пользоваться разрешаю. На тех же условиях...

— Итак, господа, что же мы имеем? — значительно произнес Тарханов, указывая на свой письменный стол. На нем рядом лежал трофейный пистолет и большой пакет из прозрачного целлофана, в котором виднелись какие-то изделия из ткани. — Подпоручик Яланская, весьма в своих делах квалифицированная сотрудница, ну и вообще... как женщина, под полную ответственность заявила, что снятое с задержанной нижнее белье не соответствует любому фасону, имеющему...

— Ношение в цивилизованном мире, — помог его стилистической заминке Ляхов.

— Вот-вот. Особенно та вещь, которая вызвала наибольший интерес у специалистов. Некая странная комбинация мужских кальсон с дамскими чулками. Я вам это демонстрировать не буду, поскольку вещи... несвежие, но передам на исследование экспертам. Пусть выскажутся.

— Что там бабские трусы неизвестного происхождения, — грубо ответил ему достигший начальной фазы *восстановления* Бубнов, — если подошедшие к нам на помощь неизвестные бойцы из неизвестного оружия спалили восемь или девять вражеских танков совсем уже нечеловеческой конструкции...

— Об этом точнее, пожалуйста.

Понимая, что не следует доводить до крайности и так весьма напряженного товарища, Ляхов доложил ясно, коротко и без намека на ерничество.

— ...что полностью подтверждает ранее мною изложенное положение вещей, под которое мы попали.

Тарханов взял в руки и повертел отобранный у террористки пистолет. Номер, клеймо, почти похожее на настоящее, Тульского оружейного завода, год выпуска — «1964».

— Яланская! — крикнул он в сторону двери комнаты отдыха. — Введи ее сюда.

— Подожди, я сейчас, — попросил Ляхов Сергея, направляясь к входной двери.

— Так чего ты, там же... — удивился Тарханов, машинально бросив взгляд в сторону маленькой двери в углу.

— Извини, там ведь девушки, а дверь тонкая, а я застенчивый... Я в общий.

Объяснение не хуже прочих, действительно, справлять свои дела за тонкой фанерой, когда по ту сторону три женщины... Не комильфо.

Ляхов в очередной раз нажал кнопку вызова на хронометре. Ждать пришлось дольше, чем обычно. И там они заняты...

Шульгин ответил снова только по звуковой связи.

— Александр Иванович, вы сейчас за нашим советом наблюдали?

— Фест смотрел... — слова прозвучали как-то неопределенно.

— Смотрел или нет? — Это уже с напором.

— Да, да... Просто у нас тут сейчас... тоже совещание.

— Он готов подменить меня на полчаса хотя бы?

— Что ты придумал?

— А вы не поняли? Не хотите, не надо. Мне на ваши заботы тем более плевать! Шапки врозь и конец компании!

— Опасно нам, понимаешь, опасно сейчас снова канал открывать. То чужие танки на улицах ездят, а то в квартиру ввалятся... Хрен с вами, открываю...

Сначала приоткрылось окно, чуть больше дамского туалетного зеркала. За ним чрезвычайно взвинченный, никогда его Ляхов таким не видел, Шульгин, рядом — Ляхов-первый. В той же здешней форме, что была сейчас и на втором.

— Заскакивай, — сказал Секонд, — буквально на пятнадцать минут. Схема интересная наклеивается. Я — не потяну. Тут баба пленная — точно из вашего времени. Поучаствуй в допросе. Я тебя здесь подожду, чтобы лишний раз вашу систему не грузить.

Сказано это было с едкой иронией. Да в самом деле, головы-то мы сейчас кладем, а за что? За ваши забавы? А если нет — так тем более давайте на равных.

Фест перешагнул рамку, и проем тут же закрылся.

— Но ты в самом деле весь разговор слышал? — подстраховался Секонд. — Тут ведь в одном слове сбой, и уж не знаю, как выкарабкиваться будем.

— Говорю тебе — слышал. Та штука, что ваших ментовок удивила, колготки называется. Чудо трикотажной мысли девятьсот шестьдесят пятого года!

— Интересно. Колготки шестьдесят пятого года, пистолет — шестьдесят четвертого. Может, они оттуда?

— Ерунда. Колготки бабы до сих пор носят, той же самой конструкции, пистолеты по сто лет служат. Ничего не доказывает... Для Сергея с Бубновым мы с тобой, разумеется, этого знать не можем, но я уже начинаю просекать, куда дело поворачивается. Ладно, жди. Запрись в кабинке и кури себе. Вот в этой, крайней, тут окно на улицу, воздух свежий и хлоркой не так вохнет. Постараюсь вернуться вовремя. Только подожди-ка...

Фест быстренько переколол себе на китель ляховскую орденскую планку. У него самого такой не было.

— Вот так и горят люди на мелочах. И пистолетик сюда давай. Явился бы я сейчас пред светлы очи твоего дружка. И как бы стал оправдываться? Куда колодку и «адлер» дел? В сортире забыл?

Секонду возразить было нечего. Заторопился, да, вот тебе и почти провал...

— Я быстро вернусь, — заверил его Первый. Поболтаю с этой бабой, и снова живот у меня схватит...

— А как же?..

— Капсулу в ухо воткни и слушай. Я там с ними еще грамм двести водки выпью, для маскировки, вернешься, изображай, что совсем развезло. Прорвемся, командир!

Тарханову было совсем не до того, чтобы опознать подмену. Он весь был в предвкушении допроса. Наконец у него в руках настоящий «язык», баба, плотно причастная ко всему, что свалилось ему на голову.

— Давай, — сказал Ляхов, потряхивая перед собой не просохшими после мытья руками. — Договорились — сначала я спрашиваю, а ты слушаешь. И фиксируй, что тебя больше всего заинтересует. Ты, Максим, просто слушай. Сравнивай, что будет говорить и что было на самом деле.

Яланская ввела пленницу. Личный досмотр повлиял на нее даже более деморализующе, чем все предыдущее. Да и то сказать, девушки-офицеры наверняка не церемонились, скорее даже напротив.

— Времени у нас мало, — без всяких вводных начал Ляхов, рассеянным взглядом скользя по телу подследственной. Оттого, что под рубашкой и серой юбкой на ней ничего больше не было, она невольно сжалась и сдвинула колени.

— Отвечать будете коротко и только по делу. Я переспрашивать не стану. Врать не надо, смысла нет. Есть возможность перепроверить. Как только увижу, что врете, снова передам нашим девушкам. Они будут объяснять, что так поступать нехорошо до тех пор, пока не осознаете. Но я не уверен, что у меня сразу же появится время вас выслушать. По очевидной для вас причине. Если мы не сможем встретиться вообще, вам будет еще хуже, потому что, кроме меня, в ваших откровениях заинтересованных нет. Доходчиво?

— Но вы меня захватили в бою. Я попадаю под статус военнопленного, — без особой уверенности говорила женщина. В ее голосе Ляхов уловил знакомый жестковатый акцент. Едва заметный, и только ему.

Тарханов хмыкнул, а Вадим сохранил полную серьезность.

— Разумеется. Как только вы положите на стол сол-

датскую книжку или офицерское удостоверение, выписанное в армии государства, объявившего России войну. Тогда вы имеете право, не отвечая больше ни на какие вопросы, отправиться в лагерь до конца войны, после чего выехать в любую страну по вашему усмотрению. До этого получать посылки, письма и пайковое снабжение по предусмотренным нормам. Давайте... — и протянул руку.

Женщина опустила голову.

— Понятно, хотя и нэ дужэ прыятно, — слегка утрируя «мову», ответил Вадим. — Тем более. «Судьбой твоею очень никто не озабочен». Львов, Станислав, Ужгород?

— Львов.

— И не наш Львов, я так понимаю, а исключительно «нэзалэжый». УНА-УНСО?

Она снова вскинула голову и посмотрела на него со страхом, смешанным с ненавистью.

— Что п'ялишся? Настоящего москаля давно не видела? Смотри, я — он самый и есть. Думала, тут только местные лохи сидят? Колготок не видели, трусов не то французских, не то турецких? Не-ет, пани, вы сюда, а я за вами... Давай, колись до донышка, пока я добрый. Мы, москали, уж до того добрые, что иногда и самим противно. Последний шанс даю. Говори все, и, если будет интересно, могу и обратно отпустить. Нет — в грязном подвале сдохнешь, и все мои выжившие бойцы с тобой за убитых вами товарищей напоследок рассчитаются. Имя, быстро!

Тарханов и Бубнов следили за допросом с острым интересом и одновременно — недоумением. Слишком много непонятого Вадим говорил, и тональность его речи была очень непривычная. Именно — нездешняя...

— Порецкая Инна Алексевна.

— Год рождения?

- Тысяча девятьсот семидесятый.
- Мисто¹?
- Днепропетровск...
- Екатеринослав, — перевел для друзей Ляхов. — А в Львов зачем? За ридной мовой?
- Замуж вышла...
- Ладно, нас не касается. Сюда как, когда, зачем?

Вадим, держа в уме уроки Александра Ивановича, вел допрос напористо, агрессивно, то взглядом, а то и словом все время остерегая Порецкую от слишком длинных пауз и попыток уклоняться от темы. Получалось неплохо. И картина вырисовывалась, ему простая и понятная, а Тарханову с Бубновым сложноватая для восприятия.

Львовскую организацию боевиков-националистов неизвестные лично пленнице люди (предположительно, американцы, а может быть, канадские украинцы) опекали давно. Со времен еще первой чеченской войны в России. Кое-кто из «хлопцев» туда даже съездил. Некоторые вернулись, а иные и нет. На вторую добровольцев, кажется, не нашлось. Зато значительно возросло финансирование выделившегося (или выделенного) крыла, ориентированного на подпольно-террористическую деятельность в пределах восточной и южной Украины и, разумеется, в России. На случай, если начнется гражданская война между «схидом» и «захидом»², поддержанная москальской интервенцией.

«Дружина», в которую входила Инна, готовилась к действиям непосредственно в Москве, в логове исторического врага.

Но, начиная с прошлого года, когда отборные боевики сдали «выпускные экзамены» и доказали на практике свои способности и верность «неньке Украй-

¹ Город (укр.).

² С х и д — восток, з а х и д — запад (укр.).

не», принесли все необходимые клятвы, началось нечто странное.

По крайней мере, для Порецкой. Изолированные на уединенных карпатских базах, они начали изучать макеты и планы совсем другой Москвы. Инна бывала в ней много раз, еще с советских времен, и сразу это заметила. Инструктор на осторожно заданный вопрос посоветовал не забивать голову ерундой. Что велено, то и делайте.

Женщине неглупой, с высшим образованием, не составило особого труда сообразить, что подобный город мог бы получиться, как развитие старой Первопрестольной, мимо сталинского Генплана тридцатых годов. Но каких-то далеко идущих выводов она не сделала. Мелькали в голове разные предположения, по преимуществу дурацкие, к сути не приближающие нисколько. Главное, что ей хватило ума нигде и ни с кем больше эту тему не поднимать.

А месяца три назад на специальном семинаре преподаватель, похожий скорее на немца, но безупречно владеющий русским (да, борцам с российским империализмом приходилось пользоваться почти исключительно русским, на «мове» в серьезных делах далеко не уедешь), довел, наконец, до «курсантов» суть и смысл задания.

Не влезая в дебри хронофизики и прочих наук, рассказал, что открыт способ проникать в сопредельные времена и пространства (вас же не удивляет, что американцы чуть не сорок лет назад высадились на Луну? Так Уэллс написал не только «Первые люди на Луне», а и «Машину времени». Поэтому считайте, никакой разницы).

Дальше он объяснил, что совсем «рядом» (куда ближе, чем Луна) находится еще одна Россия, только намного хуже нынешней, даже хуже бывшего Советско-

го Союза, по-прежнему оккупирующая и Украину, и Польшу, и Финляндию... Сейчас там как раз бушует очередное польское восстание, и очень бы нужно героям помочь. В союзе с поляками освободить и Украину, вместе с Кубанью, разумеется. (Кубань считалась неотъемлемой частью Украины, поскольку заселена потомками запорожских казаков.)

— Ваш отряд, вместе со многими другими, направится туда, и вы покажете, зря вас учили или не зря...

Большинство боевиков, в массе не блещущих хоть сколько-нибудь приличным образованием, хотя среди них было немало студентов, полученную информацию переваривали молча, но нашелся один, который задал прямой вопрос. За каким, простите, бисом¹ им нужно отправляться воевать с москалями в другую Россию, помогать полякам, которые тоже не сахар, и, если придется, помирать в чужой земле, когда и здесь можно заниматься тем же самым. В Крыму, например, порядок навести...

На это инструктор ответил, не только спросившему, но и всем сразу, с должной назидательностью. Не в том, мол, дело, своя там земля или чужая, а в том, что, нанеся поражение противнику *там*, где он не ждет для себя опасности, мы *здесь* получим нужный, а то и еще более впечатляющий результат.

— Думаете, почему Союз развалился и Украина стала свободной? Потому что «там» другие люди постарались. Теперь ваша очередь. Начнет валиться «за бугром», повалится и здесь. Крякнется эрэфия². Петербург и Карелия — финнам, Псков и Новгород — прибалтам, а нам Ростов, Краснодар, Новороссийск, Сочи, Туапсе... Грузинам — остальное. И заживем.

— И вас, вроде не совсем дуру на вид, такая бредя-

¹ Чертом (укр.).

² Презрительное название Российской Федерации (эРэФ).

тина не рассмешила? Не удивила хотя бы? — спросил Ляхов.

— Тогда — может быть, но сейчас я вижу своими глазами, что так оно и есть... Не врал немец.

— Пожалуй, не совсем так. Дальше...

Дальше их отряд переправили непонятным способом в район Киева, но уже здешнего. Для Ляхова, того и другого, ничего странного тут не было, практически та же схема прохода через боковое время. Боевики ехали в поезде, занимая целый вагон, и ночью в нужный момент один из сопровождающих включил генератор. Вышли на пригородном полустанке, странно безлюдном, посидели, покурили час-полтора, дождались другого поезда и с заранее купленными билетами под видом группы туристов прибыли в Москву.

Наличия оружия, виз, даже паспортов никто не проверял. Не та страна. Пока ехали, получили новый, теперь уже конкретный, по месту, инструктаж. Поселились в том самом доме и стали ждать приказа. Местные люди сопровождали тройки и пятерки боевиков по городу, показывали и рассказывали, в преломлении грядущих задач.

— Каких?

— Нашей группе — только одна. Когда поступит приказ — захватить живым и без травм этого вот человека, — Порецкая указала на Бубнова, — доставить на точку и ждать дальнейших указаний. Все.

— Тяжелый пулемет и прочее — откуда? — не выдержав, вмешался Тарханов.

— Привезли, поставили местные. Никого из Львова я здесь ни разу не видела.

— И что, был приказ сражаться до последнего патрона с нашей армией и полицией?

— Да, приказ был. Именно — до последнего. До тех пор, пока пленного не заберут кому положено. Не су-

меем взять или не убереем — головой ответит каждый...

— Сурово, — с некоторым облегчением от того, что он вырвался из *таких* рук, сказал Максим. Закурил. От выпитого его уже вело, но пока — чуть-чуть.

Ляхов же Фест, помнивший читанные в детстве книжки из серии «Библиотека военных приключений», в изобилии валявшиеся у отца на чердаке дачи, очень даже хорошо представлял нравы, царившие в послевоенной Западной Украине. «Тревожный месяц вересень» вспомнить хотя бы. Или — «Под сенью креста Унии». Очень там убедительно все было описано. Бандеровцы не жалели ни мирных колхозников, ни вернувшихся с фронта солдат, ни уж тем более «активистов». Да в межклановых разборках и своих не жалели. Что говорить, иногда во время войны даже эсэсовцы расстреливали «украинских союзников» за невыносимую даже ими бессмысленную жестокость.

— А кто же это на помощь вам пришел, хоть и с некоторым запозданием? Тоже унсовцы?

— Не знаю, я уже сказала — кроме людей своего отряда и инструкторов из местных, я ни с кем не знакома и ни с кем не разговаривала. Когда было свободное время, я просто гуляла по улицам. Готовилась к смерти и радовалась, как хорошо здесь жить...

— Если бы не так много москалей, — располагающе улыбнулся Ляхов. Он не умел ненавидеть поверженного врага. Ему скорее даже жаль их было. Ладно, мы за державу кровь проливаем, а они за какой хрен? «Садок вишневий коло хати» никто им не мешал культивировать, а «Вылыка та вильна Украина» — не к вашему рылу крыльцо, грамадяне¹.

— Теперь скажите мне последнее, я и передам вас в руки Закона, — в очередной раз сострил Вадим, — я

¹ Граждане (укр.).

ведь к тутошнему закону и власти никакого отношения не имею, мы с вами, пани, земляки в буквальном смысле. Но опять по разные стороны баррикад. За время жизни в Москве кто-нибудь из вас или вы лично не подвергались медицинскому обследованию на неизвестных аппаратах? Или даже на известных — рентген, кардиограф, томограф какой-нибудь?

— Нет. Не подвергались. Настолько далеко забота здешних «товарищей» не заходила...

— Ну и ладно. Сергей, спрашивай, что накопилось, а я опять на минутку выйду.

Секунду, похоже, до чертиков надоело сидеть на крышке унитаза и курить, пуская дым в открытое окно. Больше всего нервировало, когда входящие офицеры первым делом дергали ручку его кабинки. Им она тоже, наверное, нравилась.

— Пожалуй, у тебя здорово получилось, — сказал он, когда его окликнул Фест, начал меняться планками и оружием.

— Пустяк. Не жил ты в наше время. Хорошо запомнил?

— А чего там?

— Так и держись. Станут спрашивать, откуда ты все такое знаешь, отвечай — научили. Тарханову, я имею в виду, ну и Максу, что сам придумает. Сергей, тот быстро поймет, он сам почти в курсе. А я побежал, мне теперь с танкистами пообщаться надо...

Он хлопнул двойника-близнеца по плечу и просочился в приоткрытую Шульгиным щель.

Ляхов-второй вернулся в кабинет. Сел в сторонке, снова подчеркивая, что свою миссию считает выполненной, подмигнул Бубнову и щедро налил себе в компенсацию за ранее пропущенное. Фест хоть и обещал ему, что напьется, слова не сдержал. Слишком увлекся допросом. Так что Вадиму теперь в самый раз «улучшить свое состояние».

*Из записок Андрея Новикова
(1925 — ноябрь 2005).*

Мне было очень неприятно выступать на очередном сборе в качестве докладчика. Чего скрывать — привык выглядеть если не всегдашним победителем «вчистую», то хотя бы «по очкам». А тут... Не знаю даже, как лучше выразиться. Нет, мы, конечно, еще не проиграли, настоящий проигрыш должен выглядеть как-то иначе. В духе Марка Аврелия, который говорил, что, пока он жив, смерти нет, когда она придет — его уже не будет, так что он с ней никогда не встретится.

Так же и мы — проиграв «по полной», перестанем существовать в виде именно этих ментально-биологических объектов, в этих, данных нам в ощущениях реальностях. Как я уже писал где-то — возвращение к моменту нашей первой встречи с Ириной — та же самая смерть, и для меня, и для всех участников нашей истории.

А пока что мы просто слегка получили по морде. Или, если деликатнее, рассчитывая на золотые олимпийские медали, не вошли даже в призовую тройку. Неприятно — да, но отнюдь не жизненная катастрофа.

В конце-то концов, вот они мы все, фьорд на месте, пароход тоже, домики на склоне краснеют крышами среди зелени, идиллия самая натуральная. Живи и радуйся. «И не думай об этих глупостях».

И все же, все же...

Не прошло и месяца нашего локального времени, а в реальности «2005» вообще едва неделя, как снова пришлось собирать весь «постоянный состав» «Братства», и снова на «Валгалле», в Новой Зеландии, в тысяча девятьсот двадцать пятом благословенном году. Где все тихо, мирно, спокойно, экологически почти безупречно, и люди наслаждаются жизнью, постепен-

но забывая об ужасах семи сумасшедших лет, заливших кровью гигантское пространство от Парижа до Владивостока.

И куда, будем надеяться, не доползет лиловая муть, накрывшая казавшийся куда более благополучным, чем наш, мир.

Стюарды возникали и исчезали бесшумно, перемены блюд были неожиданны, придуманные коком, который соединил в себе таланты десятка поваров лучших ресторанов мира, но это не радовало. Нас с Сашкой — точно.

За открытой дверью кормового балкона опускался вечер, но вместо того, чтобы наслаждаться видами природы южного полушария, мне пришлось говорить то, чего не хотелось бы.

— Вот что мы в результате наших размышлений и расследований имеем. С прискорбием признаю, что свою первую попытку сыграть самостоятельно мы с треском провалили.

— А может, с блеском? — вставил Воронцов. — Потому как лично я не вижу ничего столь уж неприятного. Может быть, товарищ Андрей, ты чересчур завысил планку?

За что я люблю Дмитрия, никакая жизненная ситуация не заставит его утратить кураж. Что в советские времена казенного мореплавания, что в наши, интересные, но тоже сложные.

— Это уже вопрос точки зрения. Я же хотел сказать вот что — абсолютно все наши прогнозы, проекты, планы и даже гипотезы оказались полной ерундой. Мы не поняли ничего и метались в «тумане войны»¹,

¹ «Туман войны» — по теории Клаузевица, та ее составляющая, которая лежит за пределами возможностей полководца оценивать планы противостоящей стороны и ход боевых действий (в том числе и со своей стороны) до получения информации об уже случившемся, которая непременно запаздывает.

как наши вояки летом сорок первого. Мы не сумели правильно истолковать полученную от Антона информацию. Мы совершенно не так повели себя в попытке «навести порядок» в «2005». Прозевали заговор против князя Олега, хотя уважаемый Александр Иванович практически вышел на организаторов, но интерпретировал собранную информацию с точностью «до наоборот»...

— Ты сейчас явно вообразил себя в роли Сталина, предающего себя самокритике на приеме в честь Парада Победы, — усмехнулся Берестин. — Осталось добавить: «Другой народ давно сверг бы такое правительство, сказал: «Уходите, вы не оправдали нашего доверия».

— Может, не будем превращать серьезный разговор в балаган? — предложил Левашов. — Где мы напортачили, и так всем понятно, а отчитываться нам не перед кем...

— Не всем понятно и не все, — возразила Лариса. — Я вот порученное мне дело выполнила хорошо и собираюсь вернуться туда же, в Кисловодск, чтобы продолжить. Девочек не могу бросить. Я за них поручилась. Они сейчас на вилле спят, утром проснутся — тогда будем смотреть... Есть идеи. А вот в чем «напортачили» вы — хотелось бы услышать.

— Тогда не перебивайте, и я все скажу. А там будете решать...

Как уже говорилось, больше половины из пятнадцати «действительных» братьев и сестер даже не имели представления об общем, стратегическом замысле «кампании», длящейся уже почти целый локальный год, что уж там касаться промежуточных, частных операций. Некоторые делали то, о чем их просили мы, «триумвиры», потому что участие в общих делах «Братства» вытекало из Устава, другие занимались своим участком работы со всей душой и энтузиазмом,

не особенно вникая, как это согласуется с генеральным замыслом.

А сейчас мне пришлось, моментами делая над собой усилие, довести до общего сведения, что мы с Сашкой, формально вроде бы равные, просто облеченные некоторыми дополнительными полномочиями, именно потому, что нам верили безоговорочно, все-таки хреново напланировали, объяснить, что и почему не получилось и какой ущерб в результате понесло «Братство».

Как раз «материального», условно говоря, ущерба оно не понесло. Напротив, удалось расширить «подконтрольную территорию» на целую реальность, причем свою собственную, исходную, куда раньше путь был необъяснимым образом закрыт. Теперь нас в нее «пустили», но возникает вопрос — зачем? Просто так, от щедрости душевной, или с некой тайной, провокативной целью?

Мы научились проникать еще и в «боковое время», а оттуда нашли первый стационарный пространственно-временной канал, благодаря которому у нас нет больше необходимости постоянно деформировать континуум или Гиперсеть своими грубыми «пробоями». Тоже вроде бы хорошо, однако и это не наша заслуга, а скорее «подстава». Почему именно из «бокового» Израиля и прямо к нашему форту? Очень напоминает давнюю и не всем в деталях известную историю с так же странно возникшей перемычкой Земля — Валгалла.

Но это все частности, сказал я, простите, что несколько отвлекся. Если же с самого начала, то наши планы и намерения выглядели вполне разумно, как бы вытекали из обстановки и вообще смысла существования «Братства». И то, что Шульгин докладывал на первом нашем собрании, в целом соответствовало действительности. Так все и было — возмущения в Гиперсети, резонансная деформация межвременной ткани,

угроза возникновения химеры на стыке реальностей, и как результат — развоплощение реальности «2056».

Методики, которыми мы на тот момент располагали для анализа обстановки, фактически вынудили нас принять то решение, которое мы приняли. Вмешаться в происходящее на уровне доступного нам узла Гиперсети, локализовать опасные тенденции, по возможности инкапсулировать подозрительную, скорее всего «ловушечную» реальность.

Санкцию на подобную акцию мы в прошлый раз от всех присутствующих получили и начали действовать. Подробный отчет все, кто не в курсе, могут получить прямо после окончания Совета.

Опять же, повторюсь, работали мы по обычным схемам и, как нам казалось, успешно. Базу в Москве 2003 года восстановили, в химеру «2005» проникли и там очень много интересного узнали. Выяснили, каким же образом наложение реальностей, нашей и той, случилось и как события развивались дальше. В них мы тоже, согласно базовой модели, не вмешивались, поскольку имели сведения, что раз произошедшие события (а они уже произошли до того, как мы начали их наблюдать) должны повториться один в один уже под нашим контролем, а ежели что пойдет не так, это вызовет те самые последствия, которые мы призваны предотвратить.

Да, да, я понимаю, что звучит это несколько абсурдно для многих из вас, однако в химере все обстоит именно таким образом.

Перехожу к самому интересному. Вы помните тот ужин, на котором я представил вам двойников-аналогов, Ляхова-первого и полковника Ляхова-второго, обитателя химеры?

Все помнили, разумеется, не так давно это было. По времени «2005» едва третьи сутки пошли, по внутренним часам каждого — от месяца до двух.

— Может быть, вы заодно помните ту пространную

речь, которую произнес Александр Иванович, и состоявшуюся после нее дискуссию? По поводу завладевшей реальностью «2005» Ловушки Сознания, об изобретенном Шульгиным способе эту Ловушку переиграть и о перспективном плане состыковки «2005» и «2056»?

Ответом было недоуменное молчание.

— О какой речи ты говоришь? — первой спросила Лариса. — Тут склерозом никто не страдает. Нам действительно представили этих парней, симпатичных, кстати, за ужином разговор был в основном насчет использования межпространственного канала, которым они пришли, да и все, по-моему.

— Все согласны? Так и было?

Кто промолчал, кто подтвердил, что было именно так.

— Значит, нас с Александром пора лечить, — сказал я с некоторой попыткой юмора. Что интересно, обычно такой подход помогал сбрасывать назревающее напряжение. — И он и я великолепно помним, о чем шла речь, какие доводы за и против похода внутрь Ловушки здесь приводились, как тем ребятам было предложено вступить кандидатами в члены «Братства». Как каждый из вас поздравлял их, что при этом произносил¹...

Ладно, не смотрите на меня так. Хорошо, что у нас принято вести записи наших регулярных собраний. Вроде бы для истории, а сейчас получается, и в клинических целях тоже пригодилось. Действительно, правы вы, а не мы с Александром. Беспристрастная пленка это подтвердила.

Тут я значительно поднял палец, люблю иногда ощущать себя лектором на институтской кафедре:

— Однако есть столь же убедительный документ,

¹ См. роман «Дальше фронта».

из которого следует, что и мы тоже правы, и собрание «по нашей версии» тоже состоялось...

Любому нормальному человеку понятно, что сбор друзей, объединенных общей жизнью и взглядами на нее, общим опытом, пережитыми ситуациями, о которых и на исповеди не расскажешь, при всем желании не удержишь в рамках достопочтенного заседания важных людей, искренне верящих в свое положение и предназначение.

Хотя мы с Сашкой искренне считали, что подобное общество можно привести к разумному знаменателю именно укреплением внутренней дисциплины. Почему и возникла идея аналога рыцарского ордена. Только вот воли и силы превратить себя в Гроссмейстера и Великого Магистра — не было. Как ты станешь, угрожая мечом, объяснять Воронцову, что шаг вправо, шаг влево считается побегом? А девушкам? В славное лето восемьдесят четвертого, когда нас было только трое, проблем не возникало. И Ирина не изменила расклада. И появление Берестина — поначалу тоже. Но — только в той ситуации. Дальше — пошло все хуже и хуже.

Раз уж мы позволили вновь введенным в компанию людям считать себя равными нам, так на что же теперь сетовать? Они ничем не хуже нас, некоторые — даже лучше, но из этого ничего положительного не вытекает. Профессор романо-германской филологии неизмеримо эрудированнее, а, может быть, и умнее взводного лейтенанта, но если мне придется посылать в атаку взвод, выбор очевиден.

Опять я отвлекаюсь.

Самое главное, чего не понял еще никто, кроме нас с Шульгиным, что попали мы в такую заварушку, что и не знаешь, как выкрутиться.

Такая вот складывается ситуация. Что там рассказывал Сашка нашим друзьям совсем недавно?

С каким, как в далеком детстве мы говорили, *понтом* он докладывал:

«С Ловушкой нужно бороться ее же оружием. То есть подкинуть ей нерешаемую в рамках заданной ей программой задачу. Замкнуть контуры накоротко. Что нам стоит заставить Ловушку работать на нас? Я знаю, какую феньку ей надо подбросить...»

Хорошо Саша сказал. Достоин сильного человека. Одна беда — не там, не тем и не то!

Нет, думаю я сейчас, возможно, правильно он все сказал, только не знали мы, насколько *не так* выглядит предложенная нам реальность. Уж настолько не так...

Сейчас я готов был объяснить своим друзьям и коллегам, что же произошло на самом деле, так не поймут ведь. Хорошо, поймут, но не все. Слишком сложно даже в той системе координат, которую мы привыкли воспринимать за истину.

Мы с Сашкой попытались (только попытались) рассказать, что же вышло. И нас уже не поняли.

Хорошо, мы теперь начнем поступать иначе. Никому ничего не объясняя теоретически. На этом пути нас ждет только утомительное словоблудие, ни к чему не ведущие дискуссии, разочарование, а то и позор.

Лучше по-другому. Языком директив, в мягком варианте — «убедительных предложений». Выхода, мол, братцы, у нас нет. Или делаем так-то и так-то — или как хотите. Мы и сами по себе кое-что можем. «Иль погибнем мы со славой, иль покажем чудеса!»

Без всякой с моей стороны наводки или просьбы, слово взял не кто иной, как Берестин. Самый старший из нас по возрасту и вообще человек многих возвышенных качеств.

— Я думаю вот что. Сказанное Андреем может быть верно, а может, и нет. Только обсуждать именно данный вопрос не стоит. Нужно делать хоть что-нибудь тем, кто этого хочет, и отойти в сторону тем, кто жаж-

дет осмысленности и покоя. Сейчас в той России идет война. Лично я готов прямо сейчас принять под команду Корниловскую и Марковскую дивизии и отправиться туда. На помощь Князю. Уверен, это будет сильный ход.

ГЛАВА 14

В квартире на Столешниковом было не в пример веселее. Все свои вокруг, не нужно ничего имитировать. С ударниками поручика Ненадо Ляхов-Фест почти сроднился, невзирая на солидную разницу в возрасте, остальные — вообще старшие братья и сестры, не в «орденском», а в чисто биологическом смысле.

Шульгин вполне одобрил его импровизацию на допросе Порецкой.

— Теперь да, теперь все постепенно становится понятнее и понятнее. Танкистов мы как раз в подходящее состояние привели, вполне готовы к допросу.

— Русские хоть? — спросил Вадим, освобождаясь от излишней амуниции. Отдохнуть опять скоро не получится, судя по всему.

— Кто же еще? Танки хоть и немецкие, «Леопарды», а экипажи «наши». Я сам когда-то на подобном «Панцеркампфвагене» развлекался, но эти посовременнее будут. Однако РПГ и козырного туза бьет. Придется всем парням по офицерскому Георгию ответить... Врангель подпишет, куда денется.

И опять Ляхов изумился фразе, брошенной вскользь, без намерения произвести специальный эффект.

Нет, а что? Ну, Врангель, Петр Николаевич, Верховный Правитель. Ну, закопали его в Париже семьдесят восемь лет назад, а он все равно возьмет и подпишет представления к орденам. Нормально! Пусть попробует не подписать...

Александр Иванович, очевидным образом повеселевший по сравнению с нынешним утром (значит, де-

ла хоть слегка, но налаживаются), попросил минуточку подождать, пока он переоденется.

Вадим в это время успел перекинуться несколькими словами с ударниками, превратившими три гостевых комнаты прилегающих квартир в свою казарму. Вполне приличную, офицеры все же. Оружие развешено на подходящих крючках и иных опорах, обувь составлена рядом вдоль стены, носки у всех свежие, и курят только возле открытого окна. Сверх положенного не пьют, в самоволку в город не собираются. Только прикажи — снова рванутся в бой. Хоть с кем!..

Шульгин вернулся, одетый в полевую генеральскую форму «ВСЮР». При трех крестах, положенных к постоянному ношению. Наверное, считал, что так и надо. Ляхов не вникал. Ему интереснее были пленные танкисты.

Подходящее для допроса впечатление создавал сам Александр Иванович. Кабинет, удаленный от общих комнат и коридора, в самой глубине квартиры, куда не знающий едва ли и случайно забредет. Шторы задернуты. Лампа под зеленым абажуром на письменном столе, не освещающая почти ничего, кроме бумаг и чернильного прибора. Никаких компьютеров.

Золотые погоны и аксельбанты слегка отблескивают. В стеклах книжных шкафов лампа многократно отражается, но не ярко. Шульгин уселся в кресло хозяина, оперся локтями о сукно. Вадим слева, с краешку, перед ним пепельница, коробка папирос. Блокнот, якобы для стенографии. То есть совершенно не из этой жизни картина.

Хорошо, что Фест в таких делах понимал больше, чем Секонд. И фильмов много смотрел, хотя бы и «Белую гвардию», «Адъютанта его превосходительства» и другие тоже. Мозги заморочить очередным подследственным — делать нечего, только не знал он, какие именно они будут. И к чему готовиться. «Свои» — и достаточно. Для него, значит, свои.

Но шеф, наверное, знает, что делает?

— Введите, — железным голосом произнес генерал Шульгин.

Танкистов ввели. Умыться им дали, кое-как привести себя в относительный порядок позволили. Покормили, скорее всего, остограммили. Табачком угостили. Без этого и расстреливать не по-нашему. В то же время комбинезоны на них были по-прежнему грязные, рваные. Пусть желающие попробуют из горящего танка выпрыгивать, где острых железок вокруг до хрена и люки едва ли не уже плеч.

Погон нет, лица если и не конкретно рязанские, как у Крючкова в кинофильме «Парень из нашего города», но явно уроженцев средней полосы.

— Сядьте, — приказал Шульгин, ломая привычную схему допроса, и указал, кому куда.

— Мой чин — видите?

— Не совсем, господин... товарищ... Звездочки, не пойму, чего... — ответил тот, который, наверное, был из двух старше. Года тридцать два — тридцать три на вид.

— Генерал-лейтенант я, деревня! Поперся, не зная куда, хоть бы книжки полистал. Имя, должность!

— Прапорщик Швиблов. Командир танка.

— Какого?

— «Леопард-4».

— Чей? Бундесвера? Власовец? С немцами против Родины воюешь? К стенке! Полковник, распорядитесь! — Шульгин так широко взмахнул рукой с зажатой в ней горящей сигарой, что чуть не попал Ляхову в глаз.

У прапорщика глаза стали не только квадратными, вообще невыразимой конфигурации.

— Господин генерал! Да вы же и не наш генерал! Что я вам сделал? Какие немцы, какие власовцы? Я из приشتинского батальона сбежал, признаю. В Иностранный легион хотел. Там в пять раз больше платят.

При чем Родина? В легион не взяли. Предложили в Ливии инструктором. Ну и что? Работал, учил арабов на танке ездить. Так они только ездить и могут. По прямой... Где моя вина? За что к стенке?

Ляхова тщательно подведенная к грани истерики позиция Швиблова не растрогала. Шульгина — тем более.

— А какого ж... ты в Москве на своем «Леоперге» оказался, инструктор? Из пушки стрелял, лично меня пытался убить? — в пику Шульгину очень тихо и спокойно спросил Ляхов. — За Ливию к тебе претензий нет...

— Так тут же такое дело. Вербовщик меня в Триполи нашел. Ты, говорит, в Легион собирался? Могу устроить. Еще и получше. В Иностранном французы по две тысячи евро платят и гражданство только через пять лет, а мы пять штук баксами кладем, и через полгода — любое гражданство, хоть американское. Вы бы что, не согласились?

— Как видишь, пока нет. Мы Родину защищаем почти за бесплатно. Дальше говори.

— Ну, собралось нас таких побольше сотни. Кто откуда. Из Легиона обратно перебежали, из других стран, из Сербии, из Испании много. Нелегалы, сезонники. В Ираке до войны многие по контракту работали, домой не захотели. Все, конечно, с армейским опытом, от сержантов и выше. Афганцев уже нет, конечно, постарели уже, а так поучаствовали, кто в Чечне, кто где...

— Не рассусоливай. Где собрали?

— Сначала там же, в Ливии тренировались. В закрытом лагере. Инструкторы все европейцы, турок немного, толковые, кстати, офицеры, арабам до них, как до Марса... Слух был — у америкосов Курдистан для турок отбивать будем... Тут никто не возражал. С янкесами воевать — не с «чехами» же... Танкистов

на нас было пятнадцать экипажей, остальные типа «зеленых беретов».

— Детали пропускай. В Россию как попали?

— Так и попали. Построили нас как-то перед отбоем, и господин майор Шильдер...

— Немец? — перебил его Шульгин.

— Может, немец, может, швед, не представлялся. Но раз по «Леопардам» спец, наверное, немец. Но по-русски — не хуже вас. И говорит: «Задание, господа, немного меняется, скоро отправимся, только не куда-нибудь, а в Москву!» Тут меж парнями хипеж пошел, как в Москву, какую Москву? Что, после Ирака сразу на Россию штатники тянут? И как? Они ж нам вроде союзники теперь, и все такое! Мы так не подписывались... Понятно, как полторы сотни мужиков орать могут. Мы и в самом деле не власовцы какие...

— И все ж поехали?

— Так не к себе же! — искренне возмущился прапорщик. — Покричали мы, покричали, а тот майор сел спокойно в сторонке, закурил, дождался, пока успокаиваться стали, потом говорит, не про то шумите. Не в настоящую, мол, Москву, а вроде стрелялки компьютерной. И Россия придуманная, и все остальное. Там как бы белые в прошлый раз победили, а сейчас красные снова революцию затевают, и наша задача — белых поддержать. Смешно, с одной стороны, было слушать, а с другой — что иное ответить? Я хорошо помню, как оно было в девяносто третьем, Белый дом, мятеж и все такое. Тогда тоже рота танков в момент все придавила. Может, и сейчас, думаю... По телику и по радио все тихо, а вдруг правда коммуняки против Путина восстали? Так немцы с турками при чем?

— Еще короче. Объяснили вам все, на макетах потренировали, вы согласились...

— Не все. Человек десять наотрез отказались. Хоть в реальную Россию, хоть в компьютерную...

— Видите, Александр Иванович, — сказал Ляхов, —

наемники-наемники, а совесть есть... И что с ними было? — обратился он снова к Швиблову. — Не посадили?

— Да ну, там же демократия, — из тона прапорщика следовало, что демократию он в целом одобряет, но и иронизирует одновременно. — Расчет в зубы, за реально прослуженное время, и гуляй... Апельсины собирай за доллар в день. И никакая там не совесть, господин генерал, а просто забздели они. Со своими воевать — не с янкесами.

— Что наглядно и подтвердилось. Верно?

— Куда вернее... Из десяти экипажей живых только мы двое и остались, да?

— Как добирались, расскажи.

— Как в компьютере, точно. Выехали ночью всем батальоном за полигон, километров пять на восток прошли, остановились, нас построили, сказали, что приступаем к выполнению... Снова тронулись, а рассветло — смотрю, мы уже Балашиху проехали, к окраинам Москвы подходим. И Москва совсем не та, как и было обещано...

— Крыша ни у кого не поехала? — спросил Шулгин.

— Вроде нет. И не такое видали... На окраине нас загнали в какое-то брошенное депо, могу на карте показать, велели отдыхать, сидеть тихо и ждать приказа...

— Командовал кто? Батальоном, ротами и вообще?

— Все русские. Подполковник Иванцов — комбат. Майор Жадобин — начштаба, у меня ротный — капитан Оридорога, взводные... А, неважно, — махнул рукой прапорщик. — Все сгорели...

— Незнакомые, непонятные люди были? Видел?

— Крутились какие-то. А как без этого, наши здесь ни ухом ни рылом. Ну вот, два дня отдыхали, в город не ходили, политинформацию два раза командиры читали, — вспомнил прапор последние советские годы,

которые успел захватить. И даже вполне, если призывался он в восемьдесят восьмом — девяностом.

— Потом?

— Никакого «потом» не было. Утром нас подняли по тревоге, указали на карте маршрут, объявили, что в этом месте «наши» ведут бой, приказали выдвинуться и поддержать. Мы и поехали... И приехали, — скринулся прапорщик.

— Видишь, как вас, дураков, кинули, — сочувственно сказал Ляхов. — Белые как раз — мы. А вы за красных сыграли. За них, получается, и «спеклись»...

Жаргонное слово в приложении к сгоревшим танкистам приобрело чересчур натуралистический оттенок.

— И что теперь с нами будет? — осторожно поинтересовался Швиблов. Второй танкист за время допроса не проронил ни слова, да к нему и не обращались.

— А что с тобой делать? Посидишь до конца заварушки под замком. Поймаем кого из твоих «работодателей», попросим обратно тебя вернуть. Зарплату и страховку там с них выбивать будешь. По законам демократии. Не поймаем — здесь крутись, как сумеешь. Свой доллар в день всегда заработаешь. Уведите их, — приказал Шульгин.

— И что мы имеем с гуся? — сам себя спросил Шульгин, расстегивая китель. И сам же ответил: — Вышкварки и мясо. То есть картина более-менее проясняется. Лихарев тут замешан, без всяких сомнений.

— Почему именно Лихарев, ему это все зачем? — Из соседней комнаты вышел Левашов, который все это время возился с приборами, отслеживая текущую обстановку по ту сторону стен квартиры.

— Кто еще, можешь предположить? Переходы явно через «боковое», и у хохлов, и у танкистов. А генераторы есть только у Чекменева с Маштаковым и у него наверняка. На Западе до них еще не додумались.

Ладно, пусть не сам Валентин эту хреновину учинил, пусть Ибрагиму продал...

— Не сходится, — возразил Олег. — Не говоря о том, что мы за ним плотно присматривали, такая комбинация Лихареву совершенно не нужна. Сам подумай. Любые собственные планы он в состоянии реализовать микрохирургически. И князя убить, и власть поменять, но ему и это не нужно. У него и так все есть.

Ты как знаешь, конечно, вы у нас политики, а я — технарь, и я по-прежнему уверен, что все идет и помимо нас, и помимо Валентина. Что стоит пресловутой Ловушке, или кто там еще исполняет похожую функцию, найти подходящих специалистов, у нас и здесь, наладить собственные переходы? Все остальное ты сам видишь. Кто учинил взрыв в Кремле, кому потребовалось похищать Бубнова? Маштакова, кстати, кто тебе посоветовал выхватить за минуту до взрыва?

Шульгин слушал Левашова с подчеркнутым вниманием, будто тот открывал ему неведомые ранее истины.

— Не поверишь — никто. Само совпало. В развитие сюжета с Ляховым и Чекменевым. Женщин из Москвы отправили, Вадим-Секонд пошел операцию по изъятию выявленных заговорщиков с Чекменевым и Тархановым прорабатывать, а я подумал, что пора и профессором заняться, кое-какие вопросы с его помощью уточнить. То есть все развивалось по намеченному плану.

Мне пришло в голову, что войсковую операцию можно сделать отвлекающей, а настоящий удар нанести по «центру зомбирования» тоже через «боковое», захватить все оборудование, потом и персонал «тепленькими». И верископами там, не верископами, выколотить координаты Главной базы. У нас она располагается, у них или в *третьем* пространстве, я пока не знаю.

За сутки, при особом везении, свернуть эту пробле-

му. И дальше работать не торопясь, с чувством и вкусом.

К Маштакову я открыл проход еще пребывая в самом благодушном настроении. Увидев меня, он удивился, но не слишком. Я ему улыбнулся, собрался представиться, протянул руку. И почувствовал, что нас *накрывает...* Чем именно, не скажу, но похоже, как еще тогда нас с Андреем в Замке. Ни про взрыв я не подумал, ни про что другое. Не останавливая движения, схватил профессора за грудки и рванул к себе. В падении отключил «дверь». «Окно» осталось. И великолепно видно было, как полыхнуло. Никто из ныне живущих так близко взрыва вакуумной бомбы не видел, ручаюсь. А дальше все завертелось по трем осям сразу...

— Маштаков сейчас где?

— Где ему быть? Здесь же, но в двадцать пятом. Мало ли что? Если «они» научились не только на хвост нам садиться, а и опережать в темпе, так я не знаю. Правда, кое-какие шансы мы уже отыграли. Теперь бы опять клювом не прощелкать...

— Я пойду, поговорю с ним, — предложил Олег.

— Пойди, поговори. Только лучше бы сначала с техникой «зомбистов» познакомился, и с персоналом мы вместе кое-что обсудили. А Ляховых — опять местами поменять. Фест к Тарханову уже притерся, пусть военными делами займутся. Танки горелые обследовать, в Москве осадное положение ввести, к князю в Берендеевку сбежать.

А Секонд пускай на КМВ гонит. Девушек своих поддержит, и вместе с Ларисой с Лихаревым по душам поговорят. Если он совсем ни при чем, ему самое время на нашей стороне в бой вступать. Боюсь только, как бы и туда не опоздать... Так что давай, Вадим, действуй. Возражения есть? Возражений нет, — с детства всем знакомая сентенция прозвучала ободряюще.

— Есть возражение, — неожиданно не согласился с

ним Фест. — На КМВ Вадим успеет. День, два — не срок. А сейчас бы лучше ему с Бубновым поработать. На его уровне мне не потянуть, слишком у них много общих научных тем и воспоминаний. Пусть забирают отсюда и людей и технику и вывозят на свою базу. Вот господин Левашов там и поучаствует. Назвать его каким-нибудь экспертом из гражданского КБ или просто личным другом, согласившимся помочь. В нынешней суматохе никто и внимания не обратит. А то ведь здесь уже, прошу прощения, не приличное место, а вроде пересыльной тюрьмы...

В этом Ляхов был прав. Пусть и насчитывала объединенная квартира пятнадцать комнат, три большие кухни, да еще прихожие, коридоры, чуланчики всякие, а набилось туда два с лишним десятка корниловцев со всем снаряжением, в начищенных натуральным гуталином ботинках, курящих, если и не все сразу, то постоянно. Да около тридцати сотрудников «зомби-центра», и еще загромоздившие добрую часть свободного пространства электронные щиты и ящики. Пленных сторожить надо, в туалеты выводить, а скоро и кормить придется. Очень похоже на названное Вадимом учреждение.

Шульгин и сам собирался перекинуть большую часть посторонних в Крым, в какое-нибудь подходящее место. В Константиновский равелин, например, на старый броненосец «Три святителя». А можно и на «Валгаллу» — тоже удобное место для допросов и изучения трофейной техники.

Но Фест рассудил еще лучше. В самом деле, пусть Ляхов с Бубновым в присутствии Левашова выудят у пленников все, что сумеют, научатся пользоваться аппаратурой, а уже потом и решим, нужно нам самим это или заслуживает полного уничтожения?

Он сам и позвонил напарнику, изложил суть вопроса и предложил вариант решения.

— Хорошая мысль, — согласился Секонд. — Все один к одному. А как замотивируем?

— И мотивировать нечего. Ты же сам Тарханову наводки на участников заговора давал, Бубнова выручал. И сейчас так же. Потребуй подготовить на базе помещение для приема «гостей», три грузовика или пару автобусов, десяток бойцов и подскакивай на Столешников. Там товар и примешь... За два часа управишься? Значит, ждем.

— С Маштаковым что думаешь делать? — спросил Левашов Шульгина. — Неплохо бы и его с нами...

— Своевременно или несколько позже. Мы с Андреем хотели с ним предварительно пообщаться. Потом — по обстановке.

ГЛАВА 15

Штабс-капитана Уварова начальственная телеграмма разряда «Секретно. Особо срочно!» застигла еще в постели. А что же вы хотите? Первые дни мирного, точнее сказать — послепобедного времени. Чем еще заниматься славному воинству, как не праздновать? Не «одоление супостата» даже, а то, что сами живы остались и близкие друзья тоже в большинстве своем. Есть и такие, понятное дело, которым не совсем повезло, некоторым «совсем не», но общий счет в нашу пользу.

Свой боевой путь Валерий завершил не на германской границе, как рассчитывал, а в захолустном городе Влоцлавеке, центре Куявского края, куда в последние дни оттянулись еще сохранявшие боеспособность силы повстанцев группы «Северо-Восток».

«Печенег» помогли армейцам навести порядок, профильтровали «подозрительные элементы» и уже потом, получив жалованье, боевые, командировочные, премиальные деньги, позволили себе отдохнуть. Все равно скоро отзовут обратно и начнется прежняя

служба. Нынешней воли уже не будет. Но дня на три капитан рассчитывал.

Не вышло.

Телеграмма гласила: «Немедленно по получении поднять вверенное вам подразделение по тревоге, на аэродроме такой-то авиадивизии погрузиться со всем снаряжением в транспортные самолеты. По прибытии в аэропорт Быково доложить. Быть готовыми к маршу и бою. Тарханов».

Уваров выругался, не зло, а скорее удивленно. Любой приказ он мог себе вообразить, только не этот. Даже распоряжение немедленно отбыть обратно в Туркестан было бы понятнее. А тут марш и бой в окрестностях Москвы! С кем? И разве мало там собственных войск? Правда, как ему было известно, самые боеспособные дивизии Гвардии сейчас в Польше и на Северном Кавказе, но есть ведь и другие: егеря, штурмгвардия, казаки... Неужели и там случилось нечто вроде Варшавы? Мятеж гарнизона, массовые народные волнения. В каком еще случае специализированные, отнюдь не строевые отряды «печенегов» решено использовать как десант, «с неба в бой»?

А ведь ни пресса, ни разведка ни о чем подобном не сообщали. Вчера вечером он выпивал в ресторане «Над Вислой» с армейскими штабистами, никто и словом не обмолвился.

Но рассуждать и размышлять будем потом. Тревога так тревога.

Подчиненных непосредственно ему сто двадцать человек он собрал за полчаса. Благо, было почти что утро, и ребята не успели расползтись по городу и окрестностям. Офицеры ж все, не рядовые, их в казарме не удержишь без специального приказа.

Собрались быстро, и транспорт нашли, и в полку, куда перешел со своими солдатами полковник Андреев, командир приданного отряда Ляхова — Уварова

батальона, боеприпасов им отсыпали щедрой мерой — «сколько унесешь».

Построив личный состав перед тентованными грузовиками, Уваров изложил задачу своими словами, без комментариев, добавил только, что настоящий боевой приказ получим на месте, тогда и будем думать. Пока же, на случай самого неблагоприятного поворота, каждому необходимо к моменту высадки надеть бронежилеты и каски, снаряжение с носимым запасом патронов и гранат, оружие зарядить. Черт его знает, может, придется вступать в бой еще до полной остановки самолетов? В его практике бывали и такие случаи.

Он подумал, что сейчас в самый бы раз пригодились ранцевые генераторы, чтобы повторить в Москве «радомский маневр», но они были изъяты специально присланными людьми еще позавчера. Вместе с инженерами и техниками. Для использования в других местах или просто «во избежание».

На трех скоростных десантных транспортных до цели долетели быстро. По счастью, ни обстрела зенитными ракетами, ни минометного огня по посадочной полосе не случилось, и приземлились нормально, и за рулили к месту стоянки, определенному пилотам в глухом, «техническом» углу, подальше от здания аэровокзала.

Здесь их встречал лично полковник Стрельников, вновь вернувшийся к исполнению обязанностей заместителя Тарханова и начальника отдела «Глаголь», руководившего всей структурой отрядов «Печенег» и оперативной работой Управления.

Штабс-капитан до сих пор испытывал перед полковником смутное чувство вины, полагая, что именно из-за его инициативы Виктор Викторович слетел с генеральской должности.

Доложил как положено о прибытии.

Весь рейс курить в самолете не позволялось, и,

отойдя со Стрельниковым в сторонку, он, жадно затягиваясь, по старой памяти, «без чинов», спросил, что вся эта ерунда должна означать? Выразился он, понятное дело, гораздо крепче, но при неформальном общении даже и со штаб-офицерами такие вольности допускались.

— Я бы тебе объяснил, если бы хоть что-то понимал сам. Умные люди говорят попросту: «Доигрались». Со всеми этими боковыми временами, живыми покойниками и прочей мутотенью. Правильно Кедров в монастырь сбежал. Сидит сейчас в скиту на Соловках и в ус не дует. Его там хрен достанешь, а мы здесь расхлебывай...

Короче, в течение сегодняшнего дня по разным направлениям и в самых неожиданных местах возникают отряды и диверсионные группы неуставленного противника, включая и танки численностью от взвода до роты, тоже неизвестных образцов. Не только в самой Москве, но и близких окрестностях. Действуют без понятного (нам!) плана. Складывается впечатление, что задача у них — создать как можно больше беспорядка, посеять панику, раздербать наши силы, которых, увы, немного.

Неприятель, что тоже весьма хреново, использует камуфляжную форму, похожую на нашу всесезонную, кое-кто — в полевой общевойсковой. Есть основания предполагать, это на самом деле военнослужащие регулярной армии, перешедшие на сторону врага. В штатском тоже попадают.

В общем, считай, ты снова в Польше. И в Пятигорске одновременно, где наш командир Тарханов героически сражался. Твой бывший начальник полковник Ляхов с отделением Колосова, ты его хорошо знаешь, и полуротой штурмгвардии сожгли на улицах десять танков. Сейчас специалисты разбираются, что и как...

— Молодец полковник! — искренне восхитился

Уваров. — Настоящий вояка. Ему б дивизию под команду. Сам-то цел?

— Такому ничего не сделается. Вы с ним два сапога пара. Как моя бабка выражалась: «Хоть об дорогу бей!» Но лирику оставим на потом. В настоящий момент в городе и ближнем Подмоскowie выявлено до двадцати очагов неприятельского вклинения. Просматривается определенная система — атаке подвергаются центры связи и управления, что естественно, но одновременно объекты, на наш взгляд, не представляющие военно-политической ценности. Что затрудняет планирование превентивных операций. Особенно же хреново то, что отмечаются случаи демонстративного бездействия со стороны кое-каких воинских частей и полиции и даже факты прямого пособничества врагу. За последние часы мы взяли несколько пленных, даст бог, допросим, кое-что прояснится...

— Потери в городе большие? — спросил Уваров. Все происходящее действительно очень ему напоминало варшавские события. Пусть пока и не так масштабно. А как дальше пойдет?

— Не слишком большие. Но и не маленькие. Как там среди мирного населения, никто еще не считал. Единственное, что сейчас можно сделать — непрерывно по всем каналам передается обращение коменданта Москвы с просьбой не выходить на улицы, рекомендации, как вести себя в очагах боев, и призывы сообщать по телефонам и иными способами сведения об обстановке за окнами.

Да нет, справимся, конечно, Москва все же не Варшава... День, два, полевые части подтянутся, порядок наведем... Если успеем, — Стрельников помрачнел. — Опыт подсказывает, такие заварухи без видимой цели часто устраивают, чтобы отвлечь внимание от более серьезных дел. Вообрази — Нижегородская, Костромская, Брянская территориальные дивизии переходят на сторону врага (или давно уже перешли) и в подхо-

дящий момент атакуют с трех направлений! Ох и муторно нам придется, пока Гвардия обратный марш-маневр производить будет.

Уваров согласился, большого веселья не ожидается.

— Ну а моя задача? — спросил он, прикидывая, как и что сможет сделать в нынешних условиях имеющимися в распоряжении силами.

— Тебе — немедленно грузиться в машины и полным ходом в Берендеевку. Там сейчас Олег Константинович и Чекменев. Поступишь в их распоряжение. С ними рота дворцовых гренадер и лейб-казачья сотня. Может, еще кто-то подтянулся. Если враг атакует — стоять насмерть. Да зачем я тебе это говорю, сам все знаешь...

— Если танки и туда пойдут, господин полковник, у меня ведь только легкое стрелковое... У вас ничего противотанкового нет?

— Было б, я б тебе дал. Нету. Разве что... Вот тут, почти по пути, — он ткнул карандашом, где именно, — база хранения техники МВО. Может, что найдешь...

— Там же охрана, господин полковник, им письменный приказ с самого верха нужен...

— А я что? Могу написать, подписаться, так я для них тоже никто. Так что давай уж сам, как сумеешь. Только без стрельбы, не хватало еще со своими перераться...

— Так вы прямо сейчас позвоните Чекменеву, пусть князь лично прикажет командиру базы мне склады открыть...

— Неглупо придумал, может, и выйдет. Что могу, сделаю. И хватит рассусоливать, время не ждет. Выживем, тогда и потреплемся. Действуй. Повнимательнее езжай, на засаду не напорись.

— Будем стараться, Виктор Викторович...

На предельной скорости, какую позволяли узкие лесные дороги, колонна из четырех трехосных грузо-

★
виков за два часа домчалась до надежно укрытой в чаще вековых лесов базы. На территории округа их было довольно много таких — давным-давно свернутых, «закуклившихся» полков и бригад. Во время очередной военной реформы, еще восьмидесятих годов прошлого века, предыдущим Местоблюстителем решено было резко сократить на подведомственной территории количество воинских частей полного штата, с целью экономии средств и повышения качества призывного контингента. На случай же какой-нибудь войны или прочих непредвиденных обстоятельств гарнизонные городки, парки и склады поддерживались в достойном виде.

Две-три роты «территориалов», укомплектованные в основном сверхсрочнослужащими специалистами и офицерами ограниченной годности или теми, у кого служба «не пошла», ожидающим пенсии в обер-офицерских чинах, охраняли, чистили, смазывали вверенное им имущество. Следили за сроками годности боеприпасов, портянок и консервов. Регулярно проводили регламентные работы, проветривали, подбеливали и подкрашивали казармы, ворота, заборы, грузовики, танки, пушки и гаубицы. Готовились, если грянет вдруг мобилизация, принять, вооружить и обмундировать тысячи и десятки тысяч приписников. Отправить на фронт маршевые роты и батальоны и вновь продолжить размеренное, не такое уж скучное, как может показаться чересчур импульсивным натурам, существование.

С не слишком ухоженной бетонки машины свернули вправо у неприметной стрелки-указателя «БХВТ МВО № 34» и грозного предупреждения: «Стоять! Запретная зона. Охрана стреляет после первого предупреждения!» Остановились перед надежными, из десятимиллиметровой стали склепанными воротами, любовно окрашенными желтовато-зеленой «танковой» краской. В обе стороны за пределы видимости уходил

между стволами сосен глухой бетонный забор, обмотанный поверху колючей спиралью.

На рев моторов из узкой калитки показался весьма немолодой вахмистр с грубым лицом. Неторопливо, будто через силу, отдал честь штабс-капитану и молча на него воззрися, ничего не докладывая и ни о чем не спрашивая. Явился, мол, куда не звали, сам и говори, что и зачем.

— Начкара или командира пригласите. Штабс-капитан Уваров по приказу Великого князя...

Тут же явился и начкар, поручик, дослуживающий как бы не четвертый срок в своем чине.

«И со мной такое же могло быть», — мельком подумал Валерий.

— Из Берендеевки вам звонили?

— Документы предъявите, — не проявляя ни радости, ни радушия, казенным тоном произнес офицер.

Пожав плечами, Уваров протянул удостоверение.

«Интересно, губами шевелить не будет, читая?» — мысленно съязвил он. И тут же устыдился. Мало ли, какие у человека обстоятельства, а сам он, может быть, достойнейший солдат и душа своей компании. И у него неизвестно откуда явившийся ложенный граф, далеко оторвавшийся в карьерной гонке, вполне может вызвать подсознательную неприязнь. Да и звонок от САМОГО, если он был (да был, конечно), отнюдь не настраивает на фамильярность или просто товарищескую общительность.

— Слушаю вас, господин капитан, — протянул начкар книжку. — Поручик Терпигорев, к вашим услугам. Командир велел отвести к нему, если все в порядке.

«Наградили же человека фамилией, оттого и мается. А скорее наоборот, с самого начала они все такие, Терпигоревы, пятьсот или тысячу лет, зря же в нашем народе клички не вешают... Лучше б в церковнослужители подался, там таким самое место, а не в офице-

ры. А с другой стороны, может, ему и в поручики выбиться — счастье? Дотянуть до казенной пенсии с мундиром. Если остальная родня крестьяне или приказчики в скобяной лавке».

С командиром базы, в пику своим подчиненным вполне молодым и жизнерадостным подполковником, все дела порешали в момент.

Правда, ничего лучшего, чем древние, очень неудобные в обращении гранатометы «Дротик», подполковник предложить не смог.

— Чем богаты. Зато, как в том анекдоте, у нас их... А еще один плюс — гранаты к ним и противотанковые, и осколочно-фугасные, и даже картечь. Главное, не бояться и чтоб сзади на двадцать метров ни одного твердого предмета. Из помещений стрелять не советую. Еще «Васильки» есть, но те чисто противопехотные.

— Знаю, приходилось. Пойдут и «Васильки». А вы мой совет примите — поднимайте весь личный состав и садитесь в плотную оборону со всей тяжелой техникой. Минометы по всем азимутам нацельте. При вашем рельефе местности — самое то. Кроме меня, думаю, к вам в ближайшее время никто свой не подъедет.

— А поточнее вы не могли бы?

— Рад бы. Но, полковник...

Уваров с полным удовольствием посидел бы здесь, в очень надежном месте, где час, день, сутки можно не слишком заботиться о грядущем. Это ведь только гражданские люди мыслят граничными категориями — или ты герой, или ты трус. Идешь умирать за нас, так молодец, за то мы тебя и держим, пока сами ходим в оперетту и рестораны, а если вдруг раздумал, тогда ты негодай.

— Ничего я вам не скажу. Сегодня вылетел из Польши. Сейчас — здесь. Информация — почти нуле-

вая. Единственное, как брату скажу — считайте, что в окрестностях Москвы высадился десант не знаю кого силами до армейского корпуса. Часть штурмует столицу, часть бегает по окрестностям. Хватит силы и упорства — выживете. Я так в варшавском арсенале отбивался. Не слышали?

— Слышал. А правду не скажете?

— Нет, полковник, и не просите. Разве только за отдельную плату...

— Контрпереворот, наверное, — философски заметил подполковник. — Ну, поглядим. Нам и там и там ловить нечего. «Сиди, Володя, на горе, оттуда виднее, как других раздевают»¹. Сто грамм выпить хотите?

— Но не больше...

Гранатометов и другого смертоносного имущества, подходящего для маленькой отдельной войны, погрузили, сколько поместилось в машины, на все готовые и ко всему привыкшие офицеры Уварова. Для личной войны, если хотите.

Следующие километры до Берендеевки проскочили за два с половиной часа. Быстрее никак не получилось, несмотря на то, что Уваров отодвинул от руля водителя и сам взял в руки толстое эбонитовое кольцо. И мотор ревел, и виражи Валерий закладывал почти невозможные, не для увеличения путевой скорости даже, а чтобы себя привести в должное состояние. Плоховато у него было на душе, несмотря на демонстративную бодрость и лихость в общении с посторонними.

И все время он ждал засады, как предупреждал Стрельников, вообще чего-нибудь нехорошего. Автомат на коленях — успокаивает, а поможет только для самоуважения. Пока не убьют. На второй и замыкающей машинах поручик Рощин и подпоручик Констан-

¹ Одна из поговорок преферансистов.

тинов выставили пулеметы на крыши кабин, по бортам и назад. Поддержат огнем в случае чего, но если снайперская пуля в лоб или фугас под колесом — лично ему будет уже без разницы.

Из кабины Валерий вышел со странным чувством успокоенности. Доехал, вот и все. Теперь командуйте, начальники. А где-то совсем в глубине души мысль ведь крутилась — лично князю сейчас послужим, посмотрит на меня, приметит, отметит. Вождам, когда им плохо, нравится награждать спасителей.

К нему подбежал капитан дворцовых гренадер.

— Как доложить прикажете?

Уваров, вообще строевые офицеры, этих ребят не слишком уважали. Мы воюем в песках и горах, а вы сапоги пять раз в день чистите, чтобы по коврам и паркетам ходить. Но сейчас и этот капитан показался ему своим и близким. Раз автомат на ремне и готовность умереть согласно присяге написана на лице.

— Так и доложите, штабс-капитан Уваров с ротой «печенегов».

Поднявшись на крыльцо, увидев свое отражение в зеркальных стеклах, сам себе понравился. Нормальный офицер, фронтовик-окопник.

А тут навстречу вышел и сам Олег Константинович.

Именно такой, как надо. Подтянутый, в полевой форме с защитными погонами, спокойный, невзирая на обстановку, выражающий лицом приязнь.

— У вас, капитан, есть новая информация?

— Никак нет, Ваше Величество, — Уваров вытянулся, как умел, отдавая честь, поднял локоть на уровень погона. — Прибыл по приказу полковника Стрельникова, готов исполнить...

— Достаточно. Мы все готовы. Только получается не у всех. Выгружайтесь. У вас сколько людей?

— Сто двадцать.

— Все офицеры? Составите главный резерв. Основные силы разместите позади заднего фаса ограды, там как раз стрелка двух очень глубоких оврагов. Создайте опорные пункты, выдвиньте подвижные дозоры по тропам на два-три километра вправо-влево. Связь по взводным радиостанциям, в экстренном случае — ракетами. Позывные вам сообщат. После чего оставьте подразделение на заместителя и прошу в восемнадцать ноль-ноль на ужин и военный совет.

Чекменев не устал удивляться выдержке Олега Константиновича. Другой уже рванул бы в Москву лично наводить порядок, разбираться в потрясающем безобразии, охватившем столицу, наказывать виноватых и воодушевлять сторонников, произносить пламенные речи, чтобы переломить настроение колеблющихся. А таких, как известно, при любой смуте — большинство.

Князь же предпочел иной, тоже проверенный путь — выжидать. С приходом Уварова в его распоряжении было около четырехсот воинов, готовых выполнить любой приказ, правда, большинство без реального боевого опыта. Зато в плюсах — вполне удобная для обороны позиция.

Местность вокруг, за исключением двух дорог, танконедоступная, условия для высадки воздушного десанта крайне неблагоприятные, значит, держаться можно очень долго даже и наличными силами, а если постепенно подтягивать сюда надежные роты и батальоны, то и создать плацдарм для контрнаступления южнее, севернее и даже к центру столицы, если требуется.

Генерал Чекменев, хорошо зная Олега Константиновича, моментами находясь с ним в приятельских отношениях, весьма остерегался взрыва его державного гнева, когда вышел из вертолета и торопился с докладом. Не Чингисхан, конечно, хребет ломать не прика-

жет, но отвесить может по полной, вплоть до срывания погонов и швыряния их в лицо провинившемуся. Нечасто, но подобное случалось.

Однако сейчас все было по-другому. Наверное, Великий князь, еще не укрепившись в новой ипостаси, правильно сообразил, что в критической ситуации обижать верных помощников и царедворцев не следует. Может выйти себе дороже.

С непроницаемым лицом выслушал генерала, задал несколько уточняющих вопросов, спросил, есть ли конкретные предложения? Тема мистического или какого-либо иного потустороннего смысла происходящего даже не поднималась. Молчаливо предполагалось, что это можно обсудить и позже, на досуге, когда таковой станет возможным.

Гораздо больше князя волновал вопрос, как все это объяснить народу и мировой общественности? На вторжение инопланетян и адских сил ведь не сошлешься, сразу сочтут за сумасшедшего, иностранной агрессией тоже объявить затруднительно, а уж признать факт народного восстания в самом центре благополучной Московии, горячо встретившей воцарение любимого монарха, никак невозможно.

Пришлось посадить опытного из секретарей, чтобы до конца дня придумал и написал безупречное по стилистике и доводам обращение к нации, звучащее убедительно и зовущее к мобилизации всех здоровых сил и отпору. Кому — уточним по ходу дела.

...Карта Москвы и прилегающих губерний лежала на столе, но толку от нее было мало. Скорее, просто дань традиции. Какой военный совет без карты?

— Если сказать прямо, Ваше Величество, ничего страшного пока не случилось, — рассуждал Чекменев, остро заточенным карандашом делая пометки исходя из полученной от Тарханова и штаба МВО информации. — Выявленные силы противника насчитывают

никак не больше двух-трех тысяч человек, разбросанных по громадной территории. Да, кое-где на его стороне действуют бронесилы до сих пор не установленного происхождения. Но при встрече со стойкими и хорошо управляемыми подразделениями они горят как миленькие. Я считаю, что подавление этого странного, не могу не согласиться с вами, инцидента займет не так уж много времени. И без неприемлемых потерь...

— Да что же вы говорите, Игорь Викторович? Если бы речь шла о конфликте на персидской или румынской границе, я бы и вопросов никаких не задавал. Да пусть даже и в Польше, как вы помните. Но здесь же Москва! А вы даже не можете мне толком объяснить, с кем мы воюем. Вот вы, капитан, можете? — неожиданно повернулся князь к Уварову, который, как самый младший здесь по чину, скромно пристроился у дальнего края стола.

— Никак нет, Ваше Величество, — новый титул князя Валерий произнес с некоторым усилием, не привык еще. — Если только по аналогии. Побывал в потустороннем мире, теперь готов поверить во что угодно. Если мы ходили туда, кто им помешает прийти сюда? Предположение высказываю, ничего более. Но пока оружие в руках имеем, не уступим. Я бы сказал, если моего мнения спрашиваете, надо бы сюда полковника Ляхова пригласить. Из всех мне известных командиров только он в этих делах по-настоящему разбирается.

Чекменев кивнул. Он уже успел доложить князю в самом общем виде точку зрения пресловутого полковника на происходящее, однако тот отнесся к сказанному как-то прохладно. И спорить не стал, и не похоже, чтобы всерьез поверил.

— Так пригласите, — это Олег Константинович сказал уже генералу. — А чем там ваш штаб «Пересветов» занимается? Тоже их всех сюда. Раз такие де-

ла пошли, будем создавать в Берендеевке подобие Александровской слободы Ивана Грозного. Подкопим силы, поймем, что творится, а уж потом... Я вам всем вот что еще хочу сказать, — князь закончил разминать папиросу, кроша табак по столу, так и не закурил ее, бросил в пепельницу, взял из коробки другую. — Это сейчас по Москве бегают якобы тысяча человек. А если десять? Или сто? Тысяч, разумеется. Кто-нибудь может гарантировать, что такое не случится? Вы, Игорь Викторович, можете?

— Нет, Ваше Величество. Раз природа явления мне неизвестна, так какие ж гарантии?

— Вот и занимайтесь «природой», а мы, по старинке, займемся пресечением очевидных последствий. Наберите номер генерала Хлебникова и дайте мне трубку.

Начальник Генштаба был на месте, пока еще в Петрограде, на вопрос князя, знает ли он о происходящем, ответил уклончиво. Кое-что ему, разумеется, сообщили, но целостной картины пока не видит. Да, бунт или мятеж безответственных элементов. Такое случается на переломах истории. Уже подготовил и высылает в Москву оперативную группу для уяснения и взаимодействия, а если будет приказано, готов и сам прибыть, личным самолетом.

— Без вас мы пока обойдемся, — не слишком вежливо ответил князь на чересчур обтекаемые слова генерал-лейтенанта, — опергруппа пусть летит в штаб МВО. Лично вам приказываю — проследите, чтобы не позднее сегодняшней ночи отправить бригаду морской пехоты Балтфлота, Ораниенбаумскую, экстренными эшелонами вне всяких графиков на станцию Александров (ближайшая к Берендеевке с востока и, скорее всего, находящаяся вне внимания неприятеля). И немедленно разыщите мне генерала Крайцхагеля. Пусть перезвонит.

Опустил трубку на рычаг. Вдохнул с облегчением.

Постепенно все налаживается. Да и как иначе? Предки, упокой Господи их души, не из таких смут и беспорядков с честью выходили. Что, Ивану Васильевичу Грозному легче было? (Иван IV, последний Рюрикович, к числу его предков по крови, само собой, не относился, но по преемственности власти — вполне.) А Петру Алексеевичу в Прутском походе? О прочих не говорим. Единственный, кто в спокойствии жизнь прожил, Александр III Миротворец. Да и то! Отца убили, сам в крушении на станции Борки едва выжил и умер от последствий в сорок девять лет.

Нет, Бога гневить не будем, сейчас еще не дела, еще — делишки.

Морпехи подтянутся, это две тысячи настоящих воjak. Крайцхагеля с танками с запада на Москву нацелим, Ливен с передовыми отрядами через сутки доберется. Выкрутимся.

«Но уж повешаем! На Красной площади, с барабанным боем...»

Цитата из любимого романа вспомнилась очень к месту¹.

Исторические духоподъемные ассоциации.

— Что ж, господа, — сказал Олег Константинович, — что от нас зависело на текущий момент, мы сделали. Война войной, а ужин по расписанию. Прошу.

Поняв смысл произнесенного, из-под стола, насторожив уши и внимательно осмотрев присутствующих, вышел Его Императорского Величества личный пес Красс. Не нашел ничего подозрительного или нарушающего регламент, обозначил намек на улыбку, показав приличные и саблезубому тигру клыки.

По леснице поднялись в малый столовый зал. Приглашенных было всего восемь человек. Сам князь,

¹ А. Н. Толстой. Восемнадцатый год.

Чекменев, войсковой старшина Павел Миллер, командир гренадеров капитан Матвей Квашнин-Самарин, командир казачьей сотни есаул Петр Недожогин, Уваров и еще двое адъютантов, штаб-ротмистры, фамилий которых Валерий не успел запомнить.

Субалтерн-офицерам, сверхсрочным фельдфебелям, вахмистрам и унтерам ужин подали в гостевом доме. «Печенегам» же, хоть и были они сплошь офицеры, пришлось довольствоваться горячей пищей на позициях. Но и тут князь проявил внимание — все блюда с его кухни, напитки не из фляги, а в бутылках на выбор, и раздавал их младший егермейстер, придворный чин, штабс-капитану равный.

Уваров вновь хотел занять место подальше от Самодержца, на обер-офицерском краю, но Олег Константинович поманил его рукой. Указал на кресло по левую руку через угол.

— Я о тебе слышал, капитан. Граф Уваров... — с фамильной романовской памятью назвал несколько его более-менее знаменитых предков. — В Польше проявил себя более чем успешно. И сюда прибыл вовремя. Графский титул по нынешним временам почти ничего не значит. Так, вроде сувенира. Но мы это исправим. Все должно быть по справедливости. Кстати, ты награжден?

Валерий указал на свой мальтийский крест «За пять штыковых атак».

— Достойно. Но это все?

— Штабс-капитан представлен к Владимиру четвертой с мечами за оборону Арсенала и к Георгию за взятие Бельведера, — почтительно доложил Чекменев.

— И чего ждем? Некролога, чтоб без лишних хлопот? Выражаю неудовольствие, — Олег Константинович подозвал адъютанта. — Слышал?

— Так точно.

— Неси!

Не прошло и пяти минут, как Император (все-таки

Уваров признал, что да) возложил на него орденские знаки, за отсутствием под руками меча или шашки просто хлопнул рукой по погону.

— Поздравляю, граф!

Офицеры, как было заведено еще при Петре, грянули «Виват!».

— Звездочки можешь снять¹, — благодушно распорядился Олег Константинович. — Шампанского, господа!

«Вот и поперло, — думал Валерий, проталкивая в горло слишком замороженный напиток, — два месяца, два чина, два ордена. Непременно нужно Терешину ящик шампанского и букет алых роз через посылконтору отписать. Без обратного адреса. То-то в бригаде поразвлекутся, загадку решая...»

Подумал так и вспомнил тот переломный по всем статьям день...

...В одно прекрасное утро, после развода, господа офицеры покуривали на веранде бригадного штаба, не спеша расходиться по подразделениям и заведованиям.

Валерия отозвал в сторонку старший врач капитан Терешин, усами, бурым от загара лицом, белым ките-лем и сдвинутым на затылок кепи очень похожий на туркестанских офицеров с картин Верещагина. По должности — один из шести начальников служб, по факту — первый среди равных, поскольку не подчинялся даже заместителям комбрига, по характеру — заядлый преферансист и грамотный выпивоха, настолько законспирированный, что в полку считался трезвенником. И весьма расположенный к Уварову.

— Слушай, Валера, тут такое дело. Получил я вчера предписание из медуправления округа. Предлагают от нашего полка направить офицера для прохождения специальной медкомиссии. Условия — возраст до два-

¹ Сняв с погон звездочки, штабс-капитан превращался в капитана (майор по-нынешнему).

дцати пяти, чин не ниже поручика, ну и соответствующие медицинские показатели. Короче — ты подходишь. Давай я тебя пошлю.

— А зачем? — не понял Уваров.

— Затем. Я ж не дурак, сразу ребятам перезвонил, уточнил задачу. Дело в том, что, похоже, Главштаб Гвардии подбирает людей для какого-то нескудного дела. Или на спецучебу, или для загранработы. А тебе так и так срываться отсюда надо...

— Не выйдет, — безнадежно махнул рукой поручик, пригасил папироску об каблук, перед тем как бросить ее в урну. — «Ямщик» удавится, а меня не отпустит. — «Ямщик» — это была кличка комбрига Гальцева, порожденная его совершенно иррациональной страстью к старинному романсу «Ямщик, не гони лошадей».

— Так в том же и цимес, что вызов — чисто по нашей линии. Главмедсанупр — медсанупру округа — начмеду корпуса, дальше, циркулярно — начмедам бригад. Диспансеризация личного состава, ничего больше. Я тебя своей властью отправлю, на своей машине. А потом доложу рапортчиком в штаб и с концами...

«Шанс, — подумал Валерий, — неизвестно какой, а шанс. Надо ловить, не взирая на последствия».

— Ну а хоть чуть подробнее, Саша? — спросил он на всякий случай.

— Пошли. Доложись ротному, что ощущаешь мучительную боль в левом подреберье, отдающую в сердце и плечо. А также тошноту и изжогу. Что обратился ко мне, а я велел немедленно — в лазарет. Да ладно, я сам скажу...

Жара ощутимо крепчала, поэтому заговорщики ограничились парой стаканов местного сухого вина.

— Ты понимаешь, Валера, — объяснял Терешин, — на самом деле я точно ничего не знаю, но опыт подсказывает. Если команда идет с самого верха и опре-

деленные предварительные условия указываются, какие именно — говорить не буду, потому что бумажка в принципе секретная, так это значит, что набирают людей для серьезных дел. Ты вот на это главное внимание обрати, — капитан назидательно поднял палец, — дело организовано, минуя строевые инстанции. Это ж ведь не просто так. Я пятнадцать лет отслужил, много чего повидал. Если по команде людей отбирать, всегда свой Ямщик найдется, чтобы толковых ребят притормозить. А мы что, мы лекари. Нам их игры — сугобо по хрену. Мы людей знаем и изнутри, и снаружи. Объективно и, как правило, беспристрастно. Для того все и сделано.

Так что, если у тебя сложится, ты меня не забывай. Позвони там или письмишко черкни. Из Африки или из Пентагона. Договорились?

Так все и вышло, как армейский эскулап предсказал.

— С этим, значит, мы решили, — сказал Самодержец, которому всегда доставляло удовольствие благодетельствовать подданных, — а воевать как думаешь?

Новоиспеченный капитан знал как, и предложенный князем план использования отряда ему не нравился.

— Если позволите, Ваше Величество... На занятую моими бойцами и уже подготовленную по всем правилам позицию я бы переместил гренадеров. Простите, — повернулся он к Квашнину-Самарину, — в окопах ваши люди смогут держаться. В маневренном бою — не уверен. Готов оставить им штук пять «Васильков». По уму — двое суток отбиваться можно. Казаков я бы развернул завесой в предполье. Патрулями от оврага до оврага. А моих следует выдвинуть заслоном, параллельно дорогам, километров на пять вперед. Дозоры — еще дальше. Мы же штурмовики-диверсанты, Ваше Величество. Снайперы, контрпартизаны...

Если противник появится, даже весьма превосходящими силами, полдня мы его помотаем среди елок и берез. Выиграем время.

— Стратег, ну, стратег, — восхитился князь. — Вы, господа, что на это скажете?

— Капитан прав, — ответил командир гренадер. — В окопах мои ребята, конечно, устойчивее будут. Сожалею, в поле не воевали. Я — тоже.

Казачьему сотенному перспектива изобразить «завету» тоже показалась удачной.

— Непосредственную оборону поместья организовать силами внутренней охраны. От себя готов выделить полувзвод подпоручика Константинова. Пехотной роты стоит. (Митьке тоже пора звездочек добавить, затосковал парень, хоть и подписал ему Стрельников представление на «Анну» и «Станислава» сразу.)

— И таких людей держим на окраинах, — с наигранным возмущением обратился Олег Константинович к Чекменеву, — в глуши, ротными, а здесь черт знает кто паркет шпорами царапает!

— Нет, ну выдвигаем же, — возразил генерал, — в «печенегих» последнего призыва почти все такие...

— Посмотрим, посмотрим. Живыми выберемся, тогда и начнем считаться. Ужинайте, господа, полчаса у нас есть. Потом прошу по местам. Я утверждаю ваш план, граф. Детали согласуйте с Игорем Викторовичем.

ГЛАВА 16

Захват «центра зомбирования», как его стали называть для простоты, или «Института глубокого нейропрограммирования», что было гораздо точнее, помог несколько прояснить обстановку.

Как и предположил Ляхов-Фест, из трех десятков захваченных инженеров, техников и прочих специалистов шесть человек принадлежали к их миру, ос-

тальные — местные, почти все в разной степени подвергшиеся обработке. Не слишком глубокой, касающейся прежде всего мотивации их работы и обязательства хранить тайну до последней крайности. Но для допроса хватило и настоящих организаторов.

Всех пленников и часть оборудования, соблюдая возможные в этих условиях предосторожности, под усиленной войсковой охраной перевезли на учебно-тренировочную базу отдела «Глаголь», которая была одновременно и основным местом дислокации отрядов «Печенег», и фортом по своим оборонительным возможностям.

Еще в самом начале существования этих структур отцы-основатели чисто эмпирически предположили возможность чего-либо подобного тому, что случилось только сейчас. Не вторжения посланцев иных миров, конечно, но бунтов, выступлений экстремистских элементов, военного путча, попыток центральной власти ликвидировать институт местоблюстительства вместе с московской автономией.

Олег Константинович и его предшественники хорошо помнили историю, которая едва не привела к гибели романовской династии и лишила ее реальной власти. Все началось как раз с того, что ни в Москве, ни в Петрограде не оказалось верных престолу и боеспособных войск, которые подавили бы разрозненные поначалу беспорядки в запасных полках, которым очень не хотелось отправляться из уютных казарм в грязные окопы. Бесчинства поддержали одуревшие и остервеневшие от четырехлетнего безделья матросы Гельсингфорса и Кронштадта, которых поначалу можно было без особого труда привести в чувство. Если бы не положили бессмысленно в Мазурских болотах кадровую гвардию.

Потом пришлось два года мучительно выкарабкиваться из кровавой смуты.

И вот сейчас история словно бы повторялась. Гвардейские дивизии в Польше и на Кавказе, московский гарнизон малочислен и, как стало выясняться, не слишком надежен. Пока известны отдельные случаи неповиновения и перехода на сторону противника, но кто может дать гарантию, что завтра эти явления не станут массовыми? Такие безобразия имеют свойство распространяться, как верховой пожар в тайге.

На этот случай база «печенегов» могла послужить и опорным пунктом, и центром кристаллизации всех здоровых сил. Кремль, конечно, тоже мощная цитадель, да уж больно неудобно расположен. Блокировать его ничего не стоит, прервать сообщение с внешним миром, отрезать, окружить и уничтожить отважившиеся на вылазку отряды.

«УТБ» — совсем другое дело. Уединенно расположена, около квадратного километра территории обнесено бетонным забором противоснарядной прочности. Окружающий лес из плотно стоящих мачтовых сосен и дремучих елей непроходим для любой техники да вдобавок пересечен во многих направлениях колючей проволокой на столбах и опутан спиралями Бруно. Все строения внутри ограды построены таким образом, что фланкируются многослойным огнем из четырех соседних, цокольные этажи каждого жилого дома и служебного корпуса устроены, как ДОТы с продуманной системой амбразур.

Последовательно сменявшие друг друга начальники объекта считали своим долгом продолжать и совершенствовать систему фортификации, благо средств на эти цели всегда имелось в достатке. А курсантам и кадровому составу отрядов постоянно приходилось решать тактические задачи за себя и за вероятного противника. Одни изобретали самые хитроумные способы штурма и осады, другие — фантазировали на темы обороны.

К моменту, когда пришла очередь Тарханова возглавить отряд «Глаголь», виднейшими из доморощенных стратегов было признано, что база (при штатной численности гарнизона) в состоянии продержаться минимум неделю против полностью укомплектованной стрелковой дивизии. Без помощи извне, только собственными силами. Если, конечно, неприятель не нанесет ядерный удар, что теми же теоретиками считалось крайне маловероятным.

Сейчас скоординированного наступления единого и мощного военного организма, каким является стрелковая дивизия со средствами усиления, ждать не приходилось, и вернувшийся к исполнению своих прежних обязанностей полковник Стрельников не испытывал ни малейших сомнений насчет успеха порученного ему дела.

Всю научно-техническую сторону работы взял на себя Максим Бубнов, в распоряжение которого поступили специалисты любого профиля, имевшиеся в составе как боевых отрядов, так и подразделений обеспечения. А там были все — инженеры разных профилей, химики, оружейники, юристы, эксперты в самых неожиданных областях человеческого знания, могущие пригодиться в непредсказуемых эпизодах оперативно-розыскной и диверсионной деятельности.

Крайней удачей можно было считать предусмотрительность, проявленную при перемещении Маштакова отсюда в Кремль. Большую часть оборудования и последнюю, самую усовершенствованную и мощную модель генератора увезли вместе с ним, а вот предыдущие, в том числе и те, что использовались при походе через Польшу, — оставили. Теперь Максиму было с чем работать.

Левашов впервые тесно соприкоснулся со здешними коллегами, и ему было интересно вникать, каким образом функционирует их научная мысль, ну и тех-

★

ническая практика тоже отличалась от привычной. Все же больше семидесяти лет сравнительно независимого развития, пусть и с одного исходного уровня.

Ляхов представил Максиму Олега Николаевича как недавно приехавшего в Москву сотрудника отца и своего старого приятеля, корабельного инженера, увлекающегося электроникой и всем, что с ней связано.

— Базовое образование у меня другое, но так вообще соображаю. Больше, конечно, в судовых системах, хоть это и не принципиально. Что у вас тут?

— Сейчас и будем разбираться. Параллельно. У нас так удачно получилось, что имеем и само «железо», и специалистов по его обслуживанию. Потому особых трудностей не вижу, — потирая руки, словно перед дружеским застольем, говорил Бубнов, прохаживаясь по залу, где уже была расставлена трофейная аппаратура. Подключать ее к сети он пока не стал, во избежание ошибок и возможных хитрых подстраховок.

— Допрашивать как будем, всех сразу или поодиночке?

— Думаю, лучше всего так, — предложил Ляхов. — В соседней комнате ставим верископ, приглашаем пациентов по одному, сначала из первой шестерки. Разговариваем по-хорошему. Не поймут — тогда по схеме. Когда закончим, предложим им запустить свою технику, освободить людей от наложенных программ, а там посмотрим. Будет в них необходимость, используем, нет — передадим в разработку контрразведке. Тем тоже есть о чем поспрашивать.

— Быть посему, — согласился Бубнов. А Левашов в это время уже ковырялся в схемах, используя тестеры и иные инструменты собственного изготовления.

Ничего слишком необычного он в этих конструкциях не обнаружил. Судя по использованным деталям и общей конфигурации они были созданы на нашей Земле в конце XX века, никаких революционных от-

крытий не содержали. Очень приличная техническая культура, десяток-другой блоков не до конца понятного назначения, но это даже без помощников — на день работы максимум.

Другое дело — программное обеспечение. Олег не был ни врачом, ни физиологом и понятия не имел, какие зоны мозга за что ответственны, сигналы каких характеристик и мощности следует на них подавать. Да и не его это забота. Ребята сами разберутся. Он же займется вещами, ему близкими. Генератором.

По приказу Бубнова офицер, имевший соответствующий допуск, провел Левашова в коттедж, откуда исчез в свое время и куда вернулся Ляхов с товарищами. Снял печати с дверей, электрошита, сейфа, где Максим хранил рабочую документацию.

Да, этот аппарат значительно отличался от первой модели, которую Олег видел, когда они с Шульгиным наведывались на пятигорскую виллу Маштакова. Как телевизор «КВН-49» от цветного «Рубина» или «Темпа».

Напряженность формируемого им хронополя свободно позволяла раздвигать текущее время до пределов, за которыми маячило нечто совсем уже непонятное. Наверное, те, кто организовал пробой «оттуда сюда», располагали генератором сопоставимой мощности. И, устраивая взрыв в Кремле, рассчитывали обезопасить себя от контратаки.

Левашов нашел в гостиной бар, с удобством расположился в кресле так, чтобы видеть пульт генератора, входную дверь, оба окна и лестницу на второй этаж. Внезапного вторжения врагов он не боялся, успел убедиться в надежности базы и вышколенности ее гарнизона. Разве только через внепространство. Ну, тут уж ничего не сделаешь. Взведенный «хеклер кох» на тумбочке, под рукой, просто на всякий случай. А пока глоток-другой коньячку, и поразмышляем не торопясь.

...Логически все выстраивалось довольно непротиворечиво. Агрессоры, назовем их пока так, сумев подчинить своей воле кого-нибудь из кремлевского персонала, даже из близкого окружения князя, могли не знать, что генератор продублирован и что Бубнов вполне способен заменить Маштакова. Нет, это они как раз знали или подозревали, отчего и озаботились его похищением одновременно с уничтожением профессора и его детища.

О том, что Маштаков уцелел, они скорее всего до сих пор не в курсе, если только их люди не внедрены уже и в пожарные расчеты. И то вряд ли. Чекменев распорядился до выяснения никого из находившихся в тот момент близко к месту происшествия из корпуса не выпускать.

Гораздо интереснее другое — как вообще взрыв был организован? Вот задачка. Классический феномен «запертой комнаты».

Если бы они располагали каким-то подобием устройства СПВ, вопроса нет. Приоткрыл канал, вбросил бомбу, и привет. Но у них такого устройства нет. Было бы — применили бы не только здесь, но в десятке других мест, с большей пользой для себя и большим эффектом. Да более того, операция закончилась бы, не начинаясь. Рвани полста килограммов хоть тола, хоть пороха в спальне князя, и не нужно больше плести хитроумные комбинации.

Правда, сам Левашов с товарищами к таким неспортивным методикам почти никогда не прибегали, но у них — особый случай. Добровольно наложенные на себя ограничения плюс «нравственный пример» Антона и Игроков.

А кто сказал, тут же задал он сам себе контрвопрос, что у «тех» — иные принципы?

Олег, по склонности души, любил поморализировать, что моментами нарушало гармонию внутри их теплой компании.

Какие мы имеем основания считать, что они — хуже нас? Вдруг это вполне достойные, кристально чистые люди, в данный момент исключительно волею судьбы оказавшиеся на другой по отношению к нам стороне? Да и не к нам даже, а к тем, кого мы в очередной раз посчитали своими сторонниками. Не взяли бы мы защищать Ирину, а Воронцов — помогать Антону, никогда бы не узнали, что агтры — наши враги.

Однако ему хватило здравомыслия тут же себя одернуть. Не то время и не тот случай. Победим или хоть отступим без потерь с оркестром и знаменами, тогда и оценивать будем, кто прав, кто нет. А сейчас — голый реализм.

Можно предположить, что взрыв был организован по нашему каналу СПВ? Теоретически можно. За — тот факт, что все случилось именно тогда, когда Сашка его открыл. Простое совпадение — это именно что слишком уж просто.

А если они еще не умеют создавать собственный пробой, но уже научились подключаться к действующему? Забавно. Похожим образом шел и он сам двадцать лет назад. Только не внедрялся в уже действующий, а подстраивался к его следу.

Нет, не выходит.

За окном вечерело. Вдруг посыпалась с неба жесткая ледяная крупа, застучала по стеклам и жестяным козырькам подоконников. Глядишь, ночью и настоящий снегопад разойдется. Поздняя здесь в этом году осень, никак зима не наступит.

Плунуть бы на все, вернуться домой, сесть у живого огня с хорошей книгой. А где он, дом, может кто-нибудь сказать? В Москве Троцкого, в белом Крыму, в форте на Валгалле, куда никак не удастся выбраться? А если не настоящая Валгалла, так, может, пароход ее имени? Поселиться на нем навсегда, как капитан Немо на «Наутилусе», и дотянуть в комфорте и унылом покое до естественного конца...

Олег докурил третью сигарету.

Ему показалось, что он сообразил, в чем дело. И не только касательно взрыва, а и вообще. Есть, похоже, шанс резко перевести партию в эндшпиль.

Но тут нужны сразу и Новиков, и Шульгин, и Удолин, и Маштаков.

Задействовать, что называется, все резервы, и технические, и мистические. Вместе с профессором, сосредоточив достижения трех цивилизаций, нашей, этой и аггрианской, наладить очередной локатор для выяснения точек прогибов и пробоев из «бокового времени» сюда и из нашего в «боковое». Прямых, если таковые были, — тоже. Нанести их на планшет. Выбросить десантно-штурмовые группы для блокирования.

Перед Удолиным поставить задачу — как по его методике вычислить или запеленговать зоны группировок уже вторгнувшихся сюда боевиков. Должна же быть разница в ментальном фоне? Предъявить ему для сравнения местных жителей обычных, зомбированных и «наших». Когда-то, по заказу Агранова Константин Васильевич довольно легко определил «нездешнюю» сущность Новикова с Шульгиным. Должен справиться.

А главное — эта идея показалась Олегу весьма перспективной, рассчитать, как поднастроить генератор Маштакова — Лихарева, чтобы мгновенным броском напряженности просто спалить контуры вражеских аппаратов, где бы они ни располагались, в этой Москве или той.

Он только собрался снять трубку аппарата, как телефон зазвонил сам.

ГЛАВА 17

Допросить нескольких человек сначала по общему листу протокола: фамилия, имя, отчество, прочие установочные данные, а потом по сути «предъявленного

обвинения» ни Ляхову, ни Бубнову не представлялось трудной задачей. Другое дело, она может занять слишком много времени. А в нынешних обстоятельствах это рискованно.

Стоит только представить — прошедшие обработку персонажи, вплоть до занимающих самые высокие ключевые посты, сейчас ведь времени не теряют. Раз программа запущена по экстренному плану, да еще противник (то есть мы), отнюдь не деморализован и тоже перешел к активному противодействию, они наверняка введут в бой все свои силы и резервы. Как немцы в сорок первом, убедившись в том, что первый, парализующий удар не достиг намеченной цели.

И, значит, пока мы будем выяснять, кто зомбирован, какую роль исполнял и исполняет, где сейчас находится и тому подобное, обобщать полученную информацию, передавать ее руководству, имеющему право принимать директивные решения, а оно, в свою очередь, вырабатывать стратегию и тактику противодействия, можно опоздать навсегда.

Значит, нужно действовать «с колес», как в армии говорится.

Ляхов набрал номер Сергея, доложил ему свои соображения.

— Правильно мыслишь. Сейчас там у вас Стрельников старший и может действовать по своему усмотрению. Переговори с ним. И пусть по мере выявления замешанных и причастных тут же высылают опергруппы. Он в этих делах мужик опытный, его учить не надо. А ты, надеюсь, понимаешь, что в случае чего вам с Максимом отвечать на всю катушку?

— Меня уже Чекменев пугал, да не напугал. Ответим. За все, кроме эксцессов исполнителя, — Вадим действительно не видел большой беды, если по ошибке кому-то придется под замком посидеть — ничего страшного на фоне всего остального. Он на себе испытал — вполне переживаемо.

— Пусть только Стрельников своим ребятам скажет — стрелять на поражение в самых исключительных случаях. Салаг необученных пусть не посылает...

— За это как раз можешь не беспокоиться, необученных у нас не осталось... Выбыли путем естественного отбора.

— Машинка готова? — спросил он Максима, закончив разговор.

— Так точно, пары разведены, давление в норме. Можно начинать движение...

— Тогда я начинаю артподготовку. А ты постарайся выглядеть как можно суровее. Помнишь Джека Лондона, «Неизбежность белого человека»? Чтобы в одном твоём мизинце было больше неизбежности, чем во всем их институте!

— Кого учишь? Я только представляю, как с пластырем на морде сидел, а вокруг «шумел, гремел пожар московский», вид тот самый делается.

Вадим прошел в комнату, где под надзором трех офицеров с автоматами ждали «страшного суда» земляки и соотечественники Феста. Он уже и сам привык так называть своего двойника. Действительно удобнее, чем любое другое описательное именование. Хорошо, если бы и он принял участие в «собеседовании», пока назовем именно так предварительный этап. Допрос будет позже.

Шесть человек, все мужчины, в основном средних лет, выглядят, как и положено ученым людям, вполне интеллигентно. Четверо в лабораторной одежде, двое в обычных костюмах. Встреть их Ляхов поодиночке, вряд ли сразу заметил бы разницу. А собранные вместе — отличались от «аборигенов». Неуловимо, но отличались. Эту разницу Вадим отмечал и раньше, просматривая в гостях у Шульгина исторические фотопальбомы, художественные и документальные фильмы.

Генотип, он себя показывает. В том мире подавляю-

щая часть даже образованного населения в первом, втором поколении — выходцы из крестьян. Дворян потомственных или разночинцев, но у которых за спиной не только свои, но и дедов-прадедов университеты — единицы. Вот это и бросается в глаза.

Держатся внешне спокойно, но нервничают, конечно. А кто бы не нервничал? Много курят, в этом им ограничений не было, в табаке и в чае. Как с остальным — от поведения будет зависеть.

Кажется, кое-кто из задержанных его узнал. Естественно, Фест там вел себя согласно роли, трудно не запомнить такую колоритную фигуру, попавшуюся на глаза в переломный момент жизни. Может, сгоряча и прикладом кому поддал, по шее съездил.

Хорошо, я буду сама рафинированность и корректность, для контраста.

Поздоровался вежливо, сел в угловое кресло, которое ему споро освободил поручик охраны. Жестом показал присутствующим, чтобы придвигались поближе.

— Господа офицеры, — попросил «печенегов», — продолжите несение наряда по ту сторону двери. Будет нужно, я позову.

Передвинул кобуру «адлера» ближе к пряжке поясного ремня, расстегнул.

— Если что, сам управлюсь.

Постукал мундштуком папиросы по крышке портсигара. Помолчал, повышая градус внутренней тревоги пациентов.

Решив, что достаточно, представился флигель-адъютантом полковником Половцевым. Коротко, мягким голосом объяснил, что в Москве с сегодняшнего дня введено осадное положение, из чего вытекают некоторые особенности следствия и судопроизводства.

— Да вы и сами знаете, как это выглядит. В вашем нынешнем положении — особенно. Гражданами нынешней Российской Державы никто из вас не является, значит — иностранные диверсанты или наемники.

К названным категориям отношение во всех цивилизованных странах примерно одинаково. В нецивилизованных — тем более. Мы себя к цивилизованным причисляем, почему я и счел необходимой эту беседу.

Вы здесь все люди ученые, я тоже не из солдат выслужился. Значит, друг друга пойдем. В моем распоряжении имеется устройство, близкое по идее к тому, что вы здесь эксплуатировали. Только работает с обратным знаком. Вы умеете людям внушать что-то, мы — извлекать информацию, в том числе и внушенную. Наверное, в силу разного исторического опыта мы от вас технически отстали, потому наш процесс сопровождается выраженным болевым синдромом.

Проще говоря, тот же «полиграф Киллера»¹, как это у вас называется, но каждое несовпадение сказанного с подразумеваемым сопровождается импульсом в крайне чувствительные нервные узлы. Самое же гуманное в этом приборе, называемом «веримейд», — переводить никому не надо? — он не касается центров, отвечающих за жизненно важные функции организма. Тоже понятно? Приятно иметь дело с культурными людьми. На этом вводная часть закончена, — сказал он, гася недокуренную папиросу. — Начнем прямо сейчас. Крупный специалист-невропатолог ждет нас в соседней комнате. Полные, точные, своевременные ответы на вопросы не вызовут у испытуемого ни малейших неприятных ощущений. И существенно повлияют на его, в некотором роде «карму». Поскольку теорема об особой подсудности имеет и обратную сторону. Нет гласного суда, нет и признанной вины, тем самым и наказания.

Ляхов видел, что его почти экспромтный монолог произвел впечатление даже большее, чем он рассчитывал. Не столько тем, что устрасил сидящих перед ним людей. Он просто деформировал сложившуюся у

¹ Он же — «детектор лжи», по имени автора.

них картину окружающего мира. Когда их нанимали на эту работу, то непременно использовали подходящую именно для этой категории специалистов легенду. Для боевиков-украинцев свою, для танкистов — свою. Высоколобым интеллектуалам, освоившим тайны нейролингвистического программирования, потребовалось, безусловно, нечто более изысканное. А он своей речью вышел за предусмотренные организаторами рамки.

Некоторые начали перешептываться, едва шевеля губами, как студенты на экзамене, один мужчина в очках, с высокими залысинами, глядя в пол, громко хрустел пальцами. Но на каждом лице выражение и мимика отличались от тех, что были, когда Ляхов вошел.

— Извините, господин полковник, — по-школьному поднял руку человек, который и при ограниченном количестве участников беседы ухитрился оказаться позади других.

— Говорите...

— Ваши слова следует понимать так, что при активной помощи следствию можно рассчитывать на прощение и свободу?

— Примерно это я и имел в виду. Только нужно постараться, чтобы помощь была и активная, и действенная...

— Постараемся, — кривовато усмехнулся мужчина и сел.

— Без «веримейда» обойтись нельзя? — спросил другой, на вид поваляжнее, куда более уверенный в себе. — Если мы дадим слово говорить правду и без него?

— Нельзя, — ответил Ляхов, словно исполняя театральный этюд «Рад бы, но не могу!» на сцене мхатовской студии. — А бояться-то вам чего? Образованные же люди. Я объяснил, в мозговые структуры он не вклинивается, мыслей не читает, импульсы подает только по периферии. Худшее, что вас может ожидать

при высокой степени лживости — болевой шок. Но с этим мы справляться умеем. У нас даже дефибриллятор под рукой...

Очень обнадеживающе Ляхов это сказал. Врач все-таки.

— Начнем с главного по должности и званию. Кто? Встаньте, представьтесь.

Встал как раз тот, кто хрустел пальцами.

— Доктор медицинских наук Затевахин Леонид Андреевич, заведующий лабораторией НИИ, — он произнес достаточно длинное и сложное наименование, которое показалось Вадиму неожиданно знакомым.

— Ну вот и пройдемте, Леонид Андреевич, для почины, а вы, господа, пока восстанавливайте в памяти все, что до вас касается, чтоб неожиданных сбоев не случилось.

— Смотрите, Максим Николаевич, коллегу я вам привел, — сделал радушный жест Ляхов. — Доктор наук и как раз по вопросам высшей нервной деятельности, информатики и, похоже, нейролингвистики...

— Солидно. Примите уверения в полной к вам благорасположенности... Начнем, что ли?

— Подожди. Один вопрос Леониду Андреевичу, а уже потом... Вы, доктор, давно в своем институте работаете?

— С самого начала, а какое это имеет значение?

— Ответ некорректный, имейте в виду, веримейду это может показаться ложью. С начала чего? Существования института, вашей жизни или трудовой деятельности?

— Последнее, конечно. Окончил Первый медицинский и поступил в аспирантуру при институте.

— Год?

— Восемьдесят второй. Какое это имеет...

— Думаю, имеет, — перебил его Ляхов. — Подожди, Максим, с датчиками. Поговори с коллегой на общие темы, а я сейчас...

Когда он проходил подготовку у Александра Ивановича, тот во время случавшихся бесед на вольные темы упоминал и о своих прошлых трудах на ниве медицины. Вадиму интересно было послушать, как это происходило «при советской власти». Программы обучения, система здравоохранения, оклады-жалованья и тому подобное. Помянул и институт, в котором работал последние тамошние годы.

Как только Затевахин назвал свою должность, Ляхов тут же и вспомнил.

Если они знакомы, сюжет приобретает совсем новую интригу.

Хорошо, что Шульгин оказался в пределах досягаемости.

— Имею интересное сообщение, Лексанваныч. Вам фамилия «Затевахин» ничего не говорит? Леонид Андреевич.

— Постой, постой. Да, конечно. Аспирант. У Гилевича числился, у нас тоже крутился постоянно. Старательный, должен был в срок защищаться. А к чему... Все, понял! Он у тебя сейчас?

— Именно. Так не подскочите ли повидаться? Глядишь, разговор легче пойдет.

— С удовольствием бы. Только я как раз сейчас с Новиковым договорился... Ладно, бог с ним, нам тут проще. Садись в машину и гони сюда, на Столешников. Канал открывать не буду, и не проси. С ним как раз проблемы и возникли.

Не самый удобный вариант при нынешних обстоятельствах, да другие ведь не лучше. Если выйдет у Шульгина разговор с коллегой, выигрыш и в качестве и в темпе получается солидный. Машиной, если поднажать, минут за сорок успеем. На разговоры — полчаса. И можно Тарханову докладывать, и Стрельникову задание выдать. Бубнов пусть сразу переходит к технической стороне. Как программировать, как заклятье снимать.

Виктор Викторович немного посомневался, однако спорить не мог, Ляхов в данном случае выходит главнее. И сам Тарханов сказал, что вся ответственность — на нем. Пусть и выслуживается. Или, наоборот, как сумеет. Спецавтомобиль, троих офицеров сопровождения — пожалуйста. Только — расписочку попрошу, Вадим Петрович, уж не обижайтесь.

Ляхов расписку подмахнул, не думая. Семь бед — один ответ.

Как договорились, Фест с бронетранспортером встретил Секонда на полпути. И поддержка, и очередной виток игры на подменах. Пока Шульгин в присутствии первого с коллегой будет разговаривать, второй проскочит в Кремль к Тарханову, своими глазами обстановку оценит, прозондирует, как Сергей отнесется к его кратковременному визиту на КМВ. Не девушек проводить, конечно, поучаствовать в акции «Лихарев». Пора уже выдать начальнику управления очередную порцию информации.

До Столешникова доехали вместе. Секонд убедился, что за Затевахиным закрылась надежная, отсекающая все от всего дверь, велел водителю гнать в Управление. Не спеша и не переулками, а прямо по Тверской. Посмотреть, что в центре делается. И риска меньше, в узком переулке гранату из окна свободно кинуть могут, мину под колеса из подворотни сунуть.

Встреча со старым знакомым у Шульгина вышла не такая теплая, как у Новикова со своими, не тот был тогда уровень отношений. Желторотый аспирант и авторитетный научный сотрудник, о котором ходило много слухов и апокрифов. Зато и играть Сашке не пришлось. Какая игра? Само место встречи ее исключало.

Затевахин не понимал, что случилось, что он такого

неудачно сказал, отчего вежливо-грозный полковник сломал схему допроса, в величайшей спешке велел усадить в тесный автомобиль, где с двух сторон в ребра ему упирались жесткие стволы, и приказал водителю мчаться сломя голову.

Всю дорогу анализировал и ни к чему не пришел. Фамилия, ученое звание, место работы. Год поступления в аспирантуру. Вот и все. Какое это может иметь значение для людей другого мира? А если не другого?

Этот полковник явно отсюда, тут не ошибешься. И речь, и форма, и манеры. Благополучные люди сверхблагополучного мира. Выходил Леонид Андреевич несколько раз в город, видел. В нашей Москве кое-что и покруче, так не для всех, далеко не для всех. Спросил он как-то у приставленных к нему для помощи коллег, сколько у вас платят профессору с кафедрой такой же специальности? Как сказали, злость охватила. Приятели, что словчились в Штаты и в Германию сорваться, и там меньше получают.

Какие же к нам претензии, если другого применения «на родине» не нашлось? И от кого? Не на чеченцев работаем...

И вот тут его дернуло изнутри.

Если нас привезли сюда, то также могут забрать обратно. Но кто? И с какой статьей обвинения? Здешнего гуманизма от своих не дождешься...

Провели его вежливые офицеры в богатый подъезд красивого дома известного переуллка. Здесь он (переулок) выглядел куда лучше, чем в последний раз, когда по нему проходил Затевахин. Напоминал своей забытой красотой впечатления раннего детства. Но оценивать и сравнивать некогда.

Место очередного допроса (а чего же еще ждать взятому с поличным пособнику «врага») выглядело не в пример пристойнее предыдущего. Роскошно выглядело, прямо сказать.

Ожидавший его господин слегка приподнялся из-за

действительно заслуживавшего такого названия письменного стола. За таким и должно работать уважающему себя ученому. Успел их застать, уходящее поколение, Леонид Андреевич. Ни тебе компьютеров, ничего суетного. Книжные шкафы и полки со всех сторон, а на зеленом сукне стола только чернильный прибор и стопка бумаги. Справочники — на двух вертящихся этажерках. И плотные шторы на окнах. Запах кожи кресел и дивана, паркетной мастики, дорогого табака.

Живут же люди!

И он бы хотел так жить. Не в той России, там уже не получится, и не на Западе, а если бы здесь суметь остаться...

— Здравствуй, Леня, — сказал хозяин кабинета и чуть скривил губы знакомой всему тогдашнему институту обаятельной ухмылкой. Лаборантки и мэнээски от нее *тащились*, утверждая, что Александр Иванович — вылитый Марчелло Матроянни из фильма «Развод по-итальянски». — Помнится, когда уже не было возможности воровать казенный спирт, ваша аспирантская кодла пробавлялась дешевым портвейном из «сорокового» гастронома. Здесь такого, увы, нет. Но могу предложить настоящий, португальский. Или чего покрепче?

У Затевахина в буквальном смысле отвалилась челюсть.

Будто встретил в темном коридоре института привидение умершего двадцать лет назад хорошего знакомого.

«Узнал, значит, по одной фразе, — подумал Шульгин, — и в лицо, несомненно. Дюма в своем романе допустил почти единственный психологический прокол. Не бывает так, чтобы человек за полтора или два десятка лет изменился неузнаваемо. Без капитальной пластической реконструкции. Впрочем, тезку винить не за что. Литература XIX века чуть не наполовину по-

строена на этом нехитром приеме — неузнаваемости и неузнанности. А может, тогдашние люди на самом деле плохо умели распознавать индивидуальные особенности? Надел полумаску — и вытворяй, что хочешь. Надо бы на досуге заняться этим вопросом...»

— Перепугался, что ли? Неприлично, особенно тебе. Серьезными делами занимаешься. Или — как раз поэтому? Живой я, как видишь. Однако финт судьбы изящный, не поспоришь...

— Александр Иванович... На самом деле вы! Каким образом? Вас же официально признали умершим по прошествии положенного времени. Уехали в Ленинград и пропали без вести. Так и сочли, что убили вас...

— Поторопились, как видишь. Маршак, по-моему, давным-давно писал: «Покойник был такой разбойник, такой мошенник, вор и плут, что смерти вы его не верьте, куда трупа не найдут». По другому поводу, но тематически близко. В милиции явно принцип Оккама не чтят. Что вероятнее — побег в Финляндию или безмотивное убийство?

— Да по тем временам второе, пожалуй, — ответил, постепенно приходя в себя, Затевахин.

— Это смотря касательно кого, — глубокомысленно заметил Шульгин. — Тут, наверное, супруга моя подсуежилась. Ты о ней ничего не слышал?

— Слышал, конечно. В институте о вас много лет вспоминали...

— Ишь, ты!

— Зря удивляетесь, человек вы были легендарный. И жена ваша забыть не давала, все бегала в дирекцию и профком, справки всякие выправляла, материальную помощь...

— В размере суммы на казенное погребение и памятник?

— Побольше, наверное, вышло, она женщина упорная, хваткая...

— Да, не отнимешь. И все же что с ней сейчас? Актриса, как-никак, должна на слуху быть...

— Была. А когда театр их развалился, она в группу непримиримых вошла, на митингах перестроечных мелькала с пламенными речами, вроде комиссарши оптимистической¹. И пропала. Говорили, на Запад слиняла.

— Вполне в ее стиле. Дай бог удачи. А на вопрос мой основной так и не ответил — чем тебя угостить?

— Виски нету?

— Любое. Употребим за счастливую встречу, и начнешь ты мне, как старшему товарищу, отвечать на бестактные, в том числе и риторические вопросы. Ты даже не представляешь, как тебе повезло. Эти княжеские приспешники — страшные люди. Они б тебя досуха выжали, а что осталось — на веревочку вялиться повесили...

Шульгин очень натурально передернул плечами.

— Мне показалось — вполне культурные люди, — растерянно сказал Затевахин.

— Только в нерабочее время. А так...

— Как же вы с ними в одной команде оказались? И вообще, как в этот мир попали, в качестве кого? Вы для них, я смотрю, вроде как большой авторитет. И это все, — он обвел рукой кабинет.

— Раз мы с тобой земляки и почти ровесники, отвечу весьма популярной фразой из фильмов нашей молодости: «Вопросы здесь задаю я!»

Никто из них, похоже, не обратил внимания, как интересно, вроде бы сами собой, у них выстроились отношения. Не в том даже дело, что один сейчас — пленник с неопределенным статусом, а второй — оче-

¹ Намек на главную героиню спектакля (и фильма) «Оптимистическая трагедия». Женщина-комиссар от большевиков на Балтфлоте. Подразумевалась Л. Рейснер. Самая знаменитая исполнительница роли — Алла Демидова.

видным образом хозяин его судьбы. С первого момента Леонид Андреевич как должный принял расклад двадцатилетней давности: аспирант и кандидат наук, зам начальника лаборатории. И обращение — один на «ты», другой на «вы». При том, что сейчас путем сложных пересчетов Шульгин определил старшинство Затевахина в возрасте лет в шесть-семь. Но тот, кажется, этого не заметил, хотя на пятьдесят Александр явно не выглядел.

— А чтобы это не смотрелось слишком грубо, коллеги все же, добавлю — пока. Закончим дело, вернемся к приватности. Или — нет, в зависимости от результатов. Полковник никуда не делся, сидит на кухне и пьет чай. Другого нельзя, служба. Итак, вспомним вульгарную¹ латынь — «ab ovo usque ad mala»².

Раз ты в межвременные наемники подался, то я — межвременная полиция. Популярная в фантастике тема. Вот и давай, колись по полной. Поможешь — вернем домой и сто тысяч золотом в знак милости от здешнего князя. А на нет и суда нет, есть особое совещание.

Временем мы располагаем, так что можно с подробностями, только далеко в стороны не уклоняйся.

Тут Шульгин был совершенно прав. Он уже научился самостоятельно включать квартиру на режим «нулевого времени» и мог заниматься с клиентом сколько угодно долго, не опасаясь, что «за бортом» что-то успеет случиться. Ни Секонд до Кремля не доедет, ни Бубнов с Левашовым свою часть работы не закончат. Заговорщики, само собой, тоже словно бы замерли в «стоп-кадре»...

¹ Вульгарная — в смысле «простонародная», в отличие от «золотой» латыни, языка философов и поэтов.

² Букв. — «от яйца до яблок» (у древних римлян обед начинался с яиц и кончался фруктами), т. е. — с самого начала и до конца.

Поначалу история Затевахина ничего особенного и сверхъестественного собой не представляла. Перестройка, новые времена, катастрофическое снижение финансирования на фоне инфляции. Плавная деградация института. Кто из сотрудников в практическую медицину подался, кто в шарлатанскую, кто в мелкий бизнес. Остались только самые упертые в своих темах, те, кому идти было абсолютно некуда, а то и просто не хотелось менять привычный образ жизни.

Кое-что все-таки платили, шабашки подворачивались, директор проявил себя человеком порядочным и в то же время гибким. Затевахина поставил замом по науке, а сам крутился между министерством, мэрией, правительством, думами, государственной и городской, какими-то бизнес-структурами. Несколько грантов приличных вырвал у Сороса или кого другого. В общем, жили и выжили.

Леонид же Андреевич продолжал свои изыскания в области высшей нервной деятельности. Много тогда ходило в прессе и в политических кругах баек насчет нового страшного оружия, с помощью которого империалисты и Мировая Закулиса уничтожили могучий Советский Союз. Пресловутого «нейролингвистического программирования».

Затевахину тема была близка, и не на базарном уровне газет «Завтра» и «Совершенно секретно», а по-настоящему. Теоретическую базу он довел до ума уже к девяносто седьмому году. Теперь требовались солидные деньги для перевода исследований в стадию практической реализации.

При этом он вполне понимал как ценность, так и опасность своего открытия. Особенно в нынешних российских условиях.

Но какого настоящего ученого останавливали абстрактно-гуманистические соображения? Если можно сделать — нужно сделать. Что дальше — видно будет. Проблемы следует решать по мере их поступления.

(Шульгин подумал, что все они тут одинаковы, и ученые, и не очень. Левашов, Маштаков — придумали свои игрушки, и случилось то, что случилось. Он сам и Андрей ничего не изобрели, но как только поняли, что умеют нечто «не совсем человеческое», тоже соблазна не избегли, а главное — не стремились его избегать. Совсем наоборот.)

Ничего не оставалось Затевахину, как обратиться к директору.

Тот хоть и был специалистом совсем в другой области, быстро разобрался и в сути вопроса, и в «непредсказуемых последствиях», как любят сейчас выражаться люди, прямой обязанностью которых является именно предвидеть и предсказывать результаты собственной деятельности.

Побеседовали они вполне плодотворно, и деньги директор нашел, приняв, естественно, необходимые меры предосторожности в рассуждении «утечек» и несанкционированного разглашения. А также и для обеспечения собственных интеллектуально-финансовых интересов.

Два следующих года ушли на изготовление, отладку, клинические испытания изделия «ГНП»¹.

Эффект полностью соответствовал гипотезе исследования. Практически любому человеку без предварительной подготовки можно было внедрить в сознание и подсознание программу поведения почти любой степени сложности, причем изюминкой идеи было то, что она не отторгалась высшими структурами личности как неприемлемая. Подобным образом некоторые химические вещества и вирусы «умеют» встраиваться в организм, не привлекая внимания иммунной системы.

Программы могли быть частными и общими, однократными или рассчитанными на определенный срок,

¹ Глубокое нейропрограммирование.

после чего автоматически стирающимися, а также и окончательными, пожизненными.

Дальнейшего Шульгину объяснять не требовалось, поскольку лежало в русле его представлений. Он только с чувством легкой печали подумал, сколь же изощренно-изобретательное существо — хомо сапиенс. Только на протяжении пяти последних лет Сашкиной жизни появились СПВ Левашова, генератор Маштакова, иного типа генератор Лихарева, «верископ-веримейд» Бубнова—Ляхова. Теперь бывший сослуживец такую чертовню создал.

Так это ведь только то, о чем мы знаем, с чем столкнуться придется. А в каких конурах, подвалах и научных центрах трудятся непризнанные гении над вечными двигателями, сухим бензином, карманными сигмаде-ритринитаторами¹ и безвредными для здоровья витаминизированными наркотиками?

Кончать со всем этим надо! Учинить в двадцать пятом году грандиозную техническую контрреволюцию, раз и навсегда (ну пусть на срок собственной жизни) остановиться на достигнутом. А книгочеев (вне пределов специально устроенных резерваций) к ногтю, как в Арканаре.

— Пожалуй, вступление слегка затянулось. Давай к делу. Адреса, пароли, явки. Кто тебя завербовал, как, каким путем сюда переправил? Какое задание, общий смысл операции...

— Какие у меня адреса и явки, откуда? Дело я свое сделал, пришло время подумать о патентовании. Я тут совсем не спец, обратился к директору, посоветоваться. Он мне в деликатной форме объяснил, что я или совсем дурак, или умело прикидываюсь. Какие патенты? Пока изделие в наших руках, и оно и мы чего-то стоим. А как только, так сразу... Сиди и молчи, я сам придумаю, что делать. И выдал премию, по моим об-

¹ См. «Возвращение» А. и Б. Струтацких.

стоятельствам — роскошную. Зеленым налом, без всякой ведомости.

— Очень правильно поступил. И что потом?

— Потом, через месяц, кажется, а то и раньше, сообщил, что кое-что наклеывается, есть фирма, заинтересованная товаром. Я, разумеется, спросил, о чем речь? Продавать — я не согласен. И если без меня вздумает — ничего не выйдет. Программы переводить в нужные импульсы только я умею, процесс происходит непосредственно в присутствии пациента, аппарат настроен на мои ментаритмы. Если меня устранить — останется только железо. Если заставить работать под дулом пистолета, я в состоянии перепрограммировать любого в радиусе прямой видимости...

«Дельно, — подумал Шульгин, — Ляхов с Бубновым примерно те же меры принимали».

— Сработало? — спросил он.

— Нормально сработало. Рисковать — себе дороже, так что машина — только в комплекте с хозяином. Обижать меня нельзя, как и нервировать, допустимо исключительно холить и лелеять...

— Тогда не понимаю, для чего тебе персонала три десятка? Раз все на тебя замкнуто...

— Мое ноу-хау. Я придумал, как дистанционно ставить и снимать блокировку с аппаратов. Теперь в определенных условиях работать на них может любой достаточно подготовленный оператор, но только, скажем, час или два, как поставлен таймер. Время вышло — вырубается. Глухо.

— Пароль доступа из тебя выбить можно?

Затевахин злобно рассмеялся.

— Никким образом. Все здесь, — он постучал себя по лбу. — И наложено на альфа и прочие ритмы. Только прямая команда от меня каждому аппарату.

— То есть ты жив, пока твои услуги востребованы. Минет нужда — шлепнут...

Леонид Андреевич скорчил постную мину.

— Фатум...

— Хреновата ваша вата, сквозь нее проходит дым, — вспомнилась вдруг странная по общему смыслу, но вообще-то уместная почти на любой случай присказка давнего приятеля. — А наши ребята, которые сейчас с твоими помощниками занимаются, что смогут из них выколотить?

— То же самое. С техникой разберутся, с программами — у которых срок не вышел. И точка.

— Да и не очень хотелось. Живы будем, вместе посмотрим. Нет так нет. Нам твоя штука в принципе не нужна. Разве из любопытства. Другое интересно — что за фирма товаром заинтересовалась?

Шульгин умел выстраивать длинные цепочки вроде бы и посторонних рассуждений, а в конце резко возвращаться к исходной точке. Часто это приносило желаемый эффект. И Затевахин, настроившийся на другую волну, словно бы ткнулся лбом во внезапно закрывшуюся дверь.

— Если бы я знал. Очень солидный представитель, а может и сам гендиректор в кабинете сидел, не из ФСБ, не иностранец, не из братков, культурный и образованный человек, нашего круга. Мог бы и за учебного сойти, но скорее менеджер высшесредней руки. С полным пониманием выслушал мои, по сути обстоятельств туманные речи, спросил, в какую сумму я оцениваю свои услуги. В чем, спросил я в ответ.

— В программировании определенного количества людей по предложенной нами установке.

— Тема? — спросил я. — Вы же понимаете, Александр Иванович, на убийство президента или повторение «Норд-Оста» я ни за что не согласился бы. Я хорошо отношусь к деньгам, но...

— Это правильный подход, — одобрил Шульгин. — Причем, что самое смешное, рациональный. Польстишься на десять тысяч — легко пролетишь. Заложись на миллион — шансы возрастают. Как нас

учили на кафедре политэкономии, где и ты сдавал кандидатский минимум¹? «Деньги—товар—деньги» и «процесс самовозрастания капитала».

— Ну и память у вас, Александр Иванович. Я уж забыл.

— А плодами пользуешься. Итак?

— Господин, представился он Медведевым Юрием Михайловичем, ответил, что мою позицию понимает, но к настоящей жизни его предложение не относится...

— Так и сказал?.. — несколько матерно удивился Шульгин.

— Совершенно так. После чего добавил многое, что я воспринял только потому, что еще в школе читал «Патруль времени» Андерсона. И «Фантастическую сагу» Гаррисона.

— Не удивился, значит?

— Чему удивляться, когда при мне Советская власть рухнула, а я сам изобрел такое...

— Молодец. Здоровая психика. Как он выразился конкретно, постарайся воспроизвести.

— Стараться незачем, прекрасно все помню. Так и сказал: существует рядом с нами, и даже одновременно с нами в том же пространстве параллельное время, в котором история развивается по другому направлению, хотя основные реалии схожи. А поскольку известно, что одно и то же место два объекта занимать не могут, но все-таки занимают, это является причиной многочисленных парадоксов и у нас, и у них.

Привел несколько примеров, достаточно убедительных. Еще он добавил, что процесс не может быть бесконечным, рано или поздно массив парадоксов перей-

¹ Кандидатский минимум — экзамены, которые полагалось сдать претендующему на защиту диссертации. Специальность, иностранный язык, а главное — «Основы марксизма-ленинизма». После сданных в институте 5 экзаменов по этому предмету — еще раз то же самое, но в двойном объеме.

дет критический уровень и разразится вселенская катастрофа.

— Конец света попросту, — вставил Шульгин.

— Да-да, я точно так и подумал, вспомнил адвентистов, иеговистов и прочих проповедников этого толка. Приходилось встречаться. Одна разница — те под эсхатологическим предлогом выманивали у людей деньги и имущество, а господин Медведев — предлагал. Существенная деталь. Далее он сообщил о существовании специальной организации, миссия которой — предотвратить грядущую катастрофу...

— Плагиат, — буркнул себе под нос Шульгин, а вслух спросил, не было ли речи, частная организация, государственная или интернациональная.

— Скорее интернациональная, глубоко законспирированная, что понятно. Страшно вообразить, что началось бы в мире, заяви одна из держав, будто собирается учинить межвременную интервенцию. Куда там иракской или югославской проблемам. А тут нечто вроде «Союза озабоченных гуманистов», имеющих возможность избавить мир от гибели, не привлекая внимания общественности, не требуя ни славы, ни награды...

— Весьма возвышенно. И как?

— Да совершенно так же, как в упомянутых мной произведениях. Направить в тот мир достаточное количество подготовленных людей, которые точечными воздействиями изменят вектор его развития настолько, что он больше не сможет вредно влиять на наш. Обе Вселенные заживут каждая своей, независимой жизнью. Способы перемещаться через межвременной барьер у них есть. Программа необходимых изменений — тоже. Не хватает исполнителей. Невозможно в исторически короткий срок найти сотни людей, способных понять и правильно воспринять суть задачи, с должным интеллектуальным развитием и профессио-

нальными качествами, пригодных к ювелирной работе в чужой реальности...

— Очень мудро сказано, — согласился Шульгин. — А случайно такого сравнения не промелькнуло, с двумя поездами, несущимися навстречу? Что остается последний шанс развести стрелки и сделать это можете только вы? Организация в целом, я хочу сказать...

— Знаете, Александр Иванович, — слегка удивленно сказал Затевахин, — промелькнуло нечто подобное. Не ручаюсь за дословность, но, кажется, было. Не помню даже, сам ли Медведев такой пример привел или директор, время от времени вступавший в разговор. Вы сейчас сказали, и я вспомнил... Но вас ведь там не было...

— Дедукция. Или индукция, вечно путаю. Одним словом, теперь мне ясно почти все. Дальше говорилось, что ваше изобретение — тот самый шанс и есть. Что с вашей помощью они подготовят необходимый контингент количественно и качественно, переправят их сюда. «Волонтеры» создадут плацдарм, на него примут вас с помощниками и оборудованием. И так далее. Правильно?

— Совершенно правильно, Александр Иванович. В самую точку... Но из ваших слов, действий, мимики даже — я делаю вывод, что на самом деле все обстоит иначе, чем излагалось мне?

— Настолько иначе, что совсем наоборот. Налицо акт агрессии из еще более потустороннего мира, чем вы увидели здесь. Сначала вашими руками и руками вам подобных намечено нанести парализующий удар (как оса-наездник втыкает жало в нервный узел жертвы, оставляя ее живой, но беспомощной) по реальности «2005». Затем, «приведя ее к покорности», колонизировав в определенном смысле, сместив вектор развития в нужную сторону, развернуть фронт на сто восемьдесят градусов, обрушиться на нас. Очень похоже, кстати, на гитлеровскую стратегию в тридцать де-

вятом — сорок первом. До последнего пользоваться нашими ресурсами, а потом — «блицкриг».

— Не вижу смысла. Если они уже у нас успешно освоились...

— Разные вещи. Вообще, ликбезом займемся в другой раз. Сейчас вопрос ребром — согласен перейти на нашу сторону, не за страх, а за совесть? Или?..

— Как будто у меня есть выбор...

— Верно замечено. Тогда пойдем.

— Далеко ли?

— В соседнюю комнату. И начинай вспоминать, когда, где, сколько людей обработали, кому какие схемы всаживали. Сможешь?

— Тут мочь нечего, на хардах все записано.

— На тех машинах, что мы взяли?

— И на тех, и на других, в нашей Москве.

— Держи телефон, сейчас я тебя с нашим инженером соединю, объяснишь, как данные скачать.

ГЛАВА 18

Отпущенные Олегом Константиновичем после ужина офицеры спустились вниз и присели на скамейке недалеко от главных ворот. Чекменев остался при начальстве.

Как положено, закурили, присматриваясь друг к другу. Вернее, присматривались к Уварову, остальные так или иначе были знакомы. Старшим по чину да и по должности был Миллер, войсковой старшина¹ и с недавнего времени — флигель-адъютант. Еще не удостоенный титула «царский спаситель», вроде пресловутого Комиссарова², но это как бы подразумевалось.

¹ Подполковник казачьих войск

² Петербургский мещанин, обезоруживший террориста Ка-
ракозова, стрелявшего в Александра Второго (1866 г.).

— Удачно выступили, капитан, — сказал он. — За кресты и погоны полагалось бы с вас...

— С удовольствием. А погон-то новых нет еще...

По распоряжению князя он звездочки скovyрнул немедленно, но дырки выглядели неопрятно.

Миллер тут же достал из кармана пару новеньких капитанских. И где только успел взять?

— Искренне благодарю. За нами тоже не ржавеет. — В полевой сумке Уварова оказалась плоская поллитровая фляжка спирта. Какой смысл занимать половину объема водой?

Брызнули на тканый шелк гвардейских погон, на орденские кресты, отхлебнули, новые товарищи тут же с двух сторон пристегнули ему на плечи переводящие в иной разряд знаки различия.

— Теперь — к делу, — предложил Миллер. — Я — начальник гарнизона. С диспозицией капитана полностью согласен. Предлагаю к передислокации приступить немедленно. С боеприпасами как?

Хуже всех были вооружены казаки. Наганы, шашки, карабины тридцать восьмого года, по сорок патронов на ствол. Два конно-вьючных пулемета Максима-Дегтярева. Воевать не собирались, выезжали на обычные полевые сборы, где больше стипль-чез да вольтижировка.

Гренадеры имели длинные винтовки для несения парадно-караульной службы, но еще и автоматы, как раз на подобные случаи, и четыре ротных пулемета.

— Казакам шашки снять, пулеметы — на отсечную позицию, — распоряжался Миллер. — Метров за пятьсот перед воротами. Поотделенно: цепью отсюда досюда, — показал на карте. — При появлении противника в зоне действительного огня — отходить к ограде, отстреливаясь, отнюдь не подставляясь и нанося врагу максимальный ущерб.

Есаул Недожогин кивнул, не вставая. Если впереди

★ него будут диверсанты Уварова, успеет сориентироваться по месту.

— Тебе, Матвей, и думать особо не надо, — сказал Миллер ротному гренадеров. — Копайте окопы поглубже, ходы сообщения, гранатометы расставь. «Печенег» вам две трети дела сделали. Углубляйтесь. Под Верденом немцы французскую пехоту из траншей двенадцатидюймовками год выбивали. Все, пожалуй. Местность ты лучше меня знаешь. Я буду со всем, что соберу, внутри ограды. Кой-какие опорные пункты имеются. Вы, капитан, — обратился он к Уварову, — представьте мне своего подпоручика. Правда, стоящий офицер?

— Вы даже не представляете насколько. Если в конце на поле боя уцелеет только один человек, это наверняка будет именно Константинов. Закон природы.

— Любопытно будет посмотреть. И хватит расслаживаться. По местам. Выводите, капитан Уваров, своих орлов на передний край. На вас вся надежда.

Валерию почудилось, что в голосе Миллера вдруг прозвучала плохо скрытая неприязнь. Зависть царедворца или просто не показались друг другу. Плевать, нам с тобой детей не крестить. Поглядим, кто себя как в деле покажет.

Уваров успел поднять «печенегов» из напрасно (в том смысле, что не для себя) вырытых окопов, разъяснить им новое задание и во главе с Роциным направить десять боевых групп (по числу гранатометов) широким веером поперек проезжих дорог и пешеходных троп.

Получил от Константинова очередную гримасу недовольствия за не устроивший подпоручика приказ.

— Не нарывайся, Митя! Пока ты меня слушал, все было хорошо. Завтра выживем — поручиком будешь,

а то и с «Георгием». Без меня — через свой характер и эти звездочки потеряешь...

— Идите к черту, капитан. Накаркаете, не одно, так другое...

— Не дрейфь. Главное, все время перед глазами Его Императорского Величества крутись и стреляй погромче. В люди выйдешь...

Уже сильно стемнело, ноябрь на дворе, хочешь не хочешь. Лучше бы сейчас, конечно, выслать вперед дозор с рацией, а самому устроиться в гостевом доме у громадного, словно в замке Бриана де Буагильбера какого-то, камина, поболтать с господами офицерами о придворной и прочей жизни, а потом завалиться спать под пышное верблюжье одеяло. Даже и в одиночку, хотя девчонки из княжьей прислуги мелькали по коридорам и по двору довольно-таки привлекательные.

Ежели не заговоренные, вполне можно было хоть одну соблазнить на чашку глинтвейна с настоящим графом.

Но — «Наш путь степной, наш путь в тоске безбрежной, в твоей тоске, о, Русь! И даже мглы, ночной и зарубежной, я не боюсь! Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами степную даль. В степном дыму блеснет святое знамя. И ханской сабли сталь!»

Была бы рядом милая девушка, любящая старинные стихи, Валерий мог бы и продолжить: «И вечный бой! Покой нам только снится. Сквозь кровь и пыль летит, летит степная кобылица и мнет ковыль...»

Нет, господа, что же вы хотите? Капитану только-только исполнилось двадцать пять, и вдруг пошла служба, покатилась... Дай бог, чтоб не закружилась голова.

С другой стороны, при Екатерине Великой и Александре Благословенном в том же возрасте и генералов хватало.

Так то когда было? Сейчас в сорок капитан — ни-

чего, подполковник — прилично, полковник — соображай, где дачу построить и вовремя свалить с мундиром и пенсией!

А Валерию все равно хотелось, перед боем, перед смертью, как куда повернется, жить весело, читать стихи не себе, а кому-то, песни петь у костра в заснеженном лесу. Рядом с Денисом Давыдовым.

«Деды, помню вас и я, испивающих ковшами и сидящих вокруг огня с красно-сизыми носами...»

Ладно, кому что.

Княжеские егеря верхами проводили по лесным тропам бойцов Уварова, подсвечивая путь мощными фонарями. Впереди бежали знающие здесь каждый метр охотничьи собаки, учуявшие бы любого постороннего, хоть зверя, хоть человека, за полверсты. Обошлось, слава богу. Да и какой дурак попрется в непролазные дебри ноябрьской ночью? На что и был расчет.

Дошли до перекрестка с магистралью Москва — Сергиев Посад — Ростов Великий. Больше ниоткуда к Берендеевке не свернешь. Разве только и вправду, пешком, через заросли, болотины, чащобу и бурелом.

Была еще одна дорога, та, на которой Олега Константиновича перехватили террористы, но, во-первых, она лежала далеко отсюда, во-вторых, в силу своего рельефа спокойно перекрывалась несколькими казачьими разъездами, что и сделали еще до появления Уварова.

Капитан решил, что занимать оборону по линии кюветов и опушке леса нерационально. Если противник подойдет с бронетехникой, сможет, оставаясь в недосягаемости, громить их фланговым артогнем в свое удовольствие. Лучше оттянуться метров на триста к востоку и окопаться позади цепочки переходящих одна в другую грибных полян, имея перед фронтом почти открытое, слегка заболоченное пространство и разреженный березняк с осинником. Тыл же и

фланги прикрывал лес настоящий, кондовый. С достаточным количеством естественным образом или от прошлогоднего урагана упавших деревьев. Под стволами и в ямах от вывернутых корней очень удобно размещать огневые точки.

По сторонам от берендеевской дороги, на сотню метров вправо-влево, там, где не было природой подготовленных укрытий, отрыли стрелковые ячейки и пулеметные гнезда. На метр, глубже незначем. Не Верден, как Миллер выразился, устраивать.

В шахматном порядке прикопали по основной колее и на съездах три десятка мин. Вперемежку — противотанковые и противопехотные. Метрах в десяти впереди главного заграждения выставили специальные, прыгающие, персонально для саперов предназначенные. Которые рвутся от излучения включенных миноискателей. На флоте такие штуки называются минными защитниками. Не будет миноискателей, нажимные и натяжные взрыватели тоже сработают.

Когда все сделали и Уваров принял доклады, появилась возможность реализовать мечту о коротком, может быть последнем, отдыхе.

На расстоянии голосовой связи от передовой позиции поручик Рощин нашел глубокий распадок, с почти отвесными склонами, а в нем — пещерку. Метров шесть глубиной, два высотой. Судя по строению слагающих пород — безопасную в смысле обвала. Нарубил саперной лопаткой елового лапника, накрыл плащ-палаткой. Развел бездымный костер из отживших свое и упавших на землю сосновых сучьев.

— Отдохнем, командир. Не знаю, как ты, а я устался. Считаю, от Берендеевки шесть, с фланга на фланг пять километров пробежал, да два раза, плюс броуновское движение... Заслуживает, чтоб твои погоны обмыть и спать завалиться?

— Да я вроде обмыл...

— Со мной, что ли? — не на шутку обиделся Рошин. — В Бельведере князя и полковники по сортирным трубам ползали? Что нас отправил, а сам остался — уважаю. А что с «Императором», — ирония прозвучала даже чересчур резко, — кресты и чин обмывал — меня не касается. Константинова ты на даче оставил, Ресовский в запас ушел, значит, вдвоем будем праздновать! Смотри, как здорово!

Здорово было и вправду.

За низкой аркой пещерного лаза порхали подсвеченные костром снежинки, на улице ощутимо холодало. А в метре от потрескивающих, раскаляющихся до белизны и тут же рассыпающихся мелкой золой поленьев было тепло и уютно.

Наверное, так же хорошо было в свое время кроманьонцам, отбившимся от неандертальцев и попутно добывшим парочку молодых свиней. Вкусно и без жертв с нашей стороны.

Поручик вытащил из полевой сумки плоскую поллитровку княжеского коньяка, который ни в каком магазине не купишь.

— Вишь, чем нас от щедрот угощали? Ребята брали сколько поместится... Попробуем?

— А не перепьются на постах?

— Ты что, командир? Сам в наших чинах — меру знал? И они так же. На улице сколько? Ноль — минус два. Мы у костра, они — под плащ-накидками. Все в норме будет, ручаюсь.

Прошлые чины Уварова были так недалеко, что смешно и вспомнить. Самум, хамсин или афганец — как ни назови тот ветер, все равно пакость. Двухнедельные рейды по пустыням песчаным и пустыням щебенчатым, плюс сорок пять в тени, что, наверное, хуже, чем минус два здесь. А пуля из «ли энфильда» образца 1895 года на полтора километра пробивала бронежилет или каску. Куда попадет. Собственный же пулемет

«РПД» в ответ мог взбить пыль на бархане метров на девятьсот. Вот и нате вам.

— Успокойся, Санек, — с превосходством старослужащего сказал капитан. — Я тебе верю. Позволь мне поспать два часа, потом все на себя приму. Согласен?

— Никаких вопросов, командир. Сейчас допьем, и поспишь. Сдается мне, не выжить нам завтра. Ощущение такое. Я, пожалуй, меньше твоего воевал, но хватило. Помню. Оно, сам понимаешь, выбирать не из чего, а только... Сосет под сердцем. Генералы с князьями знают, ради чего, а мы? В Варшаве и раньше я все понимал, сейчас — не получается. Тебе два креста и новые погоны душу греют? Мне — нет! Не твои, к твоим претензий не имею. Вообще. Кто наступает, с кем биться будем, за что? За шапку Мономаха, державу и скипетр?

Поручик, совершенно не выглядящий пьяным, пошевелил штык-ножом поленья, отодвинул вдруг запывавшее в полную силу от носка сапога.

— Саша, снова прошу, успокойся. Выпей ты этот пузырек до дна и лучше сам поспи. Какие теории, какие рефлексии? Как будто мне поляки или текинцы в кашу плевали! — Не хотелось Уварову проводить урок «солдатской словесности» для боевого товарища. Ведь самое трагичное, если вдуматься, Рощин, наверное, прав. Особенно, когда мысль о близкой смерти посетила. Человеку свойственно жить для собственного удовольствия, а не во благо начальников. И как можно дольше.

Но ведь добровольно возложили мы на плечи эти удлинненные прямоугольники, когда зеленые, когда золотые? И снять их позволяется, коли сильно захочется. Только не сегодня. Простая, как апельсин, правда войны...

— Да, прости, командир. Посплю, устал. Разбуди через час-другой.

Уваров тоже мечтал о коротком сне под шинелью, но не вышло. Если полуротный отключается, да еще с такой вселенской тоской, берись самолично службу править.

«Лучше бы я их местами поменял, Константинова сюда, а Рощина в Берендеевке оставил», — запоздало посетовал Валерий. Так уже поздно горевать.

Началось, как и положено, на рассвете. Уваров удачно оказался в центре позиции, закончив осматривать готовность бойцов правого фланга. Рванула в густом вязком тумане первая мина. Значит, кто-то рискнул свернуть с главной дороги. Свои не могли. Предупредили бы по радио. Случайный проезжий тоже вряд ли, а если и так — ну, не повезло, значит.

Спотыкаясь о корни и стволы никчемного подростка, Валерий побежал на звук. «Печенег» пока не стреляли. Правильно. На минном поле враг может потерять и полчаса, и час, зачем же раньше времени себя демаскировать?

В мутновато-сером предутреннем свете рассмотрел стрелковую ячейку, свалился рядом.

— Что?

— Пока ничего, капитан. Хлопнуло. Ноги кому-то оторвало, — оптимистически ответил подпоручик, положивший на бруствер трубу гранатомета. — Не стреляют ведь, думают...

— И вы не стреляйте. Пока в ста метрах не увидите.

— Соображаем...

Первый номер пулемета, удачно пристроенного между корнями начавшего падать, но остановленного соседями дуба, торопливо курил в рукав, опасаясь не успеть. Второй аккуратно разложил на выстроганной лопаткой полке окопа восемь дисков. Удобно будет подавать. А вот третьего, чтобы набивать отстрелянные, с ними не было.

«И не надо, — отстраненно подумал Уваров, — эти успей...»

Перебежал к соседней позиции. Сказал что-то ободряюще, но уже бессмысленное. Потому что с той стороны неглупый враг ударил минометами. Хорошо, что калибра восемьдесят два, а не сто двадцать! Кто понимает, разница существенная.

Но и рота была расположена и окопана прилично. Пущенные наугад мины вязли в рыхлой земле, уходили в овраги, осколки срубали кусты и ветки, противно ныли над головами. Минометная мина страшна, если падает на твердый грунт, тогда она сечет даже траву, а так — ничего.

Капитан смахнул с лица комок грязи, сплюнул попавшие на губы крошки. У него была давняя аллергия к тротилловому дыму, от него тошнило, глаза слезились. А что делать?

Хотел было подтолкнуть в спину юного прапорщика, чересчур старательно протиравшего тряпкой кожух пулемета. Сходи, мол, юноша, за крестом, посмотри, кто к нам в гости пришел. И тут же устыдился.

И ведь не того, что подчиненного нужно послать на рискованное дело, командир только этим и занимается по определению, а слова Рощина его неправильным образом достали. Всю ночь он пытался разобраться, кто прав, кто нет. И не пришел к окончательному выводу.

— Что ты его трешь? — сбрасывая раздражение, выдернул тряпку из рук мальчишки. — Ты окоп приглуби, патроны в ленте подравняй, ветки вон по линии огня срежь! Куда стрелять будешь?

Прапорщик молча кивнул. Капитан для него был слишком большим начальством, чтобы вступать в разговор.

— Эх, — Уварова не стал даже ругаться, подхватил ремнем на локоть свой автомат и пополз в сторону дороги, превосходя в скорости и тишине движения удава, боа-констриктора с картинки толстого тома Брема.

Увидел, добравшись до кювета, с кем биться придется, прикусил губу. Да, лучше бы вправду московский гарнизон восстал против своего сюзерена. А тут совсем другие разборки.

Валерию с *такими* сражаться не приходилось даже в Туркестане. Отодвинув ветку, капитан обнаружил стоящую вдоль дороги колонну из шести грузовиков, ни на что не похожих. Нет, похожих, конечно, на армейские «НАЗ-5», только раза в два больше, с колесами почти в рост человека, на покрышках громадные грунтозацепы, линии капота, крыльев и кабины плавностью изгибов напоминают дорогой лимузин. Совсем странные машины. Да и бог с ними, если б сами по себе. Шесть таких машин примут в кузова не меньше сорока человек каждая. Столько их и болталось вокруг, двести с лишним. Да не просто болтались, готовились к своей работе.

Не солдаты призывного возраста, мужики тридцатилетние и старше, в ношенных камуфляжах, бородатые, головы обвязаны зелеными повязками. А уж оружия на них!

Пистолеты, гранатные сумки, ножи, автоматы неизвестных систем, вдобавок чуть не каждый пятый имел при себе ручной пулемет. Уварову не составило труда понять, что именно пулемет, однако конструкция... Видно, что машина намного мощнее и совершеннее, чем даже экспериментальный немецкий «МГ-88». Вместо сдвоенного барабанного магазина сбоку торчит прямоугольная коробка патронов на двести, а то и больше, зависимо от калибра.

Говорят на непонятном Уварову языке, не европейском, не тюркском даже, в котором, однако, то и дело проскакивают русские матерные выражения.

И что делать будем?

На mine подорвалась только одна легкая вездеходная машина. Убитые и раненые сложены в сторонке, санитар или просто любитель мотает бинты.

Уваров понимал, эти волки по дороге больше не пойдут. Сейчас докурят, закончат совещаться и двинутся через лес, цепью. Как же иначе? Он и сам так же распорядился бы.

Ну, двести, триста, не так и страшно. В лесу, против подготовленной обороны. Два к одному. Мы и десять к одному видели, а до сих пор живы! Упрутся в позиции «печенегов», кровью умоются. Страшнее была непонятность противника. Видел он «освободителей Южного Туркестана», «урянхайскую народную гвардию», «тигров Синцзяна», но то была людская мелочовка. Хилые монголоиды в рваных халатах и малахаях, надвинутых на уши. Винтари и автоматы у них были, особого страха кадровым солдатам не внушающие. «Энфильды» — те да! Так по уму стрелять из них умел один из тысячи. Боестолкновения тоже происходили скорее ритуально, чем всерьез. А глядя на этих, капитан думал: «Хреновая война пойдет, очень хреновая. Как попрут, как попрут, долго ли устоят мои парни?»

В свои двадцать пять лет Уваров ощутил себя настоящим отцом-командиром, отвечающим за все.

Пожалел, что не взял с собой безымянного прапорщика с пулеметом. Вот тогда и засадил бы от всей души из «ДП-47» вдоль колонны. Тридцать метров, и целиться не надо. Как из пожарного брандспойта.

Очень неприятно видеть профессиональному гуманисту, когда люди, пока еще не ставшие преступниками (а ставшие все равно имеют право на адвокатскую и судебную защиту), вдруг валятся на асфальт. Убитые, по преимуществу.

А их пулеметы, нас еще не убившие, следует считать только сувенирами, которые спортсмены-коллекционеры носят на плече из пристрастия к такому виду спорта.

К счастью, гуманистов поблизости не было. Уваров

начал стрелять справа налево, хотя его учили делать это наоборот.

«Дегтярев» стучал ровно, с короткими паузами, и крепкие люди в камуфляжах послушно падали. И целиться не требовалось, не позволяй стволу уходить вверх — и все! Доплевал верный автомат свои семьдесят два, ни разу не дав осечки или перекоса. Валерий успел даже сменить диск, пока они опомнились.

Залегли в кюветах и между колесами машин, все, кроме тех, кому ложиться уже не требовалось, и дали из всего, что было! Только капитан тоже не дурак и не самоубийца, он перекатился несколько раз винтом, укрылся за ближайшим холмиком, вскочил и побежал, лавируя между двухобхватными стволами.

Тучи пуль секли ветки, с чмоканьем впивались в деревья, клочьями летела толстая кора. Но все это — в пустой след, шансов поймать шальную пулю в дремучем бору куда меньше, чем выиграть главный приз в новогоднюю лотерею.

Нет, удачно получилось! Штук пятнадцать он положил насмерть точно. Доложить можно было и про тридцать, но для себя... При темпе огня и рассеивании если одна из пяти пуль попала — хорошо.

Зато сразу расставил все по местам. Показал, кто в лесе хозяин. И чья инициатива. Какие там ни будь у врага командиры, думать им сейчас и думать. Разведку выслать, хоть на полкилометра, подождать, когда вернется, обсудить диспозицию...

Добрался до окопчика, который наметил своим КП, на возвышенности левее изгиба дороги. Видимость метров по двести в каждую сторону. И позиции отряда просматриваются неплохо. Располагались в темноте, потому рельеф местности учли не в полной мере, и сейчас офицеры по собственной инициативе перемещались в пределах выделенных участков, выбирая укрытия понадежнее и сектора обстрела пошире. На то

и «печенег», чтобы «не держаться приказа, яко слепой — стенки», как любил выражаться Петр Великий.

Замаскировались, насколько это возможно в припорошенном снегом лесу. В ответ на шум и грохот учиненного Уваровым боя взвели затворы, выключили предохранители, вкрутили запалы в ручные гранаты.

Бессмысленная, но плотная стрельба у дороги стихла резко, явно по жесткой команде. Сообразили, что деревья расстреливать бессмысленно. Сейчас посчитают потери, перекурят еще раз, потом двинутся. Пятнадцать минут верных имеем...

Свистком подозвав взводных и командиров отделений, Валерий в нескольких словах рассказал об увиденном.

— Противник непонятный, потому — особая бдительность. Фланги загнуть, на случай обхода. По два человека от каждого отделения — сюда, в подвижной резерв. С гранатами поосторожнее, бросать только на открытом пространстве, а то от дерева отскочит, своих больше, чем врагов, поубивает. Если не смогу непосредственно руководить боем, разрешаю организованный отход рубежами, когда патронов останется меньше двух магазинов на ствол. Пункты боепитания — здесь, здесь и здесь. Никаких контратак без ясно выраженного приказа. При подходе противника огонь открывают только те расчеты, в чьем секторе он движется. Строго прицельно. Общую схему обороны не раскрываем до последнего. Первый выстрел — мой. Все ясно?

Чтобы приободрить товарищей, Уваров сообщил, что, на глазок оценивая, человек двадцать он положил. Чего и остальным желает.

— Постараемся, капитан. Лишь бы они с перепугу манатки не собрали и домой не рванули, — ответил Рошин, по сравнению с ночью выглядевший значительно веселее. Прошло, кажется, наваждение.

— Будем надеяться. Дуй на левый фланг, там мест-

ность пересеченная, мне отсюда плохо видно. А я за правым и центром присмотрю...

Он еще успел связаться по радио с Миллером, доложил обстановку. Стрельбу в Берендеевке слышали и тоже подняли гарнизон в ружье.

— Я бы посоветовал, если есть возможность, направить взвод казаков к перекрестку с тыла. Шум поднять, машины пожечь. Языка, если удастся, захватить...

— Посмотрим, — ответил комендант, и снова, даже через треск эфира, Уварову послышался холодок в голосе коменданта. «Ну, господа, как хотите. Я свое дело сделал».

Атакующие явно имели привычку к действиям в лесу, потому что сумели бесшумно подойти метров на триста к линии обороны. А потом слегка расслабились, не встречая ответного огня и даже признаков человеческого присутствия.

Строго говоря, единственное, что они обнаружили — россыпь автоматных гильз и одинокую цепочку следов Уварова. Решили, наверное, что наткнулись на простого сапера, не успевшего вовремя уйти, вот и стрельнувшего из засады.

Правда, уж очень удачно, шайтан его задери!

По следам передовой дозор и двинулся, выставив вперед стволы, но уже переговариваясь в голос и хрустя сучьями. В бинокль Уваров отчетливо различал лица, даже радужки глаз. И снова подивился, откуда эта напасть. Зверские, можно сказать, рожи, бородатые и жестокие, и в то же время нельзя не признать, по-своему мужественно-красивые. Вроде романтизированных пиратов из цикла фильмов о капитане Бладе.

Враги показались ему похожими на курдов. Те тоже отличались правильными чертами лиц и статью, не зря же на протяжении веков отбирали себе в жены и

наложницы самых красивых женщин окрестных племен и рас.

— Ну, сейчас мы вам практическую евгенику малость подпортим, — вслух сказал капитан, прижимаясь бровью к резиновому наглазнику прицела единственного в отряде станкача¹. Четырехкратная оптика создавала изумительный «эффект присутствия».

Группа из десяти или двенадцати боевиков (наскидку, не загибая пальцев, Уваров умел одним взглядом определять число предметов не более девяти) вышла к отметке, которую Валерий определил для них как последнюю. Пересечение пешеходной тропы, протоптанной кабанами для собственных нужд. Пятачок радиусом около двадцати метров, чистый даже от кустов, ровненько припорошенный белейшим, первым в этом году настоящим снегом.

На него боевики и стянулись, чисто инстинктивно. Соседи, мол, по ровному идут, а я должен кусты проламывать? Главное же, как сказано, встречи с противником почти никто уже не ждал. Было бы кому — давно уже палили бы из всех стволов. А раз нет — значит, нет!

Это был его коронный прием, требующий выдержки и самообладания не только у себя, но и у подчиненных — открывать огонь практически в упор. Тогда и результат, и шоковое воздействие на противника.

Выставил перекрестие прицела на пряжку ремня правофлангового, еще раз убедился, что винт вертикальной наводки поджат как следует, выдохнул матерное слово и двумя большими пальцами вдавил ребристую гашетку. Пулемет охотно затрясся. Желтые гильзы с шипением посыпались в снег.

Уваров причесал полянку тремя длинными очередями

¹ Станковый пулемет на треногом лафете.

ми (на пределе сохранности ствола). Положил всех. До единого.

Был у них в Термезе фельдфебель Бейсултанов, начальник отдельной пулеметной команды, старый вояка в стиле героев еще скобелевских походов, он и учил понравившегося ему подпоручика:

— Пушки, минометы, авиация — все херня! Пулемет — вот вещь! Особенно в наших делах. Вот — «максимка». Сто пятнадцать лет исполнилось. Вес три пуда — ерунда. (Это на треноге. На станке Соколова — ровно четыре.)

Я один, хоть мне сорок шесть скоро, куда хочешь донесу. Где хочешь, спрячу. Надо — на два километра одиночным в пуговицу попаду. Надо — подпущу на сто шагов и одной очередью, не прерываясь, роту выкошу. На стене расписаться могу. Ящика три патронов, два ведра воды, запасной ствол — ничего больше не нужно.

— Расчет не нужен, Фетхулла Гатфиатулович? — не для спора, а так, разговор поддержать, спросил молодой Уваров.

— Почему? Нужен расчет. Лучше всего, как в старой армии — восемь человек, две лошади. Хорошо было, умно. Сейчас четыре, автомобиль, конечно. Но восемь все равно лучше.

И показал Валерию «Наставление по стрельбе из пулемета», выпущенное в 1911 году, в черной клеенчатой обложке, не слишком и потертой. На титульном листе сохранилась сделанная великолепным почерком со многими завитушками надпись первого владельца, неизвестно канувшего во тьме времен (а скорее — в мясорубке Мировой войны) штабс-капитана Иващенко, упокой, Господи, его душу.

Привыкший ухватывать все полезное для службы, Уваров весьма превзошел пулеметную науку. В пуговицу на две версты не попадал, нечего хвастаться, а на

восемьсот зачетных метров ни одной пули мимо поясной, внезапно поднимающейся мишени, не пропускал.

А уж на семьдесят метров! Двенадцать трупов вразброс, ни одного раненого. Тут главное, когда стреляешь, твердость рук. И спокойствие. Ручки не дергай, веди строчку, как на швейной машинке. И все получится.

Второй урок пошел атакующим впрок. Чего же вы хотите? Два огневых контакта, взвода как не бывало, а кто стреляет — и увидеть не успели!

Напрасно Уваров грешил на Миллера, что тот имеет к нему претензию. Войсковой старшина просто слишком был озабочен возложенной на него ответственностью. Идея послать казаков в рейд по тылам противника, пусть и короткий, показалась ему здравой, но не в данной ситуации. Он не слишком был уверен в боевой устойчивости отряда «печенегов». Лично в деле с ними не сталкивался, а к полужандармам-полудиверсантам относился сложно. Исходя из личного жизненного опыта.

Да слишком долго ему размышлять и не пришлось. Примерно через полчаса после сообщения Уварова с восточной стороны горизонта появились несколько вертолетов с эмблемами российской армии. Шли бы они с запада, можно было бы принять за своих, да и то...

Чекменев лично сидел на связи с Кремлем и Петроградом, отслеживал движение морской бригады.

Тарханов ему сообщил, что силами двух кремлевских полков и собранных клочьями из разных мест подразделений твердо контролирует пешими патрулями и бронетехникой все радиусы внутри Садового кольца.

— Считаю, на данный момент это предел моих возможностей. Гражданское население предупреждено о

необходимости оставаться в квартирах, прочие элементы — о том, что огонь открывается на поражение при малейших признаках неповиновения. Сейчас отдал приказ начальнику штаба МВО поднять по тревоге четыре военных училища и ускоренным маршем двигаться в Кремль.

— Наш друг — где? — неожиданно спросил генерал. Как будто это сейчас было самое важное. Сергей понял, о ком речь.

— Рядом со мной. Действует по обстановке...

— Трубку ему дай...

Не поверил Чекменев Тарханову или имел другое соображение?

— Слушаю, Игорь Викторович, — отчетливо прозвучал знакомый голос.

— Это входит в предыдущее? — не стал детализировать генерал.

— Даже намного хуже, чем я пытался вам объяснить. Мы рассчитывали в первом приближении, а нам выдали по полной программе.

— Могут твои друзья чем-то помочь?

— Могут и уже делают все возможное. Часа четыре продержитесь.

— Через четыре часа к нам подойдут морские пехотинцы. Или через пять...

— Хорошо бы. Но если «наши» подойдут раньше, ничему не удивляйтесь. Вам представятся, генерал Берестин, полковник Басманов. От меня. После этого можете с князем откупоривать шампанское...

— Не слишком ли много...

Чекменев договорить не успел. Головной вертолет сыпанул по двору и крышам пулеметным огнем. Особых потерь не нанес, но щепки полетели. Ушел косо вверх на почти немыслимом угле атаки (пилот или пьяный, или сумасшедший), следом подлетали остальные.

Этих успели встретить. Из всего, что было. Автома-

ты, винтовки, ручные пулеметы, даже противотанковые гранатометы били остервенело по неуклюжим аппаратам, похожим на беременных коров.

Не зря. Один поймал направленную с должным упреждением ракету и мгновенно развалился на фрагменты. Только хвостовой винт достаточно долго летал над лесом, подбрасываемый потоками восходящего воздуха, остальное с гулом и свистом падало где придется. Начинка в виде десанта — тоже. Если смотреть со злобным чувством людей, предназначенных к закланию, но сумевших вывернуться моментом раньше — сыплющиеся к земле еще живые тела выглядели даже приятно.

Олег Константинович бегал по веранде, размахивая длинноствольным маузером, от восторга пару раз выстрелил вслед ушедшим на второй круг вертолетам, кричал:

— Молодцы! Герои! Немедленно ко мне гранатометчиков! Обоим кресты! И впредь!

Вертолеты тем временем, описав полукруг, все-таки начали высаживать десант. Теперь уже за пределами зоны действительного огня, в километре с лишним от ограды. Зависнув в метре над землей, «Си-12» быстро разгрузились и, почти касаясь лыжами вершин деревьев, ушли в густеющую к востоку дымку.

Десантников, правда, было маловато. Человек восемьдесят, да вдобавок обычных срочников. Кто, зачем бессмысленно погнался на убой этих пацанов под пули профессионалов?

Рассыпавшись редкой цепью, нестрашно потрескивая короткими очередями, пехота в рост бежала к ограде.

Дворцовые гренадеры, далеко не бойцы первой линии, с подготовленных позиций стреляли, однако, неплохо. Да и «Василек», правильно настроенный, клал трехсотграммовые осколочные гранаты в шахматном порядке, сорок штук на полгектара. Страшная вещь,

если кто видел. А когда работают два сразу — так еще эффективнее.

Половина цепи осталась на поле, остальные кинулись врассыпную, торопясь укрыться в близком, на их счастье, лесу. Унтер с солдатом притащили легко раненного десантника во двор «крепости».

— Кто такой? — безразлично спросил князь, глядя на испачканное землей лицо и мятые малиновые погоны. — Встать!

Пленный поднялся, повинувшись властному голосу.

— Рядовой Бусурин. Первой роты третьего батальона. Номер полка не помню, вы уж простите, ваше благородие...

— Тут зачем, откуда? Приказ какой? — скорее машинально спросил Олег Константинович, уже понимая, что зря.

— Не могу знать, ваше благородие. Утром подняли, велели собраться по-боевому, довели до аэродрома, посадили. Командир взвода сказал, прилетим, будем задание выполнять. В условиях, приближенных... Высадили, взводный приказал наступать в сторону построек. Да его тут же и убило...

— Уведите, — отмахнул рукой князь. — Пусть в подвале посидит, очухается. Вы мне хотя бы взводного привели. Да и то...

Отошел шагов на десять, повернулся к Чекину.

— Черт знает чем вы последнее время занимались если такое вот! Солдатскую книжку хоть взяли?

Генерал протянул затертый в кармане Бусурина документ.

— Я и говорю — черт знает что! Двадцать шестой территориальный! Солдаты, мать их! Номер полка не помнит! Разогнать всех этих территориалов, чтоб воздух не портили. Отобьемся, выясните и доложите мне где стоит полк, кто командир, зачем сюда прилетели. На кого наступать собирались? И почему только одни

рота? Больше не наскребли или решили, что хватит? Весь полк в заговоре или самодеятельность нескольких капитанов? Все выяснить! Чем еще порадуете? Где морпехи? Или прикажете в леса уходить?

— Морпехи миновали Тверь. Технические задержки на транспорте...

— Ох, как мне хочется кого-нибудь расстрелять за саботаж, — мечтательно произнес князь. — Еще?

— Полковник Тарханов сообщил, что обстановку в Москве контролирует, высылает серьезную помощь...

Имя Ляхова Игорь Викторович, из суеверия или по другой причине, предпочел не произносить.

— Обещал, что прибудет она раньше морской пехоты...

— Посмотрим, посмотрим...

— Только он просил «ничему не удивляться», — сам не зная зачем, добавил Чекменев.

— Так и сказал? — удивленно повел головой и шей князь. — Может, боевые слоны нам в помощь движутся?

— Он еще сказал — генерал Берестин и полковник Басманов, представятся и назовут пароль...

— Игорь, ты в своем уме? Какой генерал, какой полковник? Я всех офицеров выше капитана наизусть помню. По формулярам, а кого и в лицо. Ты такие фамилии слышал?

— Вообще слышал, в данном контексте — нет, — решил быть предельно точным начальник тайной полиции. — Басмановых вообще много, и тех, *которые*¹, и *однофамильцев*. *Берестиных знаю двух. Вице-губернатор Томска и начальник департамента государственных сборов. Не то...*

¹Чекменев имеет в виду потомков Василия Басманова, стремянного первого политического эмигранта князя Курбского, знаменитого перепиской с Иваном Грозным.

— А где мой «гвардейский тычок»¹? — внезапно потеряв интерес к теме, спросил Олег.

Это шло от времен Александра Третьего. Его задушевный друг и генерал-адъютант Черевин носил фляжку за голенищем специально сшитых сапог и каждый час наливал Императору чарку, чтобы не видела Императрица Мария Федоровна. Без закуски.

Может показаться удивительным, но на успехи непосредственной царской работы такое злоупотребление не влияло. Скорее, напротив. Никто успешнее него не руководил государством.

Велел передать английскому послу, просившему срочной аудиенции, что тот подождет, пока русский царь ловит рыбу — и нормально. Главное, войн при нем не было, а половину Средней Азии добровольно присоединили и Великую Транссибирскую дорогу начали строить.

Чекменев немедленно представил просимое. Не из-за голенища, правда, а из кармана кителя.

— Слышишь, как гремит? — спросил князь, выпив чарку и указывая пальцем на запад. Оттуда, приглушенные лесом, доносились почти непрерывные пулеметные и автоматные очереди. Но удивительным образом не приближаясь. — Капитан наш бьется. Орел! Подкрепление бы выслать...

— Нет резервов, Олег. Хоть убей, нет. С десантом разделались, а если он не последний? Виноват я перед Уваровым, чего уж теперь. И перед тобой виноват. Прости, если что...

— Рано прощения просить, держимся пока и продержимся. Три-четыре часа — пустяк. Сам в окопы пойду...

— В этом ли дело?

— Вообще у меня отчетливое ощущение, что бред

¹ Жаргонное наименование ста граммов водки без закуски.

продолжает сгущаться, — раздумчиво сказал князь, когда выпитая стопка достигла цели.

Со стороны московской трассы, перекрывая треск стрелкового оружия, ударили гранатометы. Их звук ни с чем не спутаешь, даже с артиллерийским огнем.

— Вот, — поднял палец Чекменев. — Похоже, танки. Ну, помогай, Господь! — Он размашисто перекрестился.

Уваров видел и слышал, как над поместьем кружили вертолеты, но его это не касалось. Ошеломленный первым отпором противник приходил в себя, начинал ориентироваться в обстановке. Вспомнил о правильной тактике лесного боя.

Боевики рассыпались между деревьями, по ложбинками и за кочками. Под прикрытием массированного пулеметного огня сноровисто переползали, постепенно охватывая позицию «печенегов» широкой дугой. Пока что ничего страшного в этом не было. Соотношение сил в нашу пользу, сто человек в обороне против двухсот наступающих (а сейчас, может, и меньше) — нормально. Вражеские минометы не стреляют, чтобы не накрыть своих, а осколочные гранаты с установкой трубки на стометровую дистанцию, наоборот, успешно поражают цели даже за укрытиями.

Можно держаться, можно, подбадривал себя и окружающих капитан. Но до чего же упорный и настырный враг попался. Откуда такой? Турки? Или те же партизаны с кавказских гор, которые летом брали Пятигорск? С теми наш командир, полковник Неверов, в одиночку полдня бился и уцелел, а нас больше сотни... Что они, в самом деле, там по морде получили, среди родных стен, теперь сюда явились, добирать нехватку? Неужто вообразили, что живьем Великого князя взять сумеют?

А что, и могли бы, не успей мы подскочить. Подлетели бы на полной скорости, вышибли своими монст-

— А где мой «гвардейский тычок»¹? — внезапно потеряв интерес к теме, спросил Олег.

Это шло от времен Александра Третьего. Его задушевный друг и генерал-адъютант Черевин носил фляжку за голенищем специально сшитых сапог и каждый час наливал Императору чарку, чтобы не видела Императрица Мария Федоровна. Без закуски.

Может показаться удивительным, но на успехи непосредственной царской работы такое злоупотребление не влияло. Скорее, напротив. Никто успешнее него не руководил государством.

Велел передать английскому послу, просившему срочной аудиенции, что тот подождет, пока русский царь ловит рыбу — и нормально. Главное, войн при нем не было, а половину Средней Азии добровольно присоединили и Великую Транссибирскую дорогу начали строить.

Чекменев немедленно представил просимое. Не из-за голенища, правда, а из кармана кителя.

— Слышишь, как гремит? — спросил князь, выпив чарку и указывая пальцем на запад. Оттуда, приглушенные лесом, доносились почти непрерывные пулеметные и автоматные очереди. Но удивительным образом не приближаясь. — Капитан наш бьется. Орел! Подкрепление бы выслать...

— Нет резервов, Олег. Хоть убей, нет. С десантом разделались, а если он не последний? Виноват я перед Уваровым, чего уж теперь. И перед тобой виноват. Прости, если что...

— Рано прощения просить, держимся пока и продержимся. Три-четыре часа — пустяк. Сам в окопы пойду...

— В этом ли дело?

— Вообще у меня отчетливое ощущение, что бред

¹ Жаргонное наименование ста граммов водки без закуски.

продолжает сгущаться, — раздумчиво сказал князь, когда выпитая стопка достигла цели.

Со стороны московской трассы, перекрывая треск стрелкового оружия, ударили гранатометы. Их звук ни с чем не спутаешь, даже с артиллерийским огнем.

— Вот, — поднял палец Чекменев. — Похоже, танки. Ну, помогай, Господь! — Он размашисто перекрестился.

Уваров видел и слышал, как над поместьем кружили вертолеты, но его это не касалось. Ошеломленный первым отпором противник приходил в себя, начинал ориентироваться в обстановке. Вспомнил о правильной тактике лесного боя.

Боевики рассыпались между деревьями, по ложбинками и за кочками. Под прикрытием массивного пулеметного огня сноровисто переползали, постепенно охватывая позицию «печенегов» широкой дугой. Пока что ничего страшного в этом не было. Соотношение сил в нашу пользу, сто человек в обороне против двухсот наступающих (а сейчас, может, и меньше) — нормально. Вражеские минометы не стреляют, чтобы не накрыть своих, а осколочные гранаты с установкой трубки на стометровую дистанцию, наоборот, успешно поражают цели даже за укрытиями.

Можно держаться, можно, подбадривал себя и окружающих капитан. Но до чего же упорный и настырный враг попался. Откуда такой? Турки? Или те же партизаны с кавказских гор, которые летом брали Пятигорск? С теми наш командир, полковник Неверов, в одиночку полдня бился и уцелел, а нас больше сотни... Что они, в самом деле, там по морде получили, среди родных стен, теперь сюда явились, добирать нехватку? Неужто вообразили, что живьем Великого князя взять сумеют?

А что, и могли бы, не успей мы подскочить. Подлетели бы на полной скорости, вышибли своими монст-

рами ворота, ворвались в дом. Две с половиной сотни головорезов... И откуда такие машины взялись? Не иначе, тоже из «бокового». Ляхов рассказывал, каких они там чудес насмотрелись...

Близко разорвалась гранатка-хлопушка, выпущенная из подствольного гранатомета, свистнули осколки над головой, прогоняя праздные мысли. Уваров успел поймать на мушку привставшего из-за поваленного дерева стрелка: экономная на три патрона очередь отбросила боевика навзничь. Красиво упал, картинно раскинув руки, и видно его издалека, бородатого, желто-зеленого на белом снегу. Наглядно, и поднимает боевой дух.

Наверное, нападавших каким-то образом поджигало время или просто командиры решили, что позиционная война разлагающе действует на личный состав. А самое главное, они до сих пор не имели понятия, какие силы им противостоят. Если получили агентурные данные о нормальной численности княжеской охраны, то ориентировались максимум на тридцать-сорок человек, которые могли выйти в поле. Нужно ведь кому-то и на стенах оставаться. А это совсем другое дело.

Сыграла свою роль и избранная Уваровым тактика, создававшая впечатление, что немногочисленные защитники постоянно маневрируют вдоль фронта, сосредотачиваясь на угрожаемых направлениях. И, значит, если ударить разом, оборона будет раздавлена вмиг.

Издалека донесся гортанный, странный по сочетанию звуков выкрик, и тут же, открыв шквальный огонь, турки-нетурки всем скопом рванулись в атаку.

Они прыжками неслись по открытым местам, ломились через кустарник, дико крича, стреляя, куда придется, демонстрируя неудержимый боевой порыв и презрение к смерти.

Тут и сказалось преимущество регулярного, тем бо

лее — офицерского войска над вооруженным скопищем.

Пулеметчики, не теряя головы, били прямым и ко-соприцельным огнем по групповым целям, то и дело возникавшим там, где боевики хоть на секунду теряли темп перед естественными препятствиями, автоматчики и снайперы в первую очередь выбивали вооруженных пулеметами. Расчеты «дротиков» торопливо представляли ударные трубки «на картечь». На полсотни метров сноп поражения получается шире, чем у полевой трехдюймовки.

Молодой тренированный мужик может пробежать стометровку секунд за пятнадцать. Обвешанный оружием, по пересеченной местности, в давно не чищенном лесу — хорошо, если за минуту. Спотыкаясь о трупы своих товарищей, только что бывших живыми, шарахаясь от свиста пуль, гранатных разрывов, приседая, стараясь на бегу перезарядить оружие, просто непроизвольно замедляя шаг — за две-три. В это же время каждый из восьми десятков стволов делает до двух сотен сравнительно прицельных выстрелов.

По всем этим причинам атака захлебнулась ровно на полпути, хотя если бы у боевиков хватило выдержки и настоящей боевой устойчивости, могло бы дойти и до рукопашной.

Но они дружно, будто увидев на земле кем-то проведенную черту, остановились и, кто по-прежнему бегом, кто ползком, начали ретираду¹. Теперь уже старательно прячась за непробиваемые стволы деревьев. Некоторые даже пытались тащить за собой раненых, а то и убитых. Только куда и зачем, не понимал Уваров. Вряд ли их примут хоть в одном российском госпитале, а подмосковные леса — не кавказские горы. Инстинкт, наверное.

Сигналами свистка, который в наступившей тиши-

¹ Отступление (устар.).

не легко доставал до обоих флангов, Уваров скоординировал общий отход на запасную позицию, в двухстах метрах восточнее. Там пусть и не было отрытых ячеек, зато от ручья пологий склон поднимался к неширокому плато, на котором в прошлые годы лесники выложили с десятков полениц из бурелома и срезанного сухостоя.

Если бы капитан сам вчера проводил рекогносцировку, непременно развернул бы здесь роту с самого начала. Ну, не беда. Силы тают, зато позиция упрочняется.

А спешить нужно было потому, что Валерий помнил про минометы. Если у неприятеля достаточно боезапаса, он скоро начнет гвоздить по площадям со всей дури!

— Рощин! Живой? Ну вот, а то развел мерехлюндии. Быстро, переключку. Посчитай, что у нас с патронами, и — за лопаты.

Первый этап сражения закончился в общем успешно для «печенегов». Без потерь, конечно, не обошлось, так на то и война. Лучше бы, чтобы все были бесмертны и неуязвимы, но уже в другой жизни. Викинги на Валгалле, те могут с утра до вечера крестить друг друга топорами и мечами, а потом собираться в пиршественном зале и слушать скальдов, оперативно осмещающих очередные подвиги.

Убитых было семь, тяжело раненных — четверо, легких — тринадцать.

Хорошо, до Берендеевки всего ничего. Уваров связался, доложил, вызвал машины. Как положено, попросил у Миллера подкреплений, почти не надеясь на положительный ответ, но услышал, что с грузовиками к нему вернется Константинов, и, может, еще с десяток казаков наскребем.

На остальных направлениях пока затишье.

Интересное дело — вроде и привыкли почти ко всему, а атавистические инстинкты продолжали действовать. Вот прошел Шульгин длинным коридором до короткого поперечного, тупикового, открыл свежепрорубленную дверь, ведущую в соседнюю квартиру, но расположенную уже в нашем две тысячи четвертом, и будто часть груза с плеч свалилась.

Спокойнее стало, привычнее.

Эта секция стабильная, к межвременным перемещениям не способная. Так и движется в общем потоке времени от момента постройки дома в сторону его естественного конца. Но отсюда, тем же путем, не выходя больше на лестничную площадку, можно возвратиться и обратно в четвертый (снова в момент перехода, без учета прожитого здесь же, за стенкой, времени), и в пятый, и в двадцать пятый прошлого века. А в тридцать восьмой, в шестьдесят шестой, в девяносто первый так и не получается, несмотря на все предпринятые ухищрения. Загадка природы или ее же очередной непознанный закон.

Как-то в разговоре всплыл вопрос, что случится, если нынешним или следующим властям взбредет в голову назначить весь дом целиком под снос? Для сооружения очередного архитектурного монстра или шедевра. Куда наша квартира денется? Останется в прошлом, где продолжит свое коловращение, сохранит свои функции в аналогичном объеме нового строения или доступным ей способом пресечет в корне саму идею посягательства? Например так — только придет в голову госчиновнику, бизнесмену, самому мэру, наконец, такая кощунственная мысль, только потянется рука к авторучке или кнопке селектора и — бах! Пробки в мозгах перегорели. Инсульт то есть. И ни с кем замыслом поделиться не успеет.

По прошествии времени еще один модернизатор

★ объявится — и с ним та же история. Так и будет стоять дом, наподобие римского Колизея или египетских пирамид, до скончания веков.

А вот еще интересно: если, например, в дом бомба авиационная попадет или подвижки земной коры случатся? М-да...

Следом за Шульгиным на нейтральную паркетную почву ступили Затевахин и Ляхов-первый.

Новиков, Сильвия и Ирина были уже здесь. Этого достаточно, чтобы принять решение на основе свежеполученной информации. Ее Сашка и довел до сведения друзей, пока доктор ждал своей очереди в другой комнате под присмотром Феста, а они вчетвером, сделав несколько шагов, через другую дверь погрузились в тишину и покой двадцать пятого года.

Под окнами с криками носились разносчики папирос и газет, извозчик в ожидании пассажира подсыпал в торбу своей лошади овес, с Петровки и Дмитровки доносилось кряканье автомобильных клаксонов. И царило там позднее лето, листья лип едва-едва начали желтеть.

— Таким образом я позволил себе сделать вывод, что мы имеем дело со вторым изданием давно, казалось бы, списанной в утиль проблемы. «Система» системой, она здесь руку приложила безусловно, но только на вторых ролях. Как и «Черный интернационал» на той стороне. Эти самые «обеспокоенные гуманисты» сколько угодно могли бы беспокоиться и дискутировать в «Хантере» и прочих клубах, учинять крупные и мелкие пакости тем, кто им в данный момент больше всего не нравится, но и не более того. А здесь ведь...

Кто-то им сообщил о существовании «2005»-й, снабдил возможностью проникать на ту сторону, воору-

жил теорией, наконец. Вербовать, обрабатывать и перебрасывать целые батальоны с тяжелым вооружением, это совсем не то, что Берестина уговорить на денек сбегать в шестьдесят шестой...

Намек был слишком прозрачным. Ирина тем не менее промолчала, а Сильвия немедленно взяла слово.

— Ты хочешь сказать, что снова в игру вступили наши с ней коллеги? Каким же, хотелось бы знать, образом? Кто и откуда? Гипотезу Ловушки ты, таким образом, отмечаешь? Вновь возникают вездесущие аггры? Так заметь, и в лучшие времена мы не действовали так топорно. Вспомни, сравни, оцени. Та же матрица, посаженная Великому князю, сработала бы в тысячу раз эффективнее, чем все описанные тобой импровизации. Несколько лет подготовки, чтобы устроить беспорядки, с которыми нормальная полиция и гвардия справятся не за неделю, так за две — это же просто несерьезно. С моей тогдашней резидентурой мы все сделали бы быстрее, чище, не привлекая внимания.

— При условии, что имели тогдашние возможности, — счел нужным вставить Новиков. — А если их нет? Ни базы на Валгалле, ни возможности получать неограниченную помощь, да и весь сопутствующий фон кардинально изменился. Мы ведь так до сих пор и не знаем, в какой мере успехи и поражения вас, Антона, и нас, грешных, само собой, обеспечивались участием или неучастием Игроков. Поэтому я склоняюсь к мнению, которое неоднократно высказывал. Неуверенно, неубедительно, согласен, да вдобавок постоянно ощущая «сопротивление среды». Но вот после только что услышанного мне кажется — все становится на свои места.

Последние дни я очень напряженно пытался докопаться до истины. Компьютеры компьютерами, но и помедитировать пришлось. На «подпороговом» уровне, не бойтесь, к Сети даже не приближался. Ладно,

★ сказал я себе, создать и удерживать всеобъемлющую и устойчивую мыслеформу нового мира мне не под силу. Когда нас подпитывал извне один Игрок или оба сразу — кое-что выходило. Со стороны, наверное, это походило на то, как учат ездить на велосипеде. Сидишь, вцепившись в руль, а парень постарше бежит рядом и придерживает за седло. Думаешь, что едешь сам, а уберет он руку, и — завалил, и — носом в асфальт.

— Образно и самокритично, — одобрила Сильвия.

— Теперь я почти стопроцентно убежден, — продолжал Андрей, не обратив внимания на подковырку, — все замыкается на Лихарева, как бы мы ни сомневались в этом раньше. Никакого иного рационального объяснения не существует. Его ли это самодеятельность, или запустился неизвестный встроенный механизм, матрица та же самая, черт возьми, я не знаю. К тебе вопрос, Си, возможно это по вашим теориям? — Теперь стало видно, что Новиков нервничает.

«Завод кончается», — сочувственно подумал Шульгин.

— По нашим теориям, — лекторским тоном ответила Сильвия, — возможно очень многое, в чем ты сам имел возможность убедиться. Матрица — это проще всего. Было бы кого подсаживать. В одного агента другого такого же — смысла нет. Никакого. Программировать кадрового координатора — то же самое. Он уже запрограммирован...

— Но ведь программа может сорваться, как у Иры вон, — сказал Шульгин, — и тогда?

— Утративший программу агент становится слабее, просто человеком. Как в приведенном тобой примере. Я вот свою программу не утратила, я перестроила сама себя в ее же рамках. Формально я могу все, что могла, но отсутствует стимул, мотивация, плюс утрачено «аппаратное сопровождение». И, значит, я тоже го-

раздо слабее, чем раньше. А вот с Лихаревым... — Она задумалась, словно решая, говорить или нет. — Пока это только мое предположение. Мы все дружно упустили лежащую на поверхности истину. Или нас заставили ее не замечать...

«Вот-вот, — переглянулись Андрей и Сашка, — с воспоминаниями и фактами точно та же история, у одних вычеркнуто одно, у других противоположное, отчего и полный раздрай в делах и мыслях».

— А истина в том, что Лихарев пришел сюда непосредственно из тридцать восьмого! Очень может быть — до него не успела докатиться волна, о которой мне говорила Дайяна. Вы же помните — Дайяна на базе встречалась со мной — 84/21, и имела связь со мною-38! И если она смогла после этого повидаться с Лихаревым, уже помня о нашей катастрофе и еще имея возможность действовать в полную силу...

А Новиков подумал, что не зря он терзал свой мозг непосильной нагрузкой. Наверное, ему удалось создать пусть не глобальную мыслеформу, пусть локальную, но в круге жизненно важных для них всех обстоятельств вполне работоспособную.

Позволяющую вырваться самому и вывести друзей на свободу. И значит, мóрок на них напускала все-таки Ловушка.

«Главная наша ошибка в том, что мы представляли себе ее деятельность слишком примитивно, я бы сказал — механистически. Односторонне. Есть, мол, такое явление или устройство, которое перехватывает создаваемый мыслеобраз реальности, стирает его или блокирует, а взамен подсовывает собственный, гораздо более убедительный. Загоняет малоопытного «игроchiшку» в клетку иллюзии-галлюцинации. И достаточно проявить волю, уверенность в себе, силу духа, этакое «здравомыслие высшего порядка», чтобы спастись. А то и победить, на что самонадеянно рассчитывал Сашка. «Нет таких крепостей, которые...»

Вот нас и ткнули носом.

Все оказалось проще, примитивнее, но заодно и эффективнее. Не затрудняясь конструированием одного на всех химерического мира, Ловушка (а может быть, все-таки Игрок) устроила нам вариацию на темы «Пятнадцатилетнего капитана». Словно бы кок Негоро подложил по топору под персональный компас каждого из нас. И достаточно.

Делали одно, говорили другое, думали третье. Но и галлюцинации тоже моментами предлагались. Ограниченные, ловко встроенные в реальность, в ситуациях, когда нет критериев достоверности. Так бывает, если заблудишься в лесу в густом тумане. Видишь только то, что под ногами и на расстоянии вытянутой руки. Ни азимут взять, ни ориентиры запомнить...

Но раз удалось понять хотя бы это, значит, выкарабкиваемся понемногу. Туман редет, зарубки на деревьях просматриваются...»

— Выходит, ты думаешь, — спрашивал в это время Шульгин Сильвию, — Дайяна встретилась с Лихаревым уже после нашей с ней дружеской беседы на «Ермаке», где сообщила то, что ей поручили Игроки, все зная и помня, в том числе — наше согласие воздержаться от дальнейших авантур?

— Допускаю, — осторожно ответила Сильвия. — Она куда выше меня по рангу, сильнее и опиралась на все ресурсы Базы. Если на самом деле сумела выйти на Валентина в новом качестве, варианты могут быть очень интересные. Именно потому, что образуется такой нахлест временных петель, какой распутать... Помнишь, как со старых катушечных магнитофонов лента соскакивала? Проще было собрать и выбросить...

А тут вдруг и Ирина решила слово вставить.

— Знаете, где мы еще крупно маху дали? Когда вообразили, что в двадцать пятом году находимся в полной безопасности, нас там ни достать, ни вычислить

нельзя. Как же, другая, «чистая» линия, край света, любимый пароход... Увы, избушка соломенной оказалась. Зато о квартире совсем не думали. Никому не пришло в голову, что только она по-настоящему защищена, ментально, энергетически, «дипломатически», если угодно...

— Гениально, Ира! — восхитился Шульгин. — То-то сидим мы сейчас, идеи из нас просто фонтанируют, и здравые мысли только из ушей не сыплются. Нет, ну как же легко нас на куклу¹ взяли!

— А ведь Антон действительно наш самый верный и честный друг, — вздохнув, сказал Новиков. — Только мы по той же самой причине не вружились. Он хоть и под контролем работал, теперь это совершенно ясно, а постарался нас предупредить. Та самая точка в радиограмме, фильм «Операция «Омега» с Олегом Далем. Раз четыре он квартиру упоминал в разном контексте и с разными интонациями, я суть просек, что мы ею невозбранно можем пользоваться, чему и возрадовался. И совершенно мимо пролетело, Антон ведь постоянно рядом ставил слово — «безопасно». Наверное, был лучшего мнения о моих умственных качествах. Черт, досадно! — Андрей сильно ударил кулаком по колену.

— Не переживай, — успокоила его Ирина. — Не та обстановка была, значит, потому и не обратил внимания.

— Нет, все равно непростительно. Здесь одно утешает, если не вдохновляет — Антон, значит, достаточной свободой воли обладает, при случае, глядишь, снова свидимся...

— Так, братва, хватит, — прервал его Шульгин. — Сориентировались, разобрались, и все на сегодня.

¹ Взять на куклу: в широком смысле — подсунуть фальшивку взамен подлинника, распространенный прием — всучить пачку денег, где только верхние листы настоящие, остальное — резаная бумага (жарг.).

Болтать больше некогда. Если хочешь, можешь с Затевахиным мнениями обменяться. Сейчас Олег с материалами по зомбированным подскочит, и надо до утра нашу Москву подчистить. Уголовников мы слегка прищемили, теперь с «озабоченными гуманистами» разберемся. Тут нам с Фестом работа. Секонду прикажу, пусть сюда возвращается, коллегу моего забирает, и обратно на базу «печенегов». Со своего конца клубок разматывать.

Тебе, Андрей, непременно в Кисловодск, к Ларисе и ляховским девочкам надо. Лихарева брать. Если с ходу, и рыпнуться не успеет.

А Алексею, в натуре, дивизию не дивизию, пару полков сюда вводить пора приспела. «Системщики» так, а мы еще круче. Высоцкий правильно пел: «В запасе ход конем, по голове». Ты, леди Спенсер, что предпочитаешь, с Берестинным князя спасать или на Воды, с коллегой пообщаться?

— Второе, естественно. Помню, как вы с Антоном меня ломали, отчего бы самой тем же не заняться?

— Принято. С тобой, Ира, ясно. Олегу надо за пульт СПВ садиться, все наши скачки и прыжки обеспечивать. Раз начали играть на опережение — гори все огнем. Думаю, от трех десятков переходов мир не рухнет. А рухнет — туда ему и дорога... Мы и так партию почти сдали. Велика Россия, а отступать некуда.

— Тем более, за Волгой для нас земли нет, — добавил Андрей следующий легендарный лозунг. Или афоризм, как считать.

На самом деле, удивительное чувство раскованности и готовности к подвигам их охватило.словно стер кто-то тоску и мусть с души, а от глаз убрал грязное, запотевшее и залапанное жирными пальцами стекло.

Получив сообщение от Шульгина, Левашов с помощью Максима за полчаса скачал все папки, касающиеся людей, прошедших обработку по методике Затева-

хина. Те, что относились к Москве и иным городам собственно России, взял с собой, остальные передал Бубнову. Тот был удивлен и слегка обрадован, к «веримейду» ему прибегать не очень хотелось, в силу интеллигентских предрассудков.

— Дальше что делать? — спросил он.

— Не ко мне вопрос. Я свое получил, сейчас уеду. Ляхов должен скоро вернуться, с ним и решайте. Позанимайтесь пока с техникой, с сотрудниками отношения налаживайте. В любом случае пригодится...

— Отлично, — сказал Шульгин, бегло просмотрев материалы. — Вопрос только один, как и с чего начнем. Пока тебя не было, мы кой-чего придумали... — И рассказал, что именно.

— Можно и так, — не стал спорить Олег. — Я тоже думаю, что риск минимальный. Если здесь большую бучу затеять, на короткие импульсы «вход-выход» внимания обращать, может случиться, будет просто некому. Одно сомнение — Москва здесь далеко не времен двадцать первого года. Начнете вы сейчас на брониках мотаться, людей хватать, стрелять, не дай бог, конечно, шум ведь поднимется...

— На что и расчет. После тех «бандитских разборок» заинтересованные структуры до сих пор в себя прийти не могут. В рассуждении, что не понимают, кто начал, кто подсутился и чей кон выше.

Андрей со своими корешами из эшелонов встречался, так и говорят: ничего не ясно. Ни по понятиям, ни по нормальной *вертикали*. Миллиарды, понимаешь ты, в воздухе повисли, а подойти к ним страшно. Как умной мыши к салу в мышеловке. Если б генпрокурор, к примеру, все это затеял или начальник ФСБ, да синклит авторитетов даже, в положенное время стрелку бы забили, предъявы сделали, правила ведь все знают. А тут *висяк*. Я с уголовничками дела имел и в

★
прежней жизни, и в следующей. У них знаешь, что самым тяжелым считается? *Непонятка!*

Дали тебе в зоне табуреткой по затылку, если выжил, тем или иным способом объяснят, за что и почему. Если не объясняют — страшно. Предупредили — кто и о чем? Случайный псих — так он и еще раз может. Как уберечься?

Андреев дружок, тот, что информациолог, знаешь, что сказал? Слух пошел, что президент наш, иных способов не имея с «баронской вольницей» справиться, никому не веря, поскольку в Петербурге слишком часто мимо Михайловского замка ходил и судьбу Павла Первого на себя примерял, свою собственную службу создал. И не привычным образом, через администрацию, указы и приказы, а попросту. С одним незасвеченным приятелем на рыбалке поговорил, другого на тропинке возле дачи встретил, третьего на приеме в честь трехсотлетия Петербурга покурить отозвал... Вот вам и «эскадроны смерти» сформированы!

Шульгин, подхватив друга под локоток, повлек его к бару. Свою ударную идею он приберегал, для пущего эффекта желая выдать ее под кофе с коньячком. Уж больно она ему нравилась. Начинаем, начинаем отыгрываться! При игре в «очко» с двумя восьмерками на руках очень мучительно себя чувствуешь. Особенно, если ставка высока. Взять следующую, не взять? Валет, дама, король — твои. Остальное — пролет. Как в песне поется: «Не очко меня сгубило, а к одиннадцати — туз!»

А сейчас вроде король в колоде верхний.

— Скучают мои ребята-корниловцы. Пить нельзя, в город нельзя, обратно не отпускаю. Будет им сегодня ночью развлечение. Наряжу я их в монашеские рясы, укороченные, конечно, чтобы в ногах не путались, клобуки и все такое. На машинах напишем: «Главное управление святейшей православной инквизиции». Эмблемку соорудим. Маячки на крыше. И вперед.

— Ох и иезуит, — рассмеялся Левашов, которому первая рюмка «Викинг Ларсен» пошла, как боженька по душе босыми ногами. — Сигары у тебя есть? Мне от папирос давно язык щиплет.

Сидели они, наклонившись через стол головами друг к другу, будто в самые безмятежные и беспроblemные времена, говорили о вещах, никакого отношения к нынешнему не имеющих, смеялись, шутили теми еще шутками. Такая благодать, такой покой...

Шульгин дернулся первый. Не то, опять что-то не то. Слишком быстро наступила релаксация. Прислушался к себе. Похоже, ничего постороннего. Да и в конце концов, раз в год имеет человек право хоть немного отвлечься?

Человек имеет, а ты — нет!

Прошел по коридору к двери, окликнул Андрея, не переступая порога. Тот в это время обсуждал что-то с Сильвией и Фестом.

Новиков наметанным взглядом и нюхом оценил диспозицию. Сашка не дал ему времени сострить по этому поводу.

— Напрягись. Как последний день в Замке. Ничего не чувствуешь?

Андрей мгновенно вспомнил и тот день, и те ощущения. В библиотеке, в коммунальной кухне, где Сашка угощал его водкой с картошкой, килькой в томате и баклажанной икрой. Сел на стул в углу, закрыл лицо руками, напрягся, лоцируя ближние сферы тонкого мира.

— Нет, Саша, чисто. Как в бане. А что было?

— Как бы и ничего. *Ощущение*. Пуганая ворона куста боится. Показалось мне, выходит. Ты присядь. Олег интересный вариант придумал. Тебе, Удолину и Маштакову работенка. Тоже до утра. Потом другие игры начнем. «Тора, тора, тора!»¹

¹ «Тигр, тигр, тигр!» (япон.). — Кодированная команда по японскому флоту к началу атаки на Перл-Харбор.

Многослойность времени, постоянно подкидывая сложные для восприятия, а зачастую просто неприятные проблемы, имела и свои положительные стороны. Особенно, когда в них более-менее начинаешь разбираться, пусть только на утилитарно-практическом уровне.

Уже выйдя из реальности «2005», можно было сколько угодно заниматься вопросами технического и идеологического обеспечения запланированных акций, не опасаясь опоздать. То же самое справедливо для реальности «1925» относительно «2004».

Ляхов-Секонд с Тархановым, князь с Чекменевым, Уваров со своими бойцами действовали сейчас в пространстве единственно реального для них времени, а вот люди, решившие им помочь, располагали трижды эшелонированными тылами.

Не меньше недели Новиков, Левашов, Удолин и Маштаков астральными и инструментальными методами выстраивали модель обобщенной картины замкнувшихся одна на другую реальностей, каждая из которых, в зависимости от точки зрения, могла расцениваться полноценной химерой.

Что, собственно, и позволило происходить такому *перетеканию сущностей*, невозможному ни в каком другом варианте.

Переналаженный специальным образом *псевдомозг* стратегического симулятора Берестина, его *нагнrogramma* (то есть то, что выше всего искусственно вложенного в материнские и прочие платы и возникло уже в процессе функционирования и взаимодействия железа и софта), наконец показал якобы непротиворечивую картину текущего процесса. Без всякого выхода в Гиперсеть.

Одновременно, как давно запланировал Новиков, машина периодически выдавала в Сеть сигналы, дол-

женствовавшие демонстрировать попытки связи с ней и извлечения скрытой информации в таких-то и таких-то сферах.

Тоже давно известные на Земле принципы радиогри и перегрузки каналов связи белым шумом.

Отчетливо обозначились точки и полосы «прорыва фронта», то есть места и время одно- и двусторонних проходов из «2004» в «2005». И все — исключительно на взаимно налагающихся территориях нынешней РФ и тамошней Российской Державы. Иных, кроме сделанных включениями СПВ, не наблюдалось. Где-либо в Америке или Европе подобных попыток также не предпринималось.

Значит, теория пока верна. Агрессия идет отсюда туда. Даже не так, не агрессия, миграция. Что некогда, вполне еще эмпирически, Шульгин разъяснял Ляхову-Секонду. А тот как мог — Чекменеву.

На самом деле выходило, что значительная часть организации, именовавшейся в начале XX века «Системой», несколько раз сменившая структуру, но не сущность, в лице своих российских филиалов решила избрать для своей жизни и новой деятельности неосвоенную территорию.

Очень похоже на пуритан и прочих сторонников Ветхозаветных традиций, в XVII веке додумавшихся построить очередное Царствие Божие на свеженьком, нетронutom континенте. Ну вы знаете...

Правда, ударную силу для проникновения и завоевания территории они выбрали странноватую. Чеченцы, террористы иных мастей и толков, белые наемники, потерявшие работу в Африке за полной бесперспективностью последней, зомбированные россияне обеих реальностей.

Но с другой стороны — правильно. Как раз тот контингент, о котором спорил матрос Чугай с Леоном

Черным в нашем «Хмуром», тамошнем — «Светлом утре». Того же автора.

Речь у анархиста с большевиком шла о бандитах и ворах как моторе революции. Черный утверждал, что только преступный мир сможет исполнить идею «разрушить до основания» должным образом. Чугай соглашался: да, несомненно, насчет этого — никаких возражений. А дальше? Воры — народ избалованный, трудиться не любит. Но хоть что-то производить надо для простого прокорма. А кто станет производить, если вокруг масса желающих произведенное немедленно отнять? Значит, придется этих самых воров скорее рано, чем поздно, загнать в овраги и — из пулеметов. Тоже — «до основания».

Так и здесь. Когорты наемников-варваров проникнут в зажиревший, заманчиво богатый мир, помогут свалить княжескую власть, поставят на престол диктатора «из своих», аналог Теодориха какого-нибудь.

А потом из-за кулис появится во всем блеске новый Лукулл или Марк Лициний Красс, не впавшие в разврат сибариты эпохи упадка Рима, как принято было о них писать, а жестокие и упругие полководцы времен Пунических войн и разгрома Спартака. Они и устроят «соратникам» и «попутчикам» Аппиеву дорогу, от Москвы до Питера.

И начнется для новых хозяев жизни подлинный «золотой век». Что лучше можно придумать — с опытом нашей земной истории оказаться в том же самом мире, но избавленном от множества пороков. Психологических, экологических, политических и так далее и тому подобное. С цветущей природой, избытком природных ресурсов, гармонией межгосударственных отношений, без наркомании, СПИДа, международного терроризма, всевозможных «осей зла» и «дуг нестабильности», нарастающей ядерной опасности. Без де-

популяции «цивилизованных стран» и стремительного «пожелтения» ойкумены.

Разумеется, здесь тоже не все гладко. Тот же «Черный интернационал», к примеру, или сепаратизм окраин Империи. Но говоря всерьез, это такие пустяки на фоне всего прочего! Вроде как сидеть в Чернобыле и рассуждать, что на Гавайи перебраться-то можно, только, по слухам, там москиты ночами кусаются.

Окончательно картина грандиозных планов новых колонизаторов сложилась, когда Шульгин с помощью Затевахина реализовал свой план «Варфоломеевской ночи». Что оказалось не так просто, как представлялось с первого взгляда. Прежде всего нужно было решить, как именно поступать с элементами, подлежащими изъятию? Их насчитывалось около полутора сотен только в «первом эшелоне».

Семнадцать человек «вдохновителей и организаторов», всю концепцию выдумавших, разработавших детальный и поэтапный план, ведущих каждый свое направление. Тот же господин Медведев с директором института, обеспечившие доведение до почти поточно-го производства аппаратуры «ГНП».

Особая группа, подбиравшая кандидатуры на «обработку» с учетом их положения и задач здесь, и других, которые в определенном качестве пригодятся «там».

Команда стратегов, намечавшая объекты и моменты вмешательства в обоих мирах, отслеживающая динамику процесса в зависимости от сочетания целенаправленных действий и вмешательства случайных факторов. Как, например, появление в Пятигорске Тарханова, срыв операции против Ляхова на пароходе, героический рейд по Бельведеру Уварова и еще масса подобных накладок и сцеплений в принципе непредсказуемых событий.

Еще человек сто работали «под контролем», подведгнущихся в разное время обработке разной степе-

ни глубины и интенсивности. Кто-то получил почти неуловимую акцентуацию уже имеющихся черт характера, другие — серьезную перезагрузку глубинных уровней личности.

Что иное заставило бы известного на всю страну миллиардера на личные средства приобрести в собственность совершенно ему не нужный огромный научно-технический комплекс, включающий несколько НИИ и заводов компьютерной техники, создать Совет директоров из рекомендованных «свыше» людей, после чего потерять к затее всякий текущий интерес. Занимаются люди разработкой всеобъемлющего «Прогноза политико-экономического развития России на период до 2050 года с учетом мировых тенденций», и никого это не касается. Финансирования требуется меньше, чем на самый обычный футбольный клуб, а польза — несомненная.

Точно так же у отдельных генералов и полковников как бы сами собой вызревали мысли о необходимости спасения Отечества от антинародного режима, возрождения былой мощи Советской Армии, силового восстановления Союза и тому подобное. Некоторые из них, подчиняясь программе, непрерывно выступали в печати и военных академиях с алармистскими прогнозами и экстремистскими призывами, другие делали свое дело тихо, но гораздо эффективнее. О чем речь позже.

Проскрипционные списки¹, составленные на основании «лабораторных журналов» Затевахина, компьютерных дедуктивных построений, ясновидения Удолина и оперативной работы, которую Шульгин вел последние полгода в «инициативном порядке», совпадали текстуально примерно по половине персонажей, что

¹Проскрипции — списки лиц, объявленных вне закона, лишенных прав состояния и подлежащих преследованию (*древнеримск.*).

говорило об их безусловной причастности к самому ядру сообщества. Остальные оказались в поле зрения «Совета» по разным основаниям и требовали дополнительной разработки. Сама ведь по себе «нехорошая аура» или, скажем, график командировок высокопоставленного офицера Министерства обороны, неоднократно в течение года пересекавшийся с маршрутами человека, близко знакомого с женой господина Медведева, — еще не приговор. Но — повод для размышлений.

Или — те же точки пробоев границы реальностей. Наверняка ведь люди, уже попавшие под наблюдение и подозрение, оказываясь поблизости от них в нужное время, должны рассматриваться, как причастные к «Системе»? Должны.

Впрочем, подобные попытки привести практику собственных действий в согласие с некими от века установленными презумпциями уместны более в частных записках Новикова, нежели в вахтенном журнале ведущего бой корабля.

Так как же с ними поступать, продолжали обсуждать непосредственно руководящие операцией ответственные лица?

Свозить задержанных на Столешников? Места не хватит, да и как со стороны будет выглядеть в центре нынешней Москвы картина, когда всю ночь к определенному дому подъезжают грузовики и автобусы, откуда гонят вверх по лестнице явно арестованных, вполне приличного вида людей? Сотнями!

Арендовать заброшенный дом на окраине, использовать развалины цеха по производству стальных электрических утюгов в районе Мытищ? Далеко, требует предварительных работ по обеспечению безопас-

ности, размещению установки СПВ, протяжке силовых кабелей и прочая, и прочая, и прочая.

Замысел-то операции сводился именно к тому, чтобы выдернуть фигурантов из их экологических ниш и биоценозов практически одновременно, не дав сработать системе оповещения и взаимной защиты, которая наверняка имеет место. «Сегодня вечером рано, завтра утром — поздно», — один из тактически верных афоризмов В. И. Ленина. Лучше него только второй: «Учиться, учиться и учиться!»

Гениальные озарения, на которые опиралась в своем развитии цивилизация Хараши Венеша¹, иногда не чужды и людям. Новиков совершенно неожиданно, как бы не по теме, вспомнил старшего брата-железнодорожника. Просто пришла на ум одна из его присказок, до которых Генрих был большой мастер. И тут же перемкнуло. Последние сто лет железная дорога для России — это все! А сегодня и для нас тоже!

Вот она, Окружная, последнее время совсем мало используемая, но вполне действующая, со всеми ее ответвлениями, связками, маневровыми путями, разъездами, законсервированными станциями и полустанками. Ходили слухи, что и с метро она связана достаточно тесно. Вообще не дорога, а полумистический артефакт.

А чем же еще мы сейчас занимаемся?

Андрей выскочил в реальность «2004». Ну, потеряем полчаса-час, не такая уж беда в сравнении с выигрышем совсем по-другому счету.

Опять Москва, опять снег, но не такой, как в «пятом», а настоящий, даже в пределах Тверской и бульваров решительно закрывающий уличную слякоть густой пушистой порошей. Но все равно в феврале все-таки семьдесят четвертого и снегопад, и метель были покруче! Тогда улицы даже солью редко посыпали

¹ Инопланетянин, герой рассказа Рассела «Будничная работа»

все больше песком и очень умеренно. Отчего и не было на тротуарах хлюпающей мерзкой каши.

Так и вспомнился сейчас угол Сретенских ворот и Рождественского бульвара, где Новиков ждал Ирину. Совершенно как Мурманск, Москва выглядела, или Новороссийск в разгар «борьбы». Один неверный шаг под ветер, и потащит, и покатит по тротуару, выкинет на мостовую, хорошо, не под колеса. Однажды в Новороссийске с ним такое и случилось. Сначала сдуло на проезжую часть и тут же выдуло, прямо из-под автобусного бампера.

С угла сквера, прямо напротив окон здания, в котором обосновался друг-замминистра, Андрей позвонил по сотовому, так и не ставшему еще привычным, телефону. Хотя ценил, что приятель, а может, теперь и друг, «нас так мало осталось в конном строю», дал ему один из самых конфиденциальных номеров, всего шестизначный.

— Приветствую ваше степенство, Кирилл Мефодиевич, — сказал Новиков. Это тоже звучало паролем, сегодня едва ли три человека могли обратиться к генерал-полковнику таким образом, по кличке времен журфака.

— Здоров, Андрюха. Проблемы возникли?

— О чем говоришь? Настроение предпраздничное, поболтать захотелось. Выгляни в окошко, снег-то какой!

Говорил Новиков специально голосом сильно подгулявшего человека, подозревая, что и у таких больших начальников особо защищенные линии могут прослушиваться. Сам он знал, что по-настоящему защищенной связи не бывает.

— Градусов на десять левее памятнику борцу за свободу гаитянского народа...

По короткому покашливанию в трубку понял, что Кирилл его увидел. Хоть и в бинокль.

— На обед когда поедешь?

— Я в кабинете обедаю. Извини, Андрюша, недосуг болтать. В конце *години*¹ *посвободнее будет, на гачу, может, выберемся...*

«Слухач» среднерусского происхождения с ходу может подумать, что — в «конце года», до которого не так и далеко.

Андрей посмотрел на часы, кивнул, показал один палец:

— Можно и так. — Следующим жестом обозначил — прямо и первый поворот направо. — Договорились?

— Ага.

Хорошо. Друг все понял и игру принял.

Полчаса пришлось покрутиться вокруг подавляющих своим мрачным величием, сверху донизу остекленных и все равно напоминающих храмы Карнака офисов. Обставленных в шесть рядов столь же неприятными взгляду автомобилями. Даже у Гитлера с его «Майбахами» и «Опель-адмиралами» вкус был лучше. Конкурс катафалков, иначе не скажешь.

На этом фоне желтая пятиэтажка послевоенной постройки, где помещались возглавляемые Кириллом Дубровиным службы, смотрелась скромно, хоть и была оснащена всякими современными прибабасами, вроде евроокон с медного оттенка стеклами и защитного козырька над зеленой ковровиновой дорожкой от ступенек до автостоянки.

Хорошо, на противоположной стороне улицы и по периметру площади сообразительные частники понастроили пивнушек, забегаловок, пиццерий, фиш-лайнов и бистро для многочисленной рати мелких чиновников и клерков, желающих схватить свой бизнес-ланч, не удаляясь от контор. И вечером перехватить рюмку по дороге домой.

¹ Година — час (укр.).

Новиков нескучно провел время, не выпуская из поля зрения нужный подъезд. У него тоже была при себе монокулярная трубка, помещающаяся в кулаке, но десятикратная.

Кирилл вышел на крыльцо, спустился к предупредительно распахнутой лакеем, впрочем, в его случае, наверное, адъютантом, дверке «Мерседеса».

Пока он размещал на заднем сиденье свое дородное тело (за минувшие годы поджарый турист и альпинист раздался почти втрое), пока водитель аккуратно выруливал со стоянки, Андрей вполне успел пешком на условленное место.

— Чего «Роллс-Ройсы» себе не взяли, хозяева жизни? — в меру иронично спросил он, усаживаясь рядом и пожимая руку товарища. — Гулять так гулять. Толпе все одно, на чем вы катаетесь, коллег не удивишь, так какого ж хрена? Я не в обиду, я в этнографических целях интересуюсь.

— Мы для тебя, значит, объекты наблюдения? — с ленцой спросил Кирилл, откинул дверцу бара. — Пить будешь?

Андрей смочил губы. Машина шла так мягко по Стромынке, что бокал можно было поставить и на колесо.

— У меня Главный военный советник, настоящий генерал-лейтенант, не вам чета, в Отечественную воевавший, демонстративно от Рио-Гранде до Юкатана на «зиме» ездил. Из Москвы самолетом доставили. Чтоб не ронять достоинство Державы!

— Ты меня что, воспитывать сюда пригласил? — по-прежнему лениво спросил Дубровин, но ощущалось, что он начинает внутренне накаляться. Что Новикову и требовалось.

— Ни в коем разе. Абсолютно наоборот. Покрутившись в Отечестве, поняв нынешнюю суть жизни, решил в меру сил помочь друзьям адаптироваться к капитализму, минуя его крайности...

— Во, бя, епископ Досифей, проповедник нестяжания... Да если я завтра на «Рено» или «Пассате» приеду, меня послезавтра выгонят. Что, скажут, святое президента решил быть? У нас тут как-то собрался один деятель чиновников на «Волги» пересадить. Вся Россия смеялась, включая тех, кому и на метро не всегда хватает...

— Далеко зашедший случай блокадного синдрома. Так наголодались в детстве, что до сей поры огрызки в наволочку прячут...

— Слушай, если у тебя дело — говори, у меня правда времени мало...

— Ты предел своих желаний, потребностей и притязаний знаешь? — спросил Андрей, делая еще глоток.

— Белая горячка? Только о смысле жизни я сегодня еще не рассуждал, остальное все было. Поехали обратно!

— Ну, для чего так резко сразу? — Голос Новикова спустился ниже на две октавы. — Вот это — входит в круг твоих желаний?

Он поднял из-под ног темной кожи кейс, расстегнул. Тот ровненько был забит заклеенными стодолларовыми пачками.

— Убери. Немедленно. Я ничего не видел, не слышал и знать не хочу!

— Естественно. Ничего и не было. Это я свой кошелек случайно раскрыл, визитку искал. И отпечатки пальцев там только мои, и квитанция из банка о законном получении процентов по вкладу. Самое же главное — нет по твоей должности услуг, достойных такой взятки. Хочешь, повторю под запись? В случае чего и на делириум тременс сослаться можешь. Свою.

В плане того делирия и спрашиваю. Министром стать хочешь? Завтра сделаем. А может, я не в курсе — мечтаешь удалиться под сень струй? Имение, вроде как у Некрасова в Карабихе? Два дома, сорок

комнат, тысяча гектаров охотничьих угодий... И никаких вопросов со стороны надоедливой прессы и прокуратуры...

Кирилл повернулся, внимательно посмотрел в совершенно трезвые, разумные, проблескивающие веселыми чертиками глаза Новикова. Плеснул в рот прямо из бутылки глоток неразбавленного виски.

— А вот теперь — начнем медленно, доходчиво и только по делу. Ты, часом, не из этих?.. — Он повертел пальцами в воздухе, подбирая слово.

— Из альтруистов? — подсказал Андрей.

— Не мешай. Этих... Тут, совершенно конфиденциально по Москве от уха к уху якобы совсекретная байка ходит. Имеются, мол, люди, которые дорогу в параллельный мир открыли. Ну, мы с тобой подобное давным-давно читали, я уж и забыть за делами успел. И за приличные бабки или за конкретную деловую помощь визу туда приобрести можно.

«Во как! — по-настоящему удивился Андрей. — Мир рыночных отношений. Сколько бы мы могли в свое время срубить за билет на Валгаллу. Только стоп, братцы, деньги тут при чем?»

Ему показалось, что еще очень важная мысль забрезжила после слов Кирилла. Людям, владеющим тайной, к чему деньги? Они их ведь и так...

А вот и не так!

Это мы, владея СПВ, дубликатором, да просто собственными характерами и натурами, на деньги плевали. А по-другому если? Приставлен волей случая человек к калитке. Из этого мира в тот, и никаких больше за ним заслуг и умений не числится. Пусть даже запрограммированный, так Затевахин сказал, что totally зомбированных — единицы. Остальные — в меру необходимости. А что такое в российских широких душах эта самая необходимость? Так, уголок в сознании. Вроде партбилета в былое время в нагрудном кармане.

Вот и наладились ребята. Сначала вербовали по разнарядке и технической необходимости, а потом пошло совершенно как в миниатюрах Райкина: «Кто чего охраняет, тот то и имеет. У меня вон вся ванная белым клавишем отделана. Унитаз с двумя педалями...»

— Так, Кирюша, наш разговор совсем на другой регистр переходит. Я совершенно не из альтруистов. Сам понимаешь, раз на самом деле *такие* проценты с одного из счетов снять могу. Мою историю я тебе в прошлый раз достаточно подробно изложил, причем, уверен, не ты будешь, если ее через дружков из *братских структур* не прокачал. Правильно говорю?

— Работа у меня такая, Андрей. Почему и держимся с нашим министром пятнадцать лет на должности, когда других и как звать забыли.

— Прикажи шоферу в Сокольники свернуть. Там погуляем минут десять-пятнадцать, уточним моменты...

Оба были старыми москвичами, без особого труда нашли аллею, очень похожую на ту, что изобразил Левитан. По-студенчески присели на спинку скамейки.

— Расскажи, что знаешь, в какой трактовке разговор про новый мир идет. Не трепотню, как серьезные люди излагают и как относятся?

Дубровин рассказал. За исключением некоторых заведомо, на потребу публике искаженных моментов, почти все было правдой. Самое же главное, в отличие от шейха, вождя ассасинов, реклама не ограничивалась крупными дозами наркотиков и массовой из тогдашних статисток, изображающих гурий.

Солидным клиентам без предоплаты устраивали экскурсии в «2005», позволяли посмотреть и убедиться, гарантировали обмен всех «активов» на золото в слитках и монетах, после чего вели дальнейшую обработку по нужной директриссе.

— Ты сам — веришь? — спросил Новиков.

— Предпочел бы не верить. Но раз уж *ты* до меня с этим вопросом добрался... — Кирилл развел руками. — Не сочти за лесть, с институтских времен я перед тобой в душе преклонялся...

Андрей возмущенно воздел руки.

— Не мешай! Единственно за то, что ты всегда делал только то, что хотел. Это могло быть нерационально, глупо, сопряжено с неприятностями, однако — всегда вызывало уважение высшего порядка. Прости за громкие слова.

Видел бы кто из подчиненных генерал-полковника, с наслаждением глотающего виски из горлышка и светлого лицом.

— А сам бы — пошел *туда*?

Дубровин свел к переносице брови. Неожиданно, чего Новиков не видел с тех самых времен, оторвал от дорогой сигареты фильтр, закурил ее, как «Приму».

— Честно говорю, не знаю. Как слышал — там хорошо. Как подумаю — совсем не мое. Просветишь?

— В двух словах — царская Россия, какой она стала бы через восемьдесят лет без войн и революций. — Андрей посмотрел на часы. — О подробностях поговорить успеем. Да и прогуляться в тот мир можно. Буквально на днях. У меня свой вход, бесплатный. А сейчас мне от тебя что нужно?

Сделай мне тепловоз или электровоз, который бы в течение ночи ходил по Окружной только по моей команде. Часиков с семи вечера и до пяти утра. В общем, как стемнеет. И один плацкартный вагон к нему прицепить непременно. Я много кататься не собираюсь, круга три, может, и все. Отмазка, так, на всякий случай — захотел уважаемый человек таким нестандартным образом юбилей свой отпраздновать. Другие катерами по Москве-реке, а этот — в поезде. Да кто с тебя спросит?

Если требуется кому заплатить — тот самый кошелек в твоей машине. Я туда не вернусь. А остальное...

★ Помнишь Ильфа с Петровым? «Как пожелаем, так и сделаем!» Только я не из «альтруистов». Я из «Патруля времени».

— Неслабо. И на чьей стороне?

— Вообще на нашей, — при этом ткнул себя в грудь большим пальцем, — но конкретно сейчас — помогаю той России. Потому как «альтруисты», они же — «озабоченные гуманисты», не просто эмиграцию избранных в теплые края затеяли, они там вооруженный захват власти именно сейчас производят. Если не помешаем — получится новое издание Эльдorado под властью конкистадоров. Вариант ГУЛАГа для местных жителей и пиратская республика Тортуга для избранных. Победим — получишь титул потомственного почетного гражданина...

— Договорились. Будет маневровый с вагоном. Тебе, надеюсь, скоростной магистральный локомотив не обязателен? Я перезвоню, скажу, куда и к кому обратиться.

Шульгин, разумеется, шутил или, как здесь говорят, прикалывался насчет «православной инквизиции». Просто пришел ему в тот момент на память генерал Суздалев из «2056» и его религиозные штурмовые отряды. А здесь зачем такие демонстративные перформансы устраивать? И так в стране обстановка качается, как бычок на досточке.

Все должно произойти тихо и аккуратно.

Из-за масштабов операции пришлось привлечь все имеющиеся в распоряжении силы. Два взвода корниловских офицеров, всех наличных роботов числом шесть, членов команды, конечно, ориентирующихся в топографии и текущих реалиях московской жизни — Новикова, Берестина, Сильвию, Ирину, даже Ростокина, имевшего опыт спецопераций. Левашов снова, как

в самой первой схватке с агтрами, отвечал за аппаратное обеспечение операции «Снег и туман».

Чтобы разом накрыть сетью всю Москву и окрестные дачные поселки, этого было до обидного мало. Прошлый раз, подавляя левокоммунистический мятеж, они ввели в город (вдесятеро меньший по площади и населению) три с половиной дивизии, верных Троцкому, да еще две ударных бригады ВСЮР. Сейчас столь масштабных боевых действий не намечалось, однако от дивизии опытных бойцов Шульгин бы не отказался. Вроде тех же «печенегов».

Хорошо, они с Андреем, очутившись здесь, по старой привычке озаботились не только финансовыми вопросами, но и немедленно начали заниматься кадрами. Старые связи — это само собой, однако и свежая агентура у них появилась. Сашка, как уже упоминалось, прошелся по цепочкам российских и работавших в стране зарубежных правопреемников «Системы», какие-то реанимировал самостоятельно, с другими наладил контакты под личиной «эmissара с особыми полномочиями». Тогда еще не слишком понимая, какая от них может проистечь конкретная польза. На всякий случай.

Раз уж оказался в открытом море в роли капитана на чужом корабле, первым делом разберись с экипажем, законопать течи, подтяни стоячий и проверь бегучий такелаж, наличие запасов, исправность компасов и секстангов, а потом плыви куда заблагорассудится или придется.

И Новиков кое-что сделал в этом направлении. Последнее время представителей ОПГ не только отстреливали и опускали, с ними проводили «воспитательную работу». Кого откровенно вербовали в агентуру, с другими, посообразительнее и не «отмороженными», а признающими «закон», заключали взаимовыгодные конвенции и договоры.

★ Так же и с сотрудниками правоохранительных и правоприменительных органов. Далеко не все там сплошь «оборотни в погонах». Достаточно и таких, которым по сию пору «за державу обидно», только с плетью на обух не лезут по причине здорового прагматизма. Сотни две заслуживающих доверия и подходящих по психотипу милицейских, эфэсбэшных, прокурорских и иных работников Андрей с помощью Ирины и Сильвии отыскал.

Для них он, по типу достославной чекистской операции «Трест», придумал глубоко законспирированную организацию «Черная метка», якобы имеющую целью рано или поздно внедриться на все уровни силовых структур, вплоть до высших, организовать тотальную чистку рядов, вроде как в ежовские времена от ягодищцев, а в бериевские — от ежовцев. После чего учредить настоящую диктатуру закона и справедливости, чтобы каждый вор сидел в тюрьме, а постовой сержант штрафовал Президента за нарушение ПДД.

К чести своей Новиков не ограничился исключительно надуванием щек и дружескими посиделками за счет приглашенных. Он действительно сводил предварительно вовлеченных и идеологически обработанных людей друг с другом в качестве представителей параллельно действующих ячеек, помогал разрабатывать показательные акции, сдавал им подлинных «оборотней», выявлял и рвал коррупционные схемы.

Главное же, от имени «Высшего Суда», все организующего и направляющего (девиз организации, кстати, цитата из Лермонтова: «Есть Высший судия, он ждет, он недоступен звону злата!»), туманно намекал, что «Черная метка» поддерживается Самим, и значительно поднимал глаза. Средства на работу выделяются почти неограниченные, что было правдой и что у самых недоверчивых рассеивало малейшие сомнения.

Действительно, была бы затея провокацией, чьей угодно, откуда взялись бы деньги на поддержку самых

результативных борцов с преступностью и коррупцией? Воры и бюрократы отваливают миллионы, чтобы их лучше ловили, ничего не требуя взамен?

Конечно, включив вторую и следующие логические связи, вариантов, как использовать во зло благородную организацию, найти можно было как минимум три, один изящней другого, но на том уровне, где работал Андрей, специалистов его класса пока не наблюдалось.

Таким образом, этой ночью они с Шульгиным, кроме непосредственно посвященных, могли вывести на улицы сотню-другую противоположно ориентированных, но готовых потрудиться на общее благо людей. Главное, чтобы пути преступников и правоохранителей нигде не пересеклись.

Вагон с локомотивом ждал, как и было обещано, у платформы позади Ваганьковского кладбища. На микроавтобусе подвезли установку СПВ. Левашову, как он ни старался, создать модификацию, работающую на батареях, не удавалось. Обязательно требовалось сетевое питание. Что в Москве, что на Валгалле, хотя бы от танкового дизеля с генератором.

Хорошо, на железной дороге с этим проблем не было. Посередине вагона стробцинами закрепили не слишком тяжелое устройство, на всякий случай отсек, где оно разместилось, затянули с четырех сторон полотнищами кевлара, смотанного в подпружиненные футляры, наподобие экранов кинопередвижек. От случайной пули, например.

Олег с пультом управления занял соседнее купе. В помещении проводников — охрана.

Левашов повертел верньеры, еще по-старинному сделанные, когда и сенсоров не было, убедился, что через трансформаторы и буферы подается именно тот ток и напряжение, что требуется. Ввел поправочные коэффициенты на прямое и угловое движение поезда,

чтобы точка выхода канала оставалась на одном и том же месте. Иначе изволь потом клиентуру в море и на горных склонах собирать.

Выходной портал был ориентирован на участок батарейной палубы, примыкающий к кают-компаниям и офицерскому коридору броненосца «Три святителя». Очень удобно. Тысяча девятьсот двадцать пятый год, уединенная бухта вдали от Севастополя, четырехсот-миллиметровая броня вокруг, экипаж, которому совершенно все равно, кого и зачем сюда доставили. В Гражданскую и не на такое насмотрелись. Всех задержанных примут специально назначенные матросы и офицеры, разведут по каютам и отсекам, велют сидеть тихо. Питьевая вода в бачках, гальюны неподалеку.

Потом, когда операция будет окончена, с контингентом поработают индивидуально. Времени хватит. Пусть даже через два-три дня всплывет полезная информация, из «1925» в «2004» или «2005» можно вернуться через несколько минут и принять меры.

Новиков с четырьмя полковниками столичных служб — ГИБДД, без которого не обойтись, ОМОНа, СОБРа и Управления собственной безопасности ГУВД — и двумя своими, которым нужно было войти в курс дела, сидели над план-картой, выведенной на огромный электронный планшет.

Радиусы от столешниковской квартиры к точкам перехвата клиентов были проложены гуще, чем спицы в велосипедном колесе. С асимметричными просветами в непрестижных местах проживания.

Все документы, необходимые для успокоения совесть честных офицеров, лежали на столе. Правда, не заверенные в должном порядке, но профессионалам достаточно одного взгляда.

— Насчет последствий, Андрей Дмитриевич, не беспокойтесь, — сказал достаточно крупный, чтобы командовать постовыми, и достаточно мелкий, чтобы от-

вечать за конечный результат, полковник Вепрев. — Всех перехватим без проблем и доставим в нужное место.

— Нужное место передвижное, поэтому сами будете объявлять, где вам всего удобнее сдать товар.

Новиков объяснил суть замысла, и полковники прониклись к нему еще большим уважением. Вот уж точно, парень *пургу не гонит*.

— Прикрытие сверху тоже гарантирую. Через полчаса вы все получите, по всем положенным каналам, приказы от таких начальников, что сомневаться у вас причин не будет.

— Как, и от?.. — поразился полковник СОБРа Крутилин. — Он же сам в списке!

— В том и цирк. От него и получите, в пакете с четырьмя печатями...

— Главная цель — перехватить ребят в движении. На улице, на трассе они никто. Поджали с боков, ствол в морду, перекинули в свою машину — и на место. Прозеваете — из дома придется брать. Что намного сложнее. Охрана, соседи, телефоны и прочее. Так что за работу, товарищи. Премияльный фонд для непосредственных участников — вот он.

Новиков поднял вверх задвижку шведского бюро. Были в свое время — стулья венские, а бюро (то есть комбинация письменного стола и секретера) — шведские. Непременно из светлого дерева. А задвижка над столешницей — из собирающихся гармошкой планочек. Красивая мебель.

Деньги лежали в полном бесстыдстве. Ничем не прикрытые. Верхняя полка — евро. Средняя — доллары, нижняя — рубли. Сколько хочешь.

Еще один психологический тест Новикова. Какая реакция будет?

— Вот так? — спросил гибэдэдэшник. — Бери и иди?

— Исходя из реальной необходимости, — повторил Андрей.

Веселая была в Москве эта ночь. Новиков, поскольку бывал в столице не ранее сорок первого, такого не помнил, а Шульгин из тридцать восьмого — в полной мере.

Забыл народ, забыл, что могут прижать дорогуший «шестисотый» или даже «Бентли» к бордюру, показать «корочки», дать автоматным стволом в морду охраннику и перевалить хозяина жизни в «бычок» или «Газель» с надписью: «Доставка грузов везде. От 1 килограмма».

Кого не успели принять на дороге или вообще он не выезжал сегодня из поместья, строгие вежливые люди с полным отсутствием человеческих эмоций на лице и в повадках забирали из квартир или любовно выстроенных и отделанных домов.

— Видите, гражданин, постановление о задержании? Адвокату — звоните, но уже от нас. С собой? Как положено. Туалетные принадлежности, две смены белья. Спортивный костюм рекомендуем. И тапочки. В камере галстук, шнурки, ремень не положено. Курево разрешается неограниченно. Поехали. За что? Это не к нам, это к прокурору.

Потом плохо освещенный полустанок, замусоренная нерабочая платформа, глухо урчащий тепловоз, вагон с занавешенными окнами. Конвой принимает от оперативников задержанного без всяких формальностей. Тычок в спину. «Проходите, гражданин, по коридору, не задерживайте... Руки держать за спиной».

Что поразительно, как и в достопамятном году никто всерьез не брыкался и почти не протестовал. Ни хозяева, ни охранники. За каким чертом держали на виллах и в квартирах винтовки, пистолеты и автоматы, зачем платили туповатым парням впятеро больше, чем академикам, если те бросали на пол свои «Сайги» и «Меркели» при первых же словах, с правильной интонацией произнесенных?

Собаки, бывало, не понимали важности момента.

цепные рвались с привязей, а комнатные пытались в меру своих слабых сил напугать пришельцев.

В мелькании многих лиц, улиц, переулков и интерьеров Андрею отчего-то запомнилось одно лицо. Почему, он и сам не понял. Полный рыжий мужик, лунообразная физиономия обрамлена кудрями и столыпинской бородой, высоким голосом произносивший стихотворение Цветаевой, стоя с бокалом во главе окруженного гостями стола. Числившийся в первых двух десятках списка Форбса, то есть долларовый миллиардер.

И вдруг открылась дверь, ввалились люди, не местные менты или собровцы, на этот раз — настоящие корниловцы, с положенными нашивками на рукавах. Которым здесь было и привычно, ввиду сходства помещений и стиля гулянки, и безразлично по той же причине.

Взяли под руки и повели.

Как он кричал и вырывался!

Неизвестно на что надеясь.

Да и кому же хочется — из тепла, уюта, обожающей тебя компании — неизвестно куда? Хорошо, если просто в тюрьму, как Ходорковского. А тут черепа с трехцветными треугольниками на рукавах. Явно не милиция и не прокуратура.

«А зачем ты, парень, — мысленно спросил его Новиков, когда красавца затолкали в машину, — три миллиона долларов отдал на вербовку чеченского отряда на ту сторону? Здесь плохо жилось?»

Гостям велели сидеть тихо, если аппетит не пропал — продолжать гулянку. Прочих присутствующих операция не касается.

Несколько инцидентов все-таки случилось. Не без этого. Один клиент словчился застрелиться. Так, словно много раз репетировал под руководством Станиславского. Распахнулась дверь кабинета, и хозяин уви-

дел на пороге людей в форме. Другие и осознать не успевали, что происходит, а этот неуловимым движением сунул руку в ящик стола, навскид упер ствол «ПМ» снизу под угол челюсти, нажал спуск.

Сколько же он сам за собой грехов числил, если и на долю секунды не задумался: а может, обойдется, может, удастся выкрутиться, как другие выкручиваются?..

Корниловцы, люди военные и весьма настороженные в чужом мире, тоже иногда проявляли несдержанность. Слишком прямолинейно реагировали на чересчур экспансивные жесты и действия.

Вагон притормозил во втором часу ночи у Рижской платформы. Шульгин заскочил на откинутую ступеньку, похожий на себя самого шестью годами раньше. (Или пятью, или семидестью, кто теперь разберется?) На нем был все тот же, с двадцать первого года, обтягивающий ихтиандровский костюм, автомат «ППСШ» на правом плече, много другой амуниции на ремнях и разгрузке.

В проходе было пусто. Пауза наступила. Охранники, словно обычные проводники, пили чай из тонких стаканов в эмпээсовских¹ фирменных подстаканниках, свалив автоматы на верхние полки купе. Левашов курил, откинувшись на спинку дивана.

— Сколько пропустил? — спросил Сашка, присаживаясь рядом.

— Сто тридцать три человека, — ответил Олег, взглянув на счетчик.

— Еще примерно сотня, и все. Эксцессов не было?

— Какие эксцессы? Сюда входили уже поломан-

¹ МПС — министерство путей сообщения СССР, для нужда пассажиров выпускались подстаканники из мельхиора с вензелями и эмблемами этого ведомства, достаточно тяжелые, чтобы на ходу не падать со столиков.

ные. Неужели внезапный арест — это вправду так страшно?

— Кому как. Настоящих профессионалов даже бодрит. Вот я помню...

Рассказать он не успел. Доставили свежую партию задержанных. С ними прибыл и Берестин, одетый в обычный камуфляж с генеральскими погонами.

Левашов протянул руку, щелкнул переключателем, коридор вагона озарился отблеском сиреневой рамки, и люди, вообразившие, что садятся в тюремный вагон, торопливо, едва не рысцой спешившие по узкому проходу, вдруг оказались в громадном, слабо освещенном пространстве.

Под ногами — деревянная, хорошо выскобленная палуба. Над головой — белым крашенный железный потолок с многочисленными поперечными балками бимсов, выступами, крючьями, рельсовыми путями, люками и лючками. Справа и слева, сколько достает глаз — трапы, стойки, рундуки, казенники пушек и пеналы элеваторов подачи рядом с ними.

Человек, имеющий малейшее понятие о военном флоте и устройстве кораблей, сразу сообразил бы, хоть в первом приближении, куда его доставили. Для прочих — интерьер непонятный, путающий бессмысленным сочетанием своих элементов. В заграничных боевиках, которые только и смотрели время от времени большинство присутствующих, ударные эпизоды происходили чаще на заброшенных заводах, чем на кораблях преддредноутной эпохи.

— Всем к борту. В одну шеренгу. Два шага интервал. Стоять вольно. Резких движений не делать. Начинаем переключку...

Прежде всего Шульгина с Алексеем интересовали военнослужащие, причастные к вербовке и отправке отрядов наемников. Компьютер компьютером, но он может показать в лучшем случае масс-объемные характеристики объектов, перемещенных через барьер

в ближайшие сутки-двое. Численный состав подразделений, в том числе и тех, что просочились в реальность раньше, данные о вооружении, боевых задачах, частных и общих, личностные качества командиров, их мотивация, все это придется извлекать из «носителей информации» прямо сейчас.

А парни в Берендеевке по-прежнему ведут бой. Шульгин через Ляхова-Секонда обещал им помощь не позднее, чем через четыре часа от момента последней связи. Часа полтора, а то и два из-за неизбежных потерь при переключениях и переходах там, пожалуй, уже прошло.

ГЛАВА 21

Чекменев с Миллером перегруппировали свои силы. В свете полученных от Уварова докладов на боевую устойчивость дворцовых гренадер в поле рассчитывать не приходилось, если по ним ударит батальон боевиков, подобных тем, которых пока что сдерживали «печенеги».

Нет, народ в роте надежный, верный присяге, но все же больше специализирован на плац-парадах и внутренних караулах. Это не штурмгвардия и не диверсанты, каждый из которых сам себе и личный состав, и командир. Лучше отвести их за линию стен и, пока не поздно, рубить бойницы по всем азимутам.

— Мин нет, — матерился Миллер, — артиллерии нет, как оборону строить?

— Скажи спасибо за то, что есть, — ровным голосом отвечал ему с веранды Олег Константинович, исключительно для порядка осматривая свои многочисленные винтовки и штуцеры, оснащенные уникальной оптикой. Если начнется плотная осада или штурм, он поднимется на галерею, откуда открывается круговой обзор, и будет отстреливаться до последнего патрона.

— Жаль, что вы не приказали Уварову пригнать с базы хранения еще машины три боеприпасов...

— А ты бы подсказал вовремя...

Войсковой старшина подавился следующим словом.

— Ты, Павел, запомни, — продолжал князь, — у нас тут не Баязет, месяц нам не высидеть, хоть с боеприпасами, хоть без. Либо подойдет помощь, либо нам кранты через час боя хотя бы с регулярным полком. То, что враг медлит, слегка обнадеживает. Значит, сил у него не так много или они связаны в других точках.

Миллер много лет служил по Протокольному ведомству, строевого опыта почти не имел, несмотря на казачью закваску, потому и поучал его Олег Константинович. А больше для себя он все это говорил, ибо известно — ничто так не успокаивает, как разъяснение общеизвестных предметов.

— Стоит у неприятеля появиться взводу танков или парочке полевых гаубиц — раскатают Берендеевку по бревнышку. Жалко будет, коллекции тут у меня неплохие собраны...

В ворота влетел небольшой грузовичок-пикап, на подножке стоял, держась одной рукой за стойку окна, Чекменев. В другой держал незнакомого вида пулемет. Генерал соскочил, не успела еще машина остановиться перед ступеньками крыльца.

В кузове князь увидел измазанного копотью, в висящей лохмотьями куртке «печенег» и два лежащих ничком тела в камуфляжах. На одном офицер сидел, на второе поставил облепленные грязью ботинки.

— Трофеи взяты, Ваше Величество, и пленные! — доложил Чекменев. — Сопровождает подпоручик Юрис.

Подпоручик перепрыгнул через борт, отдал честь, явно стесняясь своего вида. Вытащил из машины и сложил к ногам Олега еще один пулемет и три автомата, тоже не здешние. Символически получилось.

— Все в рабочем состоянии. Бьют намного лучше

наших. Изготовлены тем не менее, судя по клеймам, в Туле...

— Поздравляю поручиком, Юрис! Покажите пленных. Они хоть живые?

— Рад стараться! — снова козырнул поручик. — Живые, но не ходячие. Ноги перебиты. Противошоковое вколото.

— Говорить могут?

Юрис развел руками.

— Только матерятся, прошу прощения. И переговариваются иногда не по-русски...

— Покажи.

Князь спустился к машине. Поручик с натугой перевернул боевиков на спину.

— Да-а, красавцы, — оценил Олег Константинович. — Откуда, как звать? — резко спросил он по-русски, потом еще на нескольких восточных языках. Один промолчал, ворочая покрасневшими от боли глазами. Второй сквозь зубы бросил: — Ведено. Видишь, куда дошли?

— Дойти не штука, вернуться труднее. Ты вряд ли доберешься. Говорить будешь или сразу кончать?

— К врачу отнеси, говорить потом, — пленник обращался исключительно к князю, остальных словно и не видел.

— Врача сюда! Будет тебе помощь, если скажешь, сколько вас было, сколько осталось. Не скажешь, вею в свинарник бросить, там и подыхай.

— Было триста, сколько осталось, не считал. Твоих — меньше. Скоро танки подойдут, совсем никого не останется. Тогда долго говорить будем...

— Займитесь им, доктор, — сказал князь лейб-медику. — Чтобы через полчаса он мне не только говорил, чтоб арию варяжского гостя смог исполнить...

При чем тут именно варяжский гость, персонаж совсем из другой оперы, никто не понял. К слову, навер-

ное, пришлось или глубина державной мысли не дошла до простых смертных.

— Танки — это погано, — рассудительно промолвил Олег Константинович, одновременно уложив трофейный пулемет на стол и пытаясь разобраться в его устройстве. Поручик устремился помочь.

— Погоди, мне самому интересно. Так, так, так... В принципе ничего сложного. Но весьма остроумно, весьма...

Он поставил на место крышку ствольной коробки, передернул рукоятку, досылая патрон. Приложился, дал короткую очередь по кроне дальней сосны. Крутясь, отлетела ветка.

— Хорошо бьет, — согласился князь. — Много взяли? — спросил он Юриса.

— На поле боя подобрали шесть пулеметов и около двадцати автоматов. Капитан Уваров приказал использовать для усиления обороны.

— Правильно приказал. Долго еще держаться сможете?

— Сколько надо, Ваше Величество.

— Про танки слышал? Гранат в запасе достаточно имеете?

— Не считал, Ваше Величество. Наверное, десятка три есть... Отобьемся, дорога узкая, лес непроходимый...

— Спасибо за службу, поручик. Чарку герою!

Миллер тут же протянул фляжку.

— Стой, дай сюда!

Князь забрал фляжку у адъютанта, сам подал офицеру. Из собственных царских ручек оно куда почетнее.

Тарханов нервничал все сильнее. Сидят они в Кремле, под защитой стен. Гарнизон порядочный, припасов хватит, чтобы полугодовую осаду выдержать. А князь с Чекменевым в деревянной избе от вражеских банд

отстреливаются. Ему даже в Пятигорске легче было. Сам по себе, воюй — не хочу! Только что о Татьяне мысли проскакивали...

Кстати, как они там сейчас? Татьяна с Майей?

Ляхов в соседней комнате не отходил от планшета. Не компьютерного, простого, нарисованного на плексигласе и подсвеченного снизу лампочками от карманного фонарика. Впрочем, настоящих компьютерных Сергей и не видел, не довелось ему побывать на «Валгалле» со всеми ее чудесами.

Пометки на плане Вадим делал восковыми мелками.

— Что скажешь? — спросил Тарханов.

— Такое впечатление, что паяльник сунули в осиное гнездо, — показал Ляхов на испятнанный разноцветными кружками и стрелками щит. — Отовсюду поперло! Смотри — на Воробьевых горах неизвестно откуда взявшиеся пушки устанавливают, информатор сообщает. Длинноствольные, на очень толстых резиновых колесах. Главное, дульные тормоза на стволах... Я сейчас туда рвану, может, успею прикрыть лавочку!

— Не понял, — сказал простодушный полковник. — Что такое тормоза и почему это главное?

— Потому, что наша инженерная мысль до такой простейшей штуки не додумалась. Откат при выстреле вдвое снижает. И, значит, эти стомиллиметровки с *параллели* привезли. И начнут они гвоздить даже и по нам с тобой, только щебенка полетит... Как большевики в семнадцатом из шестидюймовок в прошлой истории.

— Потом про историю. Сейчас, пока не начали — что?

— Да ничего. Продолжай гарнизоном командовать, заставь, наконец, «Пересветов» со всеми подчиненными частями к тебе подтянуться. Академия, бля, это ж целый батальон только офицеров. А службы обеспече-

ния? Как мы в Польше — «Огнем и мечем!». Пусть сюда прорываются! Даже полк в кулаке сильнее корпуса вроссыпь.

— А они там — не продались? — Тарханов, не допущенный в круги высшей военной аристократии, знающий о подробностях только со слов друга, не доверял им генетически.

— Не думаю. Может, соображают слишком медленно, но продались — не верю. Не тот уровень. Так что вызывай, не сомневайся, был же приказ князя! Построй их тут как умеешь.

— Слышь, Вадим, — зло оторвав и сплюнув в сторону полмундштука папиросы, вдруг спросил Сергей. — Может, нам Шлимана с компанией сюда позвать? Хоть пообедают нормально!

Мысль товарища показалась Ляхову практически интересной, но и жутковатой в пересчете на нормальную логику. Довели, значит, парня!

— Это, Сережа, всегда успеется. Раз Максим на базе сидит, генератор в наших руках. Но, знаешь, фитиль в крюйт-камеру никогда не поздно сунуть. И почти всегда — рано. Ты лучше здесь сообщения из Берендеевки подожди, от морпехов с маршрута, а главное — от Александра Ивановича... Заверил он меня, час — самый крайний срок.

— Подожду, — мрачно ответил Тарханов. — Мне б на него живьем поглядеть... — в голосе прорезалась мечтательность.

— Увидишь. Но пока нужно делать что можешь и должен. Я пушки громить пойду. Одна нога здесь, другая там. А тебе неплохо бы для прикрытия еще две-три роты выбросить на Театральную, Арбат и набережные. Продвинуться, сколько можно, демонстрируя силу, слегка пострелять, если придется, и назад.

— Договорились.

Ляхов, не вдаваясь в субординацию, приказал кремлевскому генерал-интенданту выгнать из гаража три представительских лимузина и парадный катафалк (а что, недурно для маскировки), в них набилось человек двадцать сверхсрочников внутренней службы и штабных офицеров, с радостью согласившихся «проветриться». У каждого автомат, пистолет, ручных гранат прихватили от души, пушки подрывать. Долгий бой не планировался.

Ехать было всего ничего. Переулками, переулками, мимо Новодевичьго, через мост, потом по дуге, объезжая Воробьевы горы с тыла, и пожалуйста.

Все здесь выглядело так, как должно. Просторная поляна, с которой открывается вид на всю Москву, где Герцен с Огаревым в чем-то клялись (убей, не помню), где Наполеон якобы ждал ключей... Какие, на хрен, ключи, если и дверей нету?

Зато пушки были на месте. Заканчивали разворачиваться на огневой позиции. Расчеты исполняли положенное боевым уставом: подкапывали землю под сошниками, проворачивали механизмы горизонтальной и вертикальной наводки, выгружали с машин снаряженные ящики, распечатывали, протирали ветошью длинные унитары. Не слишком торопятся, но минут через пятнадцать-двадцать будут готовы к стрельбе. Командиры орудий и огневых взводов шарят биноклями по горизонту.

Просмотренные Ляховым на «Валгалле» и в учебном центре документальные фильмы, посвященные технике того мира, были совершенно точны. Они самые, «Д-74», калибр 122 миллиметра, набор снарядов — на любой вкус. Одним боекомплектom разнесут Кремль по кирпичам.

Но — подзадержались ребята. Или страшно стрелять по национальной святыне, или приказ не поступил.

Ну, тогда мы начнем первыми.

Был бы на месте Секонда Фест, все закончилось бы в минуту. Всех дел — положить из автоматов в спину расчеты, и точка. Однако Вадим-второй был человеком иного времени и иной психологии.

Повыскакивали его офицеры из машин, подбадривая себя воинственными криками, заняли огневые. А что там занимать? Рядовые безоружны, у наводчиков и командиров орудий пистолеты в кобурах, у двух офицеров — тоже. Даже прикладами в морду бить никого не пришлось.

Правильно в наставлениях сказано: «На марше и при развертывании огневых позиций артиллерия без пехотного прикрытия беспомощна».

— Где командир батареи и НП? — спросил Ляхов старшего лейтенанта с неприятным, то и дело пердегиваемым тиком лицом. Похоже, из запойных. Служил одно время с Вадимом такой, поручик Саратов, которому каждые два года то давали третью звездочку, то снимали две сразу.

— Вон там, на склоне, где раньше трамплин был.

— Веди. Дернешься — стреляю. Тут тебе не у Проньки. Ишь, придурки, на Кремль нацелились! За поллитра или сверху добавить обещали?

— Чего там вести? Они, как шум услышали, наверняка деру дали. Ну сходим, буссоль и стереотрубу с дальномером заберем...

Похоже, собственная судьба артиллериста совершенно не интересовала.

Так и вышло, кроме приборов и нескольких окурков, на командном пункте ничего не обнаружили.

Вернувшись, наведенными стволами и веселым матерком поощряя усердие пленных артиллеристов, заставили их свернуть батарею, подцепить орудия к транспортерам, загрузить обратно снаряды.

Теперь можно и в расположение. Лишь бы по дороге никто не кинулся отбивать трофеи. Вадим на такой успех даже и не рассчитывал, думал просто накатники

у пушек взорвать или затворы унести, а тут вся батарея в полной исправности! Офицеры оживленно вспоминали строки орденских уставов, суливших за захват с бою вражеских орудий никак не меньше «Владимира» с мечами каждому участнику дела.

— ...Танки, значит, — без особого выражения сказал Уваров. — Танки мы с самого начала ждем. Теперь понятно, чего они затаились и помалкивают...

— Нам же лучше, — ответил Рощин, использовавший с Константиновым и несколькими разведчиками всю нейтральную полосу. Они и притащили большую часть трофейных автоматов и пулеметов. Два пулемета отправили в Берендеевку, а остальными оснастили тыловой отсечный рубеж. — Пока подъедут, пока ориентируются. На мину, глядишь, кто напорется. Час другой выгадаем...

— Потому и нечего расслаживаться. Начинайте копать гранатометчикам новые гнезда. Желательно под корнями деревьев потолще. От дороги метров двадцать-тридцать. В шахматном порядке по обеим обочинам. На расстоянии огневой связи. Про пути отхода не забывайте. В общем, сами знаете. Я потом посмотрю.

«Дротиков» у отряда осталось всего восемь штук, по три противотанковых гранаты на трубу. Если повезет, коробок пять сжечь можно. И надежно загородить дорогу. Уваров боялся только одного — если танки вообще не пойдут на сближение и станут гвоздить по позиции с недостижимого расстояния. Впрочем, это тоже неплохо. Танковая пушка — не гаубица, калибр не тот, осколочно-фугасных в боеукладке не так много, постреляют в белый свет, как в копеечку, и все на этом. В чистом поле да, там бы тяжело пришлось.

Так примерно события и стали развиваться. Издалека слышался тяжелый гул и лязганье траков. Враги подняли радостный вой, снова замолотили из всех стволов, воздух опять наполнился свистом, жужжанием, шлепками пуль.

Уваров, хоть и полагалось ему руководить с командного пункта, надежно укрытого за глубоким оврагом, труднопреодолимым даже и для пехоты, не утерпел. Пополз вперед, чтобы лично поучаствовать в завязке боя. От этого многое будет зависеть.

Первые два танка, которые он разглядел в перспективе стометрового прямого участка дороги, ему не понравились. Ну совершенно! Чересчур они были большие, с широкими приплюснутыми башнями и едва не корабельного калибра пушками. Какие там «пятьдесят семь» или даже «семьдесят шесть»! Тут, считай, все «сто пятьдесят». От такого «чемодана» и в лесу не очень-то спрячешься.

Что за техника? Опять, как и грузовики, из «бокового времени»? А откуда ж еще? Нарботали господа ученые с начальничками! Морду бы набить, не спеша, с расстановкой, по-фельдфебельски!

А делать что? Все равно стоять и стоять. Разве немного меньше, чем планировали.

Танки ползли не торопясь, лениво перематывая гусеницы, поводя стволами. Позади второго группами бежали прибодрившиеся боевики. Валерий прикинул — если попасть гранатой в левый борт головного танка, да чтоб заодно и гусеницу перебить, его почти наверняка развернет поперек дороги за счет остаточного вращения правой. Движок вмиг не заглохнет, оборотов пять всегда сделает. Сосны здесь почти вплотную подступают к обочинам, второму труднова-то будет просунуться. Тут бы и его запалить. А дальше — «будем посмотреть»...

Взрыв, донесшийся до Берендеевки, не походил на звуки, раньше доносившиеся с поля боя.

— Вроде как машина со снарядами рванула, — сказал Миллер.

— Или танк, — добавил Чекменев.

— Громковато для танка, — не согласился князь. Он ведь привык к совсем другой технике. На известных ему моделях укладки малокалиберных снарядов при попадании в танк редко детонируют разом, чаще рвутся по очереди, без особого шумового эффекта.

После короткой паузы один за другим раскатились несколько пушечных выстрелов. Будто десяток молний разрядились прямо над головами.

— Ого-го! Это что ж такое? Шестидюймовки? Тогда, господа, — прищурился князь, — пора вспомнить слова бессмертного «Варяга». «Последний парад наступает...»

— Может быть, Олег Константинович, пора все же уходить в леса? Пойдем на Дмитров, перехватим эшелон с морской пехотой. Тогда и вернемся, — предложил Чекменев.

Лицо князя выразило сомнение.

— Совершенно верно, Ваше Величество, — поддержал генерала Миллер. — Пока полководец жив и на свободе — война не проиграна. Вспомните исторические примеры. А так прилетит дурной снаряд, и конец. Не только нам, но всему нашему делу...

— Но как же... капитан Уваров, его люди?

— Гвардия обязана до конца защищать своего Императора...

— Хорошо, только свяжитесь еще раз с Тархановым. Где его помощь?

— Немедленно, Олег Константинович!

Миллер, поняв, что решение принято, тут же начал отдавать распоряжения на предстоящий марш. План был прост и давно им продуман. Сколь можно дальше продвинуться по обходной дороге к Сергиеву Посаду.

В случае встречи головной походной заставы и казачьего авангарда с неприятелем связать его боем, а князю с конвоем уходить в чашу. Ничего особенного. В худшем случае верст двадцать пешком до ближайшего разъезда. Не разминемся с эшелонем.

— Игорь, обязательно пошли вестового к Уварову. Через полчаса после нашего ухода может поступать по собственному усмотрению. В Москве встретимся.

— Или раньше...

Танковые пушки продолжали бить размеренно, примерно по выстрелу в минуту. Гул словно зависал в сыром, плотном воздухе, и треск пулеметов от этого был почти неслышен.

Пару раз выпалили «Дротики», и вроде бы над кронами, смешиваясь с туманом, опять потянулся дым, который военный человек с фронтовым опытом ни с чем не спутает. Очень характерно дымят горящие танки.

Великокняжеская «кавалькада» из разведывательно-дозорной машины, «Руссо-Балта» Олега Константиновича, пикапа Чекменева и четырех грузовиков не успела еще завести моторы, как с тракта, на который она собиралась выходить, на галопе вылетели два казача.

Осадили коней, ловко спешились, закинули карабины через плечо.

— Ваше превосходительство, — обратился старший урядник к Чекменеву, — обнаружен неприятель. Колонна грузовиков с танками. Длинная, с полверсты, может больше, наблюдатель с дерева не разобрал, далековато... Станичники встретят, конечно, когда подойдет, задержат, сколь удастся. Да с винтарем много ль навоюешь? Полсотни стволов у нас, две трубы, один «Василек». Ну, полчаса, может... Так есаул спрашивает, вмертвую стоять или сюда оттягиваться?

— Скажи, пусть отходит. Нечего с винтовками на

★
танки. Здесь насмерть станем, если что. Помощь с минуты на минуту будет, — обнадежил он казака.

— Тогда мы побежали?

— Бегите, — усмехнулся генерал.

— Может, так оно и лучше, — сказал князь, подходя. — Действительно, войска подойдут, а мы сбежали...

Он настолько не привык, чтобы ему говорили неправду, что и сейчас поглядывал на свой хронометр, где длинная стрелка мучительно медленно подбиралась к клятвенно назначенному Ляховым моменту.

— Занять круговую оборону. Передайте Уварову, уцелевшим гранатометчикам отойти к мосту и взорвать. Дождаться неприятеля, расстрелять остатки боезапаса. Остальные — сюда немедленно.

На лесной дороге догорали три танка. Первый — с сорванной башней, как бы вывернутый наизнанку. Это ему пробивший борт «Дротик» угодил точно в боеукладку, полную, неизрасходованную, только один снаряд автомат успел подать в казенник.

В двух других кумулятивные заряды выжгли людей, но без детонации. Так что снаружи монстры были почти как новые.

Еще четыре или пять, трудно разобрать на слух, методично расстреливали позицию Уварова, как он и предвидел, не трогаясь с места и оставаясь вне досягаемости.

Константинов вызвался сползать и завалить еще хоть одного, но Валерий не разрешил.

— Хватит нам покойников. Будем отступать. Мост взорвем, на том берегу закопаемся, и уже все.

Мост был почти игрушечный, десятиметровый всего, но прочный, бетонный, танк выдержит. Зато пойма ручья заболочена так, что хрен форсируешь.

— Чем взрывать, противопехотками? — вскинулся подпоручик.

— Тебя ж с нами не было вчера. Будь спокоен, уже

заминировали, двести килограмм пентолита. Вдарит так, что в Москве услышат...

— Тогда оставь меня. Я взорву, когда по нему техника пойдет...

Тут и аналогичный приказ подоспел.

На противоположный берег с Уваровым вышло меньше половины тех, с кем он начинал бой. Измазанные кровью и грязью, с потемневшими от пороховой и тротиловой копоти лицами, кое-как перевязанные, офицеры несли и вели под руки тяжелее раненных товарищей. А еще и оружие, и ящики с патронами. Выносить убитых ни рук, ни сил уже не хватало. Прикопали лопатками, а то и прикладами прямо в окопчиках и ячейках, в расчете на то, что «вернемся и сделаем как положено».

И Роцин, и Константинов были рядом. Такое везенье. И в Бельведере вместе бились, и Польшу сбоку и поверху прошли, Радом взяли, да еще и здесь! Живые, даже не раненные.

В подстраховку электрического индуктора, по старинке Константинов протянул проверенный временем шнур имени господина Бикфорда (зря он не выставлен в Парижской палате мер и весов — эталон скорости горения, сантиметр в секунду. Миллионы, наверное, подрывников лично проверили и убедились).

— Идите, парни. Я дождусь, у меня нервы крепкие. Трех бойцов оставьте, фланги мне прикроют и подменят, если что... Такой фейерверк устроим, до вечера не очухаются!

Не будет моста, еще час-другой боя на последнем рубеже Уваров гарантировал. С тыла их не обойдешь, Берендеевка сзади, с флангов тоже. А с фронта — приходите, ждем-с! Через болотину по пояс в ледяной воде продираться и одновременно вверх прицельно

стрелять никто не сможет. И потом рывок по сорокаметровому крутому склону, глинистому, снежком припорошенному — пожалуйста. Автомат в зубах, значит, а всеми четырьмя скребись, как корова по льду.

Валерий развеселился, пустив последнюю фляжку по кругу (бывает такое веселье, у бездны мрачной на краю).

— Что, обер-офицеры (в училищах так называли юнкеров выпускного курса), воевнули чем бог послал? Будет что вспомнить. Ты, Митька, считал, сколько нехристей в рай препроводил?

— Полтора танка, двадцать шесть рядовых, трех предводителей. Так и пиши в реляции. Мне лишнего не надо. К тому — девять единиц лично захваченного и доставленного по начальству особого секретного по причине неизвестности стрелкового оружия. «География» — как с куста, а можно и Героя России... Отлебнул в свою очередь и вдруг сказал без всякого ерничества: — Нет, правда, если Герои — не мы, тогда я уж и не знаю...

— Не забивай себе голову, — неожиданно жестко сказал Рощин, на него, похоже, опять накинulo. — Сунут, как вон командиру раньше «За пять штыковых...», и спасибо скажешь.

— Кто спорит, — согласился Константинов. — Если б за каждый бой да по ордену... — он махнул рукой.

Сколько таких разговоров велось на солдатских и офицерских бивуаках за последние полтысячи лет только! Кто чего совершил да кому чего полагается — шуба с царского плеча, сабля жалованная, деревенька тож... Бывало, везло, бывало, нет. А служить надо, куда денешься!

Опять вдруг загудел зуммер радиостанции. Уваров снял трубку с зажима.

— Капитан? Живой пока? Мост не взорвал еще? — Валерий попытался объяснить замысел, но не успел.

— Вот и молодец! Удачно получилось. Как раз пригодится, — голос Миллера звучал совершенно иначе, чем полчаса назад. — Еще поживем, наступать будем! Пришла помощь. Приготовься, сейчас к тебе выдвигаются. Сдашь рубеж, и свободен. Противника видишь?

— Еще нет. Замешкались что-то...

— Ладно, у меня все. Ждем.

Помощь, это хорошо. А откуда ж пришли? Окружной дорогой от Александрова или напрямую лесом? Да какая разница!

— Митька, у тебя точно в заглазнице есть. Давай по крайней, отвоевались! — ликующим голосом почти выкрикнул Уваров.

Константинов понимающе кивнул и полез на дно вещмешка.

Минут десять прошло, не больше, они и докурить не успели, как услышали за спиной мерный, слитный хруст ломающихся под сотнями подошв шишек, веток и палок, покрывающих пространство между стволами.

Офицеры инстинктивно вскочили.

Ну, сказать вам, зрелище не для слабонервных.

Ухитряясь идти даже по лесу почти сомкнутыми рядами, на них надвигалась цепь настоящих корниловцев, с той еще войны. Знакомых по фотографиям в альбомах, на стендах училищ и воинских частей, документальным и художественным фильмам. Именно в тогдашней форме — начищенных высоких сапогах, черных гимнастерках с алыми кантами, демонстративно смятых фуражках с алым верхом. Единственное, что выбивалось из стиля, — автоматы, такие же, как у боевиков, вместо мосинских винтовок с четырехгранными игольчатыми штыками. Висят на правом плече, на длинно отпущенных ремнях, прижатые локтем.

За первой цепью вторая, третья.

— Матерь божья, — выговорил Рошин.

— Сказки венского леса, — добавил Константинов.

Несколько кучек опаленных огнем неравного сражения «печенегов», слишком оглушенных боем и смертями, чтобы сильно удивляться, поднимались с кочек и бревен навстречу... Кому? Дедам-прадедам или статистам костюмированного трагифарса?

Спасителям, в данном случае, остальное не так уж важно.

Так и стояли, пока к Уварову не вышел откуда-то слева полковник с не по-здешнему суровым, хотя вполне симпатичным лицом. Похлопывая кавалерийским стеком по голенищу. Да, Валерий вспомнил, тогда все носили стеки или хотя бы прутики в походных условиях.

— Полковник Басманов, Михаил Федорович. Рад познакомиться.

Протянул руку, с которой предварительно стянул тугую перчатку.

Валерий тоже представился, машинально взглянув на свою, исцарапанную и покрытую полосками запекшейся крови ладонь.

— Завидую, — сказал Басманов. — Хороший бой выдержали. У нас, к слову, тоже бывало... Как-то в восемнадцатом на Кубани мы двумя ротами держали переправу против красной дивизии, неоднократно переходя в штыковые контратаки...

Глаза полковника словно бы затянула поволока давних воспоминаний. Да отчего же давних? Семь лет едва прошло. А начиная с четырнадцатого если? Император Николай Первый Павлович, по неизреченной милости своей, в тысяча восемьсот пятьдесят пятом году повелел защитникам Севастополя защитывать выслугу месяц за год! А если б нам? Сколько в таком случае получается?

Отсюда и тоска в глазах.

— Да, помню, читал, — только и смог ответить Уваров.

— Оставим лирику. Вы сдаете мне позицию. Что имеете доложить?

Валерий доложил, что знал по последней оценке обстановки.

— Хорошо, капитан. Возвращайтесь в расположение. Если нужна помощь в переноске раненых, мои люди вам помогут. Личное оружие возьмите с собой, остальное пусть остается.

— Да чему тут оставаться? Пять пулеметов, гранатометы старенькие... — И снова подумал, кому старенькие, а этим — чудо техники из полста лет вперед.

— Все равно. Вам зачем лишнюю тяжесть таскать? И то верно.

Уже собираясь прощаться, Уваров спросил то, что хотел с самого начала.

— Вас много, Михаил Федорович?

— Дивизия, — спокойно ответил Басманов.

Вот тут капитан испытал чувство ошеломления. Отбываясь из последних сил, мечтал о поддержке простой пехотной роты, чтобы прибавили плотности огня и на себя отвлекли немного внимание противника. Батальон — это уже сон в летнюю ночь. А тут дивизия!

Если по штатам — пятнадцать тысяч человек. И со всеми спецподразделениями? И с фронтовым опытом тех сражений, когда действительно ротой против дивизии в штыковые ходили?

Да через час от боевиков со всеми их танками грязных портянок не останется! Точнее, только они и останутся.

— Тогда я могу быть спокоен, — со всем положенным графскому достоинству самоуважением поднес ладонь к козырьку фуражки Уваров.

— Не сомневайтесь, господин капитан, не подведем, — с той же мерой гвардейской вежливости ответил Басманов.

Во главе своей растрепанной, но не побежденной команды Уваров двинулся сквозь ряды корниловцев,

которые смотрели на них с нескрываемым уважением, кое-кто подбадривал бойцов из далекого будущего немудреной шуткой. Но все же большинство молчало. По привычке или по приказу, неважно, однако создавалась тревожная, вагнеровская атмосфера.

Прислушаться, так услышишь. «Заклинание огня», «Валькирия» и прочее, все лейтмотивы и контрапункты, в которых Валерий разбирался прилично, как и полагалось юноше из «хорошего дома».

ГЛАВА 22

Совершенно то же, да нет, гораздо более сильное чувство испытал и Олег Константинович. Стрелка хронометра дошла куда надо, со стороны казачьих застав стрельбы еще не слышалось, да и в зоне ответственности Уварова притихло, а сердце, невидимо для свиты, стучало не в лад, отдавало в горло. Умереть красиво — долг службы и возложенного на себя сана. Но ведь не хочется. И красоты в его гибели будет мало. Не та обстановка.

Князь, давая себе последнюю отсрочку, открыл портсигар, сначала понюхал, помял в пальцах папиросу. Ту самую, из лучших, на специальных грядках выращиваемых табаков, феодальная дань от губернатора Западной Армении.

«Вот докурю — и начнем. Время жить и время умирать...»

Первая затяжка сразу сладко затуманила мозг. Он сегодня очень давно не курил, все некогда было.

Пять еще полновесных вдохов турецкой отравы, шесть от силы — его последняя радость.

Сосны как красиво стоят вокруг дома. Дымом пахнет — будем считать, что от костров лесников, не от вражеских танков. Снежок снова пошел. К завтраш-

нему утру поднасыплет. Подняться бы к себе в кабинет, снять с полки «Хаджи-Мурата». Или — «Смерть Ивана Ильича». Не спеша перелистнуть пару страниц и заснуть, чтобы не знать, чем там все на самом деле кончится.

Верный Красс подошел, великолепно чувствуя настроение хозяина. Сел рядом, внимательно наблюдая за движениями руки с папиросой. Ничего не сказал, не спросил, и так соображая, куда дело клонится. Друг хозяина не переживет по-любому, но лучше бы — не сегодня, так казалось псу. Князь потрепал его по мохнатому черно-палевому загривку.

— Не дрейфь, Марк Лициний, вот-вот подойдут легионы Лукулла...

Хорошо, если бы это оказалось правдой. Тогда и ошейник поменяем, этот совсем поизносился. И повесим сбоку анненскую розетку «За храбрость»...

— Ваше Величество! — отвлек от мыслей крик незнакомого офицера из гренадеров. Олег Константинович снова машинально поддернул обшлаг кителя. Стрелка на одну минуту перешла назначенное деление.

— Что тебе? — Раздражение было велико, папироса не докурена, и он сам не совсем приготовился.

— К вам, Ваше Величество!

Князь, может быть, чуть порывистее, чем следовало, поднялся.

По каменной дорожке шел, твердо ударяя подкованными каблуками хороших, даже отличных сапог, абсолютно незнакомый генерал-лейтенант в старинной полевой форме с отливающим воронением шейным крестом. В геральдике и фалеристике князь разбирался профессионально, по должности, но такого ордена не видел и не знал.

Высокого роста, но все же пониже Олега, с лицом настолько независимым, что князю на мгновение стало даже тревожно. Лет сорока, не меньше, брав и подтянут.

★ Руку к козырьку поднес, но не совсем привычным образом, и правую ногу подтянул к левой как-то демонстративно замедленно. Не так царям представляются.

— Здравия желаю, Олег Константинович. Без титулов обойдемся. Не тот момент. Генерал-лейтенант Берестин для помощи и поддержки прибыл. Алексей Михайлович, — и протянул руку. Первый.

Демонстрируя знание этологии, то есть науки о поведении живых существ, этим коротким жестом и движением лицевых мышц показал, что они как минимум равны в иерархии предполагаемой стаи. А легкой улыбкой, которую можно было принять и за намек на оскал, подтвердил, что в данный конкретный момент сила на его стороне. Как он ее собирается использовать, вопрос другого плана.

Каждый правитель, хоть прайда львов, хоть Империи в одну пятую земной суши, должен на подсознательном уровне и со скоростью бортового компьютера заходящей на цель ракеты просчитывать исходящие от собеседника и окружающей среды мимические и иные сигналы. Князь относился к доминантам¹ не тиранического склада, и вполне умел терпеть возле себя людей равного и даже превосходящего интеллектуального уровня, а вот лиц с не уступающим его волевым потенциалом недолюбливал. Соперничества не боялся, но чувствовал генетически запрограммированный дискомфорт.

В генерале он увидел средоточие именно волевого потенциала, причем высокого накала. Был бы он главой сопредельного государства или занимал пост премьер-министра Каверзнева, простор для дипломатических игр открылся бы грандиозный. А сейчас?

Прибыл для помощи? Откуда? Из параллельных

¹ Доминант — господствующая в данном социуме особь.

миров? Что за помощь способен и готов оказать? И, главное, какой платы за нее попросит и потребует?

Берестин подошел, вернее, подъехал к воротам один, на маленьком, открытом, несолидном на вид, но в полевых условиях, наверное, удобном вездеходе. Два офицера на узком заднем сиденье, где они едва помещались, не в счет.

Где же войско, что он с собой привел? И привел ли?

На крышке капота автомобиля и бортах почти что наши эмблемы, трехцветный шеврон, но вдобавок белый череп с костями, как бы слегка ухмыляющийся, и затейливо выведенная вязью аббревиатура «ВСЮР».

Но отвечать надо, и не совсем то время, чтобы затевать иерархическую кадрили. Пришедшего на помощь владельца соседнего удела, пусть и худородного, принимать следует как брата. А дальше — по обстановке. Он крепко пожал протянутую руку.

— Искренне рад. Присаживайтесь, — указал на второе плетеное кресло.

И снова, не сдержавшись, взглянул на хронометр.

— Все в порядке, Олег Константинович. Спешили, как могли, и, кажется, успели. Как в кино...

На Востоке, где князь провел немало лет, не принято торопить гостя и задавать прямые вопросы, как бы они тебя ни волновали. Тем более если генерал считает, что поводов для беспокойства больше нет. Но все же...

— Может быть, желаете шампанского с дороги? За благополучное прибытие в наши палестины, встречу и знакомство?

— Отчего бы и нет, — Берестин усмехнулся краем губ. Вспомнил, как угощался шампанским у Врангеля в почти таких же обстоятельствах. Да нет, там похуже было.

Князь щелкнул пальцами, и незаметно выглядывавший из-за занавески камердинер, который тоже обреченно готовился к смерти, не забывая при этом своих

обязанностей, тут же и подал требуемое. Чутьем служащего сильным мира сего сообразив, что пожить, скорее всего, еще удастся. При ином раскладе шампанского не спрашивают. Водкой обходятся.

— А вот скажите, Алексей Михайлович, что это у вас за орден? Знаю все, и наши, и иностранные, но такого ни в музеях, ни в каталогах не встречал. Выдержан в русском стиле позапрошлого века, понятно, но?

— Это, Ваше Величество, — Берестин неожиданно протитуловал Олега, может, всерьез, а может, и в ироническом плане, — орден Святителя Николая Чудотворца. Первой степени. Учрежден приказом Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России от 30 апреля 1920 года. Лично мне он вручен Петром Николаевичем за разгром красных полчищ под Каховкой и Екатеринославом, на чем, собственно, Гражданская война и завершилась. Девиз ордена — «Верой спасется Россия». Номер знака — ноль ноль один!

Олегу Константиновичу непроизвольно захотелось встать.

Не перед генералом, сколь бы заслужен он ни был, а перед дуновением славного и неизвестного времени.

А тут и Чекменев появился на веранде, издали увидевший появление незнакомой машины. *Сфотографировал* взглядом Берестина, представился, вопросительно посмотрел на сюзерена.

— Садись, Игорь, налей себе...

И вновь обратился к гостю:

— Врангель? Слышал, читал. Но он себя особенно ничем не проявил. Командующий кавалерийским корпусом, кажется? А генерал Корнилов как же?

— Лавр Георгиевич, к нашему глубокому горю, был убит в бою под Екатеринодаром весной восемнадцатого года. После чего война продлилась больше двух лет. Армию возглавил сначала генерал Деникин, после него Врангель, у которого я имел честь быть начальником полевого штаба.

Чудны дела твои, Господи!

Князь машинально перекрестился.

— И вы, собственно, что? Непосредственно оттуда?

— Нет, с несколькими пересадками, — не совсем понятно и не слишком вежливо ответил Берестин. — И вообще мне кажется, собеседование по вопросам новой и новейшей истории удобнее будет продолжить по завершении нашего инцидента. Посему докладываю — согласно приказу вышестоящего руководства я прибыл к вам во главе сводного отряда в составе двух полков Корниловской дивизии, первого полка и артиллерийского дивизиона Марковской, а также отдельного ударного батальона имени генерала Слащева-Крымского.

Готовы ликвидировать проникшие на вашу территорию бандформирования, очистить дорогу к Кремлю и, если потребуется, оказать необходимую поддержку верным вам частям в столице. После завершения операции немедленно возвратимся на места постоянной дислокации.

— И где же эти места? — вразрез с правилами хорошего военного тона спросил Чекменев. Он разведчик, ему дозволяется. Ответят — хорошо. Нет — нет.

— Харьков, Екатеринослав, Царьград, тысяча девятьсот двадцать пятый год, — теперь уже откровенно улыбаясь, ответил Берестин. — Большой разброс, потому и задержались слегка... Будет сильное желание — свожу, покажу.

— Царьград — Стамбул, нужно понимать? — осторожно осведомился князь.

— Так точно, Ваше Величество. Неотъемлемая территория государства Российского...

Олег Константинович впал в задумчивость.

— Извините, Алексей Михайлович, — произнес со всей доступной в его положении и окружающей обстановке строгостью Чекменев. Его настолько уже

травмировали выходки Ляхова, Маштакова, Бубнова, Розенцвейга (а где он, кстати?), Стрельникова, Уварова, да и «Пересветов» никчемных, всех, кого он повесил себе на шею в уверенности, что уж она-то все выдержит! Он сейчас и старого, стотридцатилетнего, по простому счету, чужого генерала готов был послать «по всем по трем». — Говорим мы долго, даже слишком долго, удивляюсь, почему до сих пор террористы на нашу поляну не ворвались, а войска ваши — где? Непобедимые и легендарные! Вживую посмотреть можно, хоть на десяток, на два?

Берестин глубоко вздохнул. Посмотрел на князя таким взглядом, что тот будто и прочитал мысль близко-го по ментальному типу индивида: «И такого остолопа ты при себе держишь? Ум ладно, а выдержка где?»

Олег Константинович опять испытал желание пристать, хоть немного.

— Посмотреть — пожалуйста, — любезно ответил белый генерал. Теперь уже он достал из бокового кармана кителя золотой портсигар, как раз по размеру, с сапфировым вензелем, открыл, протянул собеседникам.

— Попробуйте, очень неплохие сигареты, «Русский стиль» называются. А сам повернул к губам внутреннюю крышку и почти беззвучно сказал: — К торжественному маршу, поротно...

Нет, кто спорит, и Алексей Берестин, бывший старший лейтенант ВДВ, потом успешный художник почти традиционного стиля, потом Главком Западного фронта, потом врангелевский начштаба... Потом? Да кто знает, чем и кем он ощущал себя после сыгранных ролей? И все равно он оставался позером, в хорошем смысле этого слова. Художник Пиросманишвили с его телегой роз (не миллионом, как поет Путачева) — по-зер? Конечно. А герой «Выстрела», плевавший косточки черешен под прицелом? Естественно. Печорин, по-

ручик Карабанов из «Баязета» — все они позеры. Да и сам Николай Степанович Гумилев с его предсмертной фразой¹...

Только, ради бога, не осуждая преждевременно, скажите, иначе жить лучше? Легче? Правильнее? Вот то-то.

— Смотрите, Игорь Викторович! Вы, князь, тоже смотрите.

Возникшую среди сосен в дальнем углу поляны сиреневую рамку никто не заметил. Она была сдвинута метров на двадцать в чашу леса. Как раз туда, где расширяющаяся просека позволяла выходящей из минувшего века сводной полковой колонне начать разворачиваться в парадный строй.

В плотно сбитые ротные коробки — двенадцать человек в шеренге, двадцать шеренг в глубину. Батальон — четыре роты. Полк — три батальона. Карабины «СКС» с откинутыми штыками на правом плече, сапоги сверкают, не ступали еще по здешней предзимней слякоти, золотые полоски погон отблескивают, знаменитые корниловские и марковские (у первых с алым верхом, у вторых с белым) фуражки примяты на единый манер.

Настоящий духовой оркестр грянул, тоже специально, не «Прощание славянки» привычное, а «Смело мы в бой пойдем за Русь Святую, и как один прольем кровь молодую!».

На самом деле выглядело все это более чем эффектно. Слезы наворачивались на глаза, мурашки тревожного восторга бежали по спине.

Рота за ротой выходили из леса и строились, со-

¹ Когда за Гумилевым в общую камеру пришел конвой, чтобы вывести его на расстрел, какой-то чекист спросил, заглядывая в бумажку: «Кто здесь будет поет Гумилев?», он ответил: «Здесь нет поэта, есть поручик Гумилев. Пошли».

гласно команде на просторном плацу перед княжеской резиденцией.

И это только один полк, а там ведь где-то позади должны быть еще два, и артиллерия, и пресловутый ударный батальон.

Фронт парада выравнялся.

Берестин натянул перчатки, вышел за ворота. Князь, Чекменев, свита, вообще все, кому ранг позволял, потянулись следом. Солдаты карабкались на кузовы и капоты машин, просто на возвышенные места, чтобы тоже поглазеть.

Оркестр смолк на полутакте. Тишина.

— Выправка отменная, — почему-то шепотом сказал Игорь Викторович Олегу. — Только вырядились, будто кино снимают. Так на войну не ходят...

Тот отмахнулся.

— К торжественному маршу! Поротно! — провозгласил Берестин. — Оркестр — прямо, остальные направо! Ша-агом! Марш!

Очевидно, командиры подразделений заранее были предупреждены о маршруте прохождения, поэтому роты, яростно вбивая подошвы в утрамбованную до бетонной твердости землю плаца, миновав командующего в нужном месте сворачивали влево и выстраивались уже в батальонные колонны.

— К но-ге!

Слитно громыкнули приклады с нарочно отпущенными винтами затыльников.

— Все, Олег Константинович. Наша концертная программа закончена. Дальше начнется обычная война. Как всегда, как везде. А чтобы вы не сомневались в моей нормальности, докладываю, что остальные части, обмундированные и вооруженные более подходящим образом, завершают окружение неприятеля и скоро покажут, как воевали в наше время. Без особых оглядок на разные конвенции, поскольку наши офицеры по известной причине субъектами международно-

го права не являются. Артиллерия тоже разворачивается на противотанковых рубежах, с минуты на минуту начнем, думаю.

— Мне будет позволено поздороваться с вашими людьми? — со странной интонацией спросил князь.

— Конечно, Олег Константинович. Они совершенно живые, молодые и нормальные солдаты. Не из гробов встали, если вам вдруг показалось... И даже столетний юбилей еще никто не праздновал...

— Оружие у вас, кажется, не из восемнадцатого года? — осведомился Чекменев.

— Совершенно верно изволили заметить. Оружие соответствует специфике момента. Не с трехлинейками же нам в двадцать первом веке воевать...

Поравнявшись с правофланговым батальоном, князь четко повернулся, приставил ногу, вскинул руку к козырьку. Его голос тоже спокойно перекрывал пространство плаца.

— Здравствуйте, молодцы корниловцы и марковцы! Спасибо...

По привычке хотел сказать «за службу!», но вовремя сообразил, что эти воины служат не ему.

— Спасибо за то, что пришли на помощь в трудный для Отечества час!

— Рады стараться, Ваше Императорское Высочество! — оглушительно гроыхнул строй.

Завершив церемонию, Берестин дал командовавшему парадом полковнику полчаса на то, чтобы офицеры привели себя в нормальный вид, разобрали сложенную вдоль просеки амуницию, развернули скатки шинелей, поскольку в тонких кителях маршировать можно, а службу нести — неприятно. Роты приказал выдвинуть по всем хоть сколько-нибудь проходимым просекам и тропам на версту в радиусе для охраны и обороны Главной ставки.

— А вот сейчас, господа, начнется по-настоящему, — сообщил он князю и окружающим.

И, будто подчиняясь его словам, со всех сторон горизонта загрохотало так, будто начиналась Висло-Одерская операция. Если бы, конечно, присутствующие имели о ней хоть отдаленное представление.

С небольшого расстояния беглый огонь нескольких батарей серьезных калибров, полковых минометов, выстрелы гранатометов создавали мощный звуковой фон. Только успевай рот открывать и сглатывать, чтобы прочистить постоянно закладываемые уши.

С лицом человека, которому вся эта «музыка боя» не более чем естественные звуки производственного процесса, в котором он искони участвует, Берестин предложил Олегу Константиновичу подойти к столу. Выбросил из планшета правильным образом сложенную карту, испещренную красными и синими кружками, дугами, стрелами, расправил.

— У меня есть все основания полагать, что, вступая в бой, вы истинного положения вещей не знали. Однако тактику избрали единственно верную. А что на самом деле — извольте видеть. На момент нашего появления обстановка вокруг Берендеевки складывалась так, — он толстым синим карандашом указал места расположения и направления действий противника.

— По-хорошему, продержаться вы могли еще от силы час, в самом оптимистическом варианте. Если бы, в самом деле, не ушли немедленно в леса. Да и это спасло бы немногих. Враг к вам прислан такой, что как раз горно-лесистая местность — его стихия для действия мелкими группами. Капитан Уваров, похоже, совершил много больше того, чем от него требовалось и он мог реально. Связал позиционным боем группировку, которая собиралась действовать рейдерскими методами.

Видите — здесь у них два, условно говоря, батальона, просто в пересчете на привычные категории. Здесь — еще один. Четыре роты тяжелых, по вашей классификации, танков. На подходе, — он черкнул ка-

рандашом, где именно, — гаубичная батарея. Это уже чисто российского разлива, из Ростова Великого, сумели и наших *ваньков* сагитировать. С вертолетами сложнее вышло, та эскадрилья, что вас штурмовала, единственной оказалась, в остальных или командиры, или младшие офицеры сумели не поддаться нажиму. Но вот отсюда, — Алексей ткнул острием, — форсированным маршем идет чисто бандитская армия. Куда там Махно! Четыре-пять тысяч человек, на вербованных среди люмпенов, мелкоты преступных сообществ, только что освобожденных и вооруженных заключенных зоны строгого режима... Увидел, что его не совсем поняли, поправился: — По вашему — Владимирского централа и каторжных рот... Расчет организаторов акции был совершенно верен. Единственно, не принято во внимание наше вмешательство.

Уничтожение ваше, Олег Константинович, ваших ближайших помощников здесь. Вторжение в Москву совершенно озверевших и чуждых пониманию нынешнего населения и даже сил правопорядка банд. Измена или бегство тех, на кого вы рассчитывали. Кровавый хаос по типу Смутного времени семнадцатого века... Тарханов с Ляховым и верными офицерами могут в Кремле и год продержаться, условно говоря. Но это уже не спасет ни страну, ни династию! Слишком много найдется быдла, что охотно перейдет на сторону *разрушителей*.

— И что потом и зачем, главное? — не выдержал академического тона Берестина князь.

— Что — потом? Что — зачем? Разве и так не ясно? Тот раз погибла династия Рюриковичей и на триста лет воцарились ваши предки, Романовы. Сейчас могли прийти Ивановы, Петровы, Сидоровы или...

Алексей опять потянулся к портсигару. Не закурить, связаться с Шульгиным.

Послушал торопливый шепот, ответил односложно, потом все-таки взял сигарету.

— Выяснить конкретную фамилию претендента — прерогатива Игоря Викторовича, я так понимаю. А затея сама по себе не в вашем мире придумана. Но это я вам тоже потом расскажу. Сейчас так. Для моих десяти тысяч специалистов перебить всех инсургентов до единого — скорее забава, чем работа. Десяток-другой пленных мы вам предоставим, просто для соблюдения приличий. Делайте с ними, что хотите. Хоть на Красной площади расстреляйте показательно, информационная ценность их нулевая.

Вы слышите — звуки боя стихают. Что это значит? Значит, вражеские танки разбиты на марше или на исходных для атаки, все прочие...

Знаете, я вам не буду говорить, что там со всеми прочими, я как-нибудь, да можно и сегодня, покажу документальную съемку рукопашного боя этих самых корниловцев и марковцев, что перед вами только что парадировали, на тет-де-поне каховского моста. В августе двадцатого. В той жуткой схватке участвовали многие пришедшие со мной.

Скрытое развертывание, быстрое сближение, последний залп с короткой остановки и штыковой удар на пятьдесят шагов. Сегодня может показаться странным, но эффективность, а главное — психологическое воздействие подобной тактики поразительное. И крайне умеренные потери атакующих. Сбитая с рубежа армия Эйдемана бежала сорок километров, не находя в себе сил остановиться для обороны.

Блок-универсал Берестина один за одним принимал доклады самостоятельно действовавших командиров, и Алексей делал нужные пометки на карте. Потом примчался на «Додже» Басманов. После коротких взаимных представлений Михаил Федорович доложил окончательные итоги операции.

Все очаги развертывания и организованного сопротивления противника ликвидированы, большая часть

танков, артиллерии, автотранспорта разбита, до пятнадцати единиц захвачено в исправном состоянии. Батальон рейнджеров продолжает прочесывание лесного массива, патрули силами до взвода выдвинуты к перекресткам шоссе и железнодорожным станциям и разъездам в направлениях Дмитров, Сергиев Посад, Александров. Первый корниловский полк через два часа будет готов к маршу на Москву...

В отличие от Берестина, Басманов не позволял себе никаких шуток, двусмысленностей, даже улыбок. Излагал диспозицию нейтральным тоном, как и полагается знающему себе цену командиру в присутствии высшего начальства.

Пока он говорил, Чекменев думал не столько об уже случившемся, как о будущем.

Да, Ляхов оказался прав, все произошло так, как он предсказывал. И вторжение извне, и помощь тайной организации. В конце концов, события можно было бы рассматривать в позитивном плане. Ценой сравнительно небольших потерь глубокий нарыв вскрыт, осталось его вычистить, наложить повязку с целебной мазью и продолжать жить.

Власть Олега Константиновича необыкновенно упорочится, руки для любых законодательных установлений и профилактических акций развязаны. Точно так же, как у Николая Первого после восстания декабристов. Пятеро повешенных, несколько сот разжалованных и сосланных в каторжные работы или на Кавказ, ничего больше. И тридцать лет тишины и покоя. А чтоб не вышло так, как в конце Николаевского правления, реагировать на возникающие напряжения надо оперативнее, гибче, только и всего.

Вопрос в другом. Как себя вести со «спасителями» и их эмиссаром Ляховым? Что эмиссар — это безусловно. И какова будет его дальнейшая роль? Не потребуют ли «друзья» для милейшего Вадима Петровича его, чекменевскую должность, к примеру? Или просто

назначат послом с чрезвычайными полномочиями при номинальном императоре «самоуправляемой территории Россия»?

Генерал еще этот, Берестин! Опаснейший тип. Начальник штаба Верховного Правителя! Показал Олегу, что может сделать с одной только дивизией. Спас Государя, да, великое ему за это спасибо. Но можно же и наоборот? С той же быстротой и профессионализмом.

«Стой! — одернул он сам себя. — Это уже полицейское воображение разыгралось!» Если бы захотели они совершить нечто подобное, давным бы давно сделали. Как вывел из леса свои полки сейчас Берестин, так мог бы поступить и неделю назад. Вообще без стрельбы и шума.

Нет, неправильно. То был бы акт агрессии...

Чьей агрессии — покойных дедов-прадедов против неразумных внуков? От таких размышлений, если чуть поводья отпустить, натуральным образом мозги в кисель превратятся.

Покойники опять же! Только с одними разбираться начали, новые появились...

Проблему «бокового времени» и некробионтов Игорь Викторович кое-как переварил, и тут же ему подкинули новую. Теперь явившиеся из тьмы веков люди внешне совершенно нормальны. Пахнет от них не могильной землей, а гуталином, тройным одеколоном, табаком, немножко — порохом. Ведут себя вежливо и рассуждают здраво. А на самом деле?

Вообразить только, что где-то совсем рядом, в трех часах пути, допустим, исходя из времени, что потребовалось Берестину, чтобы привести сюда свои полки, продолжает существовать Белая армия и старая Россия, руководит страной далеко не старый, сорокачеловеклетний всего Верховный Правитель Врангель. Сидящие рядом с Чекменевым генерал с полковником несут при нем службу, жаждут очередных чинов и ор-

денов, вечерами пьют водку и устраивают «провороты» в ресторанах и офицерских собраниях!

Вообразить, правда, все можно, душой принять — гораздо труднее.

А если они не только Ляхова наместником оставят, но и войска под любым мало-мальски благовидным предлогом выводить откажутся? Сошлутся на имеющиеся у них данные об еще одной готовящейся агрессии и останутся, вроде как наши миротворцы на Ближнем Востоке? Как их выгонишь? Ни сил не хватит, ни моральных оснований.

Что наши три гвардейские дивизии против этих? Да и не пошлешь ведь своих со своими драться без причины и повода. Еще и полки носят одни и те же почетные наименования! Корниловцы старые против молодых, кто кого?

Тогда уж без оружия, одними кулаками...

Басманов закончил доклад словами, что по его мнению, непосредственно в Москве вверенным ему частям участия в усмирении принимать не следует. Во избежание прецедента.

— Войти в город, стать бивуаками на пересечении основных магистралей с Бульварным кольцом и воспроизводить концепцию «Fleet in been»¹ до минования надобности.

— А отчего не в Кремль? — спросил князь. — Там можно разместиться гораздо удобнее...

— Можно и в Кремль, — не стал спорить Берестин. — Просто мы не хотели доставлять лишней головной боли Игорю Викторовичу. По его должности чужая дивизия в таком месте — ба-альшой раздражитель.

¹ Одно из положений теории Мэхена и Коломба: «Флот оказывает воздействие на политику и ход войны самим фактом своего существования».

— Думаю, мне в этом случае виднее. Если у вас нет специальных причин не делать этого, размещайтесь в Кремле.

Чекменеву снова показалось, что Берестин взглянул на него с насмешкой.

«Ну-ну, господин генерал, не думайте, что вы так уж меня уели. Я, кстати, как раз считаю, что плотная блокада «чужими» войсками всех узловых точек столицы не в пример опаснее, чем скученное их размещение в замкнутом пространстве...»

— Позвольте, господа, пригласить вас на обед. Павел, распорядись, чтобы присутствовали все наши командиры и отличившиеся рядовые офицеры, — сказал Олег Константинович Миллеру. — С вашей стороны, — повернулся он к Берестину, — зовите всех, кого считаете нужным. Стол у меня длинный, сорок человек свободно помещается, — деликатно ввел он ограничение. То есть, кроме старшего комсостава, человек пять еще усадим, и все.

— Вот не подскажите ли мне, — говорил князь Берестину, когда они уже шли вверх по лестнице, — чем бы я мог отметить ваших бойцов? Раньше, бывало, на роту или батальон выделяли определенное количество крестов, и солдаты сами выкликали наиболее отличившихся. Может быть, и сейчас так поступить? И еще одно у меня сомнение, такого мистико-дипломатического характера. Если рассматривать вас как представителей иностранного государства, необходимо согласие вашего правителя на награждение. Но можно ли вас рассматривать в таком качестве? Россия ведь остается Россией. У нас даже флаги и погоны одинаковые...

— Знаете, Олег Константинович, — предложил Алексей. — Отчего бы вам, по давнему обычаю, не отчеканить медаль в честь этого события? Трех степеней — золотая, серебряная, бронзовая. Год, число, девиз. Что-нибудь вроде: «Рука Всевышнего Отечество

спасла». Можно даже такую мысль подпустить — изобразить в веночке «1613—2005». Геральдисты пусть помаракуют...

Идея пришла в голову Берестина мгновенно, только что он ни о чем подобном не думал. Наверное, прежняя профессия знать о себе подала. И глубоко спрятанная ирония в его совете присутствовала, как же без нее?

А почему, собственно, ирония? Раз уж мы за спасение нового Самодержца кровь пролили, извольте и к прочему всерьез относиться. Действительно, 1613 — год основания династии, 2005 — ее возрождения. Там царь Федор (первый) чудом спасся от врагов в Ипатьевском монастыре, затерянном в лесах, здесь Олег (тоже первый) не меньшим чудом. В лесах же. Вполне можно на руку Всевышнего сослаться.

«Так что не так все и просто, господин генерал, — сказал себе Берестин, — наши побуждения подчас опережают наши же мысли».

Князь тоже соображал быстро. И, пожалуй, проник в замысел гораздо глубже. Остановился, едва только не схватил его за рукав, заговорил экзальтированно:

— Великолепно, Алексей Михайлович, прямо великолепно! Как просто и как возвышенно! А глубина смысла! А тонкость исторической аналогии! Вы талант не только на поле боя! Немедленно же распоряжусь приступить... Да тут не только медали, тут шейный крест можно учредить!

ГЛАВА 23

Раз решили махнуть на все рукой и задействовать СПВ по всем вариантам, осям и направлениям, остальные проблемы снялись сами собой. Работать стало не то чтобы легко и приятно, но исчез фактор тягостных сомнений по поводу каждого очередного шага.

Так, скажем, немецкие адмиралы Первой мировой,

долго пытавшиеся выработать стратегию по принципу «и рыбку съесть...», то есть разрываясь между концепциями использования Флота Открытого моря для генерального сражения с Гранд Флитом, рейдерских операций крейсеров, завоеванием господства в Балтике, махнули, наконец, на все рукой и перешли к неограниченной подводной войне. Удастся победить или нет — второй вопрос, но, по крайней мере, вроде бы найден выход из стратегической мышеловки.

Перемещение целой дивизии из двадцать пятого в 2005 год, многократные, словно бы специально запланированные на парадоксы скачки меж трех времен, иногда, что называется, «по встречной полосе движения», никаких ощутимых последствий не вызвали.

Наблюдаемый Удолиным из безопасного отдаления Узел Гиперсети вел себя удивительно спокойно. Будто бы внутри и вокруг него вообще ничего не происходило. Может быть, он перешел в «спящий режим», отключенный Антоном или прямо кем-нибудь из Игроков?

А вдруг специфика действия Ловушки предполагает еще и нейтрализацию посторонних вмешательств в зону ее ответственности? Как во время рыцарского поединка. Или по примеру иммунной системы организма, когда она, поглощенная борьбой со смертельной инфекцией, «не замечает» занозы в пальце.

Спасенный Шульгиным профессор Маштаков был определен на постой в пятиэтажный, мавританского стиля дом на самом южном мысе острова Мармор. Своим заостренным фасадом и венчающей его зубчатой башней дом смотрел в сторону горловины Дарданелл. Выстроил это сооружение для собственного удовольствия и нужд возглавляемого им ведомства Павел Васильевич Кирсанов, негласный куратор всех разведывательных, контрразведывательных и охранных

служб Югославии. Занявший этот пост после того, как Шульгин нашел себе другое развлечение.

Остров Мармор¹ являл собой экстерриториальное географическое образование, получен был в 1921 году лично Новиковым (Ньюменом) у Кемаль-паши в бессрочную аренду без права пересмотра договора любым будущим турецким правительством. Но и не могущее быть включенным никогда и ни на каких условиях в состав любого государства.

На острове процветала беспошлинная торговля, законы были просты, понятны и удобны для исполнения гражданами и «гостями», то есть временно пребывающими там лицами любого подданства. Высадиться на Марморе, поселиться в отеле или доходном доме, завести дело и приобрести недвижимость мог любой, кому береговая стража не отказала «без объяснения причин». Для гостей существовали всего два вида санкций — высылка с конфискацией имущества и смертная казнь, о чем все прибывающие предупреждались под расписку.

Для граждан юриспруденция сводилась к личному усмотрению военного губернатора, того же Кирсанова. И вполне нормально для населения в три тысячи человек, половина из которых считалась военнотружениками. В зависимости от взгляда — Афинский полис или авианосец в походе — кому как нравится.

Виктору Вениаминовичу были отведены апартаменты по его выбору, несколько хорошо обставленных комнат, выложенная мраморной мозаикой веранда в полсотни квадратных метров с видом на море, достаточная человеку его положения прислуга.

— С девушками, конечно, будут определенные сложности, — сказал при знакомстве Кирсанов, осведом-

¹ В современном написании — Мармара, остров в Мраморном море, пл. 130 кв. км, с античных времен славится месторождениями мрамора, отчего и пошло название моря.

ленный о склонностях нового подопечного. — Если с кем полюбовно договоритесь, никаких вопросов. Только круг свободных, достаточно привлекательных и не мечтающих о замужестве девиц у нас довольно узок. Приставая к замужним, очень рискуете нарваться на неприятности. От битой морды до дуэли, как повезет. Борделей на острове нет, проституток тоже. Остается исключительно Царьград. Если генерал-губернатор увольнительную даст.

Кирсанов, кроме того, что жандарм, был еще человек достаточно консервативных взглядов и не слишком бурного темперамента. Поэтому с Маштаковым говорил насмешливо и слегка грубовато.

Ввергнув профессора в уныние, Павел сжалился, будучи осведомлен о его важности для высших интересов «Братства».

— Что-нибудь я все же постараюсь придумать. Дайте два-три дня, изыщем скрытые резервы...

За время общения с Новиковым и компанией он нахватался немало чисто советских речевых конструкций.

В остальном же Виктору Вениаминовичу новое местообитание понравилось. Перемещаться по городку и окрестностям он мог свободно, да вдобавок в обществе Константина Васильевича Удолина. Как древние перипатетики¹, они бродили среди олив, любовались морским прибоем, утоляли жажду греческими и кипрскими винами, закусывали жареной в кипящем оливковом масле мелкой рыбкой.

Говорливы оба были до последней крайности, но как-то ухитрялись попадать в противофазу, и хоть со стороны их беседа воспринималась чистейшей воды

¹ Сторонники философской школы Аристотеля, основанной в 335 г. до н.э., обсуждавшие теоретические проблемы во время прогулок.

«белым шумом», понимали ученые мужи друг друга прекрасно. Даже более того, поскольку наловчились додумывать произнесенное и отвечать на недодуманное. Высший пилотаж.

Даже ранее назначенного срока Кирсанов пригласил к себе Маштакова, с лицом Санта-Клауса протянул ему переплетенный в кожу альбом.

— Полюбопытствуйте, Виктор Вениаминович.

Альбом содержал более сорока цветных фотоснимков формата 18х24, на каждом из которых целомудренно демонстрировали свои прелести дамы двадцатипяти-тридцатилетнего возраста. Все они были в достаточной степени одеты, точнее сказать — недораздеты, ибо съемка якобы велась скрытой камерой в спальне, в ванной комнате, в примерочной галантерейного магазина. Но отчего-то каждая смотрела четко в объектив, скорчив гримаску той или иной степени веселой порочности.

Кирсанов знал, как работать с клиентами.

— Любое из этих невинных созданий, случайно застигнутых нескромным фотографом в неловкий момент, согласилось бы составить вам компанию. Для музицирования и чтения вслух. Укажите, кто из них вам наиболее симпатичен, и мы уговорим прелестницу прибыть первым же аэропланом. Ну?

Маштаков растерянно листал твердые страницы, туда, обратно и снова, и снова... Как остановиться, как выбрать? Фотографии были выполнены в стилистике и духе «неприличных» открыток начала XX века, но в технике и авторской позиции нынешнего. Да и сами персонажки были уж настолько отточенно-хороши...

Он вопросительно посмотрел на Кирсанова.

— Я как-то и не знаю. Если бы посмотреть вблизи, поговорить хотя бы...

— Эх, господин профессор! А еще ученый человек. Никакого воображения. Тогда, черт с вами, давайте по

★ списку. Начиная с первой страницы. Приедет, поговорите, посмотрите, потрогаете, если получится. Не подойдет, листайте дальше... Чего не сделаешь из доброго расположения да за казенный счет!

Синклит мудрых, возвышенно выражаясь, приступил к работе немедленно после того, как было получено сообщение от Берестина о завершении первой фазы операции «Степь».

Простенько и со вкусом. Зачем изощряться, выдумывая эффектные названия, чем всегда грешили и грешат американцы? То у них «Буря в пустыне», то «Шок и трепет», «Несокрушимая свобода»! Претенциозно, а главная глупость в том, что сначала разглашаются собственные стратегические планы, а потом им приклеивается ярлык.

Для кого, зачем?

Операции для того и именуют кодированно, чтобы спокойно ссылаться на них в переписке и по радио. Посвященным понятно, враг сроду не догадается, что крупнейшая в истории наступательная операция названа именем успешно отступавшего и оборонявшегося генерала «кавказской национальности»¹.

Ну и мы, воюем в лесу, собираемся чистить гигантский город — пусть будет «Степь». Глядишь, кто и подумает, что от Ростова на Астрахань двинем.

Шульгин и Новиков сообщили ученым мужам, что вторжение можно считать отраженным. Раз ликвидированы исполнители, изолированы и подвергаются допросам организаторы, повторные вылазки практически исключаются. В Москве «2005» службы безопас-

¹ Имеется в виду операция «Багратион», окружение и разгром немецкой группы армий «Центр» в Белоруссии, 1944 г.

ности и армия при поддержке группы Берестина—Басманова порядок наведут в ближайшие сутки.

Все как положено, комендантский час, проверка более-менее значимых лиц на предмет причастности и лояльности, кнуты и пряники по принадлежности. Рутинная работа любого правителя, благополучно выскочившего из зоны политической турбулентности.

Но все эти меры — из разряда обычных. Наверное, при дворе Хаммурапи или Тиглатпаласара тамошние коллеги Чекменева тоже имели в сейфах, или что там у них было, — потайные комнаты с каменными дверями на противовесах? — тщательно разработанные и записанные на глиняных табличках планы действия по вариантам: «три клинышка острием вверх», «два клинышка острием вниз, один вверх».

Оцени обстановку и вводи в действие.

— Перед нами, господа, задача стоит по-другому, — сказал Новиков, отдыхая душой от вида начинающегося на морских просторах шторма. — Разыскать первооснову всех катаклизмов. Мозговой и идеологический центр, откуда все направлялось.

Гипотеза Ловушки, не к ночи будь помянута, снимает подобные вопросы и даже ответственность. Явление природы, с которого взятки гладки. «Миллиард лет до конца света» в очередной ипостаси. С кем бороться и главное — зачем бороться? Единственно, чтобы доказать самим себе, что не тварь ты дрожащая?

А явлению на наши потуги наплевать точно так же, как закону больших чисел на старания игроков бросить кости особо изощренным способом. Ну, бросишь, выиграешь свои два дублона или горсть ливров, а закону что?

Если же, не отменяя самой гипотезы, даже соглашаясь с ней стопроцентно, отыскать действующий в наших континуумах эффектор да разобраться со схемой обратных связей, то просматриваются, как говорится, варианты.

— Я так понимаю, — немедленно вошел в тему Константин Васильевич Удолин, — раз вашими аппаратными методами определить местоположение пресловутого Центра Сил не удастся, а астральным взглядом я тоже ничего не вижу, из сей антиномии могут следовать лишь два вывода. Явление отсутствует как таковое, или мы не умеем распознать способ его маскировки. Первый вывод практического интереса не представляет, зато второй побуждает к размышлениям...

— Мудро, — язвительно согласился Маштаков. — Пресловутое «пойди туда, не знаю куда...».

— Именно. В том и заключается народная мудрость. Если бы такая задача была единична и нерешаема, зачем бы ее вводить в фольклор? Следовательно, мы имеем дело с задачей типовой и в этом качестве не слишком трудной. Вспомните, как вы в пятом классе мучились с квадратными уравнениями, а на самом деле...

— Ну и действуйте, не смею гасить вашего оптимизма... Но я, продолжая относить себя к технократам, предпочитаю все-таки аппаратные методы. Если Андрей Дмитриевич с Александром Ивановичем обещают меня оставшейся в той Москве техникой, можно будет произвести интереснейший эксперимент. Мы с господином Левашовым по этому поводу уже разговаривали. Как у вас здесь с энергетикой?

— А что вам нужно? — приподнял бровь Андрей. — Вроде недостатка в электричестве никто не испытывает.

— Мне нужно минимум сто тысяч вольт при пятидесяти амперах.

Новиков взглянул на Шульгина. Тот пожал плечами.

— Я не готов ответить, — честно признался Андрей. — Но названные вами параметры кажутся не вы-

ходящими за пределы разумного. Сейчас позовем инженера, уточним.

— Позовите лучше Левашова. И господина Бубнова, если найдете. Он хоть и небольшой теоретик (тут Маштаков *подглянку подкинул*. Максим как раз поймал его на ошибке в расчетах), однако в принципах разбирается.

— Нет проблем.

Не успели еще ученые старцы передрасться по поводу противоположных взглядов на материализм и эмпириокритицизм, как названные персоны явились. Бубнов в полковничьей полевой форме, которая нравилась ему не в пример больше штатского костюма, Олег в джинсах, любимой рубашке «сафари» и лабораторном халате сверху, который держал капли олова с паяльника и падающую золу сигар.

— Олег, опять, простите, отчество запомнил, — возопил Маштаков. — Не затруднительно ли будет сейчас из вашей московской военной базы сюда мой генератор доставить?

— Не ко мне вопрос, Виктор Вениаминович. Вашей железкой доктор Бубнов заведует.

Разобрались, конечно, и в железках, в их обычном и экстраординарном применении. Максим, радуясь вновь открывшимся возможностям, выставил прибор на специально подготовленном фундаменте, за полчаса соединил все провода и кроссы, спросил у Маштакова, куда и зачем ему требуется столь высокое напряжение.

— Сгорит все, к чертовой матери, прошу прощения. Фидеры ваши — ерунда. Трансформатор понижающий — смысла не вижу.

А вот Левашов догадался. Ему приходилось запускать машину, рассчитанную на бытовое напряжение, от межрайонной ЛЭП. И получалось как надо.

— Покажите, покажите, Виктор Вениаминович, ва-

★
шу схемку... Неглупо, совсем неглупо. Так и попробуем.

Распорядился, чтобы от трансформаторной будки на задворках дома бросили прямо на балкон, «воздушкой», толстый черный кабель. Чтобы не переналаживать тщательно настроенную под новую задачу СПВ, сходил в свой московский особняк с помощью позанимствованного у Сильвии блок-универсала. Там в полуподвале, в захламленной каптерке пылилось немалое количество электронного и электромеханического хлама, россыпью и в виде недомонтированных и полуразобранных конструкций.

В шесть рук наскоро спаяли несколько каскадов усиления, нелепой конфигурации антенну, гирлянду конденсаторов и сопротивлений, похожую на самодельное елочное украшение.

Новиков с Шульгиным с молодых лет знали, как умел работать Олег, когда впадал в изобретательский запой, но сейчас картина выглядела еще более впечатляющей. Инженеры совершенно разных технических культур действовали настолько слаженно, что выглядело это хорошо поставленным эпизодом из советского производственного фильма. Они даже и разговаривали друг с другом, обходясь междометиями. И нещадно дымили, сигаретами и канифолью паяльников.

Уложились в час с небольшим.

— Ну-с, господа, сейчас мы сделаем попытку разом избавить себя от большей части беспокоящих факторов. Не говорю о политической составляющей, не моя это епархия, — положив руку на движок реостата, объявил Маштаков. — Что касается технической... Честно скажу, не могу предсказать, как отреагирует мировой континуум на бросок напряженности хронополь такой дикой интенсивности. Это будет почище бури на Солнце, если пересчитать в сравнимые единицы конечно. Но, с другой стороны, пиковое напряжение

будет столь кратковременным... Несколько наносекунд, наверное...

Лекция явно предназначалась дилетантам, но облеченным властью, и профессор считал своим долгом ввести их в курс дела, пусть и в самом первом приближении.

— Виктор хочет сказать, — перебил его Левашов, — что как бы ни повлиял наш эксперимент на глобальную хроноткань, а, может, и на саму Гиперсеть, мы все равно ничего об этом не узнаем, по причине собственной включенности в процесс. Так что...

— Хватит теоретизировать, — махнул рукой Шульгин. — Включай, что ли! Нам не привыкать...

— Секундочку, — остановил его порыв Левашов. — Товарищ Ленин учил, что главное — учет и контроль. Как и в каком направлении может деформироваться реальность, мы точно не узнаем, а вот что произойдет абсолютно со всей аппаратурой, способной генерировать или регистрировать поток хроноквантов, увидим.

На зеленоватом поле плазменного дисплея обозначились наложенные на карту мира линии вроде изобат или изотерм, густо-синего и ярко-красного цветов. Кое-где они прерывались мигающими или ровно светящимися коническими значками.

— Вот. Мигают — это включенные генераторы, которые держат открытыми межвременные проходы. Вот вокруг Москвы, вот в ней самой. О, и тут тоже, и тут... Гляди-ка, а прошлый раз мы их не видели. Война продолжается...

— Или неприятель задействовал запасные точки для бегства, — предположил Новиков.

— И так может быть. А вот эти метки — что-то другое. Возможно, нам даже и неизвестное, но гарантировано — связанное с хронополями. Раз кванты в этих устройствах застревают, поглощаются, научно выражаясь. Нейтрино, например, свободно пронзает всю толщу земного шарика, ни за один атом не зацепив-

шись, а если бы зацепилось или тормознулось, было бы или не нейтринно, или не Земля. Доходчиво?

— Куда уж. Как в книжке серии «Эврика»¹.

— Так включаем? — снова спросил Маштаков, едва не приплясывающий от нетерпения. Совершенно как пацан, собравшийся в школе короткое замыкание устроить, но заметивший в конце коридора завуча.

Новиков молча махнул рукой.

А внутри все равно что-то на мгновение сжалось.

Маштаков включил.

С организмами присутствующих ровно ничего не произошло. Даже мгновенного потемнения в глазах, что случалось, когда открывалась через блок-универсал дверь столешниковской квартиры.

А вот на планшете Левашова все отметки разом исчезли. Осталась только карта.

— Все! Трандец котенку! — с неожиданным для его темперамента восторгом объявил Левашов. Не Маштаков, которому это было бы пристойнее. Очевидно, у Олега с создателями конкурирующих систем были свои счеты.

— Поздравляю, Вениаминыч! — кинулся он пожимать ему руки. — В пыль. В уголь. В двух мирах нет больше ни одной железки, причастной к хронотехнике. Только наши...

— Я, конечно, присоединяюсь к общенародному торжеству, — деликатно вмешался Шульгин, — а если попроще? На наглядных примерах? Вывод то есть попрошу изложить...

Это, само собой, тоже был с его стороны вариант позерства, но в какой угодно форме следовало же

¹ Серия научно-популярных книг по всем вопросам гуманитарных и естественных наук, выходившая в СССР в 1960—1980 годы для молодежи. Всего вышло более двухсот книг, в т.ч. около двадцати богато иллюстрированных реферативных ежегодников.

спросить о вещах практических, но не совсем понятных людям с тройкой по математике в школьном аттестате.

А главное, нервное перенапряжение подошло к «красной черте».

Новиков буквально сегодня утром припомнил очередную цитату: «Фронт рушился. Сорокин мотался по частям, питаюсь только спиртом и кокаином...»

В чем заключалась еще одна аттрианская подлость — их гомеостат спасал от выстрела в живот, от холеры и сифилиса, от алкогольного отравления, но психо-неврологию не лечил. Не под силу.

— Какой тебе вывод? Все. Точка. На Земле сторели все схемы, чувствительные к «хронополю Маштакова». Нет их больше. Металлолом остался. Кто пришел в «ноль пятую» — не уйдет. Кто к нам просочился — там и останется. И «бокового времени» тоже нет. Все — как до исторического материализма.

— А твоя техника? — осторожно спросил Новиков. Он-то понимал, что не веселился бы так Олег, если б что, но уточнить требуется...

— Моя, брат, на других волнах работает. Чем радиоволна от морской отличается, знаешь?

Новиков подумал. Можно и не отвечать, но отчего и не позабавиться? Вы, мол, умные, так и мы ничего...

— Если не подъ.... технический, так исключительно носителем. Там вода, там мировой эфир.

— Глянь, соображаешь...

Странно вел себя Левашов. Будто его все же контузило ударной хроноволной.

Андрей посмотрел на Шульгина. Специалист, как ни крути.

Тот слушал их диалог с пристальным вниманием. Поймал взгляд Новикова, слегка кивнул.

Ясно.

— Значит, твоя уцелела, вражеская уничтожена. Что и требовалось доказать. То есть, если я верно про-

должаю мыслить, любое проведенное нами здесь время по-прежнему не отразится на времени в «пятом», и мы, хорошенько отдохнув, вернемся куда следует. Да?

— А как же? — ответил Левашов.

— Вследствие всего вышеперечисленного немедленно предлагаю на этом трудовую деятельность прекратить. Любезнейший Павел Васильевич не только распорядился подготовить нам ужин, но и... — Андрей, через силу продолжая *держат марку*, сделал паузу. — Но и, облегчая душевные, совершенно буридановы терзания Виктора Вениаминовича, да и себя избавляя от лишних хлопот, пригласил сюда всех избраженных в альбоме девушек сразу. В целях, как выражаются наши потомки, — *кастинга*. Ну и мы, за компанию, поучаствуем. Как? Принимается?

Левашов, возможно, что-нибудь и возразил бы, но остальные приняли предложение с энтузиазмом. Ну а что? Самому старшему, Удолину, было всего пятьдесят пять. Когда и не посмотреть на девочек, особенно из-за хорошо накрытого столика. Маштаков будет выбирать, а мы хоть посочувствуем, советом поможем...

С Олегом Сашка поступил еще проще. В полном соответствии с известной историей о том, как мичман Лука Пустошкин в Сингапуре, вообразив себя обезьяной, голый по баобабу лазил. Кривлялся и вообще шокировал отдыхавшую под сенью гигантского дерева публику. (Это еще в 1904 году было.)

Никто не знал, как его оттуда снять, пока умный лейтенант с «Громобоя» не догадался показать ему банан и рюмку водки.

«Жако, Жако, пс-ст!»

И тут же мичман прыгнул на землю.

Так и Шульгин, многозначительно подмигивая Левашову, за спиной Новикова сделал жест, посылающий его подальше, а из внутреннего кармана подвдв

нул плоскую фляжку. И указал движением головы в сторону балкона.

«Пойдем, типа, вдвоем на ветерке оттянемся. А остальное — трын-трава...»

ГЛАВА 24

Из записок Андрея Новикова

Отдохнули. Хорошо отдохнули. Спали сколько влезет после приятно проведенного вечера. Сашка, Олег и я, имеется в виду. Остальным такая долгая релаксация не требовалась. Маштаков, наверное, тоже утомился, но по другому поводу: из живых, танцующих, поющих и изображающих акробатические номера девушек, числом четыре десятка, выбрать ту единственную, что согреет тебе постель, намного труднее, чем с глянцевого картинок фотоальбома.

Но разобрался как-то, надеюсь. Я, впрочем, этого не дождался, ушел в свою комнату раньше. А Сашка с Олегом остались. Ну и слава богу. Если одна из красоток, меж которых были и «вампы», и миленькие «Гретьхен», и копии признанных и непризнанных «звезд» в стилистике шестидесятых и семидесятых годов, хоть одна привлекла практическое внимание Левашова — вот и отлично. Надо, давно надо ему «оскоромиться», чтоб Лариса камнем на душе не висела.

Трудно сказать, кто помогал аскету Кирсанову подбирать такой букет. Неужто сам? Не верится.

Я и то испытал мгновенный укол в сердце, когда увидел в общем строю канканирующих барышень одну, совершенно в стиль не попадающую.

Нет, плясала она крайне профессионально, и ножками размахивала, и шляпку изящно поправляла, а — не *оттуда* девушка.

Ужасно она напомнила мне артистку, что сыграла роль стюардессы в короткометражке по рассказу Ак-

сенова «На полпути к луне». Году в шестьдесят восьмом, кажется. Никогда и нигде ее больше не видел, а фамилия запала в память — Елена Брацлавская. Какое-то время был в нее платонически влюблен, как и главный герой фильма, тоже с ней не встретившийся больше.

Захотелось вдруг подозвать ее жестом, усадить рядом, расспросить, откуда здесь, чего ради такую профессию выбрала. Не двадцатый год, двадцать пятый, можно чем и посерьезнее заняться. На вид — едва не княжна рюриковой крови.

И тут же подумал — зачем? Кому это нужно? Мне — лишнее знание, девушке... А что — девушке? Может, она себя как раз в этом нашла и иного счастья не желает. Работой по укладке шпал (фигурально выражаясь) не интересуется.

Я встал, резко отодвинул стул, молча кивнул друзьям и вышел.

...Поздним утром лежал в своей комнате, смотрел на бегающие по потолку, отраженные от моря солнечные зайчики.

Осталось, можно сказать, последнее дело. Завершающий грандиозное полотно мазок кисти или, что ближе стилистически, — мизерекардия, удар милосердия, добывающий поверженного рыцаря. А что поверженного — однозначно. Лихарев не Лихарев — пусть абстрактный неприятель — обезоружен полностью и окончательно: раз сгорели его «пересадочные станции» — ни резервы подбросить, ни разбитые части эвакуировать. Зомбировать новые контингенты нечем, старые форсированно вылавливаются, сдают базы, явки, помощников второго и третьего планов, не проходящих по спискам Затевахина, потому что вербовались по старинке, шантажом, угрозами или за деньги.

В Москве «2004», глядишь, на какое-то время порядка прибавится. После второй «Варфоломеевской ночи» оч-чень надолго многие залягут на дно, потянутся за границу тайными тропами персоны, под главный удар не попавшие, но нутром обязанные чувствовать, что «Бог троицу любит». Не так уж трудно создать через «независимую прессу» впечатление, а также настроение, что случившееся — не более чем пристрелка. Проба сил.

Только чьих, вот в чем «квесчен»¹?

Иллюзий, впрочем, я не питал. Ну, оживятся вдохновленные успехом ребята из «Черной метки». Ну, подсобим мы им еще раз-другой «оздоровить обстановку». А потом потихоньку-полегоньку затянутся бо-лотной ряской прогалины чистой воды, зарастут травой снарядные воронки, оглядятся народец по сторонам — кажись, не стреляют больше.

И начнется все по новой. Что мы, ночной разговор Руматы с Аратой не помним?

Если б такие акции ежемесячно проводить с рас-публикованием в печати... А то ж ведь никакого воспитательного значения. Исчезли без следа три сотни человек, да кто их знал-то за пределами МКАД, ну, пусть Московской области? А у каждого остались вице, замы, помы и просто единомышленники, за руку и за шиворот не схваченные...

Дослушают свист пролетевшей мимо пули, сменяют подштанники, оглядятся и начнут по новой «схемы выстраивать»...

Уж лучше правда в реальностях «2005» или «2056» обретаться. Там население с большим пониманием на управляющие сигналы реагирует. Там еще можно «светлое будущее» строить.

¹ Вопрос (англ.).

...Ох, и заволокло меня в пучину адреналиновой тоски. Это ж прям хоть бери и стреляйся. Многие так и делали, к слову сказать. Одни на самом деле от ипохондрии и ложно понятой беспросветности, иные, говорят, совсем наоборот — на пике счастья и успеха, чтобы, значит, не испытать неминуемого спуска с вершины в пропасть серых будней.

Но это не про нас! Нам еще лет полтора ста прожить надо, радуясь жизни. Достойный пример перед глазами — леди Спенсер. Ни грамма своего эпикурейства не потеряла, несмотря на тяжелую идейную катастрофу. Надо ей немедленно позвонить, тут же пришло в голову. Да сегодня и отправляться, пока тоска не заела.

Что меня еще расстроило, сообразил я, стоя под хлестко бьющими струями душа Шарко и продолжая рефлексировать, — приснилось мне, что для своих утех Маштаков избрал именно ту, приглянувшуюся мне девушку. Надо ж, как запала в душу! Исключительно оттого, что пробудила юношеское воспоминание. Придется спросить у Кирсанова, кто такая, на личное дело взглянуть. Может, стерва такая, что пробы негде ставить... А если нет, поручить, чтобы устроил как-то ее судьбу, если сама захочет, разумеется...

За завтраком (здесь у нас, как полагалось в прежние времена, завтрак в двенадцать, в час происходит, обед, следовательно, в шесть пополудни, а ужин ближе к полуночи) мы с Олегом и Сашкой согласились, что в Кисловодск нужно прибыть непременно сегодня, до наступления вечера. Пока неприятель деморализован, растерян и не успел толком оценить положение, в котором оказался.

Окончательно решили, что пойдем на дело мы втроем, как намечали, Сильвия с Ириной, три робота класса «Иван Ивановича». Достаточно пока. Нет, ну и Ля-

хов-Секонд, конечно. Как без него? Фест его подменит рядом с Тархановым, притерся уже к реалиям.

Берестину с Басмановым и «примкнувшему» Ростокину в самой Москве дел полно. Глядишь, напишет наш журналист второй том «Андреевского братства», раз мне недосуг.

На водах — Лариса, Майя, «Иван Иванович» и Татьяна в печальной роли «живца». Даст бог, получится, что наметили, вернем Сергею жену «в полной исправности».

Маштаков пусть развлекается, ему в ближайшие дни работы нет и не предвидится.

Удолина посадим в роли наблюдателя «на самое высокое дерево». Пусть озирает ментальные окрестности и свистом предупреждает о появлении «нечистой силы».

Сборы не заняли много времени. У нас на каждой базе давным-давно приготовлено все необходимое для выходов «в поле».

Три машины, по числу роботов-шоферов (не хватает, на месте еще найдем), двухпудовые «тревожные чемоданчики», личное оружие, документы, деньги.

Ирина с Сильвией появились на острове по первому зову.

Изготовившись к «последнему и решительному», они вдруг показались мне удивительно похожими, чего раньше не отмечалось.

В почти одинаковых платьях типа «сафари», только у Ирины желтовато-зеленое, а у Сильвии блекло-голубое. Для курортного города выглядит достаточно стильно и в то же время практично — по терренкурам гулять. Карманов много, ткань покрепче «чертовой кожи» и облегающие карбоновые «бронемайки», прикрывающие тело от горла до середины бедер, под ними совершенно не заметны.

Но дело не в одежде — взгляды у них унифицировались!

Школа проявилась.

Кто вздумает в глаза красоток попристальнее посмотреть, непременно испугается.

Валькирии, выходящие на тропу войны, вот как бы я выразился.

Не помню точно, как у Маяковского: «вздрогни, враг, замри и ляг»?

А что же удивляться? Это у них, впервые, своя *Гражданская война* получается. Аггры против аггров, если мы все-таки не ошибаемся. Но у девочек настрой именно на такой расклад.

Пистолетами еще можно для красоты опоясаться, как Юлу Бриннеру — широкий пояс-патронташ наискось бедер и открытая кобура до колена с торчащей перламутровой рукояткой кольта или «смит-вессона». Да вот беда, в Кисловодске неправильно воспримут.

— Поехали, что ли? — спросила Ирина совсем мне непривычным, жестким голосом.

— А ваши припасы? — спросил я. — Потребные для боевой и курортной деятельности?

Иногда *снижать лафос* ситуации очень даже полезно.

— Что нужно нам, давно у Ларисы. Что для боя — наверняка вы *озаботились*...

Опять не возразишь.

Начали рассаживаться по машинам.

Все «Медведи» одинаковые. В первый, по непривычке, погрузился Сашка, почти за руку потянул с собой Олега. Ладно.

Во второй мы с Ириной. Люблю быть вторым. До последнего рывка перед финишем. В третий, по остаточному принципу — Сильвия с Ляховым. И отлично. Парень нуждается в крепком женском плече поблизости. Она его и за время перехода успеет немножко по-воспитывать.

Однако я недавно заметил, что и Лариса наша смотрела на полковника оценивающим взглядом. Как бы чего не вышло в рассуждении предстоящей мирной жизни, подумал я. Уцепится она за него, как на Валгалле за Левашова, и могут случиться осложнения. Ежели поединок предстоит, я и не знаю, на кого двойной ординар ставить. Лариса крута, так и Майя ей не уступит. Главное — на чем барышням драться? На ножах или же на дубинах? Или в древнегреческом стиле — голыми руками и в голом виде на песчаной арене?

Об этом я и спросил Ирину, когда она устроилась на сиденье.

Роботы, войдя в роль фронтовых шоферов, проверяли уровень масла, степень подкачки колес, наличие ЗиПов¹, лопат, топоров и цепей для колес. Сказали ведь парням, что на войну едем. И включилась подпрограмма.

Она к моей шутке отнеслась почти равнодушно.

Да что же это творится? Перед схваткой с пришедшими *изымать* ее инквизиторами она держалась более *женственно*, чем сейчас. А там ведь мы, мало что понимая, считай, без оружия, собирались за нее на смерть драться!

— Чего ты, боярышня, в такой минор впала, что на боярыню Морозову походить стала? — спросил я, освобождая побольше места на и так просторном сиденье. — Не нравишься ты мне. Лучше дома останься! Александры Матросовы мне не нужны!

Ирина плеснула на меня фиалковым взглядом.

— Помолчи немного, ладно? Я тебе все отдала, так не мешай собрать то, что осталось...

¹ ЗиП — ящик с запасными частями и принадлежностями. Прилагается к любой военной технике.

Тут уж не возразишь, раз такие настройки пошли. Ловушка не ловушка, а я такого тона от Ирки со дня прогулки под селигерским дождем не слышал...

...Километров тогда десять мы от деревни на берегу Селигера, где Олег обретался, отъехали. Остановились.

В лесу мелкий, пылевидный дождь совсем не ощущался, только шелестел, не переставая, в кронах медноствольных сосен. Песок дороги был поверху схвачен слегка намокшей и затвердевшей корочкой, будто снег настом.

Тихо, сумрачно было в лесу, необычно, тревожно-торжественно, словно в заброшенном храме, где нет ни души, только почему-то горят, потрескивая, многочисленные свечи.

Ирина была совершенно городской женщиной, выросшей на московском асфальте, и безлюдный дремучий лес, совсем непохожий на тот, что окружал ее дачу, здесь, в сотне километров от ближайшего города, действовал на нее с необычайной силой.

(Я тогда не догадывался, да и не мог, что из подкорки у нее, наверное, всплывали смутные видения детства, проведенного в окружающих аггрианскую базу лесах. Очень похожих, кстати.)

Ей явно не хотелось ни о чем говорить со мной, но когда я открыл дверцу «Волги» и протянул ей руку, молча подчинилась.

Она медленно шла рядом со мной, глядя под ноги, глубоко проваливаясь каблучками в песок, и я вдруг почувствовал, инстинктивно, через рукав плаща, которым она то и дело меня касалась, как начинает действовать на нее неяркая, но мощная красота окружающей природы.

— В березовом лесу — веселиться, в сосновом — Богу молиться, в еловом — с тоски удузиться... Похоже? — нарушил я угнетавшее меня молчание.

— Очень... Это ты сам придумал? — Голос ее на градус-другой, но потеплел.

— Это лет за пятьсот до нас, наверное, придумано. Моими... Нашими предками. Скажи, а кем ты себя сейчас больше ощущаешь, Ириной Седовой или... Как там тебя называли?

— Не будем... Ты только ради этого остановился?

— Не только. Я просто не хочу, чтобы мы расстались навсегда. Да, я перед тобой виноват. И тогда, и сейчас. Только прими как смягчающее обстоятельство, что я всегда стараюсь быть честным. Даже во вред себе.

— Новиков, ты знаешь, иногда мне хочется тебя ненавидеть. Нет, прощаю, раз ты такой... Несгибаемый. Только, наверное, видеться мне с тобой трудно будет...

— Ну, поступай, как решила... Только одно скажу, и все. Когда совсем уже кисло станет, и звезды твои тебе не помогут, и на земле друзей не найдется — вот тогда и вспомни про Андрея, сына боярского. «...И мечом, и всем достоянием своим послужу честно и грозно, воистину и без обмана, как достоин верному слуге светлой милости твоей...» Так в наше время в клятвенных записях ручались. А про все остальное забудем. Если видеть меня не хочешь... твоё дело. Заслужил, значит.

Вот как они, девчата с той околицы Таорэры, умеют с мужиками разговаривать. Однако... Или мы тогда помоложе были, или просто им сдачу следует давать раньше, чем о себе лишнее понимать начнут...

Ну, прожила она еще по своему разумению, года два, наверное, да за другим мужем, и что? Вернулась, никуда не делась.

Сейчас Ирка, конечно, под словом *все* понимала совсем другое, что иные, обычные женщины понимают. Это она про свою колдовскую силу выразилась.

Хорошо, помолчим немножко.

Благо, скачок, как всегда, был короткий и почти неощутимый. С этой стороны машиной СПВ командовал очередной, специально на то поставленный робот (бедный Воронцов, он уже половину экипажа раздал на текущие нужды. Так выдергивали матросов с кораблей на сухой фронт в обеих севастопольских оборонах и в порт-артурской. Осуждали мы такую практику, а сами тем же путем пошли. Куда деваться?).

С той, кисловодской, стороны, Олег сам управление в руки возьмет. Аппарат давно рядом со спаленкой Ларисы поставлен. Полгода назад. И закрыт тремя слоями непроницаемости. Не вычислишь!

Высадились Шульгин и Ляхов на совершенно пустой дороге от Белого Угля на Кисловодск. Им тут минут пятнадцать ехать до Ларискиной дачи. И сразу в процесс включатся, как жизнь требует.

А я десантировался чуть дальше, на площадке напротив Лермонтовского разъезда, не доезжая Пятигорска. Отправился в автономное плавание.

Были мы с Ириной здесь всего один раз в жизни, в семьдесят восьмом году. Да не здесь, конечно, в советской жизни.

Но гора Машук несколько не изменилась, и облака над ней.

Остальное — ничуть не похоже. Но нам хватит и этого, чтобы подержаться за руки и посмотреть на то, что осталось прежним. Не спеша пройти к месту дуэли Лермонтова. Орлы, цепи, обелиск, глухая тень от окружающих деревьев.

А чтобы мы не слишком впадали в романтику, в кармане заработала рация. Сначала от Сашки: «Встретили девушек у Храма Воздуха, все в порядке, едем на дачу».

«Отлично», — подумал я и сказал это Ирине:

— Одна ноша с плеч долой. Шесть человек и три робота на контролируемой территории — чего и желать. Не хуже, чем дивизия Берестина в Берендеевке.

— Не уверена, Андрей, не уверена, — возразила мне верная подруга. — Это только семечки...

Вот странная фраза в устах рафинированной дамы.

А тут же снова, гораздо агрессивнее завибрировал в кармане датчик вызова. Значит, вызывающий аппарат гораздо ближе, буквально в километре-двух. Не Кисловодск, не Москва.

— На связи...

Роботу не нужно было объяснять, кто именно принял вызов.

— Андрей Дмитриевич, объект наблюдения находится в *доме подозреваемого* и сигнал от него *плывет*...

Эти слова означали, что «щука» все-таки схватила блесну. Татьяна, едва ступив на пятигорскую землю, тут же была Лихаревым вычислена и *взята в разработку*. Каким образом он ухитрился заманить ее в свое логово, пока неясно, так на то и приставлен к ней опекающий «Иван Иваныч», чтобы на разборе полетов доложить.

До сих пор, очевидно, никакой реальной опасности робот не видел, потому и на связь не выходил. А как только ситуация стала для него слишком сложной — определил своим локатором ближайшего *хозяина*.

Надо же, как мы четко успели!

Промешкай полчаса со сборами, «Иван Иванычу» пришлось бы разыскивать Ларису. А она с Майей, как сообщил Шульгин, — аж у Храма Воздуха, оттуда на машине, сломя голову, минут сорок езды! Да если девчонки сумели бы мгновенно принять единственно верное решение... Нет, опять нам везет!

Сам же робот — натура не творческая. Или переминался бы с ноги на ногу за оградой, дожидаясь внятных инструкций, или, вычислив степень реальной опасности для *прикрываемого объекта*, рванул бы на силовую акцию. И поломал бы нам тонко спланированную партию.

★ Если принимаемый «Иван Ивановичем» стандартный набор ментального излучения Татьяны, который он записал перед началом сопровождения, *плывет*, значит, перекрывается другим, гораздо более мощным. Или от внешнего источника, вроде аппарата Затевахина, или активизировалась ранее наложенная матрица.

Не зря Левашов скопировал схему локатора Лихарева, которым тот ловил в Москве тридцать восьмого Шульгина-Шестакова.

Но если сигнал всего лишь плывет, продолжая фиксироваться, Татьяна сейчас только начала терять над собой личный контроль, оставаясь пока человеком.

Все это я думал, бросая одновременно Ирине обрывки фраз-инструкций, которые та мгновенно переводила в удобоваримую и пригодную для непосредственной реализации форму. А машина сумасшедшим болидом летела к указанной шоферу цели.

И еще раз подтвердилась истина о неслучайности всего происходящего с нами. Захотелось перед делом взглянуть сентиментальным взглядом на места, где гулял я с двадцатилетней Ириной три жизни назад, а оказалось, на исходную для атаки позицию вышел.

По городским улицам сколько бы мы к обители Валентина пробирались, а отсюда, по совершенно пустой кругомашукской дороге, мимо Провала мы выскакивали в нужное место без помех: ни встречных машин, ни попутных, ни одного светофора.

И выходим к неприятельскому опорному пункту с тыла.

«Медведя» поставили в глухой переулочек за полста метров от лихаревских ворот, оттуда по склону, цепляясь за гибкие ветки кустарника, полезли вверх. Невысоко, едва до середины отрога, и достаточно. Мы с Ириной полезли. Она впереди, я чуть ниже, страхую. Просто по привычке. Кого страховать? Она в этом платье и спортивных туфлях на Эверест залезет с несколькими перекурами.

Неширокий карниз, с которого хорошо видна тыльная стена дома и часть двора.

Неплохо устроился беглец. Флору всякую экзотическую развел, а может, и фауну тоже. Только это, наверное не он, французенка его.

А все ж недодумал кой-чего. Я, на его месте, не стал бы ставить дом под горой, откуда все просматривается и простреливается. Да тогда, наверное, когда виллу покупал и перестраивал, на подобные темы не задумывался. Радовался небось, что Горячая от городского шума и северных ветров прикрывает.

Наш робот, накинув на плечи замасленную шоферскую куртку, разболтанной походочкой двинулся по левой стороне тротуара к чрезвычайно удачно поставленному наискось от дома пивному ларьку. Достаточно далеко, чтобы случайно из окна заметили, но Иван Ивановичу — в самый раз. Все видно, все слышно. И кому какое дело до мастерового, решившего пропустить кружку-другую «Синебрюховского».

Ирина, присев на корточки, включила блок-универсал.

— Ого! — не сдержала она удивления. — Здорово фонит. И шар, и его блок, и еще что-то. В крутой оборот Таньку взяли.

— Он там один? — спросил я, прикидывая дальнейшие действия. Тихое проникновение со взломом или штурм?

— Всего трое. Татьяна, он и кто-то еще.

— Еще — женщина. Эвелин, Эва, Эля — по-разному называют...

Робот, приставленный к Татьяне, возник у меня за плечом абсолютно бесшумно, словно, подобно Коровьеву, соткался из воздуха.

— Какие будут приказания?

— Сиди пока. Уверен, что вооруженной охраны нет?

— Нет. Только эти трое.

— Тогда слушай. Обходишь дом слева, незаметно форсируешь забор, прячешься в кустах. Ждешь сигнала. «П-36» будет работать от главного входа. Мы — за вами. На предельной скорости ворваться внутрь, зафиксировать мужчину и женщину. Объект мы берем на себя...

Для роботов даваемые им по настроению и обстановке имена не имели никакого значения. Все они числились у Воронцова по номерам «судовой роли»¹. «П» — значит палубная команда, «М» — механическая, и так далее.

Я еще успел связаться с Шульгиным.

— Вы где?

— Заходим в Ларкин дворец...

— У меня «Люфталарм»². Приступаю к острой акции. Не теряйте времени, раскошегаривайте СПВ. По следующей команде десантируйтесь во двор Лихарева. Пусть Олег настраивает. Но не раньше...

Я рассчитывал еще немного понаблюдать за происходящим, позволить Ирине точнее определить характеристики всех переплетающихся в доме и в мозгах Татьяны полей. Вдруг уловит нечто, что пригодится при *раскалывании* Валентина. И еще я думал — не подъедет ли сюда персонаж поинтереснее. Вполне такое могло случиться.

Девушка захвачена, посажена *под прибор*, самое время объявиться вдохновителю и организатору. До последнего я не верил, что у хладнокровного, рассудительного, да вообще вполне приличного парня *сорвало крышу* при полном безветрии. Тут или шквал, торнадо нужен или приличный заряд динамита под стропила.

Однако — не вышло по-моему.

¹ Судовая роль — штатное расписание экипажа корабля.

² Воздушная тревога (нем.).

Совершенно внезапно распахнулась оконная створка на втором этаже. На подоконнике возникла женская фигура и без малейших колебаний прыгнула вниз. А высокогато, метров пять...

Впрочем, как раз прыжку с пятиметровой высоты равняется удар, который испытывает при встрече с землей парашютист.

Так то тренированный мужик, в ботинках или сапогах, умеющий группироваться. А Татьяна махнула не задумавшись, да еще босиком... Только юбка взметнулась до плеч.

Ирина ахнула невольно.

Но с девушкой ничего не случилось. Приземлилась, едва не упала на бок, однако удержалась, опершись рукой, тут же выпрямилась и побежала с сумасшедшими глазами в никуда.

А впереди — глухой забор, который ей не перелезть. Сзади — дом. До закрытых ворот — метров тридцать.

— Вперед, — скомандовал я роботу. — Взять и охранять!

Послал на штурм виллы второго, с прежним заданием. И сам понесся вниз, слыша за спиной мягкие, как у пантеры, прыжки Ирины.

ГЛАВА 25

Из записок Андрея Новикова

На верхнюю площадку крыльца вылетела Эвелин, возбужденная и растерянная до полной потери самоконтроля. Я посторонился, и француженка попала в железные объятия Ирины.

— Тихо, девочка, тихо. Здесь все свои, ты же нас знаешь, — услышал я краем уха ее успокаивающие слова и, не тормозя и не отвлекаясь, вломился в холл.

«П-36», заломив Лихареву руки за спину, тащил его

к дивану. Сил сопротивляться у Валентина не было, а, похоже, и желания тоже. Сдулся он сразу, как проколотый первомайский шарик.

Пока я озирался в боевом азарте, «Иван Иванович» внес на руках провалившуюся в обморок Татьяну.

— Сюда клади, — показал я на оттоманку под сенью пальмы.

— Ира, займись! — бросил я подруге, которая как раз вошла, сопровождая едва переставлявшую ноги хозяйку. Тоже, чего доброго, хлопнется. Хоть полевой лазарет разворачивай...

— Иван, контролируй территорию!

А сам — обратно во двор, подать друзьям обещанный сигнал.

Минута — и они высадились. Всей компанией, причем мужики с автоматами на изготовку.

— Отбой, братва, отбой, — крикнул я и сам присел на верхнюю ступеньку, нашаривая в кармане сигареты. Ничего бросочек получился. Чуть связки не порвал, не говоря о дозе адреналина, выброшенного надпочечниками в мой издерганный организм.

Старею, что ли?

Наконец я впервые вблизи посмотрел на Майю. А что? Хороша мадемуазель Бельская, мадам Ляхова! Именно, что порода прямо в глаза бьет. Пятьсот лет селекции, начиная с пресловутого Малюты Скуратова¹, который тоже, судя по летописям, был мужчина видный.

И не нужно мне говорить, что они с Ларисой однотипны. Совсем другой «аксепт».

Мы с ней, получается, самые родовитые здесь. Воронцовский род с XVII века известен, Берестины —

¹ Скуратов-Бельский Григорий Лукьянович (прозвище — Малюта), г.р. неизвестен, погиб в 1573 г. Соратник Ивана Грозного, глава опричного ведомства. Отдаленный предок Майи.

чуть древнее. Однако супротив Новиковых Бельские — тоже салаги. Не знают, откуда основоположник на Москве объявился, а мои пращуры и на Калке сражались...

— Дело сделано... — устало сообщил я настроенным на битву братьям. — Приступайте к планомерному освоению захваченного плацдарма... Олег, немедленно лихаревской техникой займись. Саша, по старой с ним дружбе, начинай клиента трясти. Ты, Си — в той же группе. Не чужие, чай!

Смотри-ка, не пропал у меня кураж, две глубокие затяжки, и я снова готов «хоть в Сухум, а хоть в Одессу».

— Лариса, принимай комендантство над домом. И за «хозяйкой» присмотри. Ирина своим делом займется. А ты, господин полковник, — обратился я к несколько не врубившемуся Ляхову, — со мной. И вы, Майя.

Я сюда первый пришел, взял крепость с боя, я и команду. Обычная практика.

Ирина чем-то побрызгала в лицо Татьяне, дала ей понюхать, не нашатырь, конечно, и не кокаин, но что-то весьма стимулирующее.

Ну и славненько.

Роботов — за дверь.

— Вадим, иди сюда...

...Татьяна на подгибающихся ногах поднималась в присмотренную нами комнатку на третьем этаже. Уединенно, тихо там, а на случай очередных обострений — обороняться удобно.

Ляхов слегка приобнимал ее за талию и подталкивал, когда она вдруг замирала, словно боясь наступить на следующую ступеньку.

Пропустив их вперед, я захлопнул тяжелую, из

цельной дубовой доски дверь, повернул задвижку. Устроился, по привычке, на подоконнике. Дальше — не совсем мое. Майя подошла и стала рядом. Выглядела она на удивление спокойно. Выдержка или безразличие?

Вадим усадил девушку на диванчик. Сбросил пиджак, отпустил узел галстука. Отщелкнул замки плоского чемоданчика. Покопался там, достал небольшой, темного стекла пузырек, вытряхнул на ладонь две похожих на фасоль таблетки.

— Глотай!

Она послушно проглотила, и он тут же протянул ей полную до краев серебряную чарку. Ее содержимое Татьяна, не спросив, что и зачем, тоже выцедила одним махом, и только в самом конце поняла, что пьет не микстуру, а густой и очень крепкий коньяк.

— Все? Нормально? Не тошнит?

Она отрицательно помотала головой, чувствуя, как сначала разливается горячая волна по пищеводу, желудку, а потом мягко отдает сразу в ноги и голову.

Ляхов сел напротив, протянул ей сигарету. И ее Татьяна послушно взяла, прикурила.

Полковник пристально смотрел ей в глаза, разминая свою.

Мне за ними наблюдать было просто интересно. Наблюдать, понимая сказанное и несказанное, даже предвосхищать то, что случится через минуту, через две.

Майя, как я отметил, пусть и искоса, больше поглядывала на меня, чем на жениха и подругу.

Понимаю. Они — знакомые и привычные, я — если не монстр, то нечто к тому близкое. Сейчас — добрый, а немного спустя?

На третьей затяжке голова у Татьяны закружилась так, что она со стоном откинулась назад с единственной мыслью, лечь, вытянуться, ни о чем больше не думать.

Вадим тут же кинулся, помог поднять с пола ноги, уложил вдоль дивана, поправил соскользнувшую при этом тонкую юбку.

Сейчас, ясное дело, он чувствовал себя только врачом и совсем немного — контрразведчиком. Телесные красоты эффектной женщины его не интересовали. Единственно, как я заметил, взглянул куда надо, убеждаясь — видимых следов насилия в поле зрения не присутствует.

Правильно. Этого и я бы не исключал.

Поймав мой взгляд, Вадим отрицательно мотнул головой, хотя я его ни о чем не спрашивал.

Мне осталось кивнуть утвердительно. Работай, мол, дальше, раз взялся.

Ляхов еще подложил девушке подушку под голову.

— Спать хочешь? — спросил Вадим странным, свистящим шепотом, который даже у меня отдался в голове звоном отдаленного гонга.

— Не спать... Мне плохо... Я умираю?

— Ерунда. Переутомилась, перепила немного. Что до этого пила?

— Шампанское... Чуть-чуть. Ах да, еще коньяк. Не твой, раньше.

— И славненько. Теперь поспать неплохо. Встанешь как новенькая...

Да, ей уже становилось лучше. Поспать, поспать...

— А где Сергей?

— Скоро приедет. Не беспокойся. Расскажи, что с тобой случилось, когда ты утром ушла из дома?

— А что случилось? — спросила девушка, пытаясь сесть.

— Лежи, лежи, рассказывай...

Врач из чужого мира, очевидно, дал ей неизвестный мне стимулятор, имеющий при том определенное гипнотическое действие.

Потому что внезапно, через минуту-другую девушка вдруг начала говорить ровным, без интонаций голосом.

Выглядело это так, будто Татьяна не вспоминает случившееся в течение этого бесконечного для нее, безумного дня, а словно синхронный переводчик, перелагает в слова то, что разматывалось перед внутренним взором, будто документальный фильм. Ею самой впервые видимый. И что случится в следующем кадре — она не представляет.

«...Пятигорск. Да. Совсем немного отсутствовала, а город — как чужой. Или я теперь здесь чужая. Сразу идти домой не решилась. Надо освоиться, вспомнить себя здесь — чувства, ассоциации, память сердца.

Небрежным жестом дала понять водителю, что в его услугах больше не нуждается, медленно пошла вверх по Курортному проспекту.

Особых изменений не видела, разве что немного больше стало уличных кафе, столиков посередине аллеи и по обеим сторонам тротуара. Пусть и ноябрь уже, а совсем тепло, двадцать градусов или около того. Ощущение непонятного праздника. Лица идущих навстречу людей и сидящих с кружками пива и бокалами вина какие-то другие, не совсем те, что остались в памяти. Светлее, раскованнее, что ли, свободнее от повседневных забот? Или просто я привыкла видеть, замечать горожан глазами такой же замотанной горожанки, а сейчас себя чувствовала приезжей и видела только отдыхающих?

Дойдя до поворота к городскому парку, свернула не раздумывая, длинной аллеей вышла к тем самым качелям, где в пятом классе гимназии, наверное, а может, в шестом¹ впервые ощутила незабываемое чувство полета, космическое чувство невесомости и что-то еще,

¹ Пятый класс гимназии соответствовал восьмому-девятому классу нынешней средней школы.

показавшееся восхитительным, что выбило меня тогда из реального времени на секунду-две, а возвращение сопровождалось неожиданным испугом.

Теперь вот вспомнилось, и тут же вспомнились необычные, на грани реальности сны.

Я обошла площадку аттракционов, углубилась в запущенную аллею парка. Сколько шла? Не помню. Время как бы перестало существовать. И вдруг толчок под сердце. Назад! Куда?

К качелям!

Перед ними толпилось много молодых парней и девочек. Того самого возраста. Младше пятнадцати на «большие лодки» не допускали. Поодиночке, но больше парами. И я стала в очередь. Смешно! А может, и нет: Кому до меня какое дело? Вновь нахлынуло ощущение нереальности. Не сама я решаю, кто-то подсказывает, кто-то ведет. Может быть, «Остановиться, оглянуться», вспомнился любимый роман. Но нет! Иду, будто в спину подталкивает ласковая, мягкая, но не терпящая возражений лапа.

Уперлась в калитку. Опять замялась.

— Идете, нет? — спросила со странной интонацией плотная, пятидесятилетняя тетка. Билетерша. Видно, в моем облике что-то ее смутило, повидавшую за десятки лет многое и многих. Куда там иным социальным психологам.

«Да-да», — показалось, против своей воли ответила я.

Подошла к лодке. Будет напарник или напарница? Нет. Все идут по двое. Ладно, я и сама сумею! Тогда еще, в пятнадцать лет, когда сумела раскататься и первый страх прошел, был такой восторг!

С надеждой испытать прежнее ощущение я перешагнула с деревянного настила в зыбкое суденышко. А дальше?

Паренек из obsługi подскочил, качнул раз, другой, третий. Пошло.

Ноги сами вспомнили, когда сгибать колени, когда выпрямлять.

Лечу, лечу, лечу!

Верхняя точка. Жду удара в ограничитель. Нет! Лодка выходит на вертикаль. Зависаю. Вдруг вспомнился Буратино: «Ногами вверх — голова будет работать лучше...»

Невесомость, и вдруг кто-то меня окликает изнутри мозга: «Таня, слышишь?»

— Кто здесь?

Стремительный полет вниз и снова вверх.

«А как ты думаешь?»

Размах — четыре секунды, во время них пустота!

«Ты меня не узнаешь? Не помнишь?»

Что-то такое близкое, родное? Нет!

Еще размах. Дыхание почти остановилось. Лечу в безвоздушном пространстве.

«Я — Гериев!»¹

— Ты? Гериев?

Втянула полные легкие, воздух уже не помещается, бронхи горят. Меркнет сознание.

«Да, я, я! У меня всего две секунды. Здесь время не ваше. Я успею. Я люблю тебя уже триста лет. Я всюду шел за тобой, все годы. А встретил — в преисподней... Успей услышать, запомни. Сейчас от тебя зависит спасение России. Ты должна...»

Вверх! Ноги перестали подчиняться, почти не разгибаются, чтобы толкать лодочку, дрожат, но инерция сильна, снова выносит в верхнюю, «мертвую» точку. Какое верное название.

— Ты где, Гериев, Гериев, Гериев?

Вниз. Ноги подкашиваются, хочется отпустить толстые стальные прутья, сесть... Или — улететь. Сознание, если и есть, то полубессознательное. Смешно, правда?

¹ См. роман «Билет на ладью Харона».

Когда лодочка остановилась, прижатая снизу деревянным тормозом, сама я выйти не смогла, сидела, пока давешний парень помог мне выйти за калитку.

— Мозги надо иметь, — буркнула мне в спину билетерша. — В твои-то годы на качели лезть...

«А какие мои годы? — подумала я? — Двадцать девять скоро. Или — триста?»

Отошла под прикрытие вечнозеленых кустарников, присела на древнюю парковую скамейку. Чуть помоложе меня.

Полезла в сумочку, наткнулась на подаренный Майей пистолет, под ним нащупала сигаретную пачку.

Что же это было? Бред, мозговой спазм, пробой в «тонкий мир», в «боковое время», где я впервые увидела Гериева, где случилось то, что случилось. А выходит, мы с ним давно знакомы? Не оттого ли я испытала приступ неконтролируемой злобы к Ляхову, чуть не накричала на него, не имея к тому никаких оснований?

Очень уж, невзирая на странный психический фон, все было отчетливо. Вплоть до последнего — «ты должна!».

Что должна, кому, зачем? Тарханов с Ляховым должны князю по долгу службы. А я? Ладно, кавалерственная дама, и Олегу Константиновичу... тоже долг отдала, или просто, как в народе говорят — ...

Спасать Россию — от кого, когда и как? Она в этом нуждается?

Но тут же вспомнились и слова Ларисы, крайне неприятной женщины: «Этот день, девочки, может быть, для вас последний спокойный!» Она что, с нами полгода таскалась по миру покойников? Думает, больше нашего видела?

«А может, и видела», — краем сознания проскочила трезвая мысль.

И сразу я переключилась на другое. Идти сейчас домой или нет? Может быть, проще перевести сколь-

ко-то денег, и пусть остаются в неведении, что я тут, рядом? Если случится плохое, им будет куда тяжелее...

Тогда что? Обратно в Кислый? Рассказать все Майе и «бонне»? И ведь понимала, что так правильнее всего и следовало поступить. Рассказать, поделиться, придумать, что делать дальше.

И пока я сидела в раздумье, кто-то присел рядом и уже потом спросил: «Разрешите?», как будто я могла отказать в праве занять край общественной скамейки.

— Да-да, пожалуйста.

Только бы он не приставал с вопросами и предложениями. Я даже не посмотрела в его сторону, совсем не до того было. И напрасно.

Следующее произошло очень быстро, напористо и как-то «по-хозяйски», другого слова не подберу.

Мужчина, лица которого я даже не успела разглядеть, вдруг подвинулся ко мне, сжал в могучем, исключающем сопротивление объятии и припал к губам в долгом, великолепном поцелуе, который был прерван не по моей воле. Да, это тебе не примитивный биологический секс «для здоровья», здесь нечто иное, не зря же специалистки древнейшей профессии обходятся без поцелуев, считая, что они обязывают к «настоящей близости».

Оторвавшись от его губ и, что совсем уже непонятно, не чувствуя никакого возмущения по поводу столь бесцеремонного поступка, я повернулась, чтобы посмотреть, кто же мне стал «близким человеком»?

Человеком?

Что-то странное происходило с его лицом, будто в компьютерной графике изображается деформация, перетекание форм.

— Что с вами? — без испуга или иных эмоций спросила я, будто так и должно было быть.

— Я вижу, ты не боишься? И это правильно. Разве не догадалась — я Гериев от Гериева! Долго мне пришлось добиваться от них такой возможности. Встре-

титься с тобой на воле. Там твой шприц, укол, он меня отпустил, и сны те самые, и вот теперь качели. Как бы пояснее выразиться? Я — он или я — я? В общем, думай как тебе удобнее. Я тот, кто любит тебя всю свою очень долгую жизнь без упокоения даже на эти необходимые для восстановления душ триста лет.

Захочешь услышать историю моей любви к тебе — расскажу как-нибудь. Сейчас — не время.

И снова его лицо «перетекло» от облика того, умиравшего в палестинских холмах Гериева к этому, помоложе, пожалуй, и вполне современного, интеллигентного даже облика. И дальше — вот он, тот рыцарь из сна¹, послания которого я не поняла.

— То, что с вами всеми происходило там, в преисподней, как я ее называю, звенья одной цепи и моей любви к тебе. Некогда рассказывать и вводить в курс всех перипетий, отношений и взаимодействий всех со всеми. Как это ни высокопарно звучит — надо спасать Россию! И ты, моя любимая, один из самых главных персонажей здесь, на Кавказе. Я остаться рядом с тобой пока не могу, но мои земляки, родственники, весь тейп — помогут. И я так или иначе — с тобой. Помни это и ничего не бойся. Сейчас езжай в Кисловодск к своим и жди друзей из Москвы. Успеют — скажут, что делать дальше. Нет — поступай по обстоятельствам...

Едва договорив последние слова, он отстранился от меня и... растаял.

Я наконец прикурила сигарету, которую так все время и вертела в пальцах. Он меня стискивал, целовал, и я его тоже обнимала, кажется, а сигарета вот она — целая. При этом бредом все случившееся явно не было. О бреде я кое-что понимаю. Иначе немедленно пошла бы сдаваться в «дом скорби». А так...

Может, все же сходить к родному дому, раз все

¹ См. «Дальше фронта».

равно рядом, пусть даже без встреч и объятий с родственниками. И «по коням», как любил говорить в дело и не в дело подвыпивший любимый дед.

Едва успела сделать десяток шагов к выходу из парка, нарисовался титулярный советник собственной персоной. Такой весь из себя элегантный...

— Татьяна Юрьевна, как вовремя! Велено незамедлительно доставить вас обратно. Майя Васильевна ждет с нетерпением, гости из Москвы прибыли, видно, успели соскучиться, но все же, надо полагать, по долгу службы. Настроение у них нерадостное, мне кажется. Машина рядом, идемте.

Идем так идем. Кто ж там приехал, Вадим, Сергей, или оба сразу?

Уже подходя к автомобилю, прижавшемуся бортом к зеленой изгороди в переулке, я краем глаза увидела справа нечто вроде колеблемого ветерком призрака. И он порывистыми движениями скрещивал перед собой руки: «Нет, нет, нет!»

Опять Гериев. Надо думать, из последних, здесь ему доступных сил пытался ее от чего-то предостеречь.

Думай быстро, гидесса, профессия научила — быть ведущей всегда и со всеми. Посмотрите направо, посмотрите налево! И чтоб никто не потерялся, и под машину не попал, и жалоб не писали...

Села на заднее сиденье, как положено хозяйке, титулярный — за руль.

— Виталий, вас не затруднит сделать небольшой круг? Проедем мимо моего дома. Не успела зайти, так хоть снаружи посмотрю.

Он странным образом замялся или напрягся. Если бы не тень Гериева, я бы этого ни за что не заметила. А теперь следила за каждым его жестом.

— Хорошо, показывайте, как ехать. Только, повторяю, нам нужно торопиться...

— Успеем. И не вам мне указывать. Не забывайтесь!

Хорошо сказала, к месту. Он ведь кто — титулярный! А я полковница и много более того...

Мои мысли неслись стремительно, никак не оформляясь в нечто конкретное. Кто теперь этот Виталий? Враг? Подставка? Двойник? Ведь еще вчера он был совсем другим. Предупредительным и услужливым с Майей, а меня воспринимал только фоном. Сейчас — командует, будто главнее Сергея и Ляхова. Только этого достаточно, чтобы догадаться, что дело нечисто.

Ну и что? Стрелять ему в затылок? Майкин пистолет вот он, чувствуется сквозь кожу сумочки. Или — распахнуть дверь и выпрыгнуть в подходящем месте, пока он не заметил моих сомнений? Думай, Таня, думай!

— Виталик, — так фамильярно я назвала его, с улыбочкой, он ведь мне никто, Майе, может быть, охранник, а мне — никто. — А ты здесь бывал когда-нибудь?

— Не приходилось, — затвердев лицом, ответил он, не повернувшись, но в зеркале я увидела его эмоциональный отклик. Мимо пролетела моя улыбка, жаль, что не пуля.

— Тогда сворачивай налево. Мимо «Эоловой арфы», и еще раз налево. Чудное там место, достопримечательность, Лермонтовым отмеченная. Главная в нашем городе. Будешь потом вспоминать, что побывал в Пятигорске, а я тебе пока расскажу и о ней, и по ходу о других заслуживающих местах...

Вспоминая бывшие профессиональные навыки, так и молола, что приходило в голову, лихорадочно перебирая варианты своего спасения. А заодно и спасения России! Ведь вбил же мне в голову на грани подсознания эту мысль Гериев. Или — кто-нибудь другой?

Он же подсказал: «Продолжай так же!»

А как? Болтать по поводу красот родного города человеку, который вознамерился тебя убить? Похитить? Что еще можно со мной сделать?

Вот и Арфа показалась. Неожиданно задул страшной силы ветер, нездешний какой-то, даже машину дернуло вбок с дороги. Виталий рывком руля ее выровнял, но тоже удивился, как мне показалось. Прикрыл боковое стекло и глянул на меня.

В глазах вопрос: «Страшно?»

Молчу. Что страшно, кому? Мне, ему?

Он отвел взгляд, я тоже повернулась. Куда он смотрит?

На самой площадке Арфы проектируется на фоне неба тоненькая девичья фигурка. Ветер, кажется, срыгает с нее легкий сарафан — «солнце», и это «солнце» уже полощется над ее головой, придерживай руками, не придерживай. Для нее ветер тоже налетел внезапно, иначе убежала бы давно. И тут же ударил дождевой заряд. Как дробью.

— Возьмем девчонку! — приказала я.

Опять отметила его заминку, недовольство явное, а попробуй, гад, возрази в открытую, нас уже двое. Почему-то решила, что девушка мне союзница и помощница. В чем?

Увидев нашу машину, девушка кинулась к спасительному убежищу. Я распахнула дверцу, она почти упала рядом.

— Ой, здравствуйте. Спасибо. Мне за два года жизни в Пятигорске никогда в такое не случилось попадать. Ураган, шквал, дождь. Если б знала, ни за что б сюда не полезла сегодня...

— Да что ж вы так? Ноябрь все-таки, не август, а вы в сарафанчике на голое тело?

— Я тут совсем рядом живу, вышла на полчаса, солнце пригревало...

Она говорила по-русски вполне правильно, даже красиво, но акцент...

Французенка, тут же определила я, бывали у меня и французские группы.

— Ой, меня Эвелин зовут, не успела сразу представиться, простите... — И замолчала, вопросительно глядя на меня, продолжать ли дальше или дать и «хозяевам» слово вставить?

Я тоже назвалась, протянула руку.

— Виталий, — буркнул мой сопровождающий отчетливо недружелюбно. Плохой артист или так и задумано?

Девушка смотрела растерянно и с сомнением. Не вмешалась ли, мол, в семейную сцену? Уловила повисшее в машине напряжение.

— Я пойду, может? Ветер уже стихает...

Да где же стихает, подумала я, бедная ты девочка. Бедные мы девочки...

Что-то толкнуло меня.

— Сейчас посмотрим, как стихает. Да заодно сбегем до него же, «до ветру». Очень уж надо... — Я бестыже-непринужденно усмехнулась Виталию.

Он не нашелся, что на такое ответить. Не хватать же за руку, не позволю, мол...

Я снова толкнула дверцу, потянула за собой Эвелин.

Ветер и вправду приутих немного, и вместо дождя летела мелкая морось.

Кустарник вокруг рос густо, вполне подходяще для заявленной цели.

Но все равно, надо же углубиться метров хоть на десять-пятнадцать.

Я, не выпуская Эвиной руки, сначала медленно, потом все быстрее пошла, потом побежала по круто уходящей вниз тропинке. Обдаваемые брызгами, отбрасывая цепляющиеся за одежду ветки, вылетели к торцу Академической галереи, спрятались за контрфорсом.

Виталий, вскарабкавшись на парапет, пытался рас-

смотреть, куда мы скрылись, и казался отсюда очень маленьким.

Поймался, парень. Машину, наверное, ему бросать не велено, и куда ехать, не понимает. Дорога только одна, и сразу от Арфы круто уходит влево, а у нас десятки дорожек. И вниз по лестнице к Цветнику, и в любой ближайший переулок, проходной двор, и на Горячую гору.

А на самом деле, куда теперь? К кому, зачем? К девчонкам в Кисловодск, спасти Россию? Или пока только себя? И Эвелин, соучастницу мою теперь?

Пока переводила дух, Виталий исчез. Послышался шум резко, на больших оборотах рванувшей с места машины.

И куда же он? На вокзал, меня перехватывать или на автостанцию, стоянку такси? Или — к родительскому дому? Знает адрес, наверное.

А вот и француженка моя отдышалась.

— Таня, что это было? Я сразу почувствовала опасность. Виталий этот... Я обучалась психологии, и мой здешний друг тоже показывал кое-какие приемы. Я тут живу с ним, из Франции, как это — «увязалась». Пока не отправляет обратно — я счастлива. У нас дом совсем рядом, потому и бегаю на Арфу чуть не каждый день. Спорт, а главное — такая красота... Если ты не знаешь, куда идти, пойдем к нам. Там точно никто не найдет, не обидит. Отдохнешь, приведешь себя в порядок, тогда и решишь...

Действительно, вид у нас с ней сейчас не тот, чтобы направляться в центр города. Рубашка моя в нескольких местах прорвана колючками, брюки в грязи, у Эвелин тоже косо свисает клоч юбки. Хорошо, лица не расцарапаны.

— Подожди, Эва...

Терпения совсем уже не оставалось. Я забежала за следующий выступ стены, сделала то, что собиралась. От этого и на душе полегчало.

Поправила одежду и вообще все, что можно, закурила. Вышла к девчонке воплощением спокойствия.

Выбор у меня был невелик. Добираться в Кисловодск самостоятельно или все же воспользоваться приглашением случайной знакомой. Второе предпочтительнее. Главное, постараюсь дозвониться, пока Виталий туда не примчался, пусть Майя знает. И Лариса подскажет, как быть дальше, раз взяла на себя такую обязанность.

— Пошли, Эва, только побыстрее, если можешь.

Каблуки у нее были высокие, как она их не поломала на горных тропках? Поковыляла-поковыляла и сбросила. Только скорость от этого не увеличилась: мелкие острые камешки и крошка красного толченого кирпича впивалась в ее нежные ножки. Я же была в мягких теннисных туфлях, заранее собиралась обойти пешком весь родной Питер.

— Возьми, — сбросила я туфли и подвинула к ней.

— А как же ты?

— Я с детства приучена босиком, и по лесу, и по степи.

Она послушно обулась. Скорость сразу возросла. Да было и вправду недалеко, не успели и запыхаться. Сразу за отрогом Горячей.

Эва открыла неприметную калитку в увитой плющом каменной стене, и мы очутились в чудесном месте.

Да, а я-то думала, что знаю в своем городе все!

Вернее, видеть-то я не раз видела этот зеленый массив издалика и красную черепичную крышу над кронами, но совершенно не догадывалась, что там внутри.

Огромный сад-парк, здесь места хватало всему: фруктовым и экзотическим деревьям, хвойникам всех сортов и видов, даже в ноябре не увядшим цветам, зеленым газонам английского типа, и даже сад камней гармонично вписался рядом с березками. Рай земной!

И дом! Вилла метров этак под тысячу. Кто же этот

ее друг, о котором я, прожившая и проработавшая здесь всю жизнь, знающая если не весь «свет», то большую его часть, когда по долгу службы, когда по слухам, не знаю ничего? А может, и знаю, только имени Эвелин пока не сказала?

Но наверняка обосновался он здесь недавно и живет отшельником по неведомой причине. Куда я попала? «Из огня да в полымя», — говорила моя бабушка в таких примерно случаях.

Но мы уже подходили к двери дома, нет, дворца, которая гостеприимно распахнулась перед нами.

Оставив меня оглядываться в изумлении, Эвелин, бросив на ходу: «Я сейчас!» — сбежала куда-то вниз по широкой лестнице.

И я осталась одна посередине огромного холла, обставленного в стиле расцвета Рима. Фрески и мозаики по стенам, колонны, вьющиеся растения, статуи, статуи, мрамор и бронза. Копии? А возможно, и подлинники.

Вдруг между статуй — не совсем изваяние, а как бы размытый, плывущий силуэт, опять что-то показывает руками, подзывает или, наоборот, запрещает двигаться, предостерегает...

Продолжается чертовщина!

Пока я раздумывала, подойти или бежать сломя голову, из холла и вообще из дома, видение исчезло. В холл поднялась Эва вместе со своим другом.

Сказать, что я его не знаю — не могла, что знаю — тоже. Видела, почти наверняка, но где, когда, при каких обстоятельствах пересекались — открытый вопрос. Но ведь было же, было! Что-то знакомое до боли (боли?!), угадывалось, особенно в жестах, походке. А лицо? Обычное симпатичное лицо мужчины лет тридцати пяти, «без особых примет».

Подошел, сам протянул руку, потому что я застыла, наподобие одной из окружающих статуй.

— Здравствуйте. Валентин. Эвелинка уже успела вкратце обрисовать ваше приключение.

И голос, голос тоже кажется мучительно знакомым.

— Вы, похоже, не избавились еще от шока? Надо его немедленно снять. Эля вас проводит, приведете себя в порядок, за столом поговорим подробнее... Захотите принять мою помощь — подумаем, в чем она может заключаться...

Только сейчас я взглянула на себя в зеркало. Ужас! Босые грязные ноги, брюки в репьях и дырах, растрепанные волосы, ошалевшие глаза.

Валентин радушно улыбнулся, пошел теперь уже вверх по ступеням.

Эва, или Эля, как он ее назвал, проводила меня в ванную побольше иного обеденного зала, все показала и рассказала. И было что — иных устройств и приспособлений я и не видела раньше. Приоткрыла шкаф с парфюмерией и косметикой, полотенцами, халатами. Ушла, почти тут же вернулась с комплектом белья и какой-то одеждой.

— Думаю, тебе это подойдет...

Сидя в ванне, рассчитанной на Гаргантюа или на целую компанию любителей поплескаться вместе, утопая в холмах теплой, непривычно,пряно и тревожно пахнущей пены, я принялась рассуждать спокойно. Пистолет, на крайний случай, у меня есть, сумочка рядом, только руку протяни. Жаль, я не догадалась спросить Эву о телефоне, наверное есть у них с длинным шнуром или даже беспроводной. Позвонила бы сейчас Майе. Да жива ли она сама сейчас, после приезда «московских гостей», натравивших на меня Виталия? Ладно, минутой раньше, минутой позже...

Удивительно, но сильнее судьбы подруги занимал меня сейчас Гериев или тот, кто назвался этим именем. Я ведь сколько его в «боковом Израиле» видела? Минут пять, десять от силы. Грязный был, умирал, на того, что в парке, никак не похож. И вообще пришел

туда из какого-то другого времени. Советский Союз, старший сержант, Советская Армия, десятилетняя чеченская война... И что он еще говорил?

«Я чеченец, почти что русский, не хотел с вами воевать, а пришлось...»

Но чем-то меня задел, когда он умер, со мной почти истерика случилась. На Вадима кинулась. С чего? Неужели правда какая-то «тонкая связь» между ним и мной существует? «Триста лет!» Это сколько же надо пройти реинкарнаций? И о какой миссии говорил «рыцарь» из сна, что было написано на том пергаменте?

И тут я вспомнила совсем будто не относящийся к нынешним событиям случай. Давний. После окончания шестого класса гимназии поехали с друзьями в Теберду-Домбай. Хотели на недельку, а получилось только три дня. После чего нас выгнали за недисциплинированность и нарушение правил внутреннего распорядка, да еще и родителям сообщить пообещали о нашем возмутительном поведении.

А всего дел-то: просто решили совершить маршбросок на вершину скалы, у местных называемой «Чертов замок». Так она красиво смотрелась и казалась такой близкой, что намеревались «сбежать» туда и вернуться к обеду. Вернулись через два дня.

Многие почти голые — брюки и куртки пришлось связывать и спускаться по ним со скал в непроходимых местах, когда и назад ходу не было. Все в синяках и царапинах, замерзшие и голодные, но живые. Все! Хотя были моменты...

Так вот спас нас именно местный парень, и звали его Руслан!

Еще в первый вечер на танцплощадке он заметил меня, подошел. Думала, пригласит, а он просто поговорить захотел. Мол, таких девчонок надо охранять, а то здесь недолго и в невесты угодить. Украдут. И предложил себя в телохранители. То, что я здесь с друзьями, презрительно пропустил мимо ушей. Что твои пацаны

против местных парней, если впрямь решат украсть и увезти в дальний аул.

— Неужто были случаи? — недоверчиво спросила я.

— В горах все бывает...

А когда мы заплутались и поднялась общая тревога — и с собаками нас искали, и с вертолетов, как раз Руслан и встретил нас, уже на обратном пути, и вывел. Очень переживал, когда нас изгоняли «грязной метлой», чтоб другим неповадно было.

И, похоже, действительно «глаз на меня положил», пусть и был лет на восемь старше, армию давно отслужил. Приезжал несколько раз тем самым автобусом Грозный — Минводы, стоял у ворот гимназии. Случайно, мол, тут оказался. Раза два проводил до дома, а чаще просто смотрел издали. Думал, я не замечаю, а не заметить было нельзя: такая мощная аура привязанности и желания. Потом исчез навсегда...

Неужели, правда, был он? Страдал, страдает и даже с того света старается помочь?

Нет, совершеннейшая ерунда. Из другого времени был *тот* Гериев, из другого мира. Да и что между нами общего — чеченец из дальнего аула и казачка из «хорошей семьи», дипломированный лингвист...

Психоз это, психоз, скорее бы Ляхов приезжал, лекарство, может, пропишет.

Или в том мире тоже живет такая Любченко? Гериев, умирая, говорил Вадиму: «Я тебя в бинокль увидел, узнал, капитан, в одной армии служили...»

Занятно. И недоступно здравому рассудку. Коли так, бояться мне или нет? Кривая, косая, зигзагообразная вывезет?

Стол был накрыт на втором, или не знаю, не разобралась в переходах лестниц, первом-бис, подвесном этаже? Статуи почти те же, лианы вокруг, сплошные

★
окна, выходящие во внутренний двор. Откуда-то доносится ненавязчивая музыка. У стола — не стулья, а кушетки с высокими спинками и грудой подушек, трапезовать следует полулежа, опять как в Риме. Не знаю, может, и лакеи с кисточками из гусиных перьев для скорейшего облегчения желудков от избытка деликатесов прятались за колоннами? Не видела.

Меню, многообразное и живописное, меня занимало не слишком. Быстрее бы, подняв и сдвинув бокалы, расслабиться, поговорить, потом снова думать.

Вдруг вспомню и этого Валентина, как вспомнила Гериева?

Привстав, он наполняет бокалы из тонкой черной бутылки, рука чуть подрагивает, совсем непонятно отчего. Говорит со мной, незначащие любезности изрекает, а в глаза старается не смотреть. Да еще и суетливость появилась, хозяину такого дворца пристойная ли? Даже у Эвки глаза забегали — на него, на меня, снова на него. Еще взревнует, упаси бог.

Удивительно, но по мере развития банкета напряжение только нарастало. Бокалов по пять уже выпили, пусть и очень легкого, игристого вина. Изумительного вкуса, только сейчас поняла, в чем разница между ценой — два рубля бутылка или две тысячи!

Он не выдержал первым.

— А не пойти ли нам покурить?

Эва с готовностью сбросила ноги с кушетки.

Валентин тут же напрягся лицом, губы затвердели и скулы.

— Эвелин, ты обещала, что бросила навсегда!

Лицо у нее сначала стало обиженным, но сразу же в глазах засверкали льдинки. Да, не в свои дела я влезла. Я еще подумала, не жалеет ли она, что пригласила меня к себе. Но теперь, дорогая, от тебя уже ничего не зависит и от меня тоже, наверное. Понеслось...

Очередной незаметной дверью среди лиан мы про-

шли в его кабинет, так я догадалась. Помещение, похожее на иллюстрацию к роману про капитана Немо. Книжные шкафы до потолка по всем четырем стенам, письменный стол, кресла, камин, разумеется. А вот дивана, на котором он мог бы меня соблазнить — нет.

Глупая мысль, или я, уходя, прихватила с собой последнюю эмоцию Эвы? Что удивляться? Как еще ей думать? Привела в дом совершенно незнакомую женщину, укрыть, обогреть, и тут же твой мужчина (за которого ты все время боишься, не бросит ли, не отправит обратно в Париж) запал на нее и повлек в глубины дома. Я бы тоже психанула, безусловно. Да еще и с шумом! Но у нее другое положение.

Валентин указал мне на кресло, подвинул открытую коробку сигар.

— Что вы, я такого никогда...

— Оставьте. Сейчас все по-настоящему светские женщины курят только сигары. Самый писк! И очень полезно для здоровья...

Я послушалась. Он помог мне ее раскурить. Да, действительно, совершенно новое впечатление.

Пока я училась, Валентин сидел напротив, молчал. Ждал, наверное, что я заговорю первая. О чем? Я его еще «не признала», пусть и мелькали между нами какие-то флюиды, намеки на воспоминания-ассоциации. И тоже молчала, из упорства, наверное, или из последней попытки сохранить самоконтроль.

Вдруг меня осенило! Я увидела на краю стола телефонный аппарат и вспомнила, что так и не позвонила Майе.

— Разрешите? — и, не дожидаясь ответа, набрала номер телефона в доме Ларисы. Пять, десять, пятнадцать гудков — ничего и никого. Гуляют в городе или?..

Валентин сочувственно наблюдал за моими действиями. Дождался, когда я разочарованно положу трубку, ни одним движением, ни одним словом не выразил

отношения к предпринятой попытке. Кивнул, словно сам себе, когда я снова откинулась в кресле, и заговорил.

Как жаль, что не было у меня диктофона. Так кто знал?

Что он начал нести, плести, не знаю, как еще выразиться. Словно бутылку водки выхлестал, не закусывая, и прорвало сдерживаемые чувства!

Ошеломленность от услышанного не позволила мне и половины смысла уловить в его сумбурном рассказе, мольбе, покаянии — не знаю.

Финал: «Я знаю, ты считала меня негодяем, мерзавцем, думала, что жизнь тебе сломал, убил, по сути дела...»

Я смотрела на него с ужасом и удивлением.

О чем это?

Абсурд какой-то! Встать немедленно, уйти, пусть Эвелин с ним разбирается!

А он продолжал, и начинала вырисовываться вдруг дурацкая, но логика.

— Так было, прости меня, но за триста лет на Земле ты единственная, кто мог меня здесь держать и дальше. Я хотел с тобой, любимая, прожить до последнего данного тебе часа и умереть вместе! Не удивляйся. Я уже начал вводить тебя в курс моей миссии на Земле, а ты все поняла неправильно...

А потом тот случай! Я считал тебя мертвой до сегодняшнего дня, и тут Эля тебя ввела в дом! Потрясение и ужас! И восторг, и счастье! Ты — жива. И ты — здесь!

Ну вспомни, вспомни, Таня, Танюшка!

Что мы теперь будем делать?

А что делать? И главное — зачем?

Эти ваши постоянные триста лет! Что я вам, Тортила, что ли? Голова кругом.

Он уже стоял передо мной на одном колене, сжав

ладонями мои руки, а глаза у него были... Таких глаз я не видела никогда и ни у кого.

Нет, видела! И вспомнила. Аспирант Славик, которого я пыталась отвлечь от общежития, где подруга перед свадьбой прощалась с любимым. Я тогда как раз успела расстаться с юнкером Тархановым, незачем мне было ехать с ним в дальний гарнизон. И — Славик. И безумная ночь в гостинице. А ведь Валентин — это же он! Невероятно, невозможно, но — он!

И Валентин понял, что я — узнала. Точно тем же жестом, что тогда, восемь лет назад, скользнул мне горячими ладонями по коленям и вверх. Выше, выше. Еще немного — и все...

Нашла в себе силы, оттолкнула. Не до того. А вдруг еще и Эвелин войдет?

— Уйди. Оставь меня. Хоть на час, на полчаса...

Он ушел.

А я — осталась.

Одна. Без любимого, когда-то до безумия любимого человека. И побежали мысли, перескакивая через годы и события.

Почему я его забыла? Совсем. Час сидела глаза в глаза и не вспомнила. Неужели та неделя в реанимации выбила у меня из памяти все¹?

Постой, постой, Таня...

Я помнила, что на боковом столике в кабинете стояла, рядом с сигарами, бутылка коньяка.

Встала, схватила, сделала три длинных глотка из горлышка, как обычный алкоголик.

Вадим говорил — нет лучше средства, чтобы сбить шок или прогнать наваждение. Клин — клином! Если, конечно, они разного происхождения. Белую горячку водкой лечить не стоит.

¹ См. роман «Бремя живых».

★ Вытянулась в кресле, подставив под ноги стул.

Главное потянуло в теплую, ускоряющую вращение воронку.

Он не был первым в моей жизни мужчиной. Мы тогда в институте рисовались друг перед дружкой, кто, с кем, когда и сколько. Чаще ввали, конечно, но ведь было, было, хоть как.

С Сергеем получалось не очень интересно, а с этим (Валентином, Славиком?) — потрясающе. Казалась себе взрослой, мудрой, рассудительной, а с ним, в его руках — как воск.

И потом — жуткая, надрывная любовь!

Забыла, а сейчас вспомнила — он же меня спас! Плыли на байдарке по горной реке, на Алтае, мода такая появилась, подальше уехать и порисковее жить. Шесть парней и девушек. Перекат. Завертело, перевернуло, поволокло по дну. Помню краски на дне — зеленовато-серебристые, желтые, обросшие водорослями камни. Лица медленно плывущих мимо меня друзей. Прекрасные, зовущие с собой. И на душе радостно. Пришла, куда хотела...

Вдруг — резкий рывок, боль во всем теле и темнота.

Как сейчас понимаю, у него была полная возможность вытащить меня даже и с того света.

Звонкий бревенчатый сруб в тайге, странный после случившегося покой, здоровая пища, общая постель.

А ребят мы не нашли, да и где искать? В Якутске, в горле моря Лаптевых? Славик (или Валентин) сказал: «До Бога высоко, до людей далеко». Сплели пять венков, пустили по реке, такой душевный порыв. Что еще сделаешь?

Как добирались домой, «от тайги до Кавказских гор» — почти не помню. И откуда ребята были — не помню, и как звали — тоже. И не вспоминала о них никогда. Сейчас вот только...

Зато какая у нас с ним была дикая любовь — пом-

ню. Весь пятый курс прожила как в тумане. Ни у одной знакомой девчонки такого не случилось. Куда им!

У ступенек института встречал меня на красивой машине, с букетом любимых чайных роз, вез в «Лесную поляну», в Ессентуки, оттуда на чью-то дачу. И там учил меня всему!

Особенно я поняла это в Крыму, что такое — единое целое, не два тела, а одно. Не двое влюбленных, а нераздельная субстанция этой самой любви. Купались в море, да и то иногда, вечерами и ночами. Родители потом удивлялись — что, в сплошные дожди попали, где загар?

После моря все и случилось. Нет, ну после такого — о чем еще думать, как не о свадьбе? О фате, о собственном домике, о детях.

А получилось иначе. Предложение было, но какое?

Бросить Пятигорск, бросить институт, не защитив диплома. Уехать с ним в Англию. (Отчего именно в Англию?) И там стать не женой ему — просто хорошо оплачиваемой помощницей в серьезном деле.

«Как обухом по голове» — не совсем то, слишком слабо звучит. Черной волной меня накрыло. Не слышала, не видела, не ощущала ничего — бездна!

— Не хочешь — не надо, — сказал он очень спокойно. — Через месяц-другой я вернусь, снова поговорим...

Дня три я прожила с помутненным сознанием, ну а потом — ларек и таблетки!

Со странной прозрачностью в голове — а ведь выпила я сегодня порядочно, — встала, понимая, сейчас или никогда!

Чувства, воспоминания — это одно. Есть еще что-то. Майя, Лариса, Сергей с Вадимом. Да Гериев, наконец! Его слова: «Спасение России от тебя зависит!» Как, почему? Да еще и тейп его идет ко мне на по-

★ **мощь. Вражду вековую забыли? Что же за угроза такая надвигается?**

Дед, помню, подвыпив с друзьями и впад отчего-то в дурное настроение, вдруг принимался напевать: «А не мы ли казаки, а не мы ли терцы, а не нас ли казачков побили чеченцы...»

И вот теперь идут на помощь? А враги тогда — кто?

Я потрогала шпингалет на окне. Открылся он легко. Я распахнула фрамугу, вскочила на подоконник, ни о чем больше не думая, оттолкнулась...

ГЛАВА 26

Дом Лихарева оказался совсем не гигантским дворцом с садом в гектар, как вообразилость Татьяне. Неплохая, конечно, вилла, со вкусом перестроенная и отделанная, но по местным масштабам — средненькая. Сад и двор — от силы восемь соток, может — десять. Три этажа, комнат примерно двенадцать, общая площадь метров четыреста.

Вполне достаточно, чтобы десантная партия разместилась со всеми удобствами.

Роботы заняли караульные посты по периметру ограды, несанкционированное вторжение извне исключается.

Татьяна, выговорившись, заснула глубочайшим сном, граничащим с лечебной комой. Часов через пятнадцать можно будет ее плавно разбудить и заняться настоящей психотерапией. Ляхов и Майя пока при ней. На всякий случай. И поговорить им наедине есть о чем. Тем более что нужды в их присутствии при беседе с Лихаревым нет ни малейшей. Даже наоборот.

Не все им следует знать. Для собственного душевного спокойствия. Это еще Эмерсон писал: «Есть вещи, в отношении которых разумный человек предпочитал бы оставаться в неведении».

А Лихареву сейчас было весьма тоскливо, как азартному игроку, бросившему все на вернейшую карту и увидевшему, что его каре королей бьется тузовым, да еще и с джокером.

В холле, где совсем недавно, трех часов не прошло, он принимал Татьяну, считая себя если не победителем, то человеком, *поймавшим* очень неслабый шанс, Валентин сидел теперь, пусть и без наручников, но в положении арестованного.

Карманы очистили, гомеостат с руки сняли, блок-универсал отобрали. Посадили так, что ни до окна, ни до двери не допрыгнуть.

А совсем недавно, вот только что, за обедом с шампанским, он еще чувствовал себя хозяином положения.

Да, сообщения из Москвы не радовали. Верные Великому князю части, вопреки расчетам, удерживали контроль над ключевыми позициями. Сам Олег Константинович отсиделся в Берендеевке, закаленные воины «Объединенной кавказской армии» двух реальностей, подкрепленные федаинами Катранджи и танковыми батальонами «Леопардов», не смогли сломать сопротивление его гвардейцев. А казалось бы — что там делать? От одного вида колоссальных танков вооруженная легким стрелковым оружием пехота должна была просто разбежаться.

Зато подарком судьбы показалось появление в Пятигорске Татьяны Любченко. Нынешний муж, успевший стать ближайшим соратником начальника княжеской тайной полиции, отправил ее домой, от греха подальше, испугавшись грядущего. Лучшего для планов Валентина и вообразить было невозможно.

Мало, что живая заложница сама пришла в руки, так и реванш — вот он! Тот раз немного не получился, технический просчет вышел, а теперь он сможет не спеша разобраться, где именно программа дала сбой,

отчего девушка оказалась так устойчива к ее императивам?

Самое интересное, она вроде и подчинялась, но не так!

Вот и сегодня...

На *призыв* откликнулась сразу, и дальше реагировала правильно. Буквально до самого последнего. А когда он запустил новую, старательно *погработанную*, на Эвелин проверенную схему — опять срыв. А ведь казалось, на нее-то Татьяна отозвалась сразу. С невероятным энтузиазмом. Может быть, нужно было не оставлять ее одну, как она попросила, а довести дело до конца? Может, именно этого штриха и не хватило?

Лихарев не хотел допустить мысли, что исходные расчеты были неверны, что сама структура мозга Татьяны отторгает вмешательство. Увы! Триста лет казачи, их дочери (сыновья тоже, само собой) привыкли жить помимо *верховой власти*, царя и попов воспринимали совершенно иначе, чем жители центральных губерний, полагаясь на личное разумение и решения *казачьего круга*. Вторжение *программы* — ничуть не лучше, чем приезд какого-нибудь Давыдова в хутор Гремячий Лог для устройства колхоза!

— Достаточно, Валентин Валентинович, — с издевательской вежливостью сказал ему Шульгин, — отдохнул, обдумал свое положение, выводы, какие ни есть, сделал, пора и поговорить.

В холле их было много. Налетели... Лихарев знал всех присутствующих. Одних — совсем близко, других — только в лицо.

Сам Александр Иванович, взявший на себя роль главного следователя. А кому же еще, откровенно говоря, этим заняться? В тридцать восьмом он сумел его *прижать*, причем и в буквальном смысле тоже.

Устроившаяся в тени раскидистого фикуса леди Спенсер, с которой совсем недавно они обсуждали де-

ла нынешние и давно минувших дней. Сидит, молчит, слушает, поглядывает с непонятым выражением лица. Вот-вот поверишь, что не окончательно она перешла на сторону неприятеля, что может еще произойти нечто... Свои ведь, и что им до людских забот?

Новиков, роль которого Лихареву была мало понятна. Никогда никакой активности он не проявлял, в их Москве парой слов довелось перекинуться, и все. Однако именно он организовал и провел только что захват дома и самого Валентина. Сейчас расслабленно курит, опершись спиной о косяк двери. Сделал свое дело и отстранился? Кто он у них по должности? Ответственный исполнитель?

Ирина Седова, вторая из *наших*. Ну, это первая предательница, с нее, Дайяна рассказывала, все и началось.

А Ларисы, успевшей за полгода втереться к Эвелин в доверие, не видно. Наверное, сейчас ее *раскручивает*. Подружка, кстати, много лишнего наболтать может. Особенно про сегодняшние упражнения с Татьяной.

Плохо все, очень плохо!

А отвечать придется, никуда не денешься. Лихарев здраво оценивал положение. Только сначала посмотрим, о чем спрашивать станут.

— Да ни о чем особенном, — словно ответил на незадаанный вопрос Шульгин. — Сначала пофилософствуем — как дошел ты до жизни такой? Плохо тебе было? Трогал тебя кто? Договорились, казалось, как приличные люди. Чаек вместе попивали, в гости ходили. И — на тебе! Вот и пришлось, согласно джентльменскому соглашению, произвести ту самую, заранее оговоренную агрессию. Ты ведь согласен с римлянами: «*Pacta sunt servanda*!»

— Я что-нибудь нарушил? — со всей возможной искренностью спросил Лихарев. — В ваш мир я не лез и ваших интересов никак не касался.

¹ Договора должны выполняться (лат.).

— Нехорошо врать, — с предельной мягкостью сообщил общеизвестную истину Шульгин. Те, кто его знал, были в курсе того, что подобные ангельские интонации предвещают собеседнику крупные неприятности. В лучшем случае, для своих — неслабый розыгрыш.

— Когда у меня кончатся пальцы на руках, — он для наглядности показал ладони, — для подсчета придется загигать твои. На ногах — тоже. Для подсчета того, сколько именно раз ты нарушил обязательства, вторгнувшись в реальность «2004-го года».

Затевахин с его институтом — раз. Это одно нарушение или каждый эпизод по отдельности посчитаем? Установка на *нашей* территории систем межпространственного перехода в целях, лично нам враждебных. Два? Вербовка чеченских наемников, а заодно и богатое финансирование тех, кто остается у нас и продолжает войну. Три? Организация сетевой структуры преступного мира и правоохранительных органов. Четыре? Растление несовершеннолетних, я имею в виду перевербовку сравнительно честных бывших российских солдат, зашибающих на хлеб насущный службой в Иностранном легионе, Миротворческих силах и просто на тучных нивах буржуазного Запада. Не пять ли это будет? Продолжим?

Остальные с интересом наблюдали за экзекуцией. Хотя им было не впервой. Мастер-класс — всегда поучительное зрелище.

— И это я еще не дошел до мелких подробностей, а также и той, специально оговоренной сферы интересов, которые у нас присутствуют на сопредельной территории. То есть здесь! — Шульгин топнул ногой по мозаике пола. — наших друзей тебе кто позволил ловить и подвергать бесчеловечным опытам? Судьбу Менгеле¹ забыл? — И тут же поправился: — Ах, да,

¹ Немецкий врач, сотрудник СС, осужденный за преступные эксперименты над заключенными концлагерей и военнопленными.

это уже после тебя было. Но вины не смягчает. И там и там «вышка»... — Тут же, почти без паузы, резко сменил тон, громкость, интонацию: — Что тебе Татьяна плохого сделала? Зачем ей мозги набекрень вывернул? Какую программу всадил? Отвечай! Где схема матрицы, программирующее устройство? Сильвия, не пора тебе *подключиться*?

Взгляд стал *многообещающим*, и движение руки в сторону Лихарева — тоже.

Однако — мимо пролетел Сашкин посыл.

Не успел он за короткое время постигнуть натуру Валентина. Наоборот, пока Шульгин разглагольствовал, тот успел привести свои чувства в порядок. Четырнадцать лет рядом со Сталиным — достаточно, чтобы не *покупаться* на интонации и даже прямые угрозы.

— Александр Иванович, поупражнялись — и достаточно. — Лихарев закинул ногу на ногу, откинулся в кресле, демонстрируя вернувшееся душевное спокойствие. — Согласен признать себя проигравшей, но при этом вполне суверенной стороной переговоров. Бросим эти приемчики. Я — это я, вы — вы! Признаю. Сядем за стол, как Александр с Наполеоном в Тильзите, прикинем, обсудим. Репарации, контрибуции или новый союзный договор... Как получится. Но — не в вашей тональности. Правда, леди Спенсер, мы этого не любим?

К Сильвии он обратился не в надежде на прямую поддержку и помощь, только чтобы вселить малейшую рознь между партнерами по коалиции. Противоестественной, на его взгляд. Да и не рознь, это дело будущего, а хоть щелочку, зазор обозначить.

И она вдруг, едва заметно, дернула крешком губ, *понимающе*, да словно и бывшая Седова по-особому на него взглянула.

Шульгин, наоборот, похоже, что растерялся: не достиг волевой нажим цели, как дальше быть?

— Мы ведь с вами в очередной виток феодализма вошли, Александр Иванович, — продолжил, набирая кураж, Лихарев. — Разве не помните? Так и условились. Ваш феоd, мой феоd. Вассал моего вассала — не мой вассал! Классика. Кое-где ошибся, с кем не бывает. Так и объяснимся с подобающих позиций. Хотите мой замок — берите! Земли за дальним логом — пусть будут ваши. Крепостных нет, жены нет, потому отдавать нечего. А наложница есть, одна-единственная, и с ней расстанусь, если такие дела пошли... Позвать? Очень красивая женщина, скажу я вам. И вдобавок — доктор философии. Да вы и сами знаете...

Ох, разболтался Валентин Валентинович, подвела его любовь к тому самому российскому «красному словцу», ради которого моральные принципы утрачиваются, и правильно делал Шульгин, что глаза в сторону отводил да раскуриванием трофейной сигары занялся.

Вместо него Новиков, доселе молчавший, с видимым трудом отклеил спину от дверного косяка, походкой Юла Бриннера подошел к креслу Лихарева. Постоял немного, осматривая его оценивающим взглядом, как шашлычник пока еще живого барашка на базаре. Одного из многих.

— Феодализм, говоришь? Нормально. Не смею спорить. Ира, не затруднись, приведи наложницу из диких капиталистических стран. Тут сейчас ее господин еще раз вслух повторит, что в общем присутствии произнес, да еще и под запись. Потом, по тем же феодальным законам, мы ее вкруговую пустим, в качестве законной добычи. Не слыхал, мудака, про такие феодальные обычаи?

— Андрей! — возмущенно-испуганно вскрикнула Ирина.

Сильвия — продолжала по-своему улыбаться.

— Что — «Андрей»? Все нормально. Феодализм. Читали, восхищались. «Айвенго», к примеру. «Имя ро-

зы». «Песнь о Роланде». Культ Прекрасной Дамы? Очень возможно. Там же нормой считалось право первой ночи, пояса верности и «напильники надежды». Ко мне претензии? Господин Лихарев сам предложил...

Ирина отвернулась.

Опять обиделась, подумал Андрей. Хорошо Воронцову, Наталья на него никогда не обижается. Идеал женщины.

— Видишь, Валентин, — сокрушенно сказал Новиков, — не ту пенку и не с теми ты гнать начал. Женщин особо чувствительных расстроил. Не по политесу. Бог с тобой, Эвелин твою мы пока не тронем. Дамы наши неправильно поймут. Им спасибо скажешь. Если возможность появится, — тут же счел он нужным уточнить. — Самое же главное — это тебе упрек, Александр Иванович, — нельзя из нормального допроса коллоквиум устраивать. Зрители, сочувствующие, потерпевшие — не тот контингент. Для грамотного разговора нужно уютное, уединенное помещение.

Маяковский писал: «Нас двое — я, и на стене Ленин». В виде портрета, я понимаю. Потому что в другом случае... Я плохой поэт, но если попробовать? «Нас трое, Лихарев, я и дыба...» Звучит?

Что же, при всех своих интеллигентских комплексах Андрею случалось быть и таким. Жизнь заставляла. По крайней мере, подходящие слова и соответствующая им мимика выскакивали из него без заминки.

Чего, наверное, Ирина и опасалась. Если можешь так себя вести «на публику», не всерьез будто, где гарантии, что не прорвется в неожиданный момент то же самое, но уже по-настоящему?

Да и видела, единственный раз в жизни, как на углу Столешникова и Петровки он бил из пистолета наповал уличную шпану. И тоже без достоевского надрыва.

Увидела, испугалась, до сих пор в ней тот давний испуг, видно, сидит. А от чего он ее спас — забыла, наверное. Такое часто забывается прекраснодушной интеллигенцией.

— Вы так это видите, Андрей Дмитриевич? — спросил Лихарев, вставая. — Ну, пойдете. Покажите, на что способны... Правда, подходящего помещения у меня в доме не оборудовано. Нужды не было...

— За это не беспокойся. Дыба — иногда суровая реальность, иногда — некая метафора. Что лучше — выясним в процессе. Главное, ты сам ограничитель снял... И либо расскажешь все, с подробностями, либо — не обессудь.

Сколько раз Новиков говорил сам себе и другим людям тоже, что нельзя вступать с опасным противником в пустые словопрения. А сам этим занялся.

Перед девушками ему захотелось порисоваться, собственные комплексы таким образом *пригасить*, или просто устал, *нюх потерял*? Вообразил, что *по чистой* выиграли?

Но известно ведь, из самых простеньких книжек известно, если собственного опыта не хватает — дай врагу опомниться, очухаться, переформироваться, и снова он готов! Не каждого, конечно, врага это касается, но немцев — точно. Лихарев, в свою очередь, никакому немцу не уступит. Что и доказал немедленно.

Пошел поперек холла, заложив руки за спину, в сторону ведущей на верхние этажи лестницы. В первый момент никто не понял, отчего именно туда — так и захватывают инициативу, надолго или на пять секунд — неважно.

Валентин, демонстрируя покорность, успел сделать главное — по незаметной дуге обошел самого опасного противника, Шульгина, на пять или шесть шагов оторвался от Новикова, а Сильвия ему — не препятствие.

Как-то все подзабыли, что Лихарев настоящий аггрианин, не робот, конечно, но в сравнении с обыч-

ным землянином — олимпийский чемпион во всех видах спорта сразу.

Видел Новиков, как Ирина с Сильвией поднимали вдвоем бревно, вокруг которого пятеро здоровых мужиков долго ходили бы, вздыхая, почесывая затылки и задумчиво матерясь. И не сделал выводов. Точнее, подзабыл просто.

Лихарев рванул с места, как спринтер на «сотку», развернувшись на девяносто градусов, пролетел через зал, не потеряв темпа, снес Сильвию, ударом левой руки плеча отшвырнул ее к стене и ссыпался вниз, к подвалу, по лестнице, которую никому не пришлось в голову блокировать. В том числе и потому, что в подвал давно уже спустился Левашов, изучать Валентиновы устройства.

В два прыжка Лихарев преодолел ведущие вниз марши, подобно матросу пятого года службы, который считает позором касаться подошвами ступенек трапа, дернул приоткрытую стальную дверь, проскочил внутрь и мгновенно крутнул на полный оборот маховик кремальеры. Втутую.

Все!

Девять языков замка, каждый толщиной в руку, встали на место.

Есть у коллег при себе толовые шашки или лазерный резак — пусть пробуют. Дело непростое, не пятиминутное. Сталь тут особая.

Лихарев расслабился. Опять вывернулся. Обманул партнеров. Снова — хозяин положения.

Он словно бы не замечал, что каждый его шаг, выглядящий вполне успешным сам по себе, непрерывно ухудшает положение.

Совсем недавно владел целой планетой, точнее — одной из реальностей. Россией, Кавказскими Мине-

ральными Водами, своей виллой, а сейчас — только подвалом. И все равно!

Тут его земляне не достанут.

Из шкафчика на стене Валентин взял давно привычный «маузер-девятку». В двадцать седьмом году Менжинский¹ его вручил, вместе с знаком «Почетный чекист». Из чистого серебра, с двузначным номером. Знак, понятно, не пистолет.

Проверил, полон ли магазин, сунул надежное устройство под ремень брюк. Сразу стало спокойнее. Не заладится что — девять пуль врагу, десятая себе. И — с концами!

Левашов, спустившийся в этот же подвал получасом раньше, не спеша осматривал многочисленные устройства, поражаясь, сколько Лихарев успел наворотить здесь всевозможного «железа», часто — совершенно непонятного по назначению. Что значит — инопланетянин с творческой жилкой.

Лязг двери и звук становящихся на место запоров он услышал совершенно неожиданно, но вывод сделал единственно правильный. Свои — наверняка окликнули бы и замыкаться изнутри не стали.

Соображать, что на самом деле произошло, было некогда, среагировал Олег чисто импульсивно. Отскочил за шкаф линейно-батареинного коммутатора, открытого молотковой эмалью, который был выше его роста. Затаился.

Лихарев, вновь спокойный и уверенный в себе, подошел к обширному пульта совсем не нашей технической культуры, чересчур много на нем кнопок, тумблеров, вертикальных и горизонтальных движков, циферблатов ампер-, вольт- и прочих метров.

¹ Менжинский, Вячеслав Рудольфович, с 1919 г. член Президиума ВЧК, с 1923 зам. пред, с 1926 — председатель ОГПУ. Умер в 1934 г. Его сменил Ягода Генрих Григорьевич.

У Олега пистолет с собой, разумеется, был, пользоваться им он умел неплохо, первый разряд по стрельбе еще с одиннадцатого класса, положить аггрианина — делать нечего, только зачем?

Он сейчас очень интересным делом занимается.

Сел к пульта на железный вертящийся табурет и забегал пальцами по кнопкам.

Олег — смотрел, запоминая.

В дверь ударили. Гулко. И совершенно напрасно, подумал Левашов. Забыли, что я здесь? Или — именно поэтому?

Лихарев машинально обернулся. Скривился презрительно и продолжил свое занятие.

Олег уже все понял.

Ну пусть, пусть!

Черный проем межпространственного портала открылся совсем не так, как привык Левашов. У него это получалось, как бы сказать, элегантнее. А тут вместо изящной рамки и панорамы чужого мира или нужного места — зловеющая, уходящая в никуда воронка. И словно бы тянет из нее космическим, а то и просто *потусторонним* холодом....

Лихарев что-то буркнул под нос, встал и шагнул в дыру. И сразу она стянулась за ним, как ничего и не было.

За железной дверью продолжалась шумная возня. Как бы и вправду друзья не вздумали пристроить к замку килограммовый заряд. С них станется!

Олег зафиксировал позиции движков на пульте и побежал к выходу.

ГЛАВА 27

Тяжеленное броневое полотнище распахнулось на удивление мягко, снабженное, очевидно, каким-то внутренним противовесом. Новиков, разозленный до последней степени тем, что его — и так дешево купи-

ли, едва не сбив Олега с ног, рванул через порог с автоматом на изготовку.

Ждал, наверное, что внутри увидит аггрианина, взявшего Левашова в заложники, приставившего пистолет к затылку и собравшегося диктовать свои условия.

— Стоп, стоп, не торопись, больше некуда, — остановил Олег его порыв. — Улетела птичка...

— Куда? — не сразу понял Андрей.

Тут подтянулись и остальные, выглядящие достаточно сконфуженно, а Сильвия вдобавок промокала платком обширную ссадину на лбу и щеке.

— Куда — ответить затрудняюсь. Тут на тебя надежда, леди. Чем это тебя так?

— Оступилась, — коротко ответила она. — Сбежал Валентин? Как? Блок ведь мы у него отобрали...

— Не блоком единым, — сострил неунывающий Шульгин.

Левашов показал на установку.

— Ты такое когда-нибудь видела? — спросил он, по-прежнему обращаясь только к Сильвии.

— Как проход выглядел?

Олег объяснил.

— Сам он такое построить не мог. — Слова прозвучали категорически. — Его этому не учили.

— Меня тоже не учили, — усмехнулся Олег.

— Не о том речь. Ты — изобретатель. Он — нет. И это не изобретение. Просто копия базового Терминала с Таорэры. Только панель под земные глаза и руки переделана. Лихарев его даже издали, даже случайно видеть не мог. Воспитанникам по Базе экскурсий не устраивали, они к ней и не приближались никогда.

— Но ты же — бывала и видела? — уточнил Шульгин.

— Всего один раз, будучи уже совершенно в ином качестве. При экстраординарных обстоятельствах. Следовательно...

Она задумалась, на чело ее, как писали в XIX веке, «набежала тень».

— Здесь наверняка побывала или даже бывала неоднократно, Дайяна. Возможно, и не одна...

Ей было отчего помрачнеть. Если Генеральная координаторша жива, да еще и нашла способ тоже переместиться в новую реальность, позиция Сильвии становится весьма двусмысленной. Одно дело, если армия капитулировала, правитель низложен и все уцелевшие солдаты и подданные вольны устраиваться в новой жизни по собственному усмотрению.

И совсем другое, если сопротивление продолжается, а ты — на стороне врага.

Эта же мысль одновременно посетила Новикова с Шульгиным.

— Что, Си, может быть, тебе в двадцать пятый пока вернуться? А мы тут как-нибудь сами? — осторожно спросил Андрей.

Она вздохнула, после чего устало, без обычного куража улыбнулась.

— Да нет, что уж теперь... Вместе так вместе. Надо же до конца во всем разобраться. Стрелять по «своим» я, разумеется, до последней крайности не буду, а в остальном... Ты действительно запомнил всю последовательность манипуляций Валентина?

Вопрос был несправедливый, потому что после срабатывания терминала все движки и тумблеры отскочили в нулевые позиции. Автоматически или по специальному сигналу.

— А чего там? Вот так, так, это сюда, кнопки вон та, та и та... И — реостат ровно на половину хода... Я от Лихарева справа-сзади был, четыре метра всего. Запомнил, в этих делах у меня память фотографическая...

Он показал рукой последовательность действий, не прикасаясь, впрочем, к элементам управления.

— Вот показаний приборов не видел, — Олег сокрушенно прищелкнул языком. — Ну да как-нибудь...

— Может, оставим все как есть? — вмешалась наконец Ирина. — Установку разберем, и пусть их... Не думаю, что Лихареву захочется вернуться...

— Кто его спросит? — ответила Сильвия. Посмотрела на платок, который продолжала время от времени подносить к лицу, скомкала, сунула в карман. Ссадина уже была почти незаметна.

— Значит, выхода у нас нет? — спросила Ирина.

— В этом вопросе — точно. Или мы, или они...

— Тогда и рассуждать не о чем, — с энтузиазмом сообщил Шульгин. — Прогуляемся. Давно хотелось на родные места посмотреть...

«А ведь и вправду, — подумал Новиков. — Больше трех лет прошло, если по-настоящему... И ни разу не выбрались «на родное пепелище». Интересно, как там друзья-кванги поживают? Процвели, небось, когда аггры от них отвязались? Сехмет, глядишь, в генералы выслужился»¹.

О реальном соотношении земного и тамошнего времени Андрей не имел никакого понятия. Личного — почти четыре года, календарного — больше двадцати, фактического — кто ж его знает? Может — день, может — века...

«Воронцова и Берестина не хватает, жаль, до полного состава отряда первопроходцев. Им бы тоже интересно было. Да ничего, живы будем — от нас не уйдет...»

— Олег, сумеешь точка в точку попасть? И вообще, твоим каналом пойдем или его? — спросил он.

— Его — я бы не советовала, — снова вмешалась Сильвия. — Давайте лучше так: мы с Ириной блоками запеленгуем точку и момент выхода Лихарева на Таорэру, а Олег туда и откроет свой. Дайяна вполне могла

¹ См. «Одиссей покидает Итаку». Сехмет — абориген Валгаллы, командир отряда боевых дирижаблей.

выход заблокировать, а скорее — перенастроить. Хоть на «горячую зону» реактора. Так и влетим...

— Здорово, — согласился Левашов. — Я бы примерно то же устроил гостям-товарищам. Тогда так — все экипируются, как в прошлый раз¹, а мы с девчатами (Ирину и Сильвию он имел в виду) элементы перехода посчитаем. Чтoб минута в минуту.

Собираться особенно и нечего было. Оружие, бронжилеты, шлемы, армейские камуфляжи имелись в чемоданах и укладках машин. На «Медведях» и решили осуществить вторжение. Скорость и натиск! Не пешком же бродить по неоглядным просторам планеты, разыскивая беглеца.

Ларису с одним роботом оставили «на хозяйстве». Она, что показалось удивительным, согласилась охотно. Не прельстила ее возможность взглянуть на забытые красоты. Да и с самого начала она воспринимала Валгаллу совсем не так, как «отцы-основатели».

Ляхову и Майе вообще ничего не сказали. Если все пойдет по плану, вернуться можно будет прямо в момент отправления. Или — не вернуться совсем. В обоих случаях лишние разговоры ни к чему. Левашов показал Ларисе, как переключить СПВ в «ждущий» режим сразу после перехода. А то еще заскочит в открытый проем какая-нибудь сволочь, вроде суперкота, и что — «Иван Ивановичу» за ним по всему Пятигорску гоняться?

— Ну, Лар, не скучай тут, — сказал Олег, тронув ее за плечо. — Мы, правда, туда-обратно...

Девушка молча кивнула, только излишне нервным жестом взяла автомат с подоконника, перебросила через плечо ремень.

¹ Левашов вспоминает их вторжение на аттрианскую Базу в восемьдесят четвертом году.

Опять посередине двора, перебивая неяркий ноябрьский свет, сверкнуло полуденное солнце Валгаллы. Машины, одна за другой, перекатились на равнину, заросшую до горизонта высокой темно-зеленой травой.

— Ох и здорово, братцы! — провозгласил Шульгин, вдохнув смолисто-медовый воздух, и немедленно пустил фляжку по кругу.

— С возвращением!

Мужики мужиками, но и Ирина с Сильвией приложились. С разными, пожалуй, чувствами.

Они тоже, в солдатских комбинезонах, высоких ботинках, перетянутые ремнями, с защитного цвета повязками, придерживающими волосы, да без всякого макияжа, выглядели чрезвычайно браво. И, пожалуй, соблазнительнее, чем в шикарных платьях.

Боевые подруги, иначе не скажешь! А мужчинам такая их роль отчего-то нравится. Ну, может, не всяким мужчинам...

Сильвия, несмотря на прежние свои слова, «АКСУ» все-таки повесила поперек груди. Последовав совету Шульгина: «Стрелять, не стрелять — твое дело. Но оружие — неотъемлемая деталь имиджа. В случае чего хоть в воздух пальнешь, и то может пригодиться. Тем более — неизвестно, кто нас там ждет с распростертыми объятиями...»

— И где же будем искать нашего друга? — как бы сам себя спросил Новиков, обводя взглядом окрестности.

— А вон там, — Сильвия указала рукой на едва заметную у южных пределов пейзажа, почти теряющуюся в дымке наклонную дискообразную конструкцию.

— Постой, постой, — возразил Левашов, который хорошо помнил, как они подбирались к Базе жуткой, нечеловеческой саванной, уставленной деревьями в серых колючках, покрытой мхами и нефритовыми валунами. — Это совсем не то. И где барьер нулевого времени?

— Значит, нету его больше. Рассосался по известной причине. И местная флора тут же захватила привычный ареал...

— Так сколько же времени тут прошло?

— Как будто я знаю. Если даже нормальных двадцать хватило, чтобы травка выросла... Как видишь.

Новиков шарил биноклем по представляющим практический интерес четвертям горизонта.

— Считаешь, он уже на Базе? Олег, как у тебя с координатами?

— Как и было. Плюс-минус пять километров, плюс десять минут, — Левашов сделал паузу, соображая. — Впрочем, за время уже не поручусь... Сам понимаешь...

— Еще бы. Десять минут — меньше километра пешим ходом. Тут бы он был, на дистанции прямого выстрела, — без иронии, просто по факту, отметил Андрей. — А раз нет его — тут и час, и месяц... Не угадаешь.

Шульгин, положив на колено блокнот, что-то в нем набрасывал. Похоже, кроки¹ местности.

— Это я вспоминаю, как мы прошлый раз подбирались. Прошли как по рельсам, в мертвом пространстве. Вот и сейчас так двинем, — пояснил он окружающим. — И вообще мне кажется, что База давно заброшена. Как храмы Аджанты в джунглях индийских джунглей...

— Не послать ли в разведку роботов? — предложил Ирина.

— Пошлешь, а толку? — возразил Новиков. — Лишний шанс внимание привлечь. Сами пойдем, а они пусть фланги прикрывают. И тыл, если убежать придется.

¹К р о к и (фр.). — схематический чертеж участка местности, выполненный методом глазомерной съемки.

★ Добрались к намеченной точке прежним маршрутом, на умеренной скорости, давя колесами жесткую траву между валунами и каменными иззубренными грядами, которые единственно здесь оставались неизменными, до подножия гигантской «бронзовой шестеренки», одним краем косо воткнутой в землю. Когда-то космонавт из XXIII века Айер сказал, что она напоминает ему «новый берлинский стадион».

Так и не довелось узнать, добралась ли их троица до дому, как там устроились, чем поминают свой «непредусмотренный привал» на Валгалле? Из какой реальности сюда залетели, и существует ли она вообще в природе? Хотя Антон куда-то же их отправил? Может, возвратил в зону действия очередной Ловушки?

Вроде и не к месту, а помянули, отдыхая перед последним броском, те канувшие в Лету дела и дни. Вроде только что, буквально вчера, сидели вот так же, только не при ярком солнце, а в тоскливой фиолетовой мгле. Вот тут Шульгин, тут Олег, левее — Герард с Корнеевым... Тогда, пожалуй, пострашнее было. С непривычки.

Притушили окурки, поправили снаряжение.

Ну, вперед! По наклонной, с удобными для скалолазанья швами и выступами стене без труда забрались на плоскую крышу, огибая хитрые конструкции из десятков причудливо изогнутых труб, вышли к вентиляционной шахте. Следы запустения ощущались и здесь. Ирисовая диафрагма на входе была открыта и явно давным-давно: щели между ее лепестками забиты пылью, вокруг успели прорасти незнакомые цепкие кустики. По центральному стволу совсем не ощущалось движения воздуха.

Начали спуск. Новиков осматривался с обостренным, тревожно-волнующим интересом. Да и понятно. Когда друзья здесь геройствовали, они с Берестиным в виде холодных трупов лежали где-то внизу в саркофагах нулевого времени, а их ментальные сущности ру-

ководили Отечественной войной, ничего не ведая о происходящем поблизости.

Шульгин с Левашовым, обмениваясь обрывками фраз, едва ли не междометиями, взволнованные не меньше, хотя и по-другому, продвигались вперед. Настороженно, но уверенно. Не только глаза, но и ноги помнили единожды пройденный путь. А вот в душе — странная зыбкость, смесь яви и будто воспоминания о некогда виденном сне. Как бы и не с ними в прошлый раз все происходило. Молоды они тогда были до невозможности, совсем ничего не знали. Куда влезли, зачем, что их ждет. Только стрелять умели хорошо, никто не поспорит...

Форсировали по той же самой гофрированной трубе пятидесятиметровую пропасть, вышли на знакомую галерею. В прошлый раз именно здесь их засекли аггры и началась перестрелка. Сейчас — никого вокруг, но ощущение потусторонней жути никак не слабее.

Олег невольно искал глазами на стенах следы своих пуль.

Так ветеран, на склоне лет приехавший в места былых сражений, ходит, опираясь на палочку, разглядывает незначительные морщинки местности, бывшие когда-то окопами и траншеями, и вдруг видит... Да хоть собственные инициалы, врезанные финкой до сердцевины юной тогда березки или клена. Резал, думая: «Хоть это от меня останется!» И ведь осталось. Заплыло корой, а разобрать можно.

— Давайте, я пойду впереди, — подчиняясь магии места, прошептала едва слышно Сильвия. — Дальше я знаю, куда нам надо...

— Веди!

Внутренний объем станции был пуст, как цилиндр отеля «Центавр» в Дели, пришло на ум Новикову. Шестнадцать этажей от крыши до уровня земли, и только спираль пандусов по стенкам. Не считая лифтов, само собой.

Здесь — почти то же самое.

Под ногами мягкое ворсистое покрытие пола, тоже как в отеле.

И — космическая тишина.

А палец сам тянется к спусковому крючку автомата. Ласкает его в ожидании *момента...*

— Пришли, — так же шепотом сказала Сильвия. И — отстранилась. В обоих смыслах. Физически отошла в сторону от двери, на которую указала, ментально послала сигнал: «Дальше — без меня».

Кто бы возражал? У каждого свой предел, «его же не перейдеше». В Библии отмечено.

Новиков с Шульгиным переглянулись, согласовывая, кто первый войдет, а Левашов уже ударил десантным ботинком, во всю силу и ярость, чуть ниже бесформенного выступа, напоминающего дверную ручку. Не слишком рациональный поступок, но сейчас Олег меньше всего ощущал себя инженером и прагматиком. Слишком ярко вспомнилось, как тащил он, прямо вот здесь, раненого Сашку, а над головой скрещивались лучи аггрианских лазеров. И Герард, прикрывая их, бил из автомата бесконечными очередями, с быстротой фокусника меняя магазины.

Прочная на вид, а на самом деле почти декоративная дверь сорвалась с направляющих полозьев, плашмя рухнула на пол.

Обширный зал открылся взгляду. Метров тридцать в длину. И в ширину немногим меньше. Над ним не то нависал, не то парил изломанный, без всякого уважения к геометрии Эвклида собранный из плоских и криволинейных конструкций потолок. Смотреть на него было тошно. И весь интерьер (по человеческим меркам) был дикий. Абсурдная помесь Центра управления космическими полетами эпохи Королева, экзо-

тической оранжереи и десятикратно увеличенного будуара парижской кокотки позапрошлого века. Но некоторая логика все же просматривалась. Справа — ряды мертво отсвечивающих экранов, квадратных, овальных и круглых, под ними пульта, похожие на клавиатуры органов, табуреты и кресла, рассчитанные не на людей. В беспорядке расставленные колоннообразные конструкции, по виду имеющие отношение скорее к химии, чем к физике, пусть и инопланетной. А слева — якобы зона отдыха: цветущие кусты, ползущие по стенам и свисающие с потолка лианы, тоже, впрочем, достаточно мерзкого вида. Под ними и вокруг причудливая мебель, парящие на невидимых струнах полки с керамикой, статуэтками, иными произведениями народного творчества неведомых цивилизаций.

Вот в чем дефект человеческой психики, даже самой тренированной и гибкой, — избыток нестандартной информации тормозит стандартные рефлексy. И опытный охотник, взявший на копье десяток тигров или львов, может замешкаться, упустить момент, если на него вдруг выскочит малиновый скорпион ростом с собаку, расписанный рекламными слоганами.

Так и тут. Секунды две, три, от силы пять ушло на то, чтобы увидеть окружающее, оценить, понять и начать действовать по обстановке. А еще одной не хватило даже Шульгину с его феноменальной реакцией. Волею случая он оказался в их тройке правофланговым, Новиков перекрыл ему обзор влево. И если бы не сопровождавший робот, история могла бы кончиться печально. Здесь и сейчас.

Из-за спины Левашова грянул одиночный выстрел.

И сразу все стало как надо. Лишние сущности вычеркнуты из кадра, каждый субъект и объект мизансцены снова при своих функциях и на своем месте.

Под сенью образованного пряно пахнущими цве-

точными гирляндами шатра полулежала на кушетке Дайяна, распустив по плечам волну великолепных волос, почти в таком же атласно-золотом сари, в каком ее впервые увидел Новиков, а Лихарев сидел на мягкой табуретке напротив, прижимая к груди ушибленную руку и со свистом втягивал в себя воздух.

На звук рухнувшей двери он среагировал должным образом, развернулся с достойной уважения прытью и вскинул именной маузер. С десяти шагов он почти наверняка положил бы всех. Или только мужчин, оставив женщин для дальнейшей беседы «по понятиям». Принятым в их системе.

«Иван Иванович», не имея приказа работать на поражение, выстрелил и попал точно в магазинную коробку поднятого пистолета, и тот, исковерканный, улетел в дальний угол зала. Хорошо, палец владельца с собой не прихватил.

Четыре ствола нацелились в Валентина и роскошную женщину Дайяну. Ей ничего не оставалось, как протянуть вперед раскрытые ладони, показывая, что она тоже безоружна.

— Или мы таки поговорим спокойно, или у вас будут совсем большие неприятности, — сказал, веселясь, Новиков, вспомнив совершенно обратную ситуацию, когда «завороченная» в яркие шелка агтрианка говорила с ним тоном одесской бандерши.

Здесь, в отличие от лихаревского дома в Пятигорске, он уже ничего более не опасался. «Иль погибнем мы со славой, иль покажем чудеса!»

Очевидно, что База брошена и медленно приходит в упадок наподобие Замка Антона. Только, наверное, аггры недодумались до «одушевления» здания, и авторегенерация ему не свойственна. Возможно, этот зал — единственное место, где Дайяна умудряется поддерживать порядок и рабочий режим. Ох, и скучно ей тут, наверное...

— Догнали, мать вашу... — тоскливо выругался Валентин, сел, скрестив руки на коленях.

— А ты как думал? Одиночка всегда проигрывает организации. Закон природы, — назидательно ответил Новиков. — И теперь, как любил говорить твой приятель Заковский в бытность еще Лево́й Задовым: «Ми тебя будэм пытать, ти нам будэшь отвечать». Не бойся, не бойся, он просто путал русские и украинские слова, по-украински «пытать» означает просто «спрашивать». Это русский в развитии речевой и иной практики пошел несколько дальше...

Дайяна села на своей кушетке, вновь, как при первой встрече с Андреем и Берестиным, сверкнув сквозь разрезы «сари» белизной пышных обнаженных бедер.

Величественного спокойствия она не потеряла, да и не собиралась, судя по всему.

— Что же вы, Сильвия, в сторонке прячетесь? — с легкой издевкой обратилась она в полумрак. — Подходите, примите участие в последней беседе. Комплексовать не нужно, к вам — никаких претензий. Да и кто их вам мог бы предъявить? Не я же... — хозяйка базы непринужденно рассмеялась. — Но вообще приятно, что вы ощущаете некоторую неловкость и двусмысленность своего положения. Наверное, я при последней встрече не нашла верных слов, а то все могло бы повернуться по-другому...

— О чем вы? — спросил Новиков. — При последней встрече с ней? Или со мной? Кажется, тогда мы сказали друг другу все, что хотели...

— О том, о другом и о третьем тоже. Господин Шульгин наш прощальный разговор совсем не помнит?

— Великолепно помню, — Шульгин присел напротив аггрианки, положил «ППСШ» так, что он смотрел дульным срезом прямо ей в живот.

— Нет. Когда вы из квартиры Лихарева и тела наркома перенеслись сюда, для воссоединения с исход-

ной личностью, мы, то есть я, Валентин и вы сидели в гостиной вашего Форты и кое-что обсуждали...

Сашка выглядел растерянным.

— Такого — не помню. Я переход совершил из тела Шестакова сразу в свое, в одесских катакомбах...

— Я постаралась, чтобы ни вы, ни Лихарев этого не запомнили. Однако встреча была. Признаюсь честно, я попыталась на вас несколько... повлиять. Исключительно к взаимной пользе. Мы тогда находились в просвете между четырьмя временами сразу, и если бы вы сумели... Нет, если бы у меня получилось, не потребовалось бы ничего того, что произошло с момента «одесских катакомб».

Новиков, Шульгин, да и все остальные тоже видели, что Дайяна захватила инициативу. Или она не хотела подвергаться унижительной процедуре допроса, предпочитая рассказать все, что сочтет нужным, или до сих пор на что-то рассчитывает. Пытается выиграть время.

Это у нее вряд ли получится — пять человек с очень по-разному устроенными мозгами ей не перебороть без какого-то сверхмощного широкополосного устройства. Так есть вдобавок и роботы, которых перепрограммировать может только главный процессор «Валгаллы».

Нечего опасаться, пусть поговорит, от своего имени или от чужого...

На всякий случай Левашов приказал двум «помощникам» обойти Базу, осмотреть помещения, в случае обнаружения враждебно настроенных существ — задержать или уничтожить. По обстановке.

— Никого здесь нет, не затрудняйтесь, — впервые подал голос Лихарев.

— Пусть разомнутся, хуже не будет, — отмахнулся Олег.

— Если База брошена, — поинтересовался Новиков, — кванги сюда не залетают? Есть, наверное, чем поживиться...

— Они в том времени остались, где никакой базы больше нет. Ваш форт, может, и пограбили, я там больше ни разу не была.

— А может, устроили мемориал воинской славы в благодарность спасителям, — предположил Шульгин. — Непременно съезжу...

— Все съездим, — заверил его Андрей, — а пока говорите, Дайяна, говорите. Нам ведь просто разобраться нужно, никто никому мстить не собирается, чужой кусок *заедать*...

Команда непринужденно расселась вокруг аггрианки и Лихарева, оружия, впрочем, из рук не выпуская.

— Я и говорю. После взрыва вашей «информационной бомбы» и пересечения восемьдесят четвертого, тридцать восьмого и двадцать первого годов всем примерно ясна сложившаяся картина. Наша База в пределах Главной исторической последовательности исчезла, Антона его руководители почти немедленно отозвали во избежание умножения бессмысленных сущностей, вы ушли в Югороссию. Я объясняла Сильвии, сначала одной, потом другой, то есть вам, — она довольно поплебейски указала пальцем, украшенным антикварным перстнем. — С точки зрения меня, Дайяны-84, временной отрезок вплоть до шестьдесят шестого исчез полностью, растворился, затянулся, как говорят медики, «рубцовой тканью». Зона 1938—1966 сохранилась, но в *плывущем*, не совсем материальном качестве. И только от конца тридцать восьмого и *ниже* время пока еще настоящее. Для меня, я подчеркиваю, когда я наблюдаю процесс *отсюда*.

Потому я и возвратилась туда, где мы с вами встречались, где работал Лихарев и еще пребывал господин Шульгин-Шестаков.

Помните, Сильвия, я вам говорила — у меня остается надежда все отыграть назад? Использовать эффект растянутого настоящего. Только распространить его не на пять минут, а на любой необходимый отрезок

зок времени. Нет принципиальной разницы — минута, час, век¹...

Но из серьезных помощников у меня был только Валентин. Вы обещали сделать кое-что, помните? Но не сделали...

— Я вас предупреждала, что не знаю, как разыскать саму себя в точках бифуркаций, — гордая Сильвия будто принялась оправдываться. — У меня была надежда... Использовать аппаратуру Замка, Антона. Но... По этой причине или другой, нас слишком внезапно оттуда выдворили. Следующая же моя попытка, когда я доставила господина Новикова для переговоров с вами, вы помните, чем кончилась...

— Не помню, дорогая, — очаровательно улыбнулась Дайяна. — Я же вам несколько раз повторила — между восемьдесят четвертым и шестьдесят шестым я ничего не помню. Только недостоверные реконструкции...

— Простите, я в тот раз доставила Андрея из двадцать первого!

— Это вы так считаете. Встреча ведь состоялась на Базе, потом вы переместились в их форт. Он построен в восемьдесят четвертом, значит, вы там были позже. В момент между попыткой его захвата нашими специалистами и тем самым взрывом.

Сильвия только сокрушенно махнула рукой:

— Вы же мне в деталях рассказывали именно о последствиях взрыва и предлагали очередную программу действий...

— Очень может быть. Но я нынешняя — непосредственно из тридцать восьмого года и понятия не имею, что случилось дальше... Та Дайяна, естественно, знала гораздо больше. Она вам и рассказала то, что потом вы пересказали мне!

Шульгин, слушая этот безумный диалог, покусывал

¹ См. «Бои местного значения».

губы, чтобы не расхохотаться. Андрей, напротив, погрузился в мучительные раздумья. Это ведь о нем шла речь, о том, как Сильвия заманила его на Валгаллу, а потом вместе с Дайяной долго и изощренно перевербовывала.

Однако — сорвалось в тот раз у дамочек. Не на ту карту поставили, в очередной раз переоценив свои умопомрачительные сексуальные призывы и психолингвистические методики.

А если бы — не сорвалось?

Так и спросил Новиков у Верховной.

— Наверное, всем нам жилось бы намного спокойнее. Для чего здравомыслящему человеку больше одной реальности? С ней бы управиться. Вы со своей до последнего времени — более-менее... И вдруг почувствовали реформаторский зуд?

— Опять не по адресу, — возразил Новиков. — Зачем *вы* полезли в две тысячи пятый, а потом и на Главную? Сидели бы с Валентином в тридцать восьмом. Повоевали бы, он на советской стороне, вы — на британской. Нет — кто мешал в Аргентину отъехать? По тем временам — лучшая страна обеих Америк. Мирная, красивая, Буэнос-Айрес — латиноамериканский Париж, в Мар-дель-плато чудные пляжи. Еще могли втроем, с Александром Ивановичем, я имею в виду, Сталина свергнуть. Вас бы царицей посадили. Неожиданно и эффектно.

Или сорок первого дожждаться, там я с Берестиным почти все под контроль взял. Вы ж сами нас туда и послали. Однако Лихареву вздумалось в Ворошиловске машину времени собирать. Вы ему поручили? После встречи с Шульгиным на Валгалле?

— Я, — не стала спорить Дайяна. — Вы никак не поймете, у нас совершенно разные психологические установки. Я вот считаю: для чего работать, если уже знаешь, чем все кончится? Вы, очевидно, мыслите как-то иначе. А переход в новенькую, никем не трону-

★ тую реальность — великолепные перспективы. Вы, мужчины, — обвела она взглядом всех троих, — объясните, отчего вас так привлекают девственницы? На самом деле опытные женщины гораздо лучше. Рационально — не можете? И я не могу вам передать, сколь необходимо мне заниматься единственным делом, для которого я предназначена, причем в условиях полной непредсказуемости итога. Вот и вся разгадка. Я разыскала вышеупомянутую реальность, послала в нее Валентина, вернулась на Таорэру. База, как видите, здесь сохранилась, часть необходимого оборудования — тоже. И уже успела сделать достаточно много... Увы, не все...

— А разве это — та реальность? — спросила не вымолвившая до сих пор ни слова Ирина. — Я тоже кое-что посчитала, пока вы разглагольствовали. — Она показала свой «портсигар». — Между пятым годом и этим местом просто перемычка. Совсем не здесь находящаяся. Мы по-прежнему на «Главной исторической». Если поедем к форту — увидим. Значит, вы все же нарушили договоренность, решили сломать *наше* время и вновь захватить весь *веер*... Восстановить Базу, снова запустить *инкубаторы*...

Друзья смотрели на Ирину с недоумением, Дайяна — с гораздо более сильным чувством.

— Вы говорили Сильвии, она пересказала мне, я запомнила и задумалась. Случайно у вас, может, вырвалось: «У меня есть несколько юношей и девушек, заканчивающих первоначальную подготовку по программе координаторов...»

Роковая для вас проговорка. Если были «заканчивающие», куда делись — «начинающие»? Аут Цезарь, аут нихиль¹! Учебно-воспитательная зона находилась за пределами Базы, в нулевом времени. Если она уцелела, там человек полтора-двадести должно быть. Приличная гвардия для «второй попытки». Лет пять

¹ Все или ничего! (лат.).

пройдет — все будут готовы к работе. Здесь — пять, у нас — неделя, месяц. И снова вторжение?

«Ох и молодец, Ирка, ох и молодец! — чуть не вскрикнул Новиков. — Молчала, слова никому не сказала, а все продумала. Эффектно сыграла. Знай наших!»

— Так это мы сейчас! — тут же отреагировал он. — Три робота, семь автоматов. Я не помню, Си, мы на вертолете час летели? Километров двести до инкубаторов? Поехали?

— Подождите! — вскочила с места Дайяна. Только сейчас, наконец, достали до ее больного места.

— Подождем, — неожиданно легко согласился Андрей. — Часом раньше, минутой позже... Про ваши идеи мы все поняли. Увы, только сейчас. А я, дурак, дергался, дергался, сообразить не мог, кто же власть в России брать будет! Бандиты, олигархи, генералы? Теперь ясно. Две сотни ваших мальчиков и девочек — здорово. И все с шарами, блоками, гомеостатами? Трудненько б нам с корниловцами и «печенегам» пришлось. Москву в щебенку разнести, обороняясь? Жалко. Уж проще здесь. Но пока вы на месте — ничего не начнется? А то я могу и бомбардировщики вызвать...

— Нет, не начнется. Вы ж все межвременные переходы сожгли. Не думал, что это возможно, — сказал Лихарев.

— Слава богу! И вам лучше, и нам грех на душу не брать. Но посмотреть, какую вы себе гвардию готовите, все равно придется. Глядишь, кого-то еще и перевоспитать можно, — не оставил сомнений в своих намерениях Новиков.

— Теперь последнее нам объясни, Валентин, и будем итог подводить, — предложил Шульгин. — С Татьяной ты что сделал?

— Да ничего страшного, успокойтесь вы. — Все время обращался к Александру на «ты», а тут снова на «вы» перешел, понял, значит, субординацию. — Сто

раз уже повторял. Против вас мы ничего не затевали. Свои здесь разборки, внутренние... Настроил я ее немного, чтобы между князем, Чекменевым и Тархановым агента вне всяких подозрений иметь. А у нее мозги «неправильные». Плохо программу держат. Срыв за срывом.

— Этты ошибочку допустил, — вставил Левашов свое слово. — Не просек, что в другой реальности работаешь. Ты в Россию когда попал? В двадцать втором, в советское уже общество. Шестнадцать лет отдежурил, в сталинских кругах вращаясь. Менталитет усвоил. Под него и программы клепал. Не задумался, почему лейтенант Власьев большевикам не продался, почему Шестаков, стоило Сашке его чуть взбодрить, из ярма выскочил? Белые поручики к стенке спокойно становились, красные маршалы сопли по протоколам размазывали и прощения на суде просили. У Татьяны — личность от века свободного человека, вот и стала программа зависать. Как говорят математики — ошибка в первом знаке!

— Да, она нам подробно рассказала, как ты над ней упражнялся, — подтвердил Новиков. — Сама ничего понять не успела, а факты запомнила. И в окно, заметь, решилась выскочить. Перестарался, братец, нельзя человеку все его воспоминания и комплексы в душу по второму разу валить, да еще и сапогами притаптывать...

Сразу вдруг наступила тишина.

И Андрей замолчал на полуслове, и никто из друзей ничего не добавил. Дайяна с Лихаревым тоже не стали оправдываться или выдвигать условия, как со всем недавно пытались.

Какие условия?

Кейтель, например, понял, в каком положении ока-

зался, только перед столом союзнической делегации в Карлсхорсте¹.

Шульгин, уловив *провисание сюжета*, кивнул стоящему у пустого дверного проема роботу. Тот сдвинул автомат за спину, отщелкнул пряжку полевой сумки, протянул Александру очередную фляжку.

— Ну, победители, проигравшие, за вечный мир или за перемирие?

И первым подал посудину Лихареву.

Тот, не чинясь, глотнул. И так далее по кругу.

Даже Дайяна приложилась, хоть совсем не гармонировал этот солдатский жест с ее одеянием и внешностью.

— Так на чем мы договорились? — спросила она, закурив свой любимый «Ротманс», запасы которого у нее, очевидно, были неисчерпаемы. В тридцать восьмом, как помнила Сильвия, «хозяйка» курила именно его. Судя по лицу и тону агррианки, она вообразила, будто все худшее позади, дальше пойдет цивилизованный разговор «на равных».

— На чем, на чем? — допил, что осталось, Шульгин. — Наворотили вы столько, что по нормальным законам на высшую меру тянет. Однако, поскольку мы все в той или иной мере не совсем нормальные, те законы не про нас. Обезвредить же вас в любом случае необходимо. Для собственного спокойствия. Базу вашу мы, разумеется, взорвем. Как ставку Гитлера «Вольфшанце». Всю пригодную для агрессии аппаратуру изымаем. Воспитанников не тронем. Будут вам помощники в предстоящей жизни. Трудной, но честной. Устроите сельскохозяйственную коммуну имени Антона Мака-

¹ Кейтель, Вильгельм, фельдмаршал, был доставлен в зал военного училища в Карлсхорсте, под Берлином, для подписания акта о безоговорочной капитуляции Германии (в ночь с 8 на 9 мая 1945 г.).

ренко. Необходимую литературу и инвентарь мы вам подвезем...

Землицу пахать станете, с квангами подружитесь... Из «детей», пожалуй, кое-кого мы с собой заберем. Нам надежные кадры тоже нужны. Вон, Ира с Сильвией пионервожатыми будут...

— То есть — хотите нас здесь бросить? — Лихарев изменился в лице, и голос дрогнул. Представил себе перспективу.

— Именно, — согласно кивнул Новиков. — Вполне нормальная практика, бунтовщиков и пиратов на необитаемый остров высаживать. Но вы не расстраивайтесь, мы вас иногда навещать будем, наблюдать за процессом перевоспитания. Айртона из «Таинственного острова» помните? В итоге стал вполне полезным членом общества...

Андрей не был уверен, что известные ему принципы физиогномики применимы к будущей колонистке Таорэры. Не знал достоверно и того, человек она, подобно Ирине и Сильвии, или все же природная аггрианка, по ситуации надевающая на себя нужную личину. Но надменно-красивое лицо ее сейчас демонстрировало тщательно скрываемую внутреннюю борьбу. Изобразить ли смирение перед участью, дать волю переполняющему бешенству, не задумываясь о последствиях, или продолжить уже начатую игру в невозмутимого, продолжающего считать себя равным победителям партнера? Другим это, пожалуй, было незаметно, Новиков же просчитывал (или ощущал интуитивно) весь спектр ее прикрытых ментальными блоками эмоций почти без усилий.

Наконец она сделала выбор.

— А может быть, иначе сделаем? — сказала вдруг Дайяна, поднимаясь с кушетки. Одернула шикарную одежду, посмотрела на своих победителей. Но не сказать, чтобы она выглядела проигравшей. — Зачем нас

здесь бросать? Жестоко это, а главное — вам никакой пользы...

Прошла мимо всех, развернулась и села рядом с Ириной.

— Тебе с ними хорошо, девочка?

Слова прозвучали настолько непринужденно и искренне, что та непроизвольно кивнула.

— И тебе, Сильвия?

Эта дама была покрепче характером. Поджала губы и отвернулась. Иначе — что же ей делать?

Дайяну такой жест не задел и не обидел. Она обратилась к Новикову, с которым в силу не всегда от нее зависящих обстоятельств была знакома лучше всех. Не считая своих коллег, конечно.

— Отчего бы нам не договориться следующим образом? Мы прекращаем всю свою деятельность. Демобилизуемся, если вы предпочитаете военную терминологию. И вы нас с Валентином принимаете в свою компанию. Предположим, с испытательным сроком. С Сильвией и Ириной получилось, а мы чем хуже? Опыт есть, кое-какие способности тоже... Кто его знает, что вас впереди ждет? Попробуем?

Предложение было настолько неожиданным, что растерялись все. Подобный поворот просто не укладывался в круг их представлений о текущей обстановке. Лихарев сам по себе еще так-сяк. С момента встречи в Пятигорске они в общем воспринимали его как равноправного партнера, пробовали даже «дружить домами». Но Дайяна казалась настолько одиозной фигурой, что вообразить ее равноправным членом затруднялся даже весьма толерантный Новиков.

А с другой стороны, не так ли воспринималась и Сильвия? Она, в своем предыдущем качестве, была гораздо более наглядным, непосредственным врагом, нежели парившая в горних высях Дайяна.

И что плохого она сможет сотворить, если ее *принять в коллектив*?

Шульгин почесал в затылке, несколько иным взглядом скользя по ногам, бедрам, прочим статям Верховной координаторши. Впишется, по этим показателям вполне впишется в общество.

Дайяна мгновенно отреагировала, улыбнулась той самой чарующей улыбкой, которой охмуряла Новикова с Берестиным, выхватив их с поля танкового сражения.

Тогда они были напряжены, слегка напуганы быстротой и неожиданностью случившегося, вообще ощущали себя в «логове неведомого врага», женские прелести ими не воспринимались. Сейчас — совсем другое дело. Чего же не поулыбаться?

Олег, вообще падкий на внимание слабого пола, явно готов был, в случае поименного голосования, поднять руку «за».

Андрей искоса посмотрел на Ирину, как она?

Пожалуй, не в восторге. Так она и против приема в «Братство» Сильвии протестовала. Оказалась не права.

А сама леди Спенсер? Безразлично-непроницаемая. Надо будет с ней наедине переговорить. Выслушать квалифицированное мнение.

— М-да, интересная идея, — сказал Новиков сколько можно более иронически. — Впрочем, история знает и не такие альянсы. Спешить нам некуда, подумаем, подискутируем. С одной стороны, так, с другой — совсем иначе. В шею никто не гонит. Стол сейчас прикажу накрыть, пообедать давно пора...

Он вышел из круга, подозвал ближайшего робота, начал объяснять, что именно следует принести из машины, где приготовить и как накрыть. С учетом состава и вкусов компании. А параллельно тестировал сам себя.

Очередная психическая атака? Что и как сумела включить Дайяна или Валентин по ее условному слову или жесту? Какая-то внушающая техника или очередной прием нейропрограммирования? Весьма дейст-

венный, кстати. Ведь все, даже он в какой-то мере, начали поддаваться «обаянию» аггрианки. Задумались. Стали прикидывать: «А почему бы и нет, на самом деле?» Дайяна ведь хорошо их всех изучила, несколько раз испытывала «на изгиб и кручение» и каждый раз делала выводы, совершенствовала методики. Лихарев, и тот кое-как научился у нее работать с людьми, с Татьяной, например. И на Земле целую «пятую колонну» сумел создать. А уж если она в состоянии крайнего стресса на полную мощность свои гипотетические способности включит, можем и не устоять...

Андрей здраво оценивал свои возможности. Он пока держится, именно потому, что заранее настроил себя на противодействие чему-то подобному. И вообще ощущает себя высшей по отношению к «прислужнице Держателей» личностью. Но если это не так? Если Игроки как раз сейчас делают очередной ход, который подразумевает усиление ментального потенциала Дайяны по сравнению с их «кандидатским»?

Да еще Сильвия — не джокер ли она в рукаве? У кого именно, вот вопрос. Чересчур уж равнодушна и отстранена. Ждет, чья возьмет, или ведет свою партию?

Затягивать паузу опасно. Уложившись во время, необходимое для инструктажа робота, Новиков вернулся на свое место.

Сашка как раз в оптимистических тонах перечислял возможные плюсы вхождения в их компанию новых членов, будто сам уже принял окончательное решение. Или вообще сам эту идею и предложил. Получалось убедительно.

«Адвокатом дьявола» он любил выступать часто, в самых неожиданных ситуациях, но сейчас Андрею показалось, что он перешел некую допустимую границу. И, главное, под пристальными взглядами Дайяны, Лихарева и Сильвии ни одним из принятых между ними знаков нельзя обменяться, чтобы не спугнуть против-

ника. Ибо, если они поймут, что Новиков почувствовал угрозу, могут обострить партию так, что на контрход времени не останется. Даже на самый примитивный, доской по голове.

Не вышло, получается, стреляя пробками в потолок, бравурно спеть «Так громче, музыка, играй победу! Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит!!!»? Или по-прежнему еще не вечер?»

Самому же неожиданно ярко представилась картинка, будто спроецированная ему в сознание со стороны.

Кают-компания яхты «Призрак». Длинный, накрытый для обеда или ужина стол. Кресла, диваны, стойка бара у левого борта. Опаловый океан за настежь распахнутыми дверями кормового балкона.

Какой там век снаружи — кто его знает...

А внутри — веселящееся общество в полном составе. Разодетые дамы, мужчины в белой тропической судовой форме. И Дайяна там же. Похожа и непохожа. Моложе, стройнее, естественнее, проще...

Новиков потряс головой. Ишь, как старается, лично для него картинку сконструировала. И тут же сообразил, что нет. Это — от Шульгина ментальный посыл.

«Соглашайся, мол, старик! Серьезных дел в ближайшее время не предвидится, хоть так повеселимся. А я с двадцать первого (*шестьдесят четвертого настоящего*, со школьных лет то есть) собираюсь, собираюсь на «Призраке» со вкусом поплавать, да все никак...»

Андрей сделал вид, что сигнал не принял. Неужто и Сашка *поплыл*? Не вовремя.

— Но мы ведь, госпожа Дайяна, не рассмотрели и другие варианты? — безмятежно начал он с видом человека, который с нетерпением ждет именно обеда и всего к нему полагающегося, а говорит пока так, чтобы время занять. — Вам с нами наверняка будет очень скучно. Разве вы умеете ощущать себя на вторых, а то и на третьих ролях? А в нашей компании случится именно так и не иначе. В обозримом будущем... —

сказано было не директивно, а с некоторым как бы сожалением умудренного жизнью человека.

Да и поле для созидательной деятельности теперь, когда все кончилось, вряд ли найдется. Жаль, что Ильф с Петровым не успели описать, получилось ли у Остапа переквалифицироваться в управдомы. А это наверняка была бы очень грустная история... Может быть, вам лучше возвратиться в тридцать восьмой? Попробуйте еще раз, *последние аггрианцы*...

Эту словесную конструкцию Андрей произнес с каким-то издевательским удовольствием.

Дайяна ответила немедленно, вновь встав с сиденья, неуловимым, но тщательно отработанным движением приоткрыв, исключительно для мужчин, разрез своего сари. Взглянула победительно и свысока.

— О чем вы, Андрей? Зачем нам туда? Ничего интересного я для себя в предвоенных годах не вижу. Особенно, если знаешь, что и как произойдет дальше. Это скучно, согласитесь. Проживать жизнь, про которую всем известно? В книгах написано, да и вообще — она ведь прошла? Не хочу.

— Вариант второй, — отозвался Левашов, которого волна внушения ожидаемым образом не коснулась. Олег непременно обиделся бы, упомяни кто о его «эмоциональной тупости». Но в данном случае именно это свойство — слабая восприимчивость к постороннему воздействию сыграла нужную роль. — Оставайтесь в «ноль пятой реальности». Все ваши особняки, денежные средства, связи с сильными «мира того» при вас так и будут. Живите и радуйтесь. Только гомеостаты мы у вас отнимем, естественно. Раз в неделю сможете заходить в «комендатуру», условно говоря, получать очередную порцию здоровья при безупречном поведении...

Новиков безмолвно восхитился к месту сказанным словам. Инженер, а как удачно вставил. Чтобы вывести противника из душевного равновесия — самое то.

Краем глаза посмотрел на Шульгина. Остальные

его сейчас не интересовали. Сашка в порядке ли? Или уже попался?

Пока ничего тревожащего в поведении друга не просматривалось. Хорошо.

Лихарев, вообразив, что и ему позволено говорить на равных, принял вольную позу. Сказал с некоторой развязностью, покусывая, тем не менее, от нервности нижнюю губу:

— Андрей Дмитриевич, вы напрасно так себя ведете. Лучше бы и вправду по-хорошему договориться...

— Так, а я о чем? — выразил полное согласие Новиков, чувствуя при этом, что не только язык, но и мысли начинают вязнуть, словно в густом киселе. Не одна Дайяна, наверное, но и вся система Базы накрывала их тяжелым пологом собственной ауры. А чего другого вы хотели, господа? Что будете блистать в мирах белыми кителями, золотыми погонами и чистой совестью? Не получится. За все нужно платить. И сейчас — заплатите! Только не кисель на вас пролился, а гигантский паук начал запутывать своей липкой паутиной. Не зря Андрей всю жизнь испытывал омерзение при виде восьминогих...

Он повернул голову в сторону Ирины. Уж она-то не должна поддаться! Всего-то три минуты продержаться, а там...

— Госпожа, мы согласны. На самом деле, если вы присоединитесь к нам, чего еще желать? Я признаю, ошибки были. Но я не все понимала, не до конца... — Ирина попыталась встать, упала на одно колено, левой рукой схватила себя за горло, а правой потянулась к Дайяне, словно за помощью.

Ну да, теперь и самому самая пора поднять ручки.

А Сашка?

Смотрит с нездоровым любопытством. Это плохо.

Олег?

Недоумевают, не снимая пальца со спускового крючка, но пока якобы нейтрален. Это хорошо.

А Сильвия? Вот кому немедленно вмешаться! На той или другой стороне.

Но вопреки всему происходящему, леди Си, с болтающимся на шее автоматом, отвернулась и сделала несколько шагов в сторону. От арены происходящего.

«Не думать о белой обезьяне! Ни за что не думать о белой обезьяне! — повторял в уме Новиков. — А почему бы именно о ней и не подумать, только о ней?!»

— Так что, господин Новиков, пойдем на природу, там шашлычки пожарим? — спросил Валентин, вставая с чувством собственного достоинства. — А что ваши слуги принесут, добавим к нашему...

— Да уж придется... — Андрей отбросил автомат, как совершенно ненужный, даже неприятный ему предмет. Никогда он так не поступал с оружием. А сейчас пришлось. «Не думай о белой обезьяне!»

Левашов посмотрел на Новикова с легким сомнением, но повторил его жест. И Сашка тоже.

Теперь они были безоружны, заодно и веселы, только что слюни не начали пускать. В предвкушении обещанных Лихаревым шашлыков.

Дайяна выглядела победительно. Как статуя Афины Паллады с копьем и щитом. Выиграла! Без стрельбы, без драки. Совсем не то, что было раньше, когда Андрей возил ее лицом по грязи и скручивал руки морским шестипрядным линем.

«Не думать о белой обезьяне!»

В зал наконец вошли Иван Иванович и второй из роботов, который раньше именовался Джо. В руках они несли дорожные погребцы с бутылками вина и виски, консервированными и охлажденными деликатесами.

— Так пойдемте, Валентин Валентинович? — не скрывая подобострастия, осведомился Новиков, только что не кланяясь в пояс. — Покушаем и вас послушаем...

Что-то в голосе Андрея насторожило Лихарева, в то

★ время как Дайяна, почти не обращая внимания на происходящее, манила к себе ладонью Сильвию. Единственную, кто не поддался психическому удару.

«Только бы не...» — успел подумать Новиков.

Первый робот, отшвырнув свою ношу, ударил локтем Лихарева между лопаток, подсек ногой под колени и мгновенно защелкнул на его заломленных руках стальные браслеты. Второй совершил то же самое с Дайяной. Только бил ребром ладони по сонной артерии. Для обычного человека — насмерть. Агтрианке, если не снять с нее гомеостата, на пять минут глубокой комы.

Новиков, тяжело дыша и вытирая со лба только что выступивший обильный пот, сел на табурет.

Дрожащей рукой указал Левашову на торчащее из погребца бутылочное горлышко. Сделал несколько длинных глотков, только на пятом или шестом почувствовав пятидесятиградусную крепость старого виски.

Пощупал карманы, нашел в нагрудном мятую пачку сигарет. После третьей судорожной затяжки повернулся к Олегу, выпуская дым и вымученно улыбаясь:

— Ты как?

— А что? — не понял Левашов. — Зачем так вдруг и грубо? Сидели, разговаривали...

— Починяли примус, — жуткое напряжение про rvalось у Андрея едва ли не истерическим смехом. Еще одной затяжкой он спалил сигарету до фильтра. Жаль, что не «Прима», а американская безникотиновая дешевка.

— Ничего не было? — спросил на всякий случай, заведомо понимая, что желаемого ответа не получит.

— Ничего заслуживающего, — ответил Олег с подходящим предыдущему настроению лицом.

— Вольно! — Новиков бросил командное слово, как бы специально стараясь обидеть товарища. А что ему оставалось? Он, считай, с гранатой кидался под танки, а они в это время бабочек ловили.

А вот и Шульгин нарисовался рядом.

— Что, Саша, по морям с девочками поплывем или как?

Андрею сейчас хотелось материться, хлестать словами наотмашь всех, а то и руками, если б... Ну, понятно, что нельзя, а хорошо бы...

— Тихо, брат, тихо. Не наша вина. Не смогли... — Шульгин положил Новикову руку на плечо. — Я все понимал, а сил не было. Как ты удержался?..

— Аналогичным образом! — Он стряхнул руку товарища. Погано было на душе. Ох, как погано. И на Ирину не хотелось смотреть, хотя и ясно — она тоже ни в чем не виновата. Но ее поза, ее жесты...

Вот Сильвия — человек!

— Леди Си, — спросил он, взяв ее за руку, — ты до конца сохраняла выдержку?

— Нет, — ответила Сильвия, — я просто ждала, кто из вас победит.

— А потом?

— Я думаю, мой ответ тебе не нужен...

— И это правильно, как говорил царь Соломон. — Новиков подошел к кушетке Дайяны, по дороге отшвырнув мягкий табурет. — Иван Иванович, я долго буду ждать обеда? — обратился он к роботу, исполнившему первое задание и готовому ко всем последующим.

«Плохо мне, совсем плохо, — Новиков чувствовал, как его трясет. — Перед друзьями извиниться нужно, и вообще... Никакой гомеостат сейчас не поможет».

Конечно, гомеостат не помог бы, тем более что на руке Андрея его и не было. А виски еще оставалось, манило опаловым блеском в бутылке.

— Но нет, такая терапия мне не нужна, — сказал он вслух, поднимаясь. — Ребята, вы тут сами осмотритесь, а я бы поспал...

— С этими что будем делать? — спросил Шульгин, указывая на тела аггриан.

— Да то, что и собрались. Отвезти на их «ферму» и бросить. Выживут...

Он нисколько не ошибался. Дайяна пришла в себя даже быстрее, чем предполагалось. Невзирая на скованные за спиной «строгими» браслетами руки, перевернулась на спину, потом, изогнувшись, села.

— Опять победили, да? — спросила она, глядя только на Новикова, как панночка на Хому Брута. — Что ж, попытайтесь жить по-своему, может получиться очень интересно. В любом случае, скучать вам еще долго не придется. А вы этого, кажется, всерьез начали бояться?

Новиков только начал думать, стоит ей отвечать или нет, как вперед шагнула Ирина. Никогда Андрей не видел у нее такого лица, с побелевшими губами и закаменевшими скулами. Казалось, она сейчас ударит бывшую начальницу десантным ботинком. В лицо или под ребра. И кто бы ее осудил? В любом случае не те, кто знал, как и с чего все начиналось. Тогда, тогда, очень давно.

Однако до этого Ирина не унизилась. Просто стояла, глядя Дайяне в глаза. И сказала тихим, хотя и подрагивавшим голосом:

— Мы-то проживем. Поживем. А как ты сумеешь — лично мне будет очень интересно...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	43
Глава 4	65
Глава 5	73
Глава 6	87
Глава 7	109
Глава 8	127
Глава 9	143
Глава 10	172
Глава 11	184
Глава 12	195
Глава 13	214
Глава 14	222
Глава 15	232
Глава 16	252
Глава 17	260
Глава 18	282
Глава 19	309
Глава 20	320
Глава 21	344
Глава 22	362
Глава 23	379
Глава 24	393
Глава 25	407
Глава 26	434
Глава 27	445

Литературно-художественное издание

Звягинцев Василий Дмитриевич

ХЛОПОК ОДНОЙ ЛАДОНЫЮ

Книга вторая

БИТВА ПРИ РАГНАРАДИ

Ответственный редактор *В. Мельник*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Художник *П. Трофимов*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Г. Клочкова*
Корректор *Е. Самолетова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Подписано в печать 28.09.2006. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «Балтика». Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 30 100 экз. Заказ № 4883.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

СЕРИЯ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Прими участие
в космических войнах!

Лучшие фантастические боевики
современных отечественных
фантастов!

ТАКЖЕ В СЕРИИ В 2006 ГОДУ:

АЛЕКС ОРЛОВ «Штурм базы», «Испытание огнем», «Дорога в Амбейр», «Застывший огонь» и другие книги непревзойденного мастера фантастического боевика.

ЕВГЕНИЙ ГАРКУШЕВ, АНДРЕЙ ЕГОРОВ «Космический капкан»

ЕВГЕНИЙ ГУЛЯКОВСКИЙ «Сезон туманов», «Меч Прометея», «Часовые вселенной», «Игры шестого круга», «Затерянные среди звезд»

АЛЕКСАНДР ДИХНОВ «Три луны Кертории», «Один мертвый керторианец»

ОЛЕГ МАКУШКИН «Кристаллическая решетка»

ЮРИЙ НЕСТЕРЕНКО «Пилот с границы»

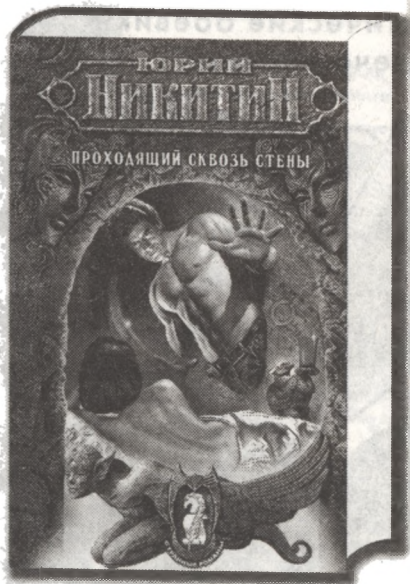
ЮРИИ НИКИТИН

**НОВЫЙ РОМАН
от автора легендарного цикла
«ТРОЕ ИЗ ЛЕСА»!**

ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ СТЕНЫ

www.nikitin.wm.ru

www.eksmo.ru

Он старательно качался в спортзале, потреблял препараты, наращивая мускулы, как все мы, питался модифицированными продуктами. И однажды ощутил, что рука погружается в бетонную стену, словно в мягкую глину...

Также в 2006 году вышли новые романы мастера:

**«Трансчеловек», «Последняя крепость»,
«Возвращение Томаса»**

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ХЛОПОК ОДНОЙ ЛАДОНЫЮ

Они наконец сошлись – люди разных времен и реальностей, но одинаково любящие свое Отечество: Андрей Новиков, Александр Шульгин, их друзья из «Андреевского братства», офицеры Вадим Ляхов и Сергей Тарханов. В одном строю, на поле боя. Потому что поодиночке им теперь никак нельзя. Угроза уничтожения мира, в котором они живут, перешла из категории философской в категорию военную. И задача теперь ставится так: выстоять, отразить агрессию, выявить и уничтожить врага. До полной и окончательной победы...

